

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

09

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решаема каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища – своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-диск с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Желательно набирать текст шрифтом Times New Roman Ctr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2009 — 3(16)

СОДЕРЖАНИЕ

К АВТОРАМ ЖУРНАЛА.....	3	
РОМАН		
Тамара Булевич. Исцеление тайгой.....	7	
Валерий Богушев. Путешествие в несбывшееся.....	19	
Алексей Яшин. Любовь новоюрского периода.....	29	
ПРОЗА: РАССКАЗЫ		
Анна Лео. Катализатор.....	51	
Геннадий Маркин. Стая.....	67	
Валентин Ставицкий. Перст судьбы.....	72	
Екатерина Абрамычева. Пучок травы степной.....	76	
Ирина Дезире. Ночь пылающих звезд.....	80	
Александр Хадарцев. Рассказы.....	92	
Владимир Сапожников. Остров на реке.....	97	
ПОЭЗИЯ		
Александр Ананичев. <i>Personalia</i>	104	
Валерий Савостьянов. <i>Personalia</i>	109	
Чжао Хуань. Весна.....	118	
Владимир Резцов. Переводы.....	121	
Наталья Квасникова. Дуэль.....	125	
Александр Новгородский. Баллада о тишине.....	130	
Николай Боев. Судьба поэта.....	136	
Ирина Самоцветова. Я не задумывалась раньше.....	140	
Валентина Никитина. Память помнит луг зеленый.....	143	
К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА		
Виктор Греков. ...Был эхом русского народа.....	145	
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОРОДОВ РОССИИ		
Сергиево-Посадское литобъединение «Свиток»: Тамара Александрова, Любовь Бакулина, Александр Голубев, Лидия Дикулова, Ольга Киселева, Светлана Кузьмина, Иван Муравьев, Любовь Лукашина, Вера Евдокимова, Галина Ключникова, Нина Козлова.....		151

ГОРОД ПЛАВСК И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ	
От редакции	170
Ирина Пархоменко. Без родины нет человека.....	171
Виктор Гусак. Встану в утро раннее	182
Алексей Корнеев. Наусенцы, или мотай себе на ус.....	184
ЮБИЛЕИ ТУЛЬСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ	
Николай Струна. Наш «загребной» (К 80-летию Николая Николаевича Минакова).....	189
Виктор Пахомов. Пером и кистью (К 75-летию Александра Евгеньевича Новгородского).....	191
Константин Струков. Вершина еще впереди (К 60-летию Валерия Савостьянова).....	196
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Борис Кобринский. Поэтические образы и революции: призывы и пророчества.....	199
Марк Дубинский. Операция «Скунс».....	209
Регина Орлова. Ничто на Земле не случайно (Рецензия на книгу Леонида Ханбекова «Тулский энциклопедист»).....	211
МЕМУАРЫ	
Николай Макаров. Рядом с космическими полетами.....	217
ПОЛИТЗАНЯТИЯ	
Джульетто Кьеза. Куда девать квадриллион деривативов?.....	225
Алексей Третьяков. Глобализация как ноосферный процесс.....	228
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	243

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
Адрес: 300025, Тула, а/я 920, А. А. Яшину; e-mail: priok.zori@yahoo.com; тел.: (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
Валерий КРУЧИНИН (Сокольники)
Валерий КСЕНОФОНТОВ
Валерий МАСЛОВ
Николай МИНАКОВ — зам. главного редактора
Владимир МИРНЕВ (Москва), президент
Академии российской литературы
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)
Наталья ПАРЫГИНА
Владимир РЕЗЦОВ — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор
Литинститута им. А. М. Горького по Высшим
литературным курсам
Константин СТРУКОВ — отв. секретарь
Александр ХАДАРЦЕВ
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент
Академии российской литературы
Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Подъем» (г. Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Тулский литератор»

Журнал издается попечительством и финансированием Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Тульской писательской организации СП России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте интернета: www.medtsu.tula.ru (в PDF формате)

© «Приокские зори», 2009

К АВТОРАМ ЖУРНАЛА

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»!

Да-да, мы не оговорились: именно авторы, настоящие и потенциальные, а не «читатели и авторы», как редколлегия обычно обращается в начале каждого номера журнала уже пятый год. Хотя и сейчас мы могли бы многое сказать нашим уважаемым читателям: шестнадцатый по счету выпуск журнала, заметьте, строго регулярного, — чем не микроюбилей? И что уже второй выпуск выходит с указанием на госрегистрацию нашего издания; названы первые лауреаты учрежденной журналом всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова; собственно «Приокские зори» де-факто становятся всероссийским журналом — на это указывает «авторская география» и является принципиальной установкой редколлегии, издателя и учредителя. Появились новые рубрики. Многое есть что сказать читателям, но насущная необходимость заставляет, как частично и в соответствующей рубрике предыдущего номера, обращаться именно к авторам и по такому чисто «техническому» вопросу, как... оформление своих материалов, представляемых в редакцию «ПЗ» для (возможного) опубликования.

Как это ни парадоксально, но создается устойчивое впечатление: наши авторы, в большинстве своем, журнал... не читают (?!). С одной стороны, это, в общем-то, понятно; как говорил классик: «Писатель пописывает, читатель почитывает». Разделение труда, так сказать. Опять же по классику политэкономии. Иначе чем объяснить, что авторы, как правило, не знакомы с содержанием 4-й страницы обложки, идентичной уже пятый год, а именно: об оформлении материалов для журнала. Увы, даже отдельные члены редколлегии.

«Мелочь какая!» — скажет вольнолюбивый автор, коему в высоком полете творческой мысли недосуг читать какие-то «инструкции по оформлению». Не мелочь, ответим мы, ибо, во-первых, по нынешней российско-литературной бедности мы не имеем технической редакции; во-вторых, со времен первых русских журналов — «Почты духов» Крылова и «Современника» Пушкина — существует двухвековая традиция, культура оформления представляемых материалов. А если допустить, что авторы все же читают журнал, в том числе и 4-ю страницу? Тогда уж совсем некорректные подозрения возникают. Поэтому надеемся, что исключением является случай, когда к главному редактору «ПЗ» целый год ходил несостоявшийся автор журнала, член Союза писателей, более того — бодрого среднего возраста, пардон, не поэт; дважды извиняем — не девушка-женщина, то есть литератор с поставленной логикой мышления. И никак он не мог понять: что от него требуется? Отчаялся и больше не ходит. Надеемся, конечно, что исключение...

Скорее всего провинциальный снобизм. Ведь тем же самым поэтам и писателям (это по-белорусски, для колорита) и в голову не придет слать материалы в «Наши современник», «Новый мир»... по электронной почте, в виде нечитаемой дискеты без распечатки, без своих фото и творческой справки, где это требуется. А для «мелкопоместных» «Зорь», мол, на тебе, убожсе, что нам не гоже. Дескать, правила оформления надо соблюдать только для серьезных изданий типа поэтического альманаха литкружка при ЖЭК'е № 15!

Однако — не будем язвить, хотя и по делу, и перейдем к серьезному. Теперь редакция будет принимать материалы, только полностью соответствующие

правилам. Главное, просьба учесть: журнал уже приобрел всероссийскую популярность, в том числе и у авторов. Мы постоянно имеем в запасе редакционного портфеля материалов на 3—4 номера. Выбирать есть из чего; понятно, прежде всего художественные достоинства принимаются во внимание, но при прочих равных условиях предпочтение отдается правильно оформленным предложениям.

Автор присылает по обычной, «бумажной», как сейчас говорят, почте полный комплект предлагаемых к опубликованию материалов (электронная почта rgiok.zori@yahoo.com используется только для оперативной информации); досыл материалов, как-то: фото, творческая справка и пр.— также только по «бумажной» почте. Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. (для телефонных сообщений: (4872) 35-06-73). Тульские авторы, при желании, могут передавать материалы лично: через Тульскую писательскую организацию СП России (тел.: (4872) 56-69-01), или через ответственного секретаря редакции. Дорогу, надеемся, найдут. Но — лучше по почте.

Комплект материалов состоит из текста произведения, творческой справки и фото автора. Все это идентично в электронной форме на CD (не на дискете! — Они в самый ответственный момент могут не прочтаться), плюс 2 экз. распечатки. Композиция первой страницы должна соответствовать принятой в журнале: имя и фамилия автора (под ними обязательно указать место проживания), ниже название произведения, справа — вмонтированное ч/б фото, далее биографическая справка до 8—10 строк, набранная петитом, курсивом, а затем основной текст, набранный шрифтом 14 через 1,5 (компьютерных) интервала. То есть оформляя материал, посмотрите внимательно как это сделано в «ПЗ» (исключая другие размеры шрифта верстки — но не возражайте и самим сверстать так же...); если такового у вас нет — посмотрите в Интернете на сайте www.medtsu.tula.ru.

Обязательно перед отправкой проверьте правильность записи и читаемость (открываемость) CD. Каждый экземпляр распечатки соединяется канцелярской скрепкой (не степлером!) и укладывается в отдельную пластиковую папку. Чтобы при пересылке не попортить CD, укладывайте его в жесткий футляр из оргстекла (стандартный), а всю бандероль прокладывайте плотным картоном. Высылайте отправление заказной (не ценной!) бандеролью.

Просьба обратить особое внимание: старайтесь высылать один материал: или рассказ (цикл рассказов), или подборку стихов, или главу (главы) романа, повести, или очерк и так далее. То есть материал, который предполагается к напечатанию в одном номере журнала, в одном его разделе и как единое. В случае же высылки нескольких материалов каждый из них оформляется отдельно (см. выше) на отдельном CD и пр.

Убедительная просьба: не присылать материалы «на выбор» — как уже говорилось выше, выбирать некому: технической редакции нет, члены редколлегии — люди занятые, местные письменники — люди благодущные. То есть не шлите ПСС стихов или прозы, трехтомные поэмы и сборники рассказов и т.п. Направляйте только то, что считаете необходимым — для вас и возможным — для редакции опубликовать. Придерживайтесь, пожалуйста, следующих объемов ($\pm 10\%$) предлагаемых материалов: проза, рассказ(ы) — 10...12 страниц; поэзия — 3...4 страницы; публицистика, литературоведение, литературная критика — 8...10 страниц; рецензия — до 5 страниц. Имеются в виду стандартные страницы: шрифт 14 через 1,5 интервала. Повести и другие цельные материалы публикуются полностью при объеме до 30...35 страниц; главы романов и повестей — до 25...30 страниц. Публикация более объемных материалов, в том числе в двух, последовательно выходящих, номерах, по согласованию с редакцией. По предложению редакции или автора могут публиковаться стихотворные подборки «Personalia» — до 10...12 страниц. При предложении глав романа или повести необходимо предпослать основному тексту фабульное изложение содержания всего романа, повести — до 0,5 страницы петитом, курсивом.

В журнале публикуются, по-преимуществу, новые произведения, желательнее ранее не печатавшиеся или опубликованные в малотиражных альманахах, сборниках и авторских книгах. Исключения — для рубрик антологии прозы и поэзии; здесь не важен факт более ранней публикации в изданиях любого типа.

Обращаем внимание начинающих авторов, особенно поэтов: при подготовке своих предложений для «ПЗ», пожалуйста, сопоставьте свои творческие возможности с общим уровнем публикаций в журнале. Целесообразно апробировать и «укреплять» свое перо в коллективных сборниках и альманахах различных литобъединений и творческих союзов; сейчас они издаются очень часто.

Весьма актуальным остается вопрос о стилистике и грамотности, особенно синтаксисе и пунктуации, направляемых в журнал произведений. Понятно, что они «проходят» в редакции через руки литредактора и корректора, но — все же человек пишущий должен стремиться знать грамоте. А не дается она — попросите более сведущих родственников, друзей, знакомых вычитать. В конце концов, вы же не бюрократическую отписку нам шлете, а свое, кровное, умом и душой выплеснутое. О нем же как не позаботиться? Потом ведь встречают по одежке... И еще: как давно уже стало традицией в отечественной литературной периодике, редакция оставляет за собой стилистическую и грамматическую правку, сокращения текста и пр., не согласовывая их с авторами. Это обычная практика, а мы вас не обидим.

Обращаем ваше внимание на следующие фразы из редакционных правил, помещаемых на второй странице каждого номера: «Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении... Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены... Журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети». Вроде бы здесь все понятно. Про гонорары в наше динамичное время смелых экономических реформ и говорить как-то смешно, но многие авторы интересуются относительно авторских экземпляров. Доводим до вашего сведения: никогда в отечественной практике издания журналов, даже в «золотые» 60—70-е годы, авторские экземпляры не предусматривались; они наличествовали только в книгоиздании. Сейчас же, учитывая скромные тиражи журналов (даже для ведущих всероссийских изданий они составляет 1000...2000 экз.!?), об этом и речь идти не может. Со временем, надеемся, наши «Приокские зори» появятся в подписном каталоге «Роспечати», ориентировочно мы это планируем с 2011-го года, но пока почти весь тираж распространяется в библиотечной сети Тулы, Тульской области, многих городов России. И потом, журнал ведь издается для читателей, автор и так хорошо знает содержание своего произведения! Наконец, он всегда может ознакомиться с вышедшими номерами в Интернете (см. выше). Надо четко понимать: экземпляр, осевший на книжной полке автора — это несколько читателей, не ознакомившихся с его личным произведением в библиотеке.

Понятно, что если автор помогает тем или иным образом редакции, например, библиотечному распространению журнала, другими видами помощи, то он может претендовать и на условно авторские экземпляры.

В заключение настоящих, комментированных правил подготовки рукописей в «Приокские зори» остановимся на более общих вопросах. Во-первых, это касается тематических номеров; обычно таких набирается один-два за год издания. Мы стараемся не пропускать ни одной, существенной для русской литературы даты. О них знает и каждый автор из числа следящих за современным литературным процессом, например, читающий «Литературную газету» и «Российский писатель». Но, посылая в «ПЗ» юбилейные материалы, помните, что это следует делать за 4—5 месяцев до выхода тематического номера, ибо журнал, особенно ежеквартальный, не газета, и цепочка от формирования состава номера до его издания как раз и укладывается в названный срок. Например, первый номер за 2010-й год будет «чеховским». Имейте это в виду: ждем материалы, так или иначе связанные с А. П. Чеховым, его 150-летием.

Во-вторых,— связанное с учрежденной редколлегией журнала всероссийской литературной премией «Левша» им. Н. С. Лескова. В предыдущем номере были объявлены первые лауреаты; кстати, об этом же сообщили «Литературная газета», «Российский писатель», «Московский Парнас», тульские периодические издания. Условия присуждения премии публикуются в каждом номере журнала в рубрике «Хроника литературной жизни». В частности, фамилии номинантов определяются с учетом мнений читателей и авторов журнала. Поэтому просьба к тем и другим: в течение календарного года, по мере выхода номеров «ПЗ», в письменном виде на имя главного редактора (см. выше) высказывайте свои предложения.

...Как опять же мы с некоторым недоумением обнаружили: эту рубрику, обычно в любых других изданиях, где она имеется, самую читаемую, авторы журнала «Приокские зори», в том числе и некоторые члены редколлегии (самокритично отметим), как они сами порой говорят: «пропустили», или «не обратили внимания». А потом возникают заинтересованные вопросы: откуда взялись имена лауреатов?

Да-а, чудес сейчас полон наш мир: чем-то иным заняты головы наших уважаемых авторов.

С «необращением внимание» на содержание рубрики «Хроника литературной жизни» мы объясняем и слабое пополнение «Библиотеки журнала «Приокские зори», введенной нами два года тому назад, в рамках которой уже изданы полтора десятка авторских книг и коллективных сборников. Данный институт также традиционен для отечественной журнальной периодики; вспомните знаменитые библиотеки журналов «Нива», «Огонек», «Дружба народов» и пр. Сейчас такую библиотеку реализует дружественный «ПЗ» альманах (де-факто ежемесячный журнал) «Московский Парнас».

Сам автор, издающий свою книгу под логотипом «Библиотеки журнала «Приокские зори», имеет массу пользы: это уже не практикуемый ныне «самиздат» — в смысле нашел денег и издал сам; такие книги (и только такие! — Это принципиальная позиция редколлегии) обязательно рецензируются на страницах журнала; наконец, автор может опубликовать в «ПЗ» материалы (отрывки, главы, рассказы) из изданной книги.

Но — мы наблюдаем некую настороженность со ссылкой на «необращение внимания»; не спешат наши письменники, особенно тульские, в «Библиотеку», несмотря на все, названные выше, преимущества для авторов «Библиотеки». Отчего так? И действительно ли «не обратили внимание» (даже члены редколлегии, даже заместители главного редактора?!), а? Вряд ли. Скорее всего, здесь дело в сочетании двух моментов: характерная для нашего времени всеобщая подозрительность и недоверчивость и присущее, прежде всего провинциальным литераторам, опасение, вытекающее из несколько повышенного самомнения (здесь ничего обидного нет; все это легко объясняют гуманитарная психология и житейская логика...) по типу: а не потеряю ли я толику своей литературной индивидуальности — с а м о с т н о с т и, как наиболее грамотные говорят, если «подведу» свою гениальную эпопею «Персиковой ветви наслаждение» (в 5-ти тт.) под логотип несколько сомнительной «Библиотеки»?

Юмор юмором, но когда главный редактор объясняет пользу для авторов «Библиотеки» на собраниях Тульской писательской организации, то почти полусотня членов ее угрюмо молчит...

Уважаемые авторы! Итак, мы уже лишили одного из вас возможности опубликовать в этом номере журнала короткий рассказ или небольшую стихотворную подборку, заняв равновеликую площадь страниц этими нудными растолковываниями вообще-то очевидных истин. Но — реальные наши заботы о журнале заставляют. Надеемся, что больше к этой теме мы возвращаться не будем.

Прочти и перескажи коллеге-литератору!

Редакция журнала «Приокские зори»

РОМАН

Тамара Булевич
(г. Красноярск)

ИСЦЕЛЕНИЕ ТАЙГОЙ
(Главы из романа)

Булевич Тамара Анатольевна родилась в Казахстане в казачьей станице Преногорьковской. Писатель, поэтесса, член Творческого клуба «Московский Парнас», член Международного Союза писателей «Новый Современник». Живет в г. Красноярске. О ее творчестве см. очерк Л. В. Ханбекова в т. 4 его «Собрании сочинений (критика)». — М.: «Московский Парнас», 2009.

Редкий прискальный лес полнился сизой мглой, когда Егор Демин, давя литыми сапогами тяжелые, скользкие ветки, с полудня наломанные вздорным ветром, не торопясь, шел своей тропой к стойбищу байкитского друга Михаила Монго. «Да, батюшка ветрило, покуролесил ты здесь вволюшку, поиграл силой немереной. Ишь, сухача да веток навалил! А все под ноги мне метил! Скачу вот через твои заломы козликком», — ворчливо думалось Егору, то и дело расчищающему себе путь.

Но, несмотря на оставшиеся позади длинные пешие версты по бездорожью, он чувствовал себя лучше, чем дома.

Разрывающая сердце боль притупилась, стихла. Исчезли тяжесть и жгучая горечь. Так происходило с ним всякий раз, в полном отчаянии уходящим от навалившихся бед в тайгу. Но события вчерашнего дня не давали душе покоя, и он возвращался к ним вновь и вновь.

«Повадилась Мария в дом алкашек водить, этих ненавистных мне синюшных куриц. Запели хором: дай на бутылку, дай! Из дома-то тащить нечего, все пропито до последней тряпки. Остались ухват да железна кровать — никому не гожие. Дожился, документы все с собой ношу. Который уж год в одном костюме хожу. Не потому, что купить не на что: уволокет тут же, продаст за шкалик. Тряпья-то в магазине полно, а без бумажки у нас человек — никто. Вышвырнул их, пьянь такую, вместе с Марией за ворота и ушел на работу. Хоть и в отпуске, да печи к себе потянули. Дело есть».

Двойное чувство переполняло Демина после разговора с Задушным. С одной стороны, было даже отрадно, что высказал Валерьяну Модестовичу давно наболевшее, с другой — понимал, — такая «беседа» с первым секретарем бесследно для него не пройдет: остался в зиму без работы, а может быть, и еще хуже...

«Вот, чертяка, лезет и лезет в голову. Леса из-за него не вижу».

Повсюду весело гомонили птицы. Уставшие от непогоды, они солидно расселись

на сухостое, молодом ельнике, чистили перышки и мирно переговаривались между собою, не замечая любопытных Егоровых глаз. Им было не до Егора.

В нише скалы на остром выступе примостился мелкий соколок-пустельга. Намокший и отяжелевший длинный хвост тянул его с карниза вниз. Но сокол только глубже вонзал черные когти в слоистый известняк. При этом часто смешно тряся на одном месте, растопыривал пеструю перьевую шубку, приподнимал крылья и звонко кли-кли-кликал.

Егор остановился и беспрепятственно разглядывал рыже-бурого трясуна. Приподнявшись на цыпочки, он легонько дотронулся до него вытянутой вверх рукой, но птица не обращала на прохожего путника никакого внимания, занимаясь своим неотложным делом.

«Голосом-то схож с чеглоком. Только у пустельги покрик повыше, позабористей».

Словно урезонивая горделивого соколка, на ближней сосне отозвалась спокойной, мелодичной песенкой парочка белых куропаток: «керр... эр-эр-эрр». Они беззаботно раскачивались на ветках в трех метрах от Егора, и ему были видны их бруснично-красные, вздрагивающие при пении брови.

До стойбища оставалось не более пятисот шагов. Сотни раз хоженую тропу Егор знал настолько, что мог пройти по ней с завязанными глазами: дальше она спустится к плоскогорью, лес уплотнится, плавно переходя в темнохвойный кедровник. Не удержался и быстро пошел вглубь его, надеясь срезать к столу несколько рыжиков, но больно встрепенулось сердце, и он присел на пенек.

«Нет, надо хоть самому перед собой выговориться. Может, полегчает, а то ишь как расхотелось мое сердчишко из-за проклятого Задушного. Внутренняя дрожь морщит мне нутро, как начинаю об нем думать».

Демин сорвал у пня сочные веточки брусничника и стал мять их дрожащими пальцами.

«Принесла ж его нечистая именно в тот час — на ловца и зверь бежит. Какое было ему дело до раствора? Сколько требуется, столько и замешу. Своды в печках кое-где подмазать. Вот и взял в гараже старый горшок из-под цветов, приготовленный уборщицей на выброс. «Ты еще в стакане бы развел. Боишься ведром надсадиться!» За все свое существование доброго гвоздя в стену не вбил, а туды же! С указкой рабочему человеку. Конечно, сорвался я, попер буром на него: «Чего, говорю, вы тыкаете. В деды гожусь, а вы мне, фронтовику, тыкаете. С трибуны-то сладкими речами на День Победы рассыпаетесь. Только и помните об нас один этот день в году. В остальные ненавидите старую гвардию: много про вас знаем да не боимся правдой-маткой по бесстыжим глазам стегануть».

Закат догорел, медленно сползая за утес. В лесу заметно потемнело. Со стойбища доносился приветливый визг лаек. Из голосистого хора выделялся знакомый, низкий с хрипотцой приближающийся к нему лай. Это Мишин одноглазый пес Пират несся к нему навстречу, однако, вскоре притих, стал как-то трусливо подвывать, остановился и смолк.

Идя скорым шагом, Егор продолжал всматриваться в кроны поющих деревьев, но споткнулся и глянул на тропу. Неподалеку от него лежало что-то темное, похожее на маленький пушистый кустик.

Подойдя к нему вплотную, обнаружил маленького медвежонка. Увидев незнакомца, тот попытался подняться на лапы, но тут же заваливался на бок. Демин наклонился над ним. «Пушистик» рыкнул и протяжно замычал. «Да ты, дружок, весь в крови. Како же чудище поранило тебя? Коль кровь не запеклась, и часу не прошло случившемуся. А я-то думал, ослышался, когда старое ухо уловило далекий, приглушенный щелчок. Знать, браконьеришко, труба ему в дышло, в тот миг воровски прошмыгнул по Мишиному угодию, встретился с медведицей, с тобой, малыш, спаскуд-

ничал. Вот же сволота! Летом на медведя охота закрыта, но нелюдю закон не писан. Где же мамка твоя, Тунгус,— так тебя буду величать, и что сталося с ней?».

Прикрыв сочащуюся холку медвежонка носовым платком, покрепче прижал его к груди, как прижимал своих маленьких сынков. Тунгус был едва живой. Вздрагивал хрупким тельцем, дыбил шерстку, постанывал.

«Совсем кроха, февральский. Крепись, будем лечиться вместе у знаменитого таежного лекаря Миши Монго. Ну-ну! Не кусайся, мигом доставлю. У меня, дружок, тоже болячек поднакопилось».

В это время к Егору подполз Пират, стыдливо потерся о сапоги и лизнул их. «Привет тебе, привет!» Потом встал на лапы и протянул Демину сильную, натруженную лапу. «Чо, сдрефил? Зверя почуял? Да, он мал ишо, к тому же кровью истек, бедолага».

Пес, принимая справедливый дружеский выговор, прижал уши и виновато завилал хвостом. «Все-то ты, умница, Пиратка, понимаешь. Ладно. Давай, вперед, к Мише».

Они втроем ввалились в чум, взмокшие, запыхавшиеся.

Маленький, щуплый, верткий, с не седеющей головой Михаил, тепло поздоровался, прослезился и торопливо коснулся лица друга не знающей бритвы щекой.

— Вот, Миша, принимай подранка. К счастью, на тропе лежал. В честь тебя, вернее будет сказать, твоего народа, назвал его Тунгусом.

Михаил уже вымыл руки, достал из старого напольного сундука какие-то коробочки, бутылку спирта, марлю и широкий с мужскую ладонь лейкопластырь.

— Моя так ждал Егошка, так ждал!

А сам быстро растирал в порошок белые таблетки, свертывал в тампоны нарезанные ленты марли.

— Держи Тунгуса, буду мыть, мал-мал резать.

— Миш, ты же — друг. Посочувствуй, не могу я это смотреть, боюсь!

— Однако, некогда сипко много говори! Нюхай насытырь и работай! Такой ботцой, стыдно!

Он накрыл полиэтиленом сундук и принялся мыть Тунгусу рану. Тот визжал и вырывался из больших рук Егора, но силенки были на исходе.

— Хоросо, баркачанка*, хоросо! Моя твоя любви, больно не делай, жалей.

Егор приловчился и уже крепко держал малыша, иногда помогая себе и коленом. Когда операция, наконец-то, завершилась, «ассистент» Демин, дрожащий и бледный, повалился на пол.

— Скоро пей, Егошка, валерянку, помогай. Твоя, однако, соисем слабый стал. Ай-яй!

А Пират уже распластался возле Егора. От избытка любви и жалости он облизывал ему лицо и руки, бил хвостом по ногам, словно просил быстрее подняться. Привык при встречах класть свою взлохмаченную голову на егоровы колени.

Медвежонка спаситель определил на жительство за нарами, положив его на мягкий еловый лапник. И хотя сам он улегся на здоровый бочок, Михаил привязал Тунгуса к стойке чума.

— Моя чум гость пришла — друг, Егошка! Моя знай, сто он любви. Миша буди делай кухня эвенка. Наш Алитет, ботцой, однако писатель, добрые народны обыцый сеял и говори правду: от еды руси в зивота один пустота.

И засуетился у очага. Вскоре чум наполнился аппетитным запахом свежей, молодой оленины.

— Вот всегда так! Со мной тебе вечные хлопоты! — забираясь на нары, извинительным голосом заговорил Егор.

— Молци ус! Моя весна сдала, лето сдала. Скоро тайга белый, а Егошка нету. Твоя понимас, как моя рада?

---

* Баркачан — медвежонок до 1 года, (эвенк.).

— Я тоже скучаю, Миша. Со школьной скамьи не разлучаемся. За брата мне и за всю родню. Плохи мои дела, Миша. За помощью пришел. Душу тобой облегчить.

— Нис-се-о-о-о! Тайга лечи, моя лечи — Егошка хорошо, болезни уйди. Потом, Егошка, говори буди, завтра. Ночью аринка, харги — злой духи месай. Мало лечи. Надо утро, солнце. Миса знай кода. А час еси твоя хоцю, моя хоцю.

В чуме от жаркого очага нечем было дышать. Михаил задрал пологи, и сразу во-круг чума заплясали по кругу причудливые, быстроногие тени.

— Моя важенки доить скоро, шевели огня.

Егор подсел к очагу, подгрел развалившиеся угли под котел с дымящимся мясом, задумался. И ссора с Задушным опять завладела им.

«Как он змеем взвился, ядовито зашипел! «Ты у меня договоришься — посидишь за решеткой, поумнеешь, если еще где твякнешь про нас с отцом». Тут уж я на крик перешел: «Слава Богу, не 37-ой, руки коротки!» И дале выдал ему про барство, пьянки-гулянки — про чо люди меж собой шепчутся — да дворец райкомовский, на суботниках всем миром строимый. Это для двадцати-то райкомовских чинуш. Кричу: «Не лучше ли отдать его фронтовикам, либо старикам да старухам бесприютным? И под детский садик сгодится — тоже не лишний». Тут он вовсе взбесился. Слюной брызжет. Давай, всяко поносить, оскорблять. Оказывается, что за приживалу держит, и проку от меня никакого. Это при одиннадцати-то печках на каменном угле, мною обслуживаемых! Хорек вонючий! Потом метнулся в свой кабинет да так дверями хлопнул, что с косяка штукатурка посыпалась. Пришлось цело ведро замазки заводить, дыры замазывать. Накаркал!»

Было за полночь, когда друзья, сытые, слегка пьяные, обсуждали предстоящую рыбалку. Развалившись на свежих, мягких пыжиках, отбирали нужные блесны для ловли сига. Егор загодя купил их у знакомых промысловиков вместе со спиннингом и двумя удочками. Давно уж привык рыбачить одновременно тремя удилищами.

Михаил удочку не признавал, тихо посмеивался над горе-рыбаком.

— Моя лодка ехай, сети стави, мормышка лови. Потом буди считай, сколь твоя уди, сколь моя. Уха вари у рецьки. Водка брать?

— Как хочешь, Миша.

— Хоцю, хоцю! Моя друг есть!

Вдруг медвежонок заворочался, громко застонал. Михаил легко вскочил и наклонился над пациентом. Но он тут же успокоился, засопел и стал сосать лапу.

— Ай-яй! Моя забый! Нада еси дай!

Монго снова склонился над сундуком, долго что-то искал, отрывисто поругивая себя то на русском, то на эвенкийском. Наконец, извлек на свет длинную соску и выскочил из чума. Вернулся с полной бутылкой свежего молока от важенки. Ловко сунул соску в крохотную пасть спящего Тунгуса, придерживая рукой бутылку, чтобы баркачану было удобнее сосать.

Егор с восхищением смотрел на заботливого, умелого друга. А медвежонок, насытившись, затих.

Утомленные событиями дня друзья улеглись на нарах и дружно захрапели.

Вскоре всех разбудили собаки. Они лаяли отчаянно и тревожно, переходя на хрип и вой. Первым ошалело вскочил Михаил.

— Однако, Егошка, ботчая зверь пришла. Моя знай — амака*, Тунгускина мать. Амака злой — плохо. Оленя кусай. Нас кусай. Тунгуса надо быстро отдавай.

— Да ты в своем уме ли, Миша! Скоко он крови потерял, ослаб. Рана не загоилась, а ты...

---

* Амака — медведь, (эвенк.).

— Егошка родилась, зиви тайга, однако, тайга не понимай! Бери скоро руки баркачан. Иди тропа вверх. Моя путь свети. Зверь огня не любви, боитца. Тунгуса скала оставляй. Амака ее забирай. Потом, однако, быстро нада чум. Так делай.

Егор осторожно взял на руки проснувшегося и встревоженного медвежонка.

— Торопи, Егошка, торопи! Моя знай — плохо, ай-яй, плохо. Амака — мать пришел за амакашка. Бери русье плечо, Тунгуса неси рука.

— Плохо это, Миша! Малыш на ногах не стоит, погибнет ведь!

— Егошка сосем глупий, не думай! Миса знай. Амака плохой: ее дети люди взял. Нада скоро Тунгуса отдавай. Не боись, Егошка! Моя твоя прикрывай.

Монго схватил с крючка новенький карабин, недавно подаренный ему сыном Николаем. В ночной полутьме точным, стремительным движением схватил стоящую за нарами палку с накрученным берестяным факелом, поджег его и выскользнул из чума.

Егор со стареньким карабином за плечами и всхлипывающим, тихо мычащим на руках медвежонком поспешил за ним.

Зорька еще пряталась за горами, но небосклон уже высветился ее далекими всполохами.

Егор шел впереди, неся на вытянутых руках перевязанного широкими бинтами Тунгуса. Нес бережно, стараясь не задевать кровоточащую рану и не причинять малышу дополнительную боль.

Михаил сзади светил под ноги Егору факелом и чутко ловил каждый звук спящего леса.

Собаки бежали по следу медведицы, параллельно тропе, метрах в десяти от хозяина. Подъем становился круче, но до скалы было еще далеко. Где-то рядом тяжело заухал филин, потом, словно сорвавшись с дерева, полетел вниз к кедровнику. Встревожились и захлопали крыльями еще несколько проснувшихся птиц. Опять трусливо заскулили лайки. И не прошло минуты, как они, притихшие и скукоженные от страха, негромко заскулили и пристроились к Михаилу.

— Егошка, быстро стой! Амака рядом! Вот он! Вот!

И взвел курок карабина.

— Не стреляй, Миша! Не стреляй!

Егор увидел впереди себя черную, рычащую и наступательно движущуюся на него гору. Остановился — и медведица остановилась. Громко пыхтя, присела, будто -то замерла. Ее отдых длился секунд пять, а показались они вечностью. Конечно же, она сильно устала, пережив тяжкий день, страх при встрече с плохим человеком, непрерывный поиск детеныша.

— Егошка! Пускай баркачан! Бистро! Хоросо, молодеца ! Ходи моя!

Он направил луч факела в сторону медведицы, напряженно держа на вытянутой правой руке карабин.

Лайки осмелели и пытались ринуться на сидящего зверя.

— Тихо лезать! Пирата, к ноге!

Сердито прищелкнул на них Монго. Те послушно прижали уши и слились с тропой.

— Егошка! Сагай небыстро назад чум, смотри амака лицом. Русье — наготове! Посли! Моя амака свети.

Медвежонок, почуяв мать, жалобно и звучно стонал. Волоча ножку, прыгая, валься на камни, вновь поднимаясь, из последних сил тащился к ней.

Медведица, познавшая запах пороха и сейчас, видя перед собой смертельную опасность, вновь приподнялась на задние лапы. Дико рыча, разбрызгивая по кустам гневную пену, медленно пошла навстречу медвежонку. Поравнявшись, лизнула мордочку и опустила над ним. Долго обнюхивала пахнущее лекарствами, забинтованное тельце. Затем страстно и яростно начала облизывать с ног до головы.

И было видно, как отлетали от ее детеныша бинты и лейкопластыри.

Еще с полкилометра, в плотном окружении очумевших, все понимающих собак, Михаил с Егором шли молча, прислушиваясь и оглядываясь. Но, углубившись в кедровник, расслабились, подали голоса.

— Моя рада, так рада. Тунгуска буди живи!

Поднявшаяся над тайгой заря весело раскачивалась на макушках раскачивающихся кедров.

В чуме пахло мясом и багульником. Надо бы поспать, но было не до сна!

Выпив по стакану крепкого чая, друзья покурили и решили сразу отправиться на рыбалку.

— Вода хороша нерви леци.

Большое рубленое зимовье, стоящее посредине стойбища, служило Михаилу и хранилищем, и мастерской. Здесь дальними родственниками, помогавшими старику управляться со стадом олений и домашними делами, шились, украшались бисером одежда из оленьих шкур. Умело выделявались на продажу дорогие меха соболей, песцов и чернобурок. На тесаных полках хранились инструменты, кухонная утварь, постели для гостей. По стенам на металлических крюках развешивались сети, мормышки. В самодельных деревянных ящиках лежала разная мелочь, без которой на охоте и рыбалке не обойтись.

Друзья полезли на чердак. Вяленая сохатина висела на длинных толстых жердях, обдуваемая сквозняком и по-хозяйски обернутая цветастыми простынями.

— Ты, Миша, хороший хозяин. Всюду успеваешь, и старость тебя не гложет.

— Бери, Егоска, домой суха сохатина, уважи моя — охотника. Общай така — не мози Миша одна еси добыця. Другой люди нада давай. Или духи ругай моя, накази. А кому Миша дай? Теперь твоя одна. Родня далеко тайга. Сына Колька, собака така, сосем редко в цюму приеди. Руси стала Колька. Тайга зиви не хоци.

— Давай, Миша! А чо? Я к вяленой сохатинке с детства приучен. Помню, твои родители в интернат нам мешками возили. А тапереча зимой вся еда моя и есть, что отварю картохи чугунок да с грибами ее, да с черемшой.

— А Маса, асис* твоя, не вари?

Егор нахмурился и обреченно махнул рукой.

— Ты, Миша, совсем другую Марию помнишь. Знаю, нравилась тебе. Она всем тогда была любя. Только где она, та Мария-то? Война и материнское горе давно счервивили ее. А что осталось...эта... дома почти не бывает. Я же — не пьющий. Ей со мной не интересно. Да-а а, пропащая ее душа...

— Всю зисть хоцю зиви с Егоска. Поцему не могу? Там твоя плохо, моя тут без Егоски тоска. Зацем так? Тайга твоя любя, зиви тайга.

— Спасибо, друг, да не один я. Хоть Мария и бомжует, а все же — жена. Не брошу. Пропадет. Эта беда ее от сынков наших, войной загубленных. По ним сохла, а последний год запивается. Поначалу думал, чем горем захлебывается, так пушай лучше с подругами веселится. А оно вот как обернулось, веселье-то... Мария-то не так уж и пьет. Годы-то каки, хоть и младше меня на десяток лет. А бабы истые лонтрышки, опоицы. Обобрали нас до нитки. В доме стены одни стоят, от стыда да грязи мыкают. Видать, сей мой крест до гроба несть.

— Поцему Егоска Масу не уци, не побей?

— Давно рук на нее не подымаю, а ране бывало и взгривал не раз. Дак где там! По всей фактории дурой носилась: «Убиват, убиват, лешак печной». В сельсовет меня таскали. А вот ее за гульню да пьянство не тревожат. Пробовал взаперти денно-ночно держать. Так она, лихоимка, всякими хитростями сбежит к своим собутыль-

---

* Асис — жена, (эвенк.).

никам. Как медом там намазано. Скоко мужиков привадили в свою сатанинскую компанию — счету нет.

— Ай-яй! Егوشка не музык! Нада брай толста веревка, ее зопу — бий раз-два-три. Буди солкова. А Егوشка — буюн-олень!

— Это еще почему?

— Дак, он ботцой-ботцой роги носит, а забодать никого не мозет.

Затарив доверху рюкзаки, друзья погрузили их на тачку с бочонком и спустились к Тунгуске.

И закипела работа, таинство, священодейство, что всегда предшествуют началу настоящей рыбалки.

Егор прошелся вдоль берега и выбрал место попорожистой, где по опыту прошлых лет обычно плескались непуганные монговскими сетями жирные, серебристые сиги. По совету «бывалых», насыпал между валунами вареной пшеничной крупы. Она горками опустилась на дно, но часть ее струями волн унесло в стремнину.

«Теперь сиг сюда валом повалит».

Михаил вытащил из ивняка лодку и загрузил ее подаренными Егором сетями. Внимательно осмотрел две старенькие мормышки, покрутил их, сложил гармошкой и бросил поверх сетей.

«Моя Егорка покажет, как лови стари эвенк».

И исчез за утесом, угрюмо нависшем над темными водами Подкаменной Тунгуски.

Таковы были исходные амбиции бывалых рыбаков. Договорились: рыбачить, пока жор не прекратится. Сигналом к завершению рыбалки должен послужить большой Егоров костер.

Оставшись наедине, Демин, позабыв про все на свете, поддался азартному и властному желанию — наловить побольше сига!

Длинный, нескладный, с белой головой на тонкой шее, в стареньком бесцветном трико, в потерявшей полосатость тельняшке, он метался между удилищами и был похож на невиданную никем чудную птицу. Она то взмахивала крылами-палками над пенящимися порогами, то приседала на мокрые камни и почти сливалась с ними. А то вдруг принималась, неуклюже прыгала по замшелым, скользким валунам. Едва удерживая равновесие и прилагая видимые усилия, изо всех сил старалась не спикировать со всего маху в белокрылые, шипящие буруны, стремительно уносящиеся за утес от неприветливых, больно бьющих каменных разбойников.

Егор, освоившись с «полетами» над удилищами и не вынимая их из воды, стал делать одну за другой подсечки. Тунгуска, хотя и рябила, но между каменными глыбами, как в больших аквариумах, вода была спокойней. Здесь стайки серебристых туполобых сегов деловито рассматривали непривычный их глазу интерьер. Неторопливо поедали прикорм, с любопытством присматриваясь к чему-то непривычному глазу, блестящему, похожему на неизвестную мелкую рыбешку. Самый увесистый сиг, лениво отворачиваясь от незнакомки, задел хвостом вздрагивающую на струе обманку. Та словно ожила, испуганно метнулась под камень, и ненасытный богатырь молниеносно заглотил ее.

И пошла-а-а, пошла рыбка!

Егор едва справлялся с небывалым клевом. Его вместительный короб скоро наполнился до краев. Крышка не закрывалась. Сиг шел и шел.

«Куды боле-то! И этого за глаза хватит на уху да посол. Ишо дней впереди — ой-ей! От души нарыбалюсь».

Снял с себя тельняшку, натянул поверх перегруженного короба, затянул рукава на два крепких узла и поплыл с увесистым уловом к берегу.

Над тайгой разгорался жаркий, безветренный день.

Сыто облизываясь, к Егору стрелой летел Пират, видно, тоже удачно порыбачивший в прибрежных зарослях ивняка, куда частенько выбрасывалась ошалелая от ударов о камни мелкая рыба.

— Чо, Пиратка, небось, уж по уши объемшись? А я вот гостинец тебе несую, не побрезгуй, дружок, сигатенкой!

Ласково потрепав пса по упитанным бокам, Егор развязал короб и бросил ему первого попавшегося в руку сига.

— Ешь, ешь! Жирком обрастай, наливайся. Так-то твое собачье житье веселей покажется. Да и зима мене кусат, когда шерсть лоснится.

Пират стал играть со скачущей по галечнику рыбой, подкидывая ее выше и выше сильными лапами. С удовольствием понаблюдав за ним, Егор, подправил кремнием лезвие таежного ножа и принялся пластать двух-трех-килограммовых сигов под зимний засол. В его многотрудных руках всякое дело ладилось. И скоро он добрался до днища короба. Там, повиливая хвостиком и радужно блестя на солнце крупной чешуей, лежал его сегодняшний «первенец».

«Не обессудь, придется тебе ишо повременить, другу моему показаться».

Егор вырыл саперной лопатой яму, залил водой, бросив туда красавца сига.

«Не балуй у меня!»

И накрыл его сверху коробом.

Тайга только разгоралась багряными пожарищами приближающейся осени. Березки стыдливо и робко развесили редкие золотые сережки. Под порывами ветра они разлетались по темной зелени кроны то рваными лоскутами золотой парчи, то ярким, кружащимся солнышком, а то повисали кверху дном небывалой формы бокалами.

Рыжими пятнами обозначились в хвойниках осинки, еще не вспыхнувшие алым румянцем.

На взгорке у кедрача играли с ветром чуть побледневшие лиственницы.

Егор на минуту задержал взгляд на лесном просторе и отметил, что лета осталось на одну ладошку.

— Пойдем-ка, Пиратка, за сушняком. Пора костер разводить, хозяина домой зазывать. Поди, с уловом умаялся, ишь, как запозднился.

И вскоре высокое пламя костра взвилось на каменистом берегу. Душистый синий дымок потянуло далеко за утес. На душе у Егора стало спокойнее.

«Не довел бы сердце до такой раскоряки, если б ушел из райкома сразу после первой стычки с хозяином. Зря поддался уговорам Катерины Алексевны: «Надо дотянуть до нового райкома. Здание передадут другой организации. Где еще найдут такого хозяина печам!» Понятно, Катерине Алексевне не хотелось видеть меня «домовничим». Она одна из райкомовских знала все об моей жизни, Марии...

Хотя от себя далеко не сбежишь, а все бы легче сердцу... Уйти с работы — полбеды. На пропитание заработаю: русские печи досыта кормили семью во все времена. И ноне они в большом спросе. Не об этом печаль. Обидно, стыдно за партию, коей принадлежу и служил верой-правдой до нынешних времен. Тапереча уж не с ней я! Не с задушными. Они-то и довели народ до нужды заново перестраивать страну. И опять толком, по-честному, ему об том не сказали. Оно, конечно! Какими глазами смотреть! Тянули из него жилы, кричали «ура!», коммунизмой вот-вот обнадеживали. Оказалось, не в ту сторону тянули, не ту социализму построили. Вот же пакостники! Все наши натуги — коту под хвост! А вожди не удостоили даже рядовых коммунистов-тружеников разговора за свое преступное руководство. Никто не посчитал нужным признаться народу в тупости своей, воровстве и предательстве. Нет, Демин, с такой шарашконторой заканчивай! Не ты, а задушенские сотоварищи, труба им в дышло, отныне — ядро ее. Чо путного дале ждаться-то?!».

Заслышав всплеск весел, Егор поспешил к реке. Мишина лодка под тяжестью груза осела, едва не зачерпывая краями воду. А сам он, стоя, радостно приветствовал друга поднятыми веслами.

— Где тебя лешие носят, сучок кедровый! — нарочито грубо отозвался Егор.

— Моя Егошке рыбы красни лови, стерлядки помай, ягоды собирай.

— Вечный трудяга мой, неугомонный! Давай, помогу выгрузиться.

Они вытащили лодку на берег подальше от воды и начали бросать на брезент улов старого эвенка.

— Вот это тайменище! Да как ты втащил-то его? Ну и ну... Нет, Миша, силушка в тебе еще временем неотнятая. Дай-то Бог! А стерлядки-то ско-о-ко! Ты просто водяной царь, Миша. Это же надо так рыбалить. Я сдаюсь. Твоя моя победи!

Михаил заулыбался и занялся котлом под уху. Долго тер его песком, полоскал в реке, и только потом, отойдя подальше от ивняка, зачерпнул из стремнины летящей водицы.

— Моя сама ухи вари.

И таинству его над котлом не было конца.

Егор за это время почистил рыбу, часть нанизал на ивовую лозу для провяливания, но в основной улов засолил в кедровом бочонке. Долго и внимательно освобождал стерлядь от визиги, хорошо промывал ее и бросал на раскаленную сковородку для обжарки. «Завтра Мишу пирогом с визигой накормлю, он любит. Тайменя пусть сам солит. У меня такого навыка нет».

Солнце уже накальвалось на уносящиеся далеко в небо пики вековых хвойников, когда друзья удобно уселись у костра. Михаил наполнил доверху миски с дымящейся ухой и большими кусками добытых им деликатесов. От котла исходил такой аромат, что сводило скулы от разыгравшегося у рыбаков аппетита.

Ели и пили долго. Костер давно опал, но друзья поддерживали его лапником, от которого исходил густой, смоляной дым. Благодаря ему, черные тучи голодной мошки оставляли в покое разговорившиеся, истосковавшиеся друг по другу души.

— Так много тебе рассказал. Горько от всего этого, Миша. Куды ни кинь, везде редька да дрын. Горько думается и про наше общее житье. Слушаю, читаю — тоска разъедает душу. Они доперестраиваются! Нутром чую, должен буду и за лес им плавать. За угоды, стало быть.

— Егошка умный, моя не понимай...

Старый эвенк напряженно вдумывался в сказанное Егором, выбивая в костер нагар из потрескавшейся трубки. Долго и тщательно уминал в нее табак, долго раскуривал, глубоко, до кашля, втягивая в себя ядреный, щекотливый никотиновый дух.

— И за аргиша* деньга дать? Зачем плати! Тайга мой, олень моя — чужой не брал. Моя плати нету. Скажи твой райком, наш Ленин так не делал. Твоя начальник, однако, сосем харги — дьявол, жадный зверь. Монго так понимай. Еси делай, как он, думай, как он — беда иди, всех беда кусать. Скажи ему, Егошка!

— И не надейся! Он меня так и послушает! Кабы мне грамоты поболее, я бы с ним пободался. А то, кто я для него? Мусор. Дворняга непородистая. А они — партийное начальство — держатся, вроде графьев. Задушный на меня волком глядит, бугаем бычится. Ну, и пусть, труба ему в дышло. Хоть возьми самые что ни на есть верхи. Все хитруют. Вокруг да около. Поди, давно уж и без народа со страной порешали. Жаль, что решальщики — все они и есть — задушенские. Миша, помани мое слово, труба им в дышло, перестройщикам, под их командой жить станем. А они ни стыда, ни греха не ведают. По райкому вижу, где пять лет печником отслужил. Блудуют да

---

* Аргиш — кочевание, перекочевка, (эвенк.).

жируют на народных харчах. Об Ленине давно позабыли. Даже, бесстыдники, скомо-рошничают над ним. На кумаче слова евоны наляпают — поминка для виду. А сами-то в бары метят, козе понятно. Ихней своре по иному править затребовалось. Стало быть, перестроят нас в свою выгоду. Хорошо, коль в живых останемся.

— Не скажи, Егошка так! Моя боитца.

— А чо нам с тобой бояться? Дале севера не сошлют. А он нам — отец родной.

— Однако, страшно, Егошка. Моя, твоя — кем буди?

— А никем. Были никто — нищими — ими и помрем. Зато нутром наше, Миша, побогаче будет некоторых, кои при власти. Только кто нам в души-то, когда глядел? Мы для властей — прах.

— Моя, однако, не знай прах.

— Ну, что ли, горсть земли. Понял?

— Да, понимай.

Друзья замолчали, углубившись в нелегкие раздумья. По их старческим лицам одна за другой пробежали тревожные тени.

— Вот думаю, Миша, об нас с тобой. Не за то воевали. Сынов за родину положили. А что она, родина-то, тапереча делает с нами. Из года в год тянулись на нее, а легче не ставало. Ты, окромя тайги да аргиша, ничего доброго не видал. Я тоже. Охотничал, русскими печами людям дома согревал. Все ж по совести, жили, как могли. Работали до десятого пота, мозоли набивали, сынков ростили. Только где они, кормильцы-то, радость наша? В могилах братских. Твоих двое и трое моих. У тебя хоть Николка после войны народился отрадой, да внучатки. А я ж так деток люблю...

И Егор тихо заплакал. Михаил, тоже смахивая со своего худого лица слезы, участливо прислонился к плечу друга, гладил ему шершавые ладони. Еще всхлипывая, Демин тихо продолжил:

— До сего дня чужой копейки мы с тобой, брат, не поимели. До глубокой старости своим горбом хлеба добывам. Тайгой да рекой кормимся. Стало быть, хоть и прах мы, да нужный для жизни, не пустой. На нашем-то прахе всяка добрая травинка охотно вырастит, а то ягель на щипок оленю. А на задушенских, вырожденков народных, взростится один чертополох, либо дурман какой.

Костер затухал, гореть было нечему, и друзья отправились на взгорок за валежником. Насобирали его так много, что еле доволокли тяжелые вязанки.

И вновь жаркое кострище согревало их на свежем ветру.

— Миша, ты же сам видал, знашь, что коммунистом я был принят в окопе. И вовсе не по принуждению, как тапереча злыдни калякают, а по собственному большому желанию, по воле вольной. Под пулями за чужие спины Демин не прятался. Кровушкой не раз землю полил. Завсегда за партию горой стоял. Так до последнего дыха и был бы с ней, кабы она не стала другой, таперешной. А была б делами и душой, как наша Катерина Алексевна Селезнева, низко бы кланялся ей. Я Катерину Алексевну одну из райкомовских за коммунистку и секретаря признаю. Настоящая партейка! За наживой не гонится, завсегда к людям с уважением, помощью. Однако, времечко, Миша, не ее. Другое время грядет. И партия другим нутром наполнилась, под другой уздой ходит — задушенских. Только в их упряжи ходить не стану. Другого табуна я конь.

Егор вдруг решительно поднялся, отыскал свой рюкзак и вытащил из него небольшой, завернутый в газету сверток, перевязанный шпагатом. Ножом вспорол его, вынул маленькую красную книжицу и протянул ее Михаилу.

— Гляди, Миша, и запоминай момент. Это мой партийный билет. Нет, не тот, что мне вручали в окопе, и за который я любому выгрыз бы глотку. Мой, родной партийный билет где-то в архивах заточен. Вот ему и буду верен, пока бьется мое сердце. А этот...

Егор брезгливо сморщился и бросил свою краснокожую партийную принадлежность в костер.

— Горите вы синим пламенем, труба вам в дышло, задушенские переродыши!

И сел рядом с другом. От волнения ли, быстрого ли отрезвления Егора Демина бил озноб, дергались веки и дрожали руки.

— Моя Егошку уважай, всегда с Егошка!

Прошло три дня и ночи, как Егор потерял сознание. Несколько минутами спустя после сожжения своего партбилета. И Михаил, не отходя от него ни на минуту, отчаянно пытался вернуть друга с того света своими таежными премудростями и камланием.

«Миса мали-мали саман, сына саман. Над Егошкой камлай делай, арван-ми* делай».

Напившись настоек из лесных кореньев и трав, Егор беспробудно проваливался из одного сна в другой. Старый эвенк кружил над ним чудо-птицей в блестящем цветном оперении. Со звенящим в быстрых руках отцовским бубном, Михаил Монго гортанно распевал одному ему известные заклинания, трясся в трансе до изнеможения, призывая на помощь мудрых духов и шамана-отца.

Но этой неистовой битвы за жизнь друга Егошки Демин не видел и не слышал, находясь в глубоком, непробудном забытьи. В добрых снах ему светило яркое солнце, он был молодым и счастливым. Ему снилось, будто к нему в интернат с гостинцами приходили родители, сидели на коленях маленькие вихрастые сынки, и он ласкал их. Потом целовался с красавицей-женой Марией. Угощал за своим столом сигами и таежными ягодами Катерину Алексеевну Селезневу...

Когда Демин открыл глаза, то был удивлен Мишиному наряду. Ни о чем не спросив его, одобрительно улыбнулся. Друг оказался ему усталым, постаревшим. Но, увидя на его лице радостную ответную улыбку, бодро поднялся с нар.

— Я скоренько сбегаю за чум!

У Егора было приподнятое настроение. Что происходило с ним в эти дни, он не помнил. Никаких болей не чувствовал, и только легкая дрожь в теле вернула его в якобы вчерашний день.

«Вот это порыбалили!»

Заглянув под навес, где обычно Миша держал соленья в зиму, обомлел: ни тачки, ни бочонка с рыбой там не было. И сигов на лозе тоже. «Да мы чо, сморчки старые, на берегу улов оставили!»

И пулей влетел в чум. На полу, уткнувшись лицом в золу очага, лежал Миша. Он спал мертвецким сном, и разбудить его Егору не удалось. «А Пиратка-то где?».

Наскоро одевшись, спустился к берегу. Там все висело и лежало на прежних местах. Пират, с чувством исполненного долга, устало потянулся и сдал вахту. Голодные, не понимающие, почему хозяин так надолго оставил их на берегу, лайки, однако, не посмели нарушить его строгий приказ — «Сторози!». Освободившись от обязанностей, они мигом взлетели на взгорок, к стойбищу, где в кормушках всегда было чем поживиться.

Демин — ходка за ходкой — перетаскивал дорогую добычу под навес. А Михаил продолжал спать.

Уж вечерело, и тихий закат алыми лентами закружил над кедровником.

Егор сидел у чума и выстугивал себе палку — искалку с вилочкой на конце для завтрашнего похода за рыжиками да груздями.

---

* Арван-ми — оживление, (эвенк.).

«Вчера как-то непонятно день закончился. Помню только, как бросил в огонь партбилет, как тлел он медленно синим, угарным прощанием. И было очень больно за прожитые годы. Нет, я сделал все верно — и с Запашным, и с партбилетом. А дальше — ничего не помню. Вроде, и не пил лишнего».

Слегка пошатываясь, к нему шел Михаил. Он беззубо и широко улыбался.

— Моя, однако, мало спал.

— Ничего себе — «мало», почитай день-деньской дродрыхал. Ране такого за тобой не примечал. Завтра по грибы пойдём.

— Ай-яй! Твоя, Егошка, один ходи. Моя есть охота, тайга.

— Да, вспомнил! Ты же ими брезгуешь.

— Они — поганые.

— Поганые?! А я думаю, кроме комаров да мошки, другого поганья в тайге нету.

— Предки говори, мама говори. Черный дух там живи. Не ешь их, друг Егошка.

— Ну, уж нет! От такой вкуснятины нос воротить — не царское это дело. Я сыроежки жевал, когда по подворью голой попой ползал — и ничего! Она вымахал, здоровенный мужик. Всю войну с тобой по стылым окопам корезились в одних дражных шинельках — а не кашлянули! Ты поешь, Миша, скоко знаю тебя — почитай с малолетства — одну и ту же небылицу: поганые, поганые. Вовсе уж мхом порос, пень словый. Небось, в третьем тысячелетии тоже попасть в жильцы метишь? Так подравнивайся! Помню, в интернате впереди меня навсегда поспешал!

— Моя краска не менял: тайга был, тайга есть.

— Грибы — они, конечно, деликатности требуют. А ты, поди, ешь не те, не съедобные. Хошь, покажу моего вкуса, что и сырыми не потравишься. Вот, к примеру, рыжик, грибок отменный!

— Ай-яй. Моя тоснит...

Следующий день они провели врозь, занимаясь каждый своим делом. Егор набрал короб с верхом молоденьких рыжиков, сырых груздей и чуть обозначившихся коричневой шляпкой белых грибов. «На всю зиму наслажденье».

Михаил принес в подарок другу дородную копалуху и трех «жирнющих» уток.

Они сидели на поляне за навесом и доводили до ума дары тайги. А вечером снова спустились к реке, развели костер.

— Хос, анекдот про цюкцю? Сын Колька науци.

Егор оживился и с любопытством посмотрел на Мишу.

— Ну, блин, даешь, с тобой не соскучишься!

— Слушай. Сиди цюме муза с зеной. Она спроси: «Поцему все зови нас глупи, тупой?» «Да ми — во!» — и муза стучи своя голова. «Кто-то цюм стучи!» «Сиди, моя дверь сам открой».

Друзья весело рассмеялись.

— Миша, а я тебе сейчас быль расскажу. Тут по весне витютень к подворью моему прибился. Морозец в те дни лютовал люто. А голубок дикий, да умный. Я ему чердак открыл, он и юрк туды. Видать, здорово намерзся, бедолага. Все живое тепла хочет. Кому непогодь по нутру? Денек отогрелся меж сухих трав да и отыскал в сарайке старое корыто, где осталось пшено от последних кур. Их-то до единой Мария на закусь подружкам снесла. Витютень погостевал ишо пару деньков и улетел. Было это аккурат в день пасхи. Может, весть мне каку приносил, а, Миш? К чему бы, не знашь? Ты же, лесной ведун, до всего ушлый. Меж мирами витаешь, людей лечишь. Вот и мне с тобой полегчало.

— Миша — знай! Егошка потом говори.

Ранним утром Егор засобирался домой. Михаил сник, запечалился.

— Не горюй, друг. Приду по осени, порыбалим.

Валерий Богушев
(г. Воронеж)

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕСБЫВШЕЕСЯ (Главы из романа)

Валерий Иванович Богушев наш постоянный автор (см. «ПЗ» № 2, 2008 и № 4, 2008). Сам он пишет о себе: «Мне 50 лет, русский, родился 10 ноября 1956 года в г. Калининграде. Работаю ведущим инженером-конструктором на одном из воронежских заводов. Имею многочисленные публикации в периодических изданиях рассказов, некоторые из которых вошли в мою не совсем фантастическую книжку «Хозяин Вселенной» (2000 г.), популярных историко-краеведческих очерков, статей о современной литературе, в том числе Г. Маркесе, П. Козльо и др. Помимо местных изданий — журналов «Подъем», «Воронеж», еженедельников «Берег», «Здравствуй», «Вечерняя газета», «Страж отчизны», «Воронежские вести», «Юго-восточный экспресс» и др., — печатался в «Литературной России», «Литературной газете», «Известиях», хабаровском журнале «Наши семейный очаг».

Повествование «Путешествие в несбывшееся» — о судьбе интеллектуала в провинции, охватывающее период от эпохи застоя до шоковой терапии и дефолта. Это исчезающий ныне герой. Странно, что этого почти никто не заметил.

Краткое содержание романа:

Игорю Дорогову, тридцативосьмилетнему научному сотруднику одного из уцелевших НИИ приходит телеграмма с приглашением в Москву на встречу с однокурсниками. Как раз в это время всех работников отправляют в отпуск без содержания, так и не выдав задержанную зарплату. Выпускники его группы собирались в столице раз в пять лет. Ни на одной встрече до этого Дорогов ни разу не был, хотя не существовало каких-либо внешних препятствий. Теперь же, в самый неподходящий момент...

В студенческие годы он был влюблен в амбициозную девушку по имени Оксана, которая вскоре после ссоры вышла замуж за другого. Он уезжает по распределению в провинциальный город.

В годы перестройки Дорогов изо всех сил пытается выбиться в люди. Ему мешает коллега Прищепкин, приближенный к руководству НИИ, которому совсем ни к чему конкурент. В конце концов Дорогова заметили, меньше стали отвлекать от работы. Не раз посылали его то в министерство что-нибудь доказывать и выбивать, то на переговоры с инофирмами. Дорогов защитил кандидатскую диссертацию в июле девяносто первого года на своей «родной» кафедре. Через месяц после защиты он отправился в Москву по делам производства, а заодно, получить диплом кандидата. Он выехал в воскресенье, а прибыл на Казанский вокзал утром девятнадцатого августа.

Вечером участвовал в строительстве баррикад из садовых скамеек, строительных плит и арматуры на подступах к Дому Советов со стороны набережной Москвы-реки. В последующие дни, словно шальной, ходил по московским улицам, захвачен-

ный вихрем судьбоносных событий, трогал броню танков, прибывших для защиты «Белого дома», проникался настроением толпы на митингах, но втайне, больше, чем дыхание истории, его притягивала возможность встретить в этом развороченном муравейнике Оксану. Но он ее так и не встретил.

Он мельком увидел ее на Арбате в сентябре 93-го после встречи у Белого дома со своим начальником, прибывшим для защиты Верховного Совета. Это была последняя командировка главного героя.

После приватизации производство пришло в упадок. Дорогов продолжает работать над автоматической установкой для Питера, в надежде, что все вот-вот наладится. Жена уходит от него к другому, а вскоре он получает квартиру. Обмыкает ее с тремя уцелевшими после всех сокращений коллегами, увлеченными политическими распрями.

Перед Новым 1996 годом он встречается со старой знакомой Люсей, с которой был однажды в колхозе. Новый год они встретили вдвоем. Люся богата, и «классовые различия» постоянно дают о себе знать. Люся выходит замуж.

Итак, главному герою срочно нужны деньги для поездки в столицу. Как всегда, ему помогло везение. Разбогатевший коллега приглашает его домой помочь дочери разобрататься с компьютером и платит вперед за несколько занятий.

Правительство объявляет дефолт. Дорогов был зол и растерян и едва удержался от соблазна, потратив баксы, запастись впрок рисом, консервами и сахаром. Решил: будь, что будет.

Перед отъездом в Москву Дорогов встречает отца Оксаны. Тот показывает письмо от нее, из которого становится известно, что Оксана разведена и тоже оказалась у разбитого корыта.

Во время торжества главный герой покидает кафе и отправляется к Оксане.

* * *

В огромном помещении, заставленном ровными рядами запыленных столов, кульманов и стеллажей с приборами, на крошечном пятачке возле окна сидели за рабочими местами трое спецов. После череды пронесшихся, как цунами, сокращений последних лет во всем отделе уцелели лишь трое.

Они почти не разговаривали этим чудесным августовским утром, пробивавшимся солнечными лучами через полуистлевшие пыльные занавески, которые давным-давно уже никто не трогал. Стоило потянуть за ветхую, некогда кипельно белую парчу, как она расползлась, сверкая новыми прорехами, и осыпая клубами праха, словно жизнь замерла здесь не несколько лет, а, по меньшей мере, нескольких веков назад.

Игорь Дорогов, кандидат наук, в очках, джинсах и застиранной турецкой футболке с синим северным орнаментом пощелкивал клавиатурой компьютера. Он набирал текст технических условий на противоугонное устройство для автомобиля. Эту очередную электронную поделку, предложил запустить в производство отдел маркетинга. Схему устройства чертил за соседним столом Вестилов, крепкий мужчина пятидесяти двух лет с космами давно не стриженных русых, с проседью волос. Скорее всего, он обходил парикмахерскую стороной не для создания богемного имиджа, а по простой и прозаической причине — из-за хронической нехватки денег.

Третий сотрудник по фамилии Прищепкин с самого начала рабочего дня не отрывал взгляда от включенного монитора. Около половины одиннадцатого к попискиванию его компьютера добавился шум пара из закипевшего на электрической плитке древнего чайника с отбившейся кое-где эмалью.

Игорь, как всегда, на крышке намагничивающей установки заварил в стеклянной колбе чай, который покупали вскладчину. Народный умелец, «слесарь-интеллигент» Максимыч, который в свое время доводил до ума новые разработки, воплощенные в

электронике и металле, уже два года, как ушел на пенсию, а привившаяся благодаря ему традиция «всем коллективом» пить чай была все еще жива. Правда, теперь приходилось экономить, и заварка в колбе получалась светло-янтарного цвета, а не дегтярного с рубиновым отливом, как раньше...

Первым нарушил молчание Прищепкин.

— Сколько уже разработок сделали, а толку никакого. То денег на производство не могут найти, то цена слишком большая. Мужики, не надоело вам бесплатно работать?

— Лучше хоть чем-нибудь заниматься,— ответил Игорь, когда почувствовал, что вопрос коллеги повисает в воздухе.— Работа — это теперь такая роскошь! Скоро с нас будут деньги брать за вход на проходной.

— Вот коммунаки что натворили! Ты заметил, Игорек, власть поменялась, а они все на своих местах остались. Вчера дочитал документальную книгу — сколько там горькой правды, которую скрывали от нас за толстыми дверями бронированных сейфов! — с какой-то злой сосредоточенностью произнес Прищепкин, отрываясь от игры в карты с компьютером и доставая из ящика стола большую керамическую кружку, коричневую снаружи и белую внутри. Из-за короткой «канадки» и суетливой энергичности он выглядел моложе своих пятидесяти. Семен Семенович был раздражен, как все, что последнюю их нищенскую зарплату за прошлогодний декабрь выдали в мае, а на улице уже август, и усматривал в этом прямое следствие семнадцатого года.

— Сейчас одну брехню печатают,— не удержавшись, вмешался в разговор Вестилов. Он всю жизнь состоял в единственной оппозиционной «партии беспартийных» и вступил сразу в РКРП, «Трудовую Россию» и «Фронт национального спасения» в девяносто третьем, когда в газетах и на телевидении разгоралась кампания против «красно-коричневых». — Сам-то чего в КПСС делал двадцать лет?

— Меня обманывали всю жизнь. Я только сейчас прозревать начал,— Прищепкин повернулся к Игорю, который, несмотря на свои «под сорок», считался молодым, заранее зная, что Вестилова не переубедить, завяжется ежедневный изнурительный спор с одними и теми же надоевшими аргументами, все кончится тем, что оба уже будут готовы к рукопашной и, спохватившись, разойдутся, обиженные друг на друга, с подскочившим давлением.— Игорек, вспомни, какая раньше жизнь была. В магазинах шаром покати. Одна «эстонская» колбаса лежала по два сорок, которую собаки не жрали, да килька в томатном соусе. Раз в месяц разыгрывали пять пайков на весь отдел с «любительской» колбасой и пачкой бутербродного масла. И Вестилов опять нас хочет туда вернуть.

Игорь Дорогов понемногу сочувствовал обоим спорщикам, склоняясь то в одну, то в другую сторону, в зависимости от того, сколько денег лежало в кошельке. Он одинаково охотно читал анпиловскую «Молнию» с листовками, которые подсовывал один, и «Известия», которые приносил другой. Обе позиции казались по-своему правильными, и голова шла кругом от противоположных идей. Иногда ему казалось, что он раздваивается...

— Верно, плохо было с продуктами, Семен Семенович,— согласился Игорь.— Из Москвы мясо и колбасу рюкзаками возил, когда в командировки ездил. По колхозам да стройкам гоняли. Но и сейчас не лучше. Все дорого, не купишь, только посмотреть можно. Мне вчера телеграмма пришла из Москвы: однокурсники собираются отпраздновать пятнадцатилетие выпуска. А у меня нет денег даже на билет... Производство разорили, скоро и нас разгонят.

— Тебе-то, Игорек, чего бояться, ты еще молодой, все дороги открыты.

— А что ты ему, Семеныч, предложить можешь взамен — только спекулировать или, как радио советовало, петрушку в комнате выращивать? Во что великую страну превратили!..

— Если бы красные директора не устроили саботаж...

— Все разом что ли?..

Зазвонил телефон. Вестилов взял трубку. Сообщил, что его вызывает зачем-то к себе руководство и вышел. Он считался у них за старшего как бывший начальник бесследно исчезнувшей лаборатории.

— Вот такие и ратуют за Совдепию,— усмехнувшись сказал Семен Семенович и налил себе в кружку заварки и кипятку. Игорь тоже наполнил стакан чаем.— Вестилов всю жизнь сидел на шее государства, а где конкурентоспособная техника?.. Вот когда я был в Италии...

Дальше Дорогов уже почти не слушал, прихлебывая нетерпкое и несладкое обжигающее питье, и думал о срывающейся поездке в Москву...

Семеныч — фрукт еще тот. До самого развала в резерве на руководящую должность числился. Его в начале перестройки в заграникомандировку посылали какую-то аппаратуру закупать, он с тех пор всем с завистливым восхищением рассказывал, как капитализм «загнивает», и в любом разговоре вставлял: «Вот когда я был в Италии...» Далее следовал какой-нибудь и до него известный факт...

«Технику как на Западе захотел, а сам-то сколько палки в колеса ставил, пока я делал кандидатскую»,— мысленно усмехнулся Дорогов, впрочем, без обиды, кому она нужна теперь, его диссертация. Он несколько лет чувствовал себя рабом, но держался. Ему необходимо было выдержать, чтобы, получив ученую степень, добиться независимости. О, это была превосходно задуманная месть в духе графа Монте-Кристо! И еще заодно ему нужно было кое-что кое-кому доказать... Кто знал, что в разразившейся катастрофе последних лет эти замыслы покажутся ему смешными, а все бывшие передраги — милым, малозначительным и бесконечно далеким недоразумением. И правые, и виноватые были теперь только чудом уцелевшими жертвами страшного крушения, заслуживающими жалости и, возможно, любви... Теперь все чаще стало мучить сомнение, а жил ли он вообще или только делал вид.

Не успел Дорогов допить чай, как снова раздался телефонный звонок. Пришлось взять трубку и сказать «слушаю».

— Игорь Геннадиевич, тебя к городскому,— узнала его по голосу секретарь директора Нина Леонидовна.— Кононенко из Киева на проводе.

Игорь заторопился по длинному пустому коридору в приемную, где стоял единственный городской телефон, остальные были давно отключены за неуплату. С Сашей Кононенко связаны несколько лет совместной работы. Саша, будучи еще аспирантом одного из престижных киевских вузов, заскочил однажды в их лабораторию в самом конце рабочего дня. Бросились в глаза спортивная фигура в безукоризненном сером костюме и открытое, располагающее лицо. У него через два часа отходил поезд. Предложил собственный оригинальный метод решения проблемы, над которой бился Дорогов. Провели на скорую руку эксперимент и получили неожиданный, поразительный результат — улучшение еще одной, не менее важной характеристики, что, по всем правилам, тянуло на изобретение. Саша уехал с черновиками протоколов испытаний, а через пару недель вернулся со своим руководителем, членкором Украинской Академии наук заключать договор о сотрудничестве.

После, подготовив опытные образцы, Дорогов отправился их испытывать в Киев. Дело было в мае, в самую пору цветения сирени и каштанов. Его тепло приняли в этом городе с еще не улегшимися страхами от Чернобыльской аварии пятилетней давности.

— Не опасно у вас сейчас?— поинтересовался тогда Игорь.

— Говорят, смертельно,— пошутил Саша.— Видел на каштанах цветы с пожухлыми краями?— От радиации.

Вечером, после успешных испытаний они вдвоем потягивали янтарный крым-

ский портвейн, курили и разговаривали о делах и о жизни в Сашиной лаборатории, напичканной приборами, которую он устроил в принадлежащей институту обычной квартире старого двухэтажного дома с уютным двориком, заросшим одурманивающей сиренью, где все жильцы знали друг друга и приветствовали распевной украинской мовой, а Саша отвечал им тоже по-украински, и все это было таким милым и родным, похожим на воспоминания о детстве.

А утром, по пути из гостиницы на вокзал, Игорь увидел демонстрацию преподавателей и студентов университета, которые с торжественно-решительными лицами шли по улице под желто-голубыми флагами. Он с грустью ощутил незримую энергию отчуждения, исходившую от этого праздничного шествия.

Кандидатами наук Кононенко и Дорогов стали почти одновременно, как раз тогда, когда наука стала никому не нужной, и всех терзала только одна проблема — где взять денег. Научные связи, в первую очередь с «ближним зарубежьем», развалились сами собой. Даже телефонные переговоры стали теперь накладными. Последний раз Саша звонил полтора года назад, зимой...

...В приемной немолодая секретарша показала на лежавшую на столе трубку.

— Алло, слушаю, Дорогов.

— Игорь Геннадиевич, ужасно рад тебя слышать, — в своей обычной приветливой манере начал Саша. Дорогову тоже был приятен этот голос, долетавший словно из другого времени и иной, благополучной, азартно-творческой жизни. Саша без прежнего задора рассказал о своих последних достижениях, опубликованных научных статьях, посетовал на цены.

— Представляешь, на сигареты не хватает, — с горечью заключил он. Затем, как и в прошлый раз поинтересовался. — Как у вас сейчас обстоят дела на предприятии — не появились деньги на продолжение нашей работы?

— Откуда, брат? Даже зарплату платить перестали, — как бы извиняясь, ответил Игорь.

— Поговори с руководством, попробуй убедить в необходимости дальнейших исследований.

— Боюсь, что это бесполезно. Видел бы ты в какой мы яме. Помнишь цех, в котором собирали прецизионные узлы? Давно законсервирован, на двери амбарный замок висит. Из пяти тысяч работников осталось пятьсот. А вместо промышленных роботов выпускаем бытовые весы и мыльницы.

— Что ж, это тоже нужно, — с сочувствием произнес Саша.

Пожелав друг другу удачи, тепло распрощались...

На обратном пути Игорь завернул на макетный участок. Там уже давно стояла без дела его последняя автоматическая установка. Завод, для которого она предназначалась, приказал долго жить, и теперь Дорогов ломал голову, что делать с этой напичканной электроникой, чересчур умной и оттого никому не нужной, по нынешним временам, машиной. Включил ее, полюбовался мигающими лампочками, пощелкал клавиатурой компьютера, вошел в режим «бесконтактного» управления. Наслаждался, словно музыкой, бесшумным, виртуозно точно отзывающимся на каждую команду движением исполнительного механизма. Затем, вздохнув, подумал «на сегодня довольно», машина плавно замерла, лампочки погасли...

Вслед за Дороговым в лабораторию вернулся от начальства Вестилов.

— Ну, что тебя вызывали, Палыч? — нетерпеливо поинтересовался Прищепкин.

— Мужики, дело дрянь, — Валерий Павлович выдержал небольшую паузу. — С завтрашнего дня нас опять отправляют в отпуск без содержания.

— Ничего не поделаешь, капиталистическая действительность, — насмешливо вздохнул Семен Семенович, который по выходным приторговывал маслами на авторынке и теперь, наверняка, рассчитывал расширить бизнес за счет будней.

— Надолго?— озабоченно спросил Дорогов, прикидывая, где на этот раз искать временную работу. Заказы на ремонт телевизоров перепали все реже. Ему уже приходилось устраиваться грузчиком на оптовой базе, сборщиком мебели, сельхоз-рабочим в пригороде. Однако, даже к временному прибежищу в коммерции душа не лежала.

— Пока до октября,— ответил Валерий Павлович.— Можно уже расходиться по домам.

— Ладно, счастливо отдыхать,— сказал Прищепкин на прощание и тут же исчез.

— Вот наказание, хоть бы зарплату дали! Мне же в Москву надо,— проворчал Игорь, отключая приборы.

— Когда у вас назначена встреча?

— В эту субботу.

— А не хочешь поехать в Москву с нами? «Трудовая Россия» организует акцию. Вот, почитай на досуге,— Валерий Павлович протянул листовку с крупным броским заголовком «В поход за СССР!». От этих четырех магических заглавных букв, обозначающих утраченную страну и все, что с ней было связано, у Игоря дрогнуло сердце. С долей снисходительного недоверия он бегло просмотрел мелко набранный текст и, свернув листовку, положил в карман.

— Вы думаете, Валерий Павлович, еще можно что-то изменить?

— А иначе стал бы я в этом участвовать!? Мы выезжаем в четверг в пять сразу после митинга у памятника Ленину. Решай...

Дорогов подождал, пока Вестилов закроет и опечатает дверь, затем вместе вышли на улицу. У перехода расстались. От прощального рукопожатия коллеги у Игоря хрустнули пальцы.

Солнце стояло высоко, но было не жарко. Дорога буквально запружена иномарками, лишь изредка стыдливо мелькнут и скроются в сплошном потоке «жигули» и «москвичи». От этого сверкающего, дразнящего потока у Игоря закружилась голова и снова стало душить навязчивое и — понимал ведь, что обманчивое — ощущение, будто все живут припеваючи, и только он один — не приспособившийся неудачник... Надо было во что бы то ни стало раздобыть денег.

Выпускники его группы собирались в столице раз в пять лет. Ни на одной встрече до этого Дорогов ни разу не был, хотя не существовало каких-либо внешних препятствий. Теперь же, в самый неподходящий момент...

* * *

Оставившим светящийся след метеором промелькнули годы, проведенные в тихом студенческом городке всего в нескольких минутах ходьбы от станции метро. Оглянуться не успел — уже диплом, да не простой, а красный лежит в кармане его рыжеватого пиджака с изрядно потертой подкладкой.

Гэдэровский пиджак этот цел, снова стал впору, благодаря периодическому недоеданию (нет худа без добра), и Дорогов последний год снова стал надевать его на работу, испытывая всякий раз странный трепет, будто соприкасался с частичкой забытого времени, когда ходил с ума по «Битлз» и «Поющим сердцам», обожал зиму и лето, жалел хромых собак и бездомных кошек, любил материалистическую историю КПСС и мистические формулы ядерной физики... А чего стоил бассейн «Москва» в самом центре у метро «Кропоткинская»! Особенно зимой, когда плывешь на спине в клубах пара, и падающий снег щекочет лицо...

В этом самом пиджаке он был в первый раз по-настоящему влюблен. Ее звали Оксана. Самая красивая девушка в мире, ленинская стипендиантка. Когда она, юная, хрупкая, стройная решала с мелом у доски какую-нибудь длинную задачку на симплексный метод (молодой и щеголеватый преподаватель экономики был к ней явно

не равнодушен и вызывал чаще других), то изящно держала левую руку, согнутую в локте за спиной, едва касаясь поясицы, улыбалась и играла сияющими бирюзовыми глазками размером с блюдце.

Она!.. словно вихрем размело привычную череду лекций, семинаров и попок с приятелями по поводу получения стипендии. Все залито нежностью и безнадежной сладостной грустью. Шансов у него никаких, но от этого она еще притягательнее... В колхозе на третьем курсе Игорь, предусмотрительно сняв очки, едва не подрался за право проводить ее после танцев с Сергеем Мирохиным, который через год женился на другой. Она выбрала Дорогова...

Сразу после того колхоза, побывав с делегацией комсомольского актива в Португалии, Оксана рассказывала в группе, какая в Лиссабоне архитектура, обычаи и люди.

— Ну, а в магазинах там что можно купить?— перебил ее Венька Котов, известный фарцовщик, за которым из семестра в семестр тянулись «хвосты».

— В магазинах есть все, и никаких очередей,— признала Оксана.— Но и в СССР со временем эта проблема будет решена.

— Ну, ну,— недоверчиво усмехнулся Котов.

— А ведь он прав,— тоном знатока доверительно сообщил Игорю стоявший рядом с ним Никита Сушкин, большой любитель пофилософствовать.— Лет примерно через десять и у нас капитализм наступит.

— По «Голосу Америки» передавали?— скептически усмехнулся Игорь и тут же забыл о бредовом предсказании, а потом, много лет спустя, вдруг с горьким изумлением вспомнил, когда оно уже сбылось...

...Игорь постигал Оксану как некое захватывающее и еще не изученное, впервые им открытое явление. Он весь пропитался ее интонациями, выражением лица, манерами, любимыми фразами.

В конце четвертого курса, за день до разлуки они прогуливались вдвоем по Александровскому саду. Она была в светлом платье, а на нем рыжий пиджак и польские голубые джинсы.

— Игорь, чем ты собираешься заниматься после института?— спросила Оксана.

— Известное дело: распределюсь на завод или в НИИ.

— В Москве?

— Без прописки в Москве?!

— А если тебе попробовать пробиться в аспирантуру?

— Без блата пустая трата времени. Вон сколько москвичей желающих,— возразил Дорогов.

Некоторое время шли молча, пока не поравнялись с автоматами газированной воды, возле которых вились осы и толпились люди.

— Игорек, у тебя нет трюшки?—спросила Оксана.— Пить хочется.

В кармане пиджака отыскалась трехкопеечная монета. Автомат выплюнул в вымытый граненый стакан газировку с грушевым сиропом. Вода оказалась такой холодной, что ломило зубы. Пили по несколько глотков, передавая стакан друг другу. Затем двинулись дальше.

— Тебе не хватает амбиций,— решила снова вернуться к прерванному разговору Оксана.

— У меня их слишком много,— ответил Игорь.— Иначе я бы унижался и выпрашивал себе что-либо.

Хотел добавить: «И влюбился бы в кого-нибудь попроще». Но передумал. Теперь он уже больше ни в кого не смог бы влюбиться.

— Пойми, интересная работа в провинции — это просто иллюзия. И блат там ценится не меньше. Тебя затрут, съедят, как моего несчастного папочку. А квартиру там можно получить только к пенсии.

— Ну, это мы еще посмотрим...

На следующий день Игорь отправился в двухмесячные военные лагеря, а Оксана уехала со стройотрядом в Чехословакию.

...Увидеться с ней ему удалось только первого сентября. Она сдержанно улыбнулась на его приветствие и сообщила, что скоро выходит замуж. Он растерянно произнес «поздравляю». Ее избранником оказался тот молодой и щеголеватый преподаватель экономики. Он был командиром стройотряда в Чехословакии.

На свадьбу в кафе пригласили всю группу, но Игорь не пошел и вообще стал держаться от Оксаны подальше, насколько это было возможно в одной группе. Кажется, ее это задевало...

Заведующий кафедрой автоматических систем профессор Карпушин предложил Дорогову продолжить учебу в аспирантуре после получения диплома, но теперь об этом не могло быть и речи. Все, что он успел полюбить в первопрестольной, вызывало необъяснимое беспокойство. При распределении не позарился даже на Подмоскowie с его перспективными научными школами, выбрал точку подальше.

— Ну, что ж, — сказал профессор хриплым прокуренным голосом, когда Дорогов пришел попрощаться. — Голова у тебя светлая. Если захочешь заняться наукой, дай знать, постараюсь помочь. Но будет значительно труднее.

Игорь рассеянно кивнул:

— Спасибо.

Убеленный сединами профессор, прошедший сапером всю Отечественную, наверняка, недоумевал: «Что еще нужно этой современной молодежи?»

Позже, через знакомых Дорогов узнал, что Оксана закончила еще Академию управления народным хозяйством, потом аспирантуру, стала кандидатом экономических наук. Технические дисциплины она всегда недолюбливала.

...Эх, если бы были деньги, он уже в эту субботу смог бы увидеть свидетелей и соучастников солнечного утра жизни. Больше всего хотел поговорить с Оксаной. Ему так и не удалось избавиться от сладкого сердцебиения при одной только мысли о ней.

* * *

— Вот наш новый сотрудник, зовут его Игорь Геннадиевич Дорогов, только что закончил институт. Прошу любить и жаловать, — представил его начальник отдела Пыреев. Все десятка три человек оторвались от своих занятий и уставились на Игоря. Он почувствовал, что бледнеет от волнения. Его подвели к свободному столу. «Тебя затрут, съедят, как моего несчастного папочку», — вспомнил он пророчество Оксаны, скользя взглядом по незнакомым лицам. А если и съедят — какое это теперь, без нее имело значение?..

К нему подходили знакомиться, расспрашивали. Больше всех его «окружал вниманием» слесарь-сборщик Акимов, разговаривая с ним так, будто они сто лет знали друг друга. В половине одиннадцатого он уговорил Игоря выпить стакан крепчайшего, заваренного в стеклянной колбе чая. К концу дня Дорогов, казалось, знал об Акимове все, но в последующие годы чуть ли не ежедневно открывались все новые необыкновенные подробности его биографии. Приключения Юрия Максимовича начались еще в младенческом возрасте, когда он сбежал из эвакуированного в Ташкент во время войны детского дома и в товарняках пытался добраться до родного города, пока его не поймали на одной из станций в Средней Азии. Следующий побег оказался удачным. В недавно освобожденном от немцев полуразрушенном городе он разыскал свой уцелевший дом и мать, вернувшуюся из эвакуации. Отец, которого он ни разу не видел, воевал на фронте, отсидев шестилетний срок «за халатность» — в одной из сапожных мастерских руководимого им треста ревизия обнаружила недостатку, ну а законы тогда были суровые. Юрий Максимович с гордостью рассказывал,

как его отец во время выхода из окружения застрелил полковника, отдавшего приказ сдаться немцам, и никогда не держал зла за свой арест на Советскую власть и Сталина. Да и сам «слесарь-интеллигент», как его в шутку называли в отделе, был склонен идеализировать то дохрущевское время. Все, что творилось в стране, начиная с «Хруща», характеризовалось им одним словом: бардак. А повидал Акимов немало. В молодости работал грузчиком в Якутске и Певеке, мыл золото на Колыме, судьба забрасывала его в Оймякон — полюс холода, в Магадан и на Камчатку, ему довелось купаться в ледяном Анадырском заливе и даже стать чемпионом Чукотки по боксу. В начале шестидесятых, когда «Хрущ» «порезал» северные надбавки, и народ хлынул на «материк», Максимыч тоже вернулся с женой и сыном, стал обивать пороги партийных и советских руководителей, чтобы ему, добровольцу, уехавшему на Север по комсомольскому набору, выделили жилье или хотя бы участок под застройку, но никто и пальцем не пошевелил, пока не догадался съездить в приемную Президиума Верховного Совета. Тогда участок в пригороде все-таки дали, но Акимов сделал вывод, что власть в стране незаметно прибрали к рукам враги народа, повылазившие из щелей после смерти Сталина. Разочарование было столь велико, что молодой рабочий сжег свой комсомольский билет. Дорогов слушал эти байки со снисходительным интересом, как частный случай, не соответствующий теории, которой его учили в институте.

Над монтажным столом Максимыча висел приклеенный к стене цветной портрет Юрия Владимировича Андропова.

— Вот его, Игорек, я уважаю,— сказал Акимов, кивая на портрет.— Ты только глянь, как новый генсек взялся наводить порядок! На работу опаздывать не моги, прогульщики да бездельников милиция прямо на улицах отлавливает. А недавно нашего начальника Вячеслава Васильевича в мебельном магазине днем застукали вместе с одним райкомовским работником — так их по радио на всю область ославили, не посмотрели на чины.

— Максимыч, хватит трепаться,— сказал проходивший мимо начлаб Вестилов, которому было в ту пору тридцать пять.— Ты плату управления распаял?

— Еще вчера.

— А сейчас чем занимаешься?

— Кожух для блока питания делаю.

— Когда закончишь, посмотри, почему шпindelный узел заклинило.

— Перебьешься, начальник, не блатной.

— Чего? Смотри, договоришься, лишу тебя премии.

— А ты, Палыч, разве не слышал лагерную поговорку: «Лучше кашки не доложь, да на работу не тревожь»?

Игорь диву давался, как ловко орудовал Максимыч и отверткой и метчиком и паяльником. Не сразу заметишь, что у него на правой руке не хватает большого пальца — «отсандалил» циркуляркой лет десять назад, когда зимой пилил впотьмах мерзлые дрова соседке. Как жалко ему стало тогда отскочившего в снег пальца!

— Пойдем, Игорек, покурим,— предложил слесарь.

— Пошли, только я не курю.

В полутемной комнате вдоль стен стояли деревянные «клубные» кресла с откидывающимися сиденьями, светились огоньками с десятков сигарет. Лампочка была еле заметна в дыму. Только Акимов раскурил свою «приму», в дверях появился лысый мужчина с бросающейся в глаза выправкой отставника и тоже закурил.

— Это наш парторг Кузовкин,— сказал Игорю Максимыч.— Давай подойдем.

Он представил Игоря, но о нем тут же забыли.

— Растволкуй, пожалуйста, Алексей Иванович, из-за чего поляки бастуют?

— Работать не хотят, вот и бастуют. Ну, и перегибы были допущены прежним руководством.

— А почему, как только у них заварушка началась, в нашем городе бутербродное масло исчезло?

— Сам подумай. Масло польским рабочим отправили. Что для нас выгоднее — полгода без масла посидеть или допустить, чтобы войска НАТО подошли вплотную к нашей границе? — бойко ответил Кузовкин, сам, должно быть, удивляясь, как удачно воспользовался приемами только входившей в моду контрпропаганды.

Но, по мере того, как Максимыч с невинным видом продолжал задавать вопросы, почему инженеров посылают в колхоз, в то время как в технике заглядываем Западу в зад, а колбасы и масла, один хрен, не хватает, с какой стати Москву кормят намного лучше, чем другие города, до каких пор в отделах будут числиться «подснежники», а начальство — втихомолку растаскивать стройматериалы со строительства цеха прецизионной сборки на свои дачи, не пора ли омолодить политбюро, — Алексей Иванович отвечал все сбивчивее и мрачнел на глазах, пока, наконец, не выскочил вон из курилки, бросив в сердцах окурки мимо урны и грозясь сдать «махрового антисоветчика» в КГБ.

Акимов ему вслед только посмеялся и довольно потер руки.

— Эх, Максимыч, довел человека до белого каления, — сказал один из курильщиков. — Смотри, упекут тебя, куда Макар телят не гонял.

— Мне бояться нечего, я в тех местах уже бывал, — ответил слесарь и весело сверкнул глазами на Игоря. Тот заметил в шутку:

— Хорошо, что сейчас Иосифа Виссарионыча нет.

— Э-э, дорогой мой человек, — укоризненно произнес Акимов, когда они вдвоем вышли из курилки, — Зачем напраслину на Сталина возводишь? При нем главенствовал закон, а не должность или положение. Если сажали, то за дело. Провинился — поди сюда, туалетный работник! Причем, с членов партии спрос был строже, чем с беспартийных. Конечно, кому-то это не нравилось. Я жил в то время, знаю. У меня самого старик был «репрессирован», как сейчас говорят.

— Что же в этом хорошего?

— А то хорошо, что закон для всех существовал. А теперь, коли номенклатурщик проворовался, его из одного кресла в другое пересаживают...

«Какие все это пустяки...», — с тоской подумал Дорогов и снова который уже раз на дню вспомнил, что за замечательную девушку он любил под метеоритным дождем уравнений и теорем. Без сомнения, она владеет секретом счастья, которое не зависит от того, кто рядом. Почему же ему так тоскливо?..

— Хочешь, Игорек, я тебе весь наш отдел покажу? — предложил Акимов. — У нас еще есть две лаборатории — испытательная и технологическая.

— Можно, — без особой охоты согласился Дорогов.

Эти лаборатории располагались в соседних комнатах дальше по коридору. Перед глазами мелькали незнакомые технические устройства, приборы, кульманы с приколотыми кнопками чертежами, и чужие лица, к которым, казалось, никогда не привыкнешь. Сознание бесстрастно фиксировало, что мужчин и женщин в отделе приблизительно поровну. Все женщины старше, за исключением молоденькой симпатичной секретарши Пыреева Вали, но Валя уже успела выскочить замуж и обзавестись ребенком (подробности сообщал догадливый Максимыч). Из незамужних (да и замужних) никто не приглянулся. Оно и немудрено после той, которая у него была...

В конце рабочего дня Вестилов объявил:

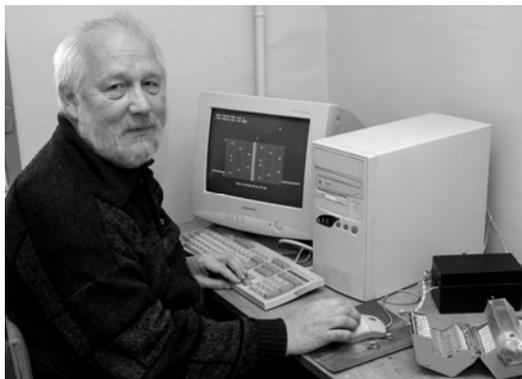
— Товарищ, минутку внимания. Пришел приказ — завтра всей лабораторией на прополку. Кроме освобожденных по состоянию здоровья, разумеется.

— И кроме меня, — добавил из своего угла Акимов. — Я устраивался слесарем, а не колхозником.

— Ну, ты у нас особенный, — проворчал начлаб. — Все уже к этому привыкли...

Алексей Яшин
(г. Тула)

**ЛЮБОВЬ
НОВОЮРСКОГО ПЕРИОДА**
(Главы из романа *)

МУЗА МЕЛЬПОМЕНА, ДОЧЬ ЗЕВСА И МНЕМОСИНЫ

Лера проснулась ближе к одиннадцати часам — и в прекрасном, неосознанно счастливом расположении души и тела. Но все же вспомнила о ночном чудачестве: долго не ложилась спать, размышляла о внезапном звонке... Добро усмехнулась своим фантазиям: все это от душного августовского вечера, раскаленного асфальта в самом центре города — не историческом, а деловом, как сейчас принято говорить — а главное, от внезапно навалившейся свободы отпуска от всего и всех. Свои укатили в Евпаторию, включая полковника, которому смело можно доверить всех домашних, исключая ее самую, ибо в свои шестьдесят пять Семен Ефимович еще смог бы позировать местному скульптору Рудольфу Черноротову, закажи тому городская администрация, не желающая отставать от столичных затейников навроде Зураба Константиновича, сорокаметровый монумент «Губернатор Стерлядкин открывает эру демократии в городе N.»— Она не помнила, от какого остряка слышала про скульптора, да и самого Стерлядкина уже дружно провалили на выборах, да еще статью вклепили по взяточничеству. Был человек, причем толстый и солидный, и нет человека...

А главное — отпуск в театре. Правильно покойная бабушка, разменявшая десятый десяток в самом начале бардака в стране, с серьезным юмором говорила, что единственное достижение наступившей эры демократии — на фоне всеобщего разрушения — это появление в свободной продаже туалетной бумаги... хотя бы и бразильского производства. Так и у них, служителей Мельпомены: система летних гастролей напрочь разрушена, хорошо директор театра в этом сезоне исхитрился сделать небольшой вояж в Курск и с половиной труппы по обмену в Калугу. А больше не востребованы, зато актерам отпуск в самый что ни на есть бархатный сезон!

В полном блаженстве и вставать не хотелось: валяться, валяться и нежиться. И кто это придумал, что без мужика и постель не греет? Наверное, они сами и сочинили для охмурения несовершеннолетних по уму или перезрелых по телу бабенок. Нет, конечно, и мужик определенную приятность в жизнь привносит, но главное, чтобы каждодневность, рутина не наступала. И чтобы мужчина был чист, выбрит, не садист и не извращенец... Еще что пожелаете, мадам? Ах, да, чтобы спрыснут был обязательно одеколоном «Консул», желательнo египетского рóзлива. Рассмеялась, вспомнив прическу Верки-травести: чтобы сорок раз по разу от души, как в первый раз. «Только не для него, конечно, в первый»,— добавляла она с нарочитой порочностью гримаски на очаровательно-круглой мордашке. «Ох, Ве-ерка, доиграешься ты

---

* Яшин А. А. Любовь новоюрского периода: Философский роман / Предисловие Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2009.— 712 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

со своими сценическими переодеваниями,— укоряли ее актрисы постарше,— в голове что-нибудь сдвинется, и будешь ты не заслуженная травеститка, а заурядная новомодная трансвеститка!»

Непривычная свобода поздним утром, Машка вторая не лезет тебе под бок, а сейчас, наверное, уже по пляжу носится, прячась от своей бабушки и хлопотливого полковника... Ну, вот, сглазила, истинно сказано: никакое имя всеу не упоминай! Только о дочери подумала, как на пороге комнаты явилась чудо расписное и лохматое: Машка первая; здесь все справедливо, по годам: дочери почти пять, а кошка уже отметила свое семилетие. «Не было у бабы хлопот, завела порося»,— в голос весело произнесла Лера, а Машка согласно дважды мотнула хвостом влево-вправо.

Откинула махровую простыню, которой укрывалась в жаркое время, спустила ноги на пол, сладострастно потянулась, подумав: еще одно достоинство временного одиночества в квартире — спать голышом, когда и ночью на улице столбик за двадцать с лишком. И даже легкий халатик не набрасывать по пути в ванну. Машка шла следом, но по инерции дверь туда Лера за собой закрыла на щеколду. Внимательно осмотрелась в узком, длинном зеркале «в рост», отмахнула рукой короткую челку мелированных волос, повернула голову, как Машка хвост, вправо-влево, поднимая подбородок, чуть тронула указательными пальцами, поглаживая веки глаз. Затем опустила ладони на уровень ключиц и медленно заводя их вправо и влево, провела по округлостям грудей еще («Еще!» — вздохнула она) крепких, оформленных, задержалась на твердых сосках и снизу, уложив груди в ладошки, чуть приподняла их. «А знаешь, ничего! — комментировала она свои действия,— если завтра война, в смысле если откуда-нибудь из Парижа или Голливуда докатится мода не носить бюстгалтер, то вполне смогу конкурировать с малолеткой... если они, конечно, с восьмого класса школы не трахаются и уже не отравили себе пушечных ядер». И в контексте рассмеялась: присутствие, хотя и эпизодическое, в доме полковника начинает сказываться на образности мышления и языка в части военно-пехотной конкретики.

Мягко ущипнула себя за бока, округло провела ладонью по маленькому, не от родов, но природой данному животу с аккуратной пуповичной ямкой: нет, такая и все что при ней такое же, как и пять, десять лет назад. Для осмотра нижней части икр и лодыжек длины зеркала на хватало, но все остальное за прошедшие сутки изменений не претерпело: бедра атласны и округлы, коленки «не колотятся», интимные места белеют положенным им треугольником спереди и сзади. Никакой кривоногости и косо-копытности, только естественная, в рамках всех физиолого-анатомических норм подпружиненность! С огорчением подумала, что уже вплотную надвинувшаяся идиотская мода брить ноги все же не мытьем, так катаньем заставит лишиться этих золотистых волосиков на внутренней поверхности бедер и икр. «Нет,— громогласно верещит Веерка-травести, после второго фужера «мартини» на дармовщину,— пусть я последняя останусь в театре и в городе вообще небритая, зато все мужики будут моими! Ведь они, усладители нашей нелегкой жизни, втайне ненавидят эту бритоногость. Мне мой предыдущий папик так и сказал, что это отбивает возбуждение на семьдесят пять процентов — он из коммерсантов, привык все на проценты переводить — и это прямое покушение производителей техники и химии для женского бриться на естественную красоту женскую. И еще говорит, что когда он, кобель этакий, гладит бедра обритой женщины, то возникает ощущение дотрагивания до лягушачьей шкуры. А? Здорово сказал, даром что офисный спекулянт. Так что, девки, будем, как говорится, голосистыми и волосистыми!»

Посмеялась тихонько, вспомнив реплику Верки, еще раз осмотрела себя вкупе со всеми прелестями в зеркале, поворачиваясь то правым, то левым боком, то спиной и заглядывая через плечо, и уже становясь под душ и всерьез, но и шутливо в то же время подумала: до чего же я прелестна в свои тридцать пять лет? И разве не обидно

такую красоту даже на время отдавать в клешкастые объятия грубо сопящему от вожделения, с округлившимися от животной страсти глазами мужику? «Да-да,— уже вслух произнесла Лера,— вот с такой горделивой обидчивостью и ждут потом среди ночи звонка неведомо от кого!» — И тут же жестко поправила себя: «Сама знаешь что ведомо: от отца твоей дочери, а ситуацию поведения сама содеяла. И непонятно для чего...»

Включила душ. Кошка Машка тоже в унисон затеяла умывание перед дверью ванной.

* * *

*...Хотя
буржуй
и лицо перекрасил
и пузо не выглядит грузно —
он волк,
он враг
рабочего класса,
он должен быть
понят
и узнан.*

Лера причесывала свои жестковатые, коротко стриженные (актерка, парики!) волосы перед старинным трюмо в просторной прихожей «сталинского» дома, в бессчетный раз с улыбкой читая эти строки, выполненные почти каллиграфическим почерком черными чернилами, слегка уже выцветшими, на тетрадного формата прямоугольнике ватмана, припиленном по уголкам кнопками к стене — на уровне глаз и чуть вправо от зеркала. «Бабулечка моя, революционерка почти со столетним стажем, самолично написала и прикрепила, когда в городе первые кооперативы завелись», — поясняла Лера впервые приходящим в их квартиру. Правда, таких и раньше за год не более двух-трех набиралось, а теперь и этот ручеек иссякает...

И словно издеваясь, прямо над головой, в высоком углу прихожей раздался сначала короткий, потом чуть подлиннее звонок. Лера никого не ждала, потому не торопясь еще пару раз взмахнула расческой, повернулась к двери, подошла и посмотрела в глазок: через увеличительное стекло оптически распузырились фигуры двух молодых парней, скорее всего старшего школьного возраста. В руках они держали парусиновые сумки, чем-то угловато набитые, впрочем, не очень-то тяжело наполненные. Усмехнувшись, она язвительно хмыкнула и нажала кнопку на правом косяке дверной коробки и, забыв тотчас о визитерах, пошла из прихожей вслед за голодно мяукающей Машкой: пора кормить животину! Но все равно услышала из-за двери механический голос полковника с раскатами и нарочитым хохлацким говором: «Усе, хлопцы, вы сфотографированы и активированы. Карточки на память получите в Центральном РОВД и майора Храповика!» Еще она представила на миг растерянные физиономии парней, услышавших командирский голос из закамуфлированного динамика и ослепленных яркой фотовспышкой.

Семен Ефимович хотя и являлся настоящим полковником в отставке, но обладал выраженным чувством юмора. Ребята из его охранного агентства «Спартак» за час с небольшим установили всю эту механику после того, как в опрометчиво открытую Инной Васильевной на звонок — тяжелое наследие советской доверчивости — дверь быстро вошли двое молодых людей в каких-то стилизованных спецовках, представившихся «горгазом». После их ухода на кухне не досчитались десятка серебряных

ложек из бабушкиного наследства и опрометчиво оставленного Инной Васильевной на холодильнике кошелька. Правда, в нем находился только месячный проездной, срок действия которого накануне истек, и какая-то сушая мелочь.

В дополнение к технике полковник провел часовую беседу с обеими дамами, причем Инна Васильевна доклад законспектировала. В частности, Семен Ефимович рекомендовал особо остерегаться молодых ребят, якобы торговцев книгами в разнос: «Вы, девушки-женщины, шибко грамотные. Я тоже в свое время, когда комроты был, за ночные дежурства всю полковую библиотечку перечитал. Так вот, у Диккенса есть роман, где очень даже подробно и со знанием дела описана воровская школа, что-то навряде специализированного *ПТУ*. Сейчас время наступило архивороватое, причем представители этой древней профессии хорошо организованы. И у них есть свои профтехшколы по различным специализациям: домушники, форточники, щипачи, ну-у, не буду вас утомлять специальной терминологией. Но все воровские ученики кроме теоретических занятий на своих базах-малинах набираются большого практического опыта. Вот, например, у домушников, которые спецы по обчистке квартир и всяких там офисов, первая серьезная практика — разведка. Вот такие шустрые ребята берут в руки по сумке с книгами и обязательно по-двое начинают обход указанного учителем района; кроме потенциально богатых квартир они не ленятся входить в любую встречную дверь, где нет охранников: от депутатских общественных приемных до сапожных мастерских. Наверное, вы в своих трудовых местах таких уже заметили...

— Я лично ни разу, — хмыкнула Лера, — во-первых, театр в такой нищете, что вор скорее подаст на бедность, чем польстится на пыльный реквизит двадцатилетней давности. Опять же днем и ночью, исключая время спектакля, двери в храм Мельпомены на запоре.

— А вот к нам в «кулек», извиняюсь, в колледж культуры, такие иногда забегают. Вот ты, Семен Ефимович, разъяснил нам, и я сразу вспомнила: какие-то они щупловатые, одинаковые, быстро и без стука вбегают в любую открытую дверь, а глазами так быстро-быстро, как фотоаппаратом, все схватывают.

— Во-во, как фотоаппаратами... И в считанные секунды все осмотрят, оценят обстановку, главное — запомнят до мелочей. А по-двое так это для взаимной перестраховки и быстроты обзора: один правую сторону комнаты фиксирует, а второй, что слева, левую, соответственно. Еще одна характерная примета — книг в сумках немного, чтобы не стесняли оперативность их элоквенций, говоря языком военным. Естественный вопрос: почему столь интеллектуальный товар у них для прикрытия? А просто сейчас людям не до книг, а кандидаты в домушники не будут терять драгоценного времени. Иногда они носят в сумках совсем что-то нелепое, представляясь торговыми агентами американо-канадской компании, типа плюшевых медвежат в летнюю жару или китайских термосов в двадцатиградусный мороз.

...Спугнув книгонош, Лера захозяйничала на просторной кухне — не хуже чем в тех двадцати-с-чем-то этажных «билдингах», что начали возводить в центре московские компании, со временем планируя захватить площадь всего города. Дома эти полковник, впрочем с полным на то основанием, называл бандитскими. И видно его здорово вымуштровали в академии по политэкономии, потому что, начав как-то разговор с этих домов, он тотчас перешел на иллюстрацию третьей главы первого (или второго? — Лера не забивала голову ерундой) тома «Капитала» о вывозе этого самого ростовщического капитала из метрополии в колонии. Или что-то в этом роде; им в *МГИК'е* политэкономия преподносили упрощенно: для культработников и домохозяек.

Дав Машке вчерашнюю вареную рыбу, ошпаренную для сугрева кипятком из чайника, себе же сварила пару яиц всмятку и овсянку. Насчет холестерина она не беспокоилась и вообще считала это выдумкой производителей фармпрепаратов, а вот

с овсянкой дело сложнее и интимнее. Несмотря на оптимизм утреннего себя осмотра перед большим зеркалом, Лера не обманывалась: в тридцать пять лет все же жирок понемногу и талию округлял, и ягодички чуть-чуть, но уже отяжелял... И еще она хорошо, даже без квалифицированных подсказок Верки-травести, понимала: все прибывающие года еще не того калибра, чтобы играть здесь первую скрипку, а причина в другом: жизнь без мужчины... или, правильнее говоря, почти без мужчины. Таким вот жирком при сохранении общей стройности и покрываются даже очень следящие за собой старые и не очень старые девы, равно как и вовсе не девы, но безмужницы и не имеющие дежурных или постоянных любовников. «Вот так-то, девушка»,— невесело рассмеялась Лера. Доела овсянку, яйца без соли и без хлеба, а остатки каши из кастрюльки положила в блюдце кошки, покрыв туда рыбки из холодильника,— «Это тебе на обед, курносая. У меня вот нос классический, прямой, ну и что? Все одно нет у нас с тобой женихов!»

* * *

Лера любила свой дом, одной стороной выходящий на главный проспект города, а другой тоже на главную «интеллигентную» улицу. Не только за просторную квартиру любила и что родилась и прожила здесь три с половиной десятка лет. В доме этом была очень заметная «фишка», как сейчас говорят тинейджеры и идущая на поводу у них пресса и телевидение... или, наоборот, научающая несмышленицей. Ее, Леры, возраст, даже исключая непомнящее младенчество, все равно больше половины истории дома с башенкой, как его знал и звал весь город, отличая от немногих, считаемых по пальцам едва ли не одной руки «сталинских» домов.— Не потому, что город был неважнецкий, куда неохотно смотрели очи Главстроя; наоборот, всегда имел он до наступления новейших времен свою характерную роль исторического и достаточно специфического промышленного центра. Возможно в силу-то специфики исторически преобладавшего у рабочих надомнического труда город до начала тридцатых годов являл собою огромную деревню с десятками тысяч деревянных и кирпичных частных домов с парой-тройкой улиц, застроенных двух и трех-этажными купеческими «совмещенками»: на первом этаже давка, а выше — собственное жилье или под жильцов внаем.

Перед войной, как рассказывала еще школьнице Лере бабушка историю города не по-писаному, но самолично виденному, довольно активно взялись строить четырехэтажки в тогдашнем стиле татлинского конструктивизма. Правда, все знающая бабуся попутно поясняла, что этот самый конструктивизм, то есть голые, без балконов и всяких прибалбасов стены под шиферной крышей, архитектор Татлин очень даже просто позаимствовал у Ле-Корбюзье, приехавшего в СССР реализовывать свои модернистские проекты.

...Впрочем, не очень много успели построить. В конце сорок первого года город был фронтовым и на направлении одного из главных ударов на Москву, но оборонился, а после советского контрнаступления устойчиво оказался в тылу, хотя и не очень глубоко, по крайней мере для немецкой фронтовой бомбардировочной авиации. Но его не бомбили; во-первых, все заводы, имеющие военное значение, а других там не было, успели эвакуировать, а тратить фугасные бомбы на избы — это не в характере рациональных немцев; во-вторых, авиация была востребована на других направлениях. Как бы там ни было, но разрушений почти не было, поэтому в послевоенный период город не был включен в число восстанавливаемых, а потому до начала шестидесятых годов, когда первым секретарем обкома стал сыгравший важную роль в новой истории города Иван Харлампиевич, полностью сохранялся довоенный, а правильнее — и вовсе дореволюционный пейзаж.

Их дом был одной из немногих новостроек послевоенных лет. Да еще в двух кварталах по будущей главной «интеллигентной» улице тоже одновременно строили основательный «сталинский» дом. Правда, без эоловой башенки.

Как опять же любила вспоминать бабушка, до самого окончания строительства этих домов было неясно их целевое заселение. Но в городе ходил слух: один из них ангажирует для своих сотрудников обком, второй же предназначается для высших начальников и специалистов военно-промышленных предприятий и организаций. Но кому какой? — На это народный телеграф ответить не мог.

В итоге дом с башенкой по каким-то глубокомысленным соображениям заселили начальниками и начальствующими специалистами, а другой — обкомовцам и железнодорожникам «фифти-фифти». Точно также и дом с башенкой заселили не только директора и начальники-конструкторы, и даже не начальники, но конструкторы с громкими именами, но и значительная прослойка совработников-исполкомовцев и заслуженных людей города. В число последних не без основания была зачислена и бабушка Виктория Ильинична, ровесница века революций и войн, к тому же умудрившаяся появиться на свет в ночь на европейский Новый год, то есть 19 декабря 1899 года по принятому в Российской империи юлианскому календарю. Истовая революционерка, бабушка всегда с гордостью говорила, что родилась именно в этот день, предчувствуя грядущую революцию, которая переведет «замшелое царское время» на календарь григорианский и сделает ее день рождения новогодним... Но предпочитала умалчивать, что имя ей дали в честь бессмертной английской королевы, к тому же заравившей через браки своих дочерей и родственниц по нисходящей линии гемофилией все монархические дворы Европы, царский в том числе. Впрочем, при всей ненависти к тирании Николая Кровавого она чисто по-женски жалела наследника престола, но опять же не по причине его убийства в Екатеринбург-Свердловске, а из-за «викторианской болезни». «Да, бабуля,— говорила ей уже повзрослевшая и помудревшая Лера, когда Виктория Ильинична начинала излагать ей, за неимением других желающих слушать, краткий курс *ВКПб*,— человек должен жить в одну эпоху и чем дольше, тем для него будет лучше. А вот если детство и юность пришлось на одну, а взрослые годы на почти противоположную, то такому страдальцу приходится постоянно себя контролировать и сопоставлять все явления жизни. А это очень хлопотно и утомляет!» «Умна ты, Лерка, не по годам и тем более не по принадлежности к бабьему полу,— добродушно смеялась та, демонстрируя *свои*, замечательно сохранившиеся зубы,— а я вот имею опасение, глядя на все эти похороны подряд трех генсеков, как бы снова на старости лет не поменять эпоху...» Как в воду почетная революционерка глядела, застав горбачевщину и *ГКЧП*. Может и правда провидицей была, если еще до рождения, по ее словам, загадала революцию? И еще думала порой Лера, что умерла бабуса пять лет назад, не дожив до запланированного ей века целых девять лет, во многом из-за нежелания присутствовать при очередной для нее «смене вех», как она любила выражаться в терминах интеллигентских штампов времен юности. Понятно — революционной.

* * *

Иронизируя в детстве и в юности в глаза и за глаза над бабусей, впрочем, добро и любя, Лера про себя гордилась ею. Действительно, в семидесятые-восьмидесятые года Виктория Ильинична в глазах всего города была личностью легендарной. Впервые это с высокой областной трибуны озвучил Иван Харлампиевич, награждая Викторию Ильиничну в ее 75-летие орденом Октябрьской революции — первую и, как впоследствии оказалось, единственную в городе и области женщину, ставшую кавалером этой высокой награды. То же самое, но уже не задумываясь в поисках слова, бессменный глава области повторил и пять лет спустя. Орден Дружбы народов в этот

раз ей вручали не потому, что восемьдесят лет менее «круглая» дата, а просто все остальные гражданские знаки отличия у нее уже имелись, равно как персональная пенсия республиканского значения и редкостный знак «50 лет в КПСС». И еще она была лауреатом Сталинской премии II степени — в составе коллектива. Диплом кандидата исторических наук и аттестат доцента имела. И звание «холодной» профессорши. Много чего имела бабулечка милая, даже счастлива всю жизнь была, хотя и суровым счастьем ее судьба наградила.

Когда восьмиклассница Лера со вниманием прочитала официальную биографию бабули, изложенную в выпущенном местным издательством к какой-то юбилейной дате книге о выдающихся революционерах города, то была достаточно удивлена: по рассказам бабушки Вики, многие факты и события имели другой акцент, либо вовсе отличались в сторону противоположную. И бабушка, сама давшая Лере книжку, внимательно и с доброй улыбкой наблюдала за читающей внучкой. А под конец и вовсе хитро подмигнула: дескать, каково пишут? Чтобы девочка не задумывалась о различии напечатанного и ранее ею не раз и по различным поводам рассказанного, Виктория Ильинична с добросовестностью и обстоятельностью педагога прочитала внучке целую лекцию. Суть ее сводилась к различию между реальным и воображаемым с благими целями. В данном случае целью являлось воспитание подрастающего поколения на примере героических старших поколений. Поэтому местный писатель-очеркист Омшанников, специализировавшийся в местном издательстве по биографиям периферийных знаменитостей, и сгладил некоторые моменты ее биографии, а другие, напротив, выпятил и цветисто расписал. «Я сама Дементию Анатольевичу дала полное согласие на такие вольности,— поясняла бабушка Лере,— а он большой дока в литературизации вроде бы самых обычных вещей».

После этого разговора Лера все поняла правильно: что напечатано — это для воспитания юношества и ностальгических воспоминаний сверстников героев, уже и самих поверивших в свои беллетризованные биографии, а что было на самом деле в большой жизни бабушки — это для Леры. Понятно, что восьмиклассная внучка все это сформулировала в иной, упрощенной терминологии, но смысл ей самой был понятен и одобрен революционной бабушкой.

Конечно, в дореволюционном промышленном городе имелось достаточное число мастеровых-артельщиков, так сказать оптовых надомников от казенного завода, с доходами не меньше иных купцов второй гильдии, не говоря уже о мелких лавочниках. И дети их нередко получали среднее образование. С другой стороны, уже со слов их школьного учителя истории, по совместительству литератора-краеведа, Лера знала: дети зажиточных мастеровых предуготовлялись родителями для продолжения их ремесла и содержания семейных домов-усадеб, они же мастерские-миницеа. Потому мальчиков после начальной школы отправляли в реальное училище, а наиболее способных — в не очень дальний московский катковский лицей. Последние потом шли в политехнические столичные институты и возвращались в город инженерами на казенный и акционерный заводы металлообрабатывающего профиля. Дочерей же без затей направляли в губернское женское епархиальное училище: это давало приличествующее дамскому полу образование и воспитывало склонность к семейственности и управлению домашним хозяйством.

А вот бабушка к моменту отречения царя от престола окончила вторую женскую гимназию, где учились дочери городских чиновников-дворян высшей средней значимости, крупных промышленников и купцов. В отличие от мужских гимназий той поры, в женских детей разночинного и мещанского племени почти не наблюдалось. В советское время Виктория Ильинична как-то привычно осторожно объясняла внучке факт своего пребывания в гимназии и дочери своей, матери Леры, заказывала делать то же самое. Однако когда в самом конце восьмидесятых власть начала спешно ме-

няться на противоположную, бабушка все чаще начала вспоминать слова своего любимого поэта — для характеристики наступившей эпохи и ее творцов:

*Там,
где речь
о личной выгоде,
у него
глаза на выкате.
Там,
где можно пролезть
для своих нажив,
Там
его
глаза-ножи.*

— И поясняла своей внучке, вплотную приблизившейся к тридцатилетию: «Я эти стихи от самого Владимира Владимировича в Политехническом музее слышала! И еще Бурлюк с Асеевым одновременно выступали». Не вдаваясь в шепетильности прежних своих вариантов биографии «*аля Омшанников*», уже как само собой разумеющееся и всем известное рассказывала о своих родителях: отце, крупном чиновнике, во времена премьерства графа Витте (Витте-Полусахалинского, не приминала язвительно замечать она), даже возглавлявшем губернскую палату, действительного статского советника, то есть «превосходительства», к тому же даже не служилого или просто потомственного, но столбового дворянина, правда, из захиревшего еще до Наполеонового нашествия рода. Может по этой причине он сразу по выходе из Казанского университета по юридическому факультету, получив казенное назначение в наш город, как умозрительно полагала Виктория Ильинична, и женился на дочери довольно богатого купца, владельца оптовой мучной торговлей города и пары крупных магазинов — от колониальных товаров до некоторого подобия современных универмагов. Правда, купеческая дочь была красавицей и с отличием окончила ту же гимназию, где потом училась и бабушка Леры, что в глазах городского бомонда и служило-торгового мещанства значительно ослабляло бабушкину версию «женитьбы на приданном». Любившая точность, бабушка поясняла: она училась в той же гимназии, что и мать ее, но при маме та была единственной в городе, а номер «два» — это уже при ней...

Бабушка появилась на свет третьим и последним ребенком в семье, когда ее матери исполнился тридцать один год...

— А как же родовая традиция выходить замуж в тридцать лет, выходит, она лишь с тебя началась? — перебивала ее Лера.

— Формально — да, но мои папа и мама поженились в двадцать три года, с разницей в несколько месяцев. Для мужчин это было и тогда обычный возраст, но вот для женщины столько лет к замужеству? — Это «ранний» перестарок, что вполне соответствует нынешним тридцати.

— И почему? Ведь такая красавица, даже по этой пожелтевшей фотографии видно... Или уже эмансипэ в моде было уже? Феминистки всякие...

— Это все в столицах и университетских центрах. Здесь же проще было: то ли мама моя разборчива была, а может случился в городе перебой с женихами. Я ее не спрашивала, а она сама на эту тему разговоры не заводила. Да и все же, действительно, двадцать три — это не тридцать, хотя и император Александр Третий еще доканчивал свое царствование.

Революционеркой бабушка себя почувствовала в пятнадцать лет. И не гимназия,

конечно, ее наставила на этот путь, не либеральные в меру родители, но старший брат Андрей; «менее старший», как она называла среднего Юрия, к политическим бурям в стране и в мире вообще был равнодушен и избрал военную стезю. Тем не менее и получивший естественное университетское образование в Москве Андрей, и только что окончивший там же юнкерское училище Юрий — оба оказались на позициях Империалистической: младший по присяге и первому офицерскому чину, старший, как предполагала бабушка, в шестнадцатом году ушел вольно-определяющимся по заданию эсеровской партии.

Перед самой революцией отец семейства вышел в отставку, причем не со столь уж высокой должности, и в оды Гражданской войны работал тоже на невинном месте в заводууправлении. Завод был сугубо нужный для Советской власти, военный, управлялся прямо из Москвы, поэтому местным комиссарам разгуляться там не давали, да и ленивы они были в этом политически тупиковом городе: новую власть приняли равнодушно, купцы как-то рассеялись и затаились, а дворян и вовсе было мало. Так что родители бабушки тихо и спокойно жили в своем поместительном доме на бывшей Стародворянской почти до начала сталинских пятилеток. Умерли также тихо и почти одновременно. Братья же Виктории Ильиничны, хотя и по разным причинам и разными путями, уцелели в войнах и революции, но следы их затерялись в эмиграции. Даже в относительно спокойные двадцатые годы — красный террор утих, а психоз повальной подозрительности еще где-то вдалеке только маячил — они не давали сестре о себе знать. Только перед самой войной Викторию Ильиничну вызвали в спецотдел обкома и под очень строгую расписку дали почитать письмо... от Андрея, действующего резидента ГРУ ГШ* «в одной из стран вероятного противника», как он сообщал. Тем же — по его словам — занимался и Юрий, но в другой стране.

И здесь им повезло: уцелели на своей опасной работе, при чистках ежовщины, в Отечественную войну. Вышли в отставку в середине пятидесятых, жили с семьями в Москве, часто общались там и в родном городе с сестрой, но Лера их даже в раннем детстве не застала уже. Впрочем с детьми и внуками их, своими двоюродными дядьками-тетками и троюродными сестрами (братьев таких не было), бывая в столице, общалась по-родственному, а во время учебы в *МГИК'е* во время сессий и диплома проживала у них.

ЛЮБОВЬ МЕЛЬПОМЕНЫ ИЗЛЕЧИВАЕТ АПОЛЛОНА ОТ УНЫНИЯ

— Я живу только поэзией, а ужин — это проза, — своим театральным контрапунктом передразнила Лера известную героиню «Последней жертвы» Островского, прыснула совсем по-девичьи, — пойдем, милый, на аристократический ужин, который уже и готов.

— Почему аристократический? — Геннадий и не заметил, как задремал на полчаса, а Лера тихонько ускользнула на кухню, а теперь, тихо посмеиваясь, стояла перед постелью в своем любимом шелковом халатике.

— Потому что уже третий час ночи. В это время ужинают только аристократы со сдвинутым рабочим днем и...

— Дегенераты, — в тон вставил Геннадий, окончательно проснувшись и попытавшийся захватить Леру и увлечь ее в постель. Однако не учел струящуюся скользкость шелка; она же ловко увернулась и ловко бросила на вытянутые в шуточной борьбе руки Геннадия принесенный откуда-то из недр квартиры безразмерный махровый халат добротной старинной выделки:

— Одевайся и пошли, а то до рассвета совсем ничего осталось.

---

* Главное разведывательное управление Генерального штаба.

— А-а что рассвет? — Геннадий насторожился и непроизвольно зябко повел плечами.

— Не беспокойся, не то о чем подумал по своей исконно мужской глупости. Просто любовникам по классическим романам положено встречать рассвет только-только заснувшими и видящими лишь первый сон, друг о друге, конечно. А заснуть они должны, сам понимаешь, по причине определенного вида усталости. Все, пошли.

Ночной ужин, сготовленный хотя и на скорую руку, но весьма аппетитный, удачно дополненный принесенным ночным же гостем коллекционным массандровским мускатом «Красного камня» и французским коньяком — из запасов тестя — и черной икрой, пришелся явно по вкусу обоим: и махнувшей временно рукой на диету Лере, и никогда не помышлявшему о ней Геннадию. «Фи, что за провинциальные манеры,— подыграла под капризную барыньку Лера, встречая в дверях явившегося через двадцать минут после ее звонка Геннадия и принимая цветы и пакет с вином и икрой,— это я не про цветы, конечно, а про «выпить-закусить». Слава богу, сейчас не гайдарголод начала девяностых, а потом у нас есть Полковник, как он сам говорит: содержатель сразу четырех женщин...» — «Почему четырех,— как-то глупо от неожиданности спросил Геннадий,— ведь твоя бабушка...» — «Четвертая — кошка Машка. Не стой в дверях, проходи. Я думала, ты где-то в первом часу появишься, а ты как штык!»

Хитрила Лера, а по той же неожиданности встречи после долгой разлуки всегда заносчиво дерзила. А после своего звонка не отходила от окна, из которого в быстро темнеющем свете позднего августовского вечера, на помощь котором зажигались фонари, хорошо просматривался противоположный угол проспекта и «интеллигентной» улицы, где до полуночи торговали тротуарные цветочницы. Увидев покупающего там розы Геннадия, улыбнулась, гордая собой и поспешила к зеркалу в прихожей слегка подкраситься и открыть дверь тотчас после его звонка: не любопытствующих соседей, конечно, остерегалась, но чтобы скорее, даже на считанные секунды, увидеть его. Уже чутко слыша его торопливые шаги на подъездной лестнице, подумала об ужине, шаловливо улыбнулась и показала старинному зеркалу в прихожей язык: ужин мужику надо заработать!

А сейчас, ставя на кухонный стол тарелки с содержимым с плиты и холодильника и добавив к принесенным Геннадием бутылкам давний презент своим «содержанкам» Полковника — розовое токайское шампанское,— подумала: не перенести ли сюда из комнаты вазу с розами? Однако решила, что это будет комизм, ибо цветы требуют и ужина при свечах. Свечи-то в доме еще от запасливой бабушки остались, но вот как прореагирует на их зажигание противопожарная сигнализация, которой на дармовщину — от своей охранной конторы — Полковник щедро опутал всю квартиру? Подумав, мысль о цветах оставила, еще раз окинула хозяйским глазом сервировку стола и пошла будить Геннадия. Ужин тот явно заработал...

* * *

— Так. Открывай шампанское и не пялься на мои коленки и грудь, не в первый раз видишь,— маскируя все же проявляющееся смущение нарочитой актерской грубоватостью, Лера кокетливо запахла опустившуюся полу халатика и свела пальцами края декольтированного выреза,— первый тост молча, за что не скажу, второй, но коньяком — за нас, дебильных любовников. И ешь, пожалуйста. Хлеб в бутербродах с икрой поджаренный, потому что вчерашний... нет, позавчерашний уже, ибо днем из дома не выходила. Давай чокнемся.

— А что целый летний день дома делала?— выпив шампанское, спросил Геннадий, про себя же теряясь в догадках: за что или за кого таинственный тост?

— Да многое. Тебя, милый, ждала. С кошкой Машкой разговаривала. В окно смотрела, подперев кулачком подбородок, как девки голосистые и парни ершистые

за околицей выгуливаются. Да, еще бумагу марала. Может как-нибудь и покажу. А что изумляешься? Не одному же тебе трактаты сочинять.

Геннадий поперхнулся икряным бутербродом, некстати вспомнив при словах Леры о своей злосчастной рукописи, уже третий день замершей на сто пятьдесят седьмой странице. Она же поняла это по-своему:

— Извиняюсь еще раз за хлеб, крошится, ешь аккуратно,— она и не заметила, что говорит в той же интонации, что и с Машей, торопыгой в еде. И он это тотчас отметил, вспомнив как... но внутренне досадливо поморщился, отгоняя сопоставление. И она поняла, что он и в связи с чем понял ее. Поэтому поспешила сгладить невольную взаимную неловкость первым пришедшим в голову:

— Я днем... нет, под вечер уже, поливала цветы, что на окне, выходящем на проспект, и видела, как с синими фонариками, с сиреной сразу пять тюремный машин вверх мчались, наверное, на МТС*. Такое впечатление, что в нашем сегодняшнем отечестве половина ворует, а вторая — их ловит и сажает. А между ними тоненькая прослойка неумех навроде нас с тобой, да ведь?

— Да, количество автозаков на улицах есть прямой показатель успешности экономических реформ, как любит говорить Николай Игоревич, о котором я тебе как-то рассказывал: мой крестный в «преподской» деятельности. И еще заметь, Лерик, если раньше люди не всегда знали, где их городское узилище располагается, то теперь, благодаря телесериалам, а порой и по личному опыту, имея в виду себя, родственников, круг знакомых, названия и местоположение всех главных тюрем страны знают! Просвещение — велика вещь,— Геннадий также обрадовался отвлеченной теме, мало уместной для ночного свидания, но позволяющей замаять возникшую было неловкость, но тут уже Лера развеселилась:

— Это как мы с тобой в «Кресты» чуть не попали? Ха-ха-ха!

При воспоминании о той давней ленинградской осени души обоих потеплели, неловкость ненужных ассоциаций исчезла, зато нахлынувшие видения, словно сейчас это было, а не почти семь лет назад, начала их странной, но от того еще более прекрасной любви, растопили последние остатки неловкости их новой встречи.

Действительно, смешно тогда получилось. На третий день их проживания в Ленинграде ближе к вечеру, когда по-осеннему уже затемнело, занесло их, гуляющих неторопко вдоль Невы, на Выборгскую сторону близ Финляндского вокзала. Шли, шли и вышли вовсе не в малолюдное место: длинная краснокирпичная стена, ни души вокруг, да еще зябкий ветерок вдоль Невы понесся. Поравнявшись с дверью в стене, наглухо закрытой, остановились, размышляя: что это за стена? А тут дверь с металлическим стукотом отворилась, вышел некто военный в камуфляже, явно навеселе, а от веселости этой разговорчивый:

— Что, ребята, к нам хотите? Не рекомендую.— И разъяснил словоохотливо наивным провинциалкам, что это «Кресты» — питерская тюрьма.

...Теперь же и Геннадий, и Лера, когда от скуки или усталости поглядывали по вечерам на экраны телевизора с их милицейскими сериалами, то вспоминали ностальгически эту стену и дверь, откуда по сюжету выходили на волю выкупленные у юстиции братки, садились в ожидающие их «мерины» и отправлялись дружным трудовым коллективом праздновать в «Европейскую» торжество справедливости.

А Геннадий заодно вспоминал и еще одну историю с прежним, совковым незнанием главных тюрем страны. Еще по первому году работы в институте, тогда не университете, собрался он по своим диссертационным делам в Москву. Завизировал командировку у Николая Игоревича и отправился подписывать ее к проректору по нау-

---

* «Милиция — тюрьма — стадион»,— принятое в городе *N.* название квартала, занятого этими соседствующими учреждениями.

ке, замещавшему ректора, уже целую неделю пропадавшего в Новосибирске на малопонятном мероприятии с участием первых минвузовских лиц. Тот командировку сходу подписал, но дал попутное поручение:

— Ты одним днем едешь? Впрочем,— проректор справился в бланке командировки с место назначения,— это в центре, потому и по нашему делу успеешь,— надо срочно переправить вот эту папку с бумагами, это просмотренная верстка книги, что мы с кафедрой ракетостроения издаем в Институте информации Минобороны, без грифа секретности, конечно. Я было взялся сам отвезти, собирался завтра в Москву, да оттуда отбой дали. Так что,— проректор опять справился в бланке,— Геннадий Борисович, не сочти за труд закинуть верстку в институт. Он на Каланчевке; как сойдешь с электрички — в пяти минутах ходьбы, прямо за гостиницей «Ленинградская».

Геннадий, прибыв в столицу с первой электричкой, тотчас нашел здание института характерной постройки конструктивизма тридцатых годов, но там уяснил, что проректор не имел полной информации: вахтер-милиционер разъяснил, что институт-то здесь, в этом здании, здесь же в дворе строении и типография, но все издательские службы находятся в другом месте. Нужно выйти из метро «Сокольники» и пройти пару кварталов под горку, в сторону Яузы, а затем на третьем переулке свернуть вправо на Матросскую тишину, пройти по правой стороне несколько домов и... «не заблудишься; увидишь пятиэтажный дом, он там единственный не в линию, а метров на двадцать углублен. Там и издательство».

Поскольку по своим делам ему удобнее было явиться пополудни, то Геннадий, слегка досадуя — хотел пару часов походить по книжным магазинам,— пошел на метро. Видимо, он раньше, чем было нужно, свернул направо, ибо пошел по какой-то криволинейной узкой улочке, в конце концов упершись в приземистое длинное здание с вывеской «Баня». Пришлось расспрашивать встречных-поперечных. И здесь он отметил какую-то странную реакцию расспрашиваемых: при словах «Матросская тишина» мужики снисходительно усмехались, а пожилые женщины сочувственно теплели голосами.

Методом расспросов, проб и ошибок он таки-нашел нужный дом, отыскал в нем кого следовало и отдал папку с версткой. Редакторша оказалась словоохотливой, пожилой и доброй, поэтому Геннадий рискнул поинтересоваться столь странной реакцией прохожих на название их улицы.

— Так, молодой человек, вон из окна напротив-то тюрьма, которую по улице все и зовут Матросской тишиной. Так что в следующий раз уж и не удивляйтесь; впрочем, назад сейчас пойдете, так запомните, где сворачивать.

Следующего раза не случилось: его издательские интересы были явно не по линии военной техники и науки, а в тюрьму, тем более такого ранга, не было повода обращаться...

Начиная со дней *ГКЧП*, словосочетание «Матросская тишина» обильно полилось из всех рупоров СМИ, но всякий раз Геннадий с улыбкой вспоминал свои поиски совсем не того, о чем думал добрый народ, сочувственно объясняя бедолаге провинциалу, как пройти к скорбному месту.

«Вот ведь менталитет этот самый у русского народа,— изустно при случае и про себя размышлял он,— ни на один другой в мире непохожий: везде тюрьма, преступник — изгойные места и люди, в них пребывающие, а только у нас пелена страдальчества покрывает тотчас всякого, кто переступит приемное отделение заведения подобного профиля. Хотя бы даже убивец со стажем или новейший «олигархер», обокравший полстраны! Как такой *последний народ* не приговорить прагматичному мировому сообществу доллара к ничтожеству и исчезновению...»

* * *

— Ладно, хватит о грустном, которое в то же время веселое, то есть о тюрьмах,— сказала Лера, выслушав рассказ о Матросской тишине.— Я думаю, что хватит нам видеться раз в два-три года, а то и дольше. Ведь я могу и замуж выскочить, а? Не тревожься, теперь не выскочу...

— Из-за меня,— совсем сгруппил Геннадий, но Лера настроилась на серьезное «выяснение отношений»:

— Скорее из-за себя, своего характера. Но и ты здесь далеко не последняя фигура; исключая меня — и вовсе первая... И единственная. Подожди, подожди: обниматься на кухне — это у нас с тобой давно пройденный этап. Ты, пожалуйста, слушай меня. Я хотя и женщина, но совсем не глупая. И не пугайся, я вовсе не имею в виду бабское обычное: семье привет — чемодан — трамвай — здравствуй, Лера, я пришел к тебе навеки поселиться! Естественно, я этого хочу, но, как говорится, воспитание не позволяет. Если бы могла, то сделала это еще лет пять... нет, сразу после ленинградской поездки. Я другой смысл своим словам придаю: мы с тобой люди достаточно взрослые, хорошо понимаем, что быть постоянными, давними и верными друг другу любовниками *a moralite* ничуть не ниже, чем любить в браке. Опять же никто не в силах отменить законы биологии; это я о мужской полигамии. В принципе мы, женщины, в душе и даже в сердце к этому привыкаем, чуть поумнев. А ревность, скандалы? — Это все эмоции. Но при условии, что каждая из женщин одного мужчины уверена, или уверяет себя, что тот любит только ее. Второй момент, Геночка, в том состоит, что любовница не должна покушаться на права законной жены. Понятно, речь идет об умной любовнице, которых, к сожалению, очень и очень мало.

Итак, мое предложение, нет, я уже имею права на тебя по праву проверенной годами любви, а именно: бросать семью не смей, если только жена сама к тебе не охладит. Колдовать здесь я не буду, гарантирую. А Наташку-дрянь,— Лера не на шутку разгорячилась,— забудь. С женой хоть остатки былой любви, или память о ней, а с этой голубоглазой б... у тебя только похоть, говоря высоким штилем. Хватит тебе развлекаться, тем более, что я тебе в этом отношении всех заменю. В конце концов, биология с полигамией пусть таковыми и остаются, но всему есть разумный предел. И здесь я такое колдовство на нее наведу, что мало не покажется. Впрочем, мужская тяга к разнообразию ради самого разнообразия, как отголосок первобытного «осеменителя» рода-племени, должна к середине четвертого десятка затихнуть, перейти к стабилизации привязанности. Так что здесь я почти спокойна.

Давай, милый мой, выпьем по рюмке коньяка на равных — я девушка театральная, тренированная,— так проще о серьезных вещах говорить. Ну-у, что ты как будто все подбираешь слова, все осторожничаешь? Вспомни наш ленинградский медовый месяц, хотя и урезанный, и расслабься.

— Да нет, моя хорошая, какая настороженность? Я еще просто не привык к твоему, как бы это сказать...

— Так и говори: девушка-мажор. Термин сейчас хорошо известный, на слуху. Ничего, кстати говоря, в этом плохого нет. Если, конечно, это не современные старшие школьницы. А и без умных терминов всегда было так: кто каравай на свадьбе большим куском оттянет, тот потом и верховодит всю жизнь. Это так говорится. Либо муж хозяин в доме, но чаще среди городского мещанства — баба. Бой-баба, так и кличут.

— Лера, а что такое очень уж серьезное, как ты говоришь, еще не решено между нами?

— Да вообще говоря, все и сказано, утверждено и печатью скреплено. Только не ЗАГС'овской, но на наших грешных и одновременно безгрешных душах. Могла бы и

не говорить, а от тебя того же дожидаться. Сколько ждала, еще бы подождала, да больше невмочь. Вот храбрюсь, а баба бабой. Ладно, если слезы, то скорее от радости. А если и заговорила, то только затем, чтобы не смущаться, не смешиваться, на-талкиваясь на вроде как «запретные» темы: о женах, о детях... о *наших* детях.

Ну, обо мне и Машке мало чего нового узнаешь, даже если ничего толком и не знаешь. Потом как-нибудь исповедаюсь; опять же греха на мне нет. А как в твоём благоустроенном семействе?

— Правильно сказала: благоустроенном. Это смотря с какой стороны посмотреть. Опасная у Егора Трофимовича профессия. Как он сам говорит: впереди еще два великих передела собственности и не менее трех крахов всей нашей финансово-спекулятивной системы. Все это растянется на непредсказуемое число лет. Но еще хуже будет, когда наступит устойчивое неравновесие, или равновесная неустойчивость, что одно и то же. Это будет уже другой мир, другой народ, где все мы будем мастодонтами почти вымершей эпохи.

— Я думала, так все в городе говорят, что его банк из числа солидных, не шарашка одноразовая. Неужели все так серьезно?

— Думаешь, Егор Трофимович, даром что старой партийной закалки, мне исповедуется? Нет, конечно, для моего же и всего семейства блага. А жизнь его многоопытная многому научила; такие люди лучше всяких мегакомпьютеров рассчитывают-предчувствуют на сорок-пятьдесят лет вперед. Как гроссмейстеры свои шахматные ходы. Во всяком случае серьезно к чему-то малохорошему готовится. Во-первых, презрев весь свой въевшийся советизм, купил где-то за бугром виллу. Проговорился как-то в хорошем подпитии. Но где — не говорит. Сами, мол, в нужное время узнаете, хотя было бы лучше и не узнавать.

Во-вторых, зная мою щепетильность, вовсе не показную, тем не менее переписал на меня кучу акций, да каких! — «Норильского никеля», «Газпрома», нефтяные и алюминиевые от братишек Черных... Всех понемногу, но в сумме очень даже прилично получается. И все их, включая накапливающиеся дивиденды разместил в двух московских банках, которые ни при каких катаклизмах не сгинут, ибо обслуживают семью Самого, то есть и принадлежат им. Сказал: не тебе, конечно, одному. Но всем на всякий-який.

Но главное, что заставляет верить его предчувствиям, так то, что как-то в полной меланхолии распил со мной «по-мужски» почти литровку виски с коньяком и под конец заметил, видно забыв обо мне: «Мне чужого не надо, не той я закалки человек, поневоле в буржуины подался, но если сволочь всякая найдет, то устрою им кидок по высшему разряду!»

— Пошли, Геночка, спать. Уже светает. Жених ты мой завидный! Шучу. Нам чужого не надо, свой Полковник-содержатель имеется. И сам не унывай; я тебя скоро излечу.

* * *

Заснули они уже при взошедшем августовском солнце и спали сном грешных праведников почти до полудня, пока одновременно, словно сговорившись, не запел мобильник Геннадия — издалека, через анфиладу комнат, из прихожей, из кармана его летнего безрукавого холстинкового пиджака, а проголодавшаяся Машка, поводя слегка раскосыми, как у хозяйки, глазами на чужака, вспрыгнула на постель, на непривычно для нее открытую грудь Леры, в жарком дневном сне отбросившей одеяло в ноги.

Открыв глаза, оба на миг засомневались в реальности происшедшего. Первой вернулась на землю Лера:

— Гена, ты что-то про мобильник говорил, не он ли сигналил?

Геннадий кивнул, как-то по-домашнему прикоснулся сухими губами к ложбинке плеча Леры и поспешил гольшом прихожую.

— Если хочешь, дверь за собой прикрой,— сказала вдогонку хрипловатым с ночи голосом Лера, но тот на ходу только отрицательно взмахнул рукой.

Лера же села на край постели, с чувством невесомости тела сладко потянулась, потормошила расположившуюся рядом Машку:

— Что, курноса, завидуешь? Пойдем на кухню, тебя вне очереди покормлю.

Накинув халатик, она и пошла в сторону кухни, предводительствуемая кошкой, поспевающей впереди и поминутно оглядывающейся на хозяйку: верным ли та идет путем?

Занявшись Машкиной едой, Лера не заметила, как в кухонную дверь вошел уже облаченный в давешний махровый халат Геннадий и вздрогнула от не ожидаемого объятия сзади.

— Твой?

— Нет, Егор Трофимович; не зря его ночью я поминал. Сообщил: перелетает из одного царства-государства в другое, в Барселону зачем-то кривая банковских спекуляций поманила. Это чтобы я знал по какому коду звонить в случае чего.

— Понятно. Как-то ты неуважительно о родственнике говоришь. Слушай, покажи мобильник, я их только в сериалах у бандитов видела.

— Ничего, года через три-четыре у любой школьницы и студюозуса будут. Хочешь, тебе организую?

— Думал откажусь? Не-а! — Лера нагнулась, выкладывая из маленькой сковородки разогретую еду в кошачью мисочку, но скорее для того, чтобы задать вопрос не в глаза, как бы притворяясь равнодушной:

— А-а с курорта когда будут звонить?

— Ближе к вечеру. Не озадачивайся, есть договоренность звонить мне только на «бандитский».

— Предосторожность на случай левой ходки к Наташке?

— Не сердись за прошлое. Просто у нас все уже попривыкли к мобилам. Так сказать, трюфели — роскошь юных лет. По Александру Сергеевичу.

— Ладно, больше не буду. Мои вернутся только к концу лета, а у тебя?

— То же самое. Только отпускай меня два раза в день Сократа кормить, и чтобы не одичал, ибо молод еще, всего полтора года. Может с Машкой поженить?

— Две свадьбы в одном доме не бывает. Потом зачем животное с панталыку сбивать. Я понимаю, что шутишь, но лучше маршируй в душ, а я пока что-нибудь приготовлю из остатков ночного. Затем пойдешь общаться со своим котом, потом поедем за город купаться. Как твоя хандра?

— Нет, Лерок, никакой хандры и уныния.

...Совсем изголодавшийся Сократ, не знающий человеческой поговорки о том, что человек предполагает, а бог располагает, совершенно одичавший и почти смирившийся с наступившим сиротством, только к вечеру дождался хозяина. Съевший с урчанием две дневные пайки, кот уже ни на шаг не отходил от Геннадия. Но сон сытости его сморил, а проснулся он уже в наступающей темноте сам-один в квартире. Смирила его с наступившей странной жизнью только доверху наполненная личная миска с едой.

БОЛЬШИЕ РАЗЪЕЗДЫ ОЛИМПИЙЦЕВ И ПЕЙЗАН

Для преподав, как их уничижительно зовут за глаза нынешние студенты, в основном балбесы, укрывающиеся от армии, сентябрь всегда тяжеловат. Во-первых, скывается двухмесячная отпускная расслабленность; во-вторых, еще в большей степе-

ни отвыкли за лето от необходимости что-либо делать, кроме как пиво сосать и девок лапать, и студиозусы. Хотя Геннадий, как умный завкафедрой, свел количество своих лекций к самому пределу приличия, все же облегченно вздохнул поутру тридцатого числа: слава богу, теперь пойдет по накатанному до Нового года!

Затребованные Лерой две недели давно уже минули, но она позвонила и попросила еще фору: «Потерпи, милый; сам повторяешь: удовольствие не в факте, а в его ожидании. И этот «факт» сейчас готовится. Не обижай жену, ее вины ни в чем нет». Геннадий, и без того заинтригованный, совсем терялся в догадках: что там прелестница затеяла? Но в одном у него не было сомнения: никому вреда здесь не замышляется. Поморщился только при упоминании о Свете. Та прямо на глазах превращалась в копию таинственной для него Влады. Уже и Елена Авдеевна жалеючи порой смотрела на зятя, даже как-то сказала: «Потерпи, Гена, это полоса у нее такая; случается у женщин на рубеже второй молодости. И навязалась же эта Влада на ее шею? Той, видимо, надо кем-то руководить и вне работы, раз мужа нет, дочь заграницей, а любовники, так думаю, чрез неделю в панике убегают! А Светка слаба характером, любую общую панику на себя примеряет, страшится неопределенности всего нашего будущего. Терпи сколько сможешь. Одумается».

Жизнь, как любит повторять первый президент страны, становится все более динамичной. Вот этой правды у него при всем усилии не отнимешь. Такая она динамичная, что не удастся подождать и одуматься. Вот и начавшийся октябрь дохнул холодом росстаней. Если раньше разезды готовились годами, то теперь все происходило со скоростью курьерского. И посылалось как из ведра; Света в пору их жениховства уверяла, что это от перевернутой пословицы: посыпалось в ведро, то есть в сильный, частый и прямой дождь. Самое-то существенное — все относилось и к нему: от безразличного и крайне приятного до очень огорчительного.

Как всегда первой ласточкой оказалась Наташа. Позвонила на сотовый, номер которого не преминула спросить в знаменательную последнюю встречу:

— Ты сейчас можешь говорить без маскировки? Хорошо. Звоню на всякий случай, для полезной информации. Хочешь — поздравь, развелась и вновь вышла замуж. Почему быстро? Развод без детей — в полчаса в ЗАГС'е. И там же — следующий ход, для быстроты за отдельную плату.

Ладно, это лирика... что-что? Не беспокойся, мой предбывший усач сейчас в эмпиреях пребывает; я не стерва, вместо себя отрекомендовала ту самую, известную тебе спортивную врачиху Лену. Там будет все замечательно: у Ленки есть дочь, младшая школьница, а у усатого то, чего нет у нее: полное материальное благообеспечение. Так вот, я в новом качестве убываю в город-герой Кельн, Германия. Года на полтора-два, а там видно будет. Здесь же буду появляться в отпуск, родителей проведывать, а может и по делам. Тебе чего-нибудь нужно из тех мест?

Здесь Геннадий подал свой голос:

— Да, если не затруднит: книги Зиновьева по математической логике немецкого издания. Это у них просто делается — по заказу в любом книжном супермаркете.

— Хорошо, милый. Адрес твой почтовый как звучит?

— Шлите, пожалуйста, на университет, кафедра философии. Большое спасибо.

— Поняла, целую по-сестрински. Свой телефон сообщу звонком уже оттуда. Не забывай меня.

— Кто это тебе по сотовому звонит? — Света, забыв ради такого случая о совсем недавней ссоре («Пора, наконец, заняться, как все люди, серьезным делом...»), с интересом смотрела на него.

— Не беспокойся, — холодно ответил Геннадий, — не Березовский и даже не Дерипаска. — Чуть подумал и сообщил безразлично:

— Из Москвы знакомый профессор на конференцию в Германию едет. Достаточно?

Света фыркнула и громко сказала в сторону Елены Авдеевны, занимавшейся кухонными делами:

— Мама! Я на пару часиков к Владе забегу. Она вчера из командировки в Финляндию приехала, что-то мне привезла, и на обратном пути за Тришей в школу зайду.

* * *

Через два дня наконец-то позвонила Лера:

— Ты один?

— Да, да, Лерочка, я через парк в университет направляюсь, а ты...

— У меня сегодня до полудня репетиция, затем свободна. Ко мне домой можешь прийти после двух; я к этому времени уже там буду.

— Но-о, а как твои прореа...

— Не задавай вопросов раньше времени. Мне через пару минут на сцену. Приходи, я буду одна. Все, милый.

Лера отворила дверь тотчас после звонка, впустила, крепко прижалась, целуя:

— Я за пару минут до тебя вошла, видишь, даже туфли не сняла. Спасибо за цветы, пошли на кухню поедим. У меня после репетиций дикий голод, хотя и диетический.

Уже достаточно зная ее, Геннадий по такому, искусственно «обыденному» приему гостя понял: ей есть что сообщить очень и очень важное. И маневр с кухней нехитрый: можно говорить, стоя к нему спиной и разогревая на плите взятое из холодильника.

— Так что за домашние дела целый месяц заняли?

— Погоди. Случилось то, что и должно было быть,— начала она, но, обернувшись и увидев побледневшее вмиг лицо Геннадия, рассмеялась:

— Нет, это не о нас с тобой. Без преамбулы и увертюры: у матери третья молодость наступила, а Полковник свой подгородный дом от доходов праведных и исправно налогами легализуемых перестроил в двухэтажный коттедж с гаражом, сауной и прочими удобствами. Крымская поездка привела к явно ожидаемому консенсусу. Итак, новобрачные отбыли в свои роскошные апартаменты, а меня, сирью и несчастную, с собой не взяли, ха-ха!

— А как же дочь, кошка?

Геннадий понял, что глупость сказал и сам рассмеялся. А тут с вежливым мяуканьем вошла и Машка-старшая.

— Как видишь, не одну оставили. Но строго-настрою, по-военному, Полковник велел мне в течение года, не учебного, не календарного, но астрономического, то есть октября следующего года официально или неофициально выйти замуж. А Машку-младшую на этот горько-медовый год взяли с собой с моим правом брать к себе в любое время, приезжать к ней, уезжать и так далее. С пролонгацией до школьных лет. Ну, здесь у меня выбора нет; нанимать бонну на деньги Полковника — его обидеть кровно, а потом кто из Машки вырастет при таком равнодушном воспитании? Ничего, все в дворянской традиции: мать «на театрах» вытанцовывает, а дочь бабка воспитывает. Меня вот тоже бабушка всю жизнь воспитывала, а вроде ничего получилась, а? К тому же Машка в полный восторг от коттеджа пришла. Еще упросила кошку на разживу мне оставить, а для Машки на фазенде уже сибирского котенка и кутенка колли завели. А попросит, так Полковник новобрачный и арабского скакуна или ахалтекинца во двор приведет.

— Может, с дочерью познакомишь?

— Попозже. Ты пока на мне особо не зацкливайся, хотя я — твоя женщина, думаю, навсегда. И, как говорится, со всеми удобствами. Только без приданого, не считая кошки. Теперь слушай меня внимательно: тебе в самом скором времени предстоят большие испытания. Постарайся разрешить их не только сердцем, но и умом.

— Лера! Я сам чувствую, что дома все пошло наперекосяк, но исходной причины не знаю. А ты откуда и что именно узнала?

— Предчувствие, Геночка, предчувствие. Я ведь все-таки потомственная ведунья. А потом, мой милый, раз теперь ты мне самый близкий человек, сообщаю: наш Полковник, когда я согласилась на год им Машку отдать, расчувствовался, назвал меня дочкой и показал висящий, как память о боевых годах, в шкафу свой парадный мундир с наградами. И здесь, как Верка-травести на подработке в *ТЮЗ'е* в роли Гавроша пела: «У них мундиры синие и сабли на боку!» А бывших кагебешников-фээсбешников, как говорят в сериалах, не бывает. В том смысле, что более молодые его сослуживцы еще в запас не вышли, потому владеют информацией.

— Неужели так серьезно? И по чьей линии? По моей, да?

— Дорогой мой, твоя «линия» нужна только тебе, ну и мне, конечно, а синим мундирам ты, извини, абсолютно неинтересен. Ничего тебе сказать не могу, ибо Полковник, расслабившись на новоселье, совершенно случайно упомянул фамилию твоего тестя. Понятно, что даже о нашем с тобой просто знакомстве ни он, ни мать не знают. Потому и фамилия прозвучала. Дело, как следует понимать из контекста, коммерческое. И совсем не по линии этого ведомства, но там привыкли все и обо всех знать.

Большого узнать не смогла. Расспрашивать — сам понимаешь, значит раньше времени все рассказать, а это, как мне кажется, нам с тобой ни к чему. Гена, заклинаю: будь очень осторожен и рассудочен, помни, я тебя буду любить в любом твоём качестве. Это искренно, не тривиальная женская хитрость типа не мытьем, так кананьем. Думаю, что многие годы нашего знакомства дают тебе основание верить мне. Есть и еще один существенный момент в пользу... но все это в будущем.

И еще; если дело дойдет до очень серьезного, то Полковник по своей линии поможет, а «линия» эта, сам понимаешь, всесильная. Но все же думаю, Егор Трофимович очень даже умен и не последний в городе человек. Сумеет, что называется, малой кровью все разрешить.

Чтобы сгладить гнетущую серьезность разговора, Лера снова и легко перешла в амплу гостеприимной домашней хозяйки и любовной подруги со стажем:

— Заранее не задумывайся. Давай обедать, а потом, милый, я по тебе страшно соскучилась за целый месяц. Подожди секунду.

Лера, присевшая было, встала, открыла нижнюю створку кухонного шкафа и поставила на стол пузатенькую винную бутылку с вьезшейся в этикетку многолетней пылью.

— Мадера коллекционная. Я уже твой вкус изучила. Полковник мне целый ящик различных марок из Крыма привез. Говорит, у бывшего сослуживца, теперь директора гостиницы в Ялте, реквизирует. Наверное, чтобы я мужика поскорее к себе приводила.

В восемь вечера она со смехом еле-еле подняла, не желавшего в полном разомлении никуда уходить, с постели, заставила одеться и за руку повела в прихожую:

— Договорились. Будем играть, хотя и серьезно, в любовников. Дома скажешь, что отмечали вчерашний день учителя. Я не ошибаюсь?

И уже взявшись за ручку двери, серьезно сказала:

— Знаю. Уехала. Разведка донесла. И слава богу, что мне не пришлось вмешиваться. Больше у меня *здесь* врагов нет.

* * *

Гром небесный, а с ним и третьи, самые серьезные ростани и разъезды, грянул вместе с первым устойчивым снегом, то есть в начале третьей декады ноября. В городе все еще изустно и печатно в многочисленных левых и патриотических многоти-

ражках обсуждали нынешнюю Октябрьскую демонстрацию и митинг, впервые за много лет прошедшие, соответственно, по проспекту и на площади перед администрацией области и города, бывшим партийным храмом, чем-то напоминающим Парфенон, только намного побольше, построенный радением Ивана Харлампиевича. А главное — необычное многолюдство, чем-то напоминающее советские времена: несколько оркестров в колоннах демонстрантов, обилие красных транспарантов и флагов, даже какие-то веселые, в меру пьяные парни, одетые в матросские бушлаты на тельняшки, в бескозырках, с бутафорными пулеметными лентами крест-накрест и с муляжами маузеров на поясах. И еще милиция, получившая приказ ненавязчиво стоять вдоль дороги на тротуарах, без дубинок, бронежилетов, касок и автоматов, как то практиковалось, начиная с ритуального штурма Верховного Совета на Краснопресненской. Обезоруженная милиция чувствовала себя поэтому сконфуженной, как бы в нижнем белье расставленная кругами вдоль дороги, потому равнодушно ожидавшая окончания мероприятия.

А все потому, что, во-первых, вместо полностью развалившегося город и область губернатора Стерлядкина, пьяницы и в итоге попавшегося на взятке, в первом же туре выборов эту должность занял убежденный коммунист, человек со всероссийской известностью. Во-вторых, год оказался пиковым в части разрушения всего уклада и хозяйства страны и знаменовался вторым большим переделом захваченной собственности, так что новой, но уже плотно усевшейся в правящие кресла демвласти было явно не до народа. И руководство профсоюза, видимо, обделенное у кормушки, решило показать свои, пока еще не искусственные, зубы. Словом, впервые за много лет вышли на демонстрацию не одни пенсионеры и интеллигенция, но и «его величество рабочий класс», крайне озадаченный регулярной невыплатой зарплаты. Геннадий с интересом, поотвыкше, смотрел на коренных пролетариев города: коротковатых, с плотно сбитых, для храбрости выпивших, нарочито громко ругавших власть и свое начальство. В глазах же их играла лихорадочная дерзость: смотрите, мол, какие мы храбрецы, на рожон поперли!

Геннадий усмехался, прекрасно понимая: через год-два «красный» губернатор, разгнав наиболее коррумпированных чиновников и не мытьем, так катаньем призвав к порядку руководство заводов и бюджетных сфер, как-то наладит регулярность выплат зарплаты, и больше коренные пролетарии на этих демонстрациях-митингах не появятся: на Октябрьскую будут водку дома пить, а на Первомай их властные жены погонят совмещать водку с копанием грядок на своих шести сотках... Как раз недавно Геннадий прочитал «Марксизм XX века» Роже Гароди, впервые изданный по-русски, да еще присовокупив свои жизненные наблюдения, понял всю справедливость современного французского философа-коммуниста: какой, к черту, сейчас пролетарий гегемон? Трусливое тягловое животное, даже не зверь, а именно утроба, жаждущая жратвы побольше и пожирней, бабу помясистее для похоти, водяры по вечерам в будни и в выходные-праздники с утра до заката. Нет больше класса-гегемона. Впрочем, современная интеллигенция еще гаже.

Одобрение же тестем, кладезем практической мудрости, его доводов было окончательным приговором — со стороны Геннадия — современному пролетариату, которому, как и прежде, было нечего терять кроме запасных цепей и самогонного аппарата, любовно сварганенного из вынесенной со своего завода нержавеющей стали, что руководство не успело спустить через местных и московских барышников в Польшу и Китай.

— ...И удивляться уже ничему не стоит, даже извилины напрягать для этого, — благодушно рассуждал Егор Трофимович за праздничным столом седьмого ноября, слушая впечатления зятя, только что вернувшегося с демонстрации и митинга, — относись, Гена, ко всему как к должному, не теряя, конечно, чувство юмора. Вот лет

этак через пять и тебя вызовут к ректору, почтенному Генриху Семеновичу, а мы ведь когда-то по молодости с Беркутовым пересекались по партхозделам, и скажет он, отведя глаза в сторону: пришло, мол, Геннадий Борисович, отношение из минвуза, чтобы всех заведующих общественными и экономико-юридическими кафедрами отправить в столицу на трехмесячные Высшие курсы государственного антикоммунизма! И еще дипломную работу, смеясь и плюясь, напишешь под названием «Великий капиталистический интернационализм как антитеза лживому социалистическому братству народов СССР»; последние три слова будут стоять в презрительных кавычках. Вот так-то, брат!

— Все ты, отец, не можешь со своим совковством успокоиться. Все уже поновому живут, несмотря на временные трудности, исключая некоторых очень уж умных,— при этих словах Света неприязненно посмотрела в сторону мужа,— забыли про всякий коммунизм-социализм.

Егор Трофимович и вовсе пропустил реплику дочери мимо ушей. Елена Авдеевна чуть поморщилась, притворяясь, что покупной соус к сделанному ею цыпленку-табака слишком горек или кислват. А Геннадий и вовсе в последние две недели свел разговоры с женой к минимально необходимому после того, как Света месяц назад в одночасье бросила свою библиотеку и возглавила открытое при своем торговом холдинге Владой рекламное агентство. «Должен же в семье кто-то деньги зарабатывать»,— несколько высокомерно объяснила свой шаг мужу. Вдобавок же демонстративно порвала и выбросила в мусорное ведро пачку исписанных листов — черновики к начатой его два года назад диссертации «*N*-й край в жизни семьи Шаховских XVIII—XIX веков в краеведческом источниковедении». «Хватит в игры играть, никому эти дефективные степени сейчас не нужны; делом надо заниматься»,— с вызовом ответила она на немой вопрос что-то готовящей на плите Елене Авдеевне.

Теперь все чаще Геннадий оставался на ночь в своем кабинетике, деля ложе диванчика с симпатизирующим ему Сократом. «Правильно все,— глядя по шерстке кота, думал он,— кошки льнут к людям большим или обиженным. Интересно, *ей* уже и мужик не нужен сейчас? Все заменило общение с Владой и зашибание денег своей рекламой?»

...За себя же он не беспокоился; их отношения с Лерой вошли в такую ритмическую гармонию, что он порой с оторопью думал: а не сон ли это? Не раздвоение личности?

* * *

И вот логическая развязка — или завязка? — произошла. В субботний день, завистливо поглядывая на уличное величие свежеснеженного и прекрасного зимнего солнца за окном, Геннадий со вздохом отводил глаза и вновь принимался писать. И по-серьезному завидовал Сократу, что сидел «копилкой» на широком подоконнике в метре от хозяина и немигающе, сузив щелочки зрачков, наверное, до каких-то микрон, смотрел на снег, солнце, весело прогуливающих по улицам людей. Но — охота пуще неволи: Геннадий наконец-то завершал свой трактат, некогда застрявший на злосчастной 157-й странице... впрочем, нет, на счастливой для него странице! Ибо на этом самом листе, фигурально выражаясь, их странная доселе любовь с Лерой перешла в любовь обычную, оттого беспредельно сладостную. Слава числу 157! — Теперь оно талисман для них обоих, как 777 — для античных народов, 555 — для америкосов, 666 — ... понятно для кого.

Число страниц рукописи уже перевалило за полутысячу — вот ведь как любовь вдохновляет! Оставались две завершающие главы, а торопило не столько время, сколько договор на издание с московским издательством. Хотя — в духе времени — и безгонорарный, но ведь могут и передумать?

В квартире приятная тишина: Елена Авдеевна с Тришей на весь день уехали к Андрееву семейству, Света и в выходные не вылезает из своего рекламного заведения: «Капусту девка рубит кочанами,— говорит Егор Трофимович, смирившийся и махнувший рукой,— чем бы дитя не тешилось; одно скверно: уже через год из вроде нормальной женщины превратится в монстра наживы, для которой семья — только балансовые единицы. Вот ведь время какое подлое, вмиг человека, тем более слабую головой бабу, разума последнего лишает. Вот и биология тебе, Авдеевна!»

«Однако, легок на помине»,— чуть поморщился Геннадий, заносивший на бумагу отлично сформулированный оборот, который вмиг как-то скукорожился до простенькой сентенции, вспугнутый размашистым хлопком входной двери, характерным для тестя.

— Гена! Ты дома? — И через минуту Егор Трофимович, предельно озабоченный, вошел к зятю,— разговор серьезный и неотложный имеется. Пойдем на кухню. Такие беседы только под водку ведутся. Хорошо, баб нет, а дописать свое сочинение всегда успеешь.

...И еще видно было, что Егор Трофимович решает: в какой интонации и манере вести разговор. Отметил еще Геннадий: тесть взял с собой в кухню и свой служебный портфель, чем-то туго набитый. Выпив, не чокаясь, стопку, Егор Трофимович сходу ошеломил зятя:

— Случилось то, что и должно было быть. Мне же все ясно стало еще весной, поэтому за лето и осень все пути отступления и обороны загодя подготовил: помнишь мои странные летние вояжи по европам, загранпаспорта для всех, еще и визы свежие в этом портфеле, твои акции и прочее. Говорить вам, и вообще никому, Андрею в том числе, было ни к чему, вам же спокойнее было, а сейчас момент истины наступил — не хуже чем в книге Богомолова; кстати, тот был когда-то моим знакомцем, но это к делу не относится.

Егор Трофимович, судя по завязке, все собирался с духом. И собрался:

— Не буду антимонии разводиться и тебе первому и последнему всю правду скажу, а бабам — ее четвертую часть и ту, что касается только их. И еще одно, последнее предисловие. В случившемся, коль скоро для всех вас беспокойство исходит от меня, моей же вины нет. И вообще ничьей, исключая наше волчье время. Может и мой идеализм определенный роль сыграл: дескать, решил, пусть лучше я у одной из кормушек постою, зато с полдюжины хапуг-рвачей с носом останутся. Вот и доидеализировался. Словом, Гена, попал я в ситуацию, когда два выхода — и без намеков на какую-нибудь альтернативу: либо всего, до копейки, лишиться и еще на старости лет схватить пятерик, а то и поболее, отсидки, или же всем нам — о тебе отдельный разговор — уехать за границу и жить на хорошо подготовленной запасной позиции: вила с садиком-огородиком на Средиземном море, Авдеевне давно пора со своей медициной заканчивать, пусть внука воспитывает, на Светку надежды теперь мало. Кстати, пусть и она там со своим «бизнесом» покрутится, раз ей нравится. Тришке — рядом русская школа, еще с белогвардейских времен. И все это, естественно, лет на двадцать оплачивается со счетов солидных банков Европы, открытых на меня, Авдеевну и Светку. На тебя нельзя; боюсь этим подкузьмить тебе, а потом есть определенные тонкости при оформлении счетов на Западе с учетом степеней родственности.

В этом случае нам лет пять будет закрыт въезд в Россию, но — дано кому следует и сколько следует — уголовного и бандитского преследования не будет. Обратная картина, как уже сказал, если мы останемся здесь. Я-то ладно, но ведь велика опасность наезда братков на женщин. И совсем уж страшно даже про Тришку подумать. Сам понимаешь, сейчас завершается второй передел наворованного в стране, беспредел полный.

— Извиняюсь, Егор Трофимович,— внутренне похолодевший Геннадий восполь-

зовался паузой тестя, разливающего по второй,— я так понимаю, что вас крупно кинули, как это сейчас говорят?

— Отнюдь, Гена, это я их очень крупно и не менее умно кинул, раз обеспечил себе индульгенцию, если не буду мозолить кому не надо глаза здесь. Они не меньше моего от хлопка банка, да даже и не нашего филиала, а московского, получили. То есть своеобразная воровская круговая порука получается. И не я один за бугром окажусь! А не участвовать в этом паскудном деле я не мог, раз в эту систему попал; это уже закон волчьей стаи. Не согласился бы — вот тебе и первый вариант: нищета, бандиты, а мне отсидка. Теперь все знаешь, а подробности в мемуарах когда-нибудь опишу. Помирать сюда приеду в любом случае. Баб вечером в известность — без всякого согласия и обсуждений — поставлю. Думаю, что только Авдеевна огорчится, но скоро привыкнет. Там. Самый щекотливый вопрос, Гена, с тобой: едешь? Можешь подумать до вечера, пока все соберутся. А выезжать надо срочно. Билеты на самолет уже у меня на среду, а в пятницу во всех новостях по ящику и радио дикторы захлебнутся от радости скалозубной: три крупных столичных банка сдохли; на экранах — скорбные очереди вкладчиков. Но к сердцу не бери — это все нанятая массовка, а реальные вкладчики — крупные воры; они еще стократ наворуют. Словом, вор у вора дубинку украл... хотя бы с невольный вор, как я.

— Нет, Егор Трофимович, не поеду, не думайте, что сына и... жену бросаю, но...

— А никто и не думает. Можешь хоть каждую неделю туда летать, деньгами обеспечу. Тришка под самым что ни на есть присмотром, не безотцовщина, а через пять лет, может и раньше, сюда вернется. Со Светкой сам решай. И не думай, что дочь, то да се. Для меня вы с ней равны, а в жизни всякое бывает. И я тебя прекрасно понимаю, зачем тебе, взрослому мужику, ломать свою жизнь, если это можно не делать, не отказываться от основного назначения мыслящего человека. Все понимаю. На другой ответ не надеялся, поэтому давай о делах, касаемых тебя.

Егор Трофимович разлил остатки по стопкам, но не выпил, а поднял с пола, поставил на колени портфель, расстегнул замки, начал поочередно доставать его содержимое и класть перед зятем на стол:

— Оформленные документы на квартиру, гараж, машину, дачу. Загранпаспорт твой, помни, надо продлевать. Там сроки указаны. Вот родственная виза во Францию; там же пояснение, как ее отмечать в посольстве при поездках. Это минутное дело без очередей и ожиданий. Еще один мобильник для связи с нами. Прежний пока не используй для этого дела, тем более домашний телефон. Сам понимаешь, почему; любознательных много, хотя это ничем и не грозит.

На твои акции и дивиденды в «семейном» банке никто не покусится. Кстати, базовый капитал я там в пять раз увеличил. Но лучше, чтобы внимания не привлекать, первый год ничего оттуда не бери. А возьми вот,— Егор Трофимович поднатужился и распростертой пятерней вытащил обандероленный «кирпич»,— здесь прямо от печатного станка в Нью-Йорке сотенка тысконок американских денег. На житье-бытье, не скупись, но и не транжирь. Делом занимайся. На всякий случай здесь не храни, но и в банк какой не клади. Найди схорон. Да, насчет Андрея не бери в голову, он завтра поболее твоего получит. Кстати, в случае чего не стесняйся его услугами по охранной части пользоваться. Но думаю, что до этого не дойдет. Ты в этом моем деле сторона и вообще фигура умолчания. Та-а-к, вроде все. Иди все отнеси в свой стол, а потом займись готовкой, у тебя это хорошо получается. Но прежде сбегай в гараж и принеси из багажника баул: там выпивка в большом количестве и разносолы для женщин. Будем с тобой пьянствовать сегодня и завтра. Двигай!

ПРОЗА: АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА

Анна Лео
(г. Москва)

КАТАЛИЗАТОР

Анна Владимировна Лео впервые публикуется в «Приокских Звездах». Прозаик, регулярно печатается в альманахе (журнале) «Московский Парнас»; член одноименного Творческого клуба. Член Союза писателей России.

1

Жара, словно коконом, окутала город, лишив того возможности дышать легко и свободно. В сизой пелене бензиновых паров, медленно двигался поток раскаленных на солнце машин. Толпы потных граждан сновали вдоль расплавившегося асфальта. Не спасало от жары и метро, где от «душного» отсутствия кондиционеров, пребывание человека под землей, становилось еще более удручающим.

А тут еще, как всегда, не к месту, кто-то из граждан устроил в такое засушливое время пикник в лесу. И как говорилось раньше в одном из легендарных призывов, что: «из искры возгорится пламя», то так оно и случилось.

Загорелись торфяные болота. И теперь ветер приносил в город не освежающую прохладу, а едкий дым и запах горелого торфяника. И все «это» вместе взятое покрывало город серым налетом пыли, гари и людского раздражения.

Следователь по особо важным делам в отделе по угону машин, майор Иван Степанович Королев, усталым взглядом смотрел на лопасти допотопного вентилятора, добросовестно пытавшегося охладить лицо пожилому мужчине.

Иван Степанович только-только отошел от окна. Он хотел было сделать замечание своему водителю Сашке. Тот, сидя в дежурной машине, как «последний паразит» со всей громкостью гонял стрелку магнитолы по всем радиостанциям, но передумал.

Лень было даже разговаривать, а не то что оперативно думать. А тут еще от духоты, которая поселилась в его кабинете (он был ярким противником всей этой кондиционерной техники), думать вообще не хотелось, а думать надо было и чем быстрее, тем лучше.

Оставалась всего неделя до того дня, когда майор Королев должен был покинуть этот «разложившейся» от жары город и отправиться туда, где простирались его скромные дачные владения, и где неподалеку от границ этой собственности, журчала маленькая речушка.

Там в ее живительном, речном мелководье, нежились пескарики, окуньки и другая «мелочь», но для Ивана Степановича размер улова не имел никакого значения. Он не очень любил речную рыбу, но сам процесс ловли наполнял его душу покоем и забытым ощущением «первобытного» счастья добытчика пропитания. Ведь после рыбалки, ему было в удовольствие смотреть на то, с каким восторгом поедает «добычу» поселковый кот по кличке Гришка. А теперь может стать так, что нескоро он увидит не только кота Гришку, но и отпуска, как такового.

А дело было вот в чем.

Три дня назад к нему поступили два заявления от жильцов проживающих по улице Тургенева, дом 23. В заявлениях речь шла об угнанных автомобилях.

У одного, предпринимателя Кузина, это была машина марки «Гольф» 1993 года выпуска, а у второго, пенсионера Федотова, наша родимая «копейка», которая при этом уже была «не на ходу» лет эдак пять. Стояли машины прямо у дверей подъезда граждан, можно сказать прямо под носом, и как они исчезли, никто ничего не видел и ничего не слышал. Да и по большому счету, кому эта рухлядь вообще могла понадобиться, одному Богу было известно. Но частная собственность есть частная собственность, никуда от этого не деться и дело пришлось взять в производство.

Поэтому решив, что случай этот пустяковый, начальство и поручило Ивану Степановичу по быстрому разобраться в чем там дело. Ведь, не нагружать же человека перед уходом в отпуск серьезным случаем и так еще нераскрытых дел хватает.

Первым делом грешили на эвакуаторские службы, но те очень даже оперативно представили все документы, в которых говорилось об отсутствии данных машин у них на стоянках.

А во-вторых... здесь Иван Степанович вздохнул. Во-вторых ничего понять было невозможно.

Дверь открылась, и в комнату вошли сначала длинные ноги в невероятно короткой юбке, а за ними появилась и вся обладательница сего великолепия, лейтенант Светлана Копылова, с бумагами в руках.

— Здравствуйте, Иван Степанович.

Тот опять вздохнул, услышав данное приветствие.

Сколько он ни пытался приучить лейтенанта обращаться по уставу, как положено, все было безрезультатно. Светка царила в их следственном управлении на правах первой красавицы и невесты откуда взявшегося поверья, что она один из ценнейших и перспективных молодых работников нашей милиции.

На первых порах майор Королев, глядя в лицо младшего сотрудника, никак не мог понять, о чем девушка думает, так как всегда выражение ее миловидного личика было отстраненно-равнодушным. Но, проработав с ней полгода, он понял. Та находилась всегда в одинаковом состоянии заторможенного счастья от отсутствия в своей хорошенькой головке мозгов и твердой уверенности в том, что она прямо таки необходима данному учреждению. Наверное, это и было так. Потому что, несмотря на то, что лейтенант Копылова вечно опаздывала на работу, теряла и путала документы, подшивая их не в те папки, продвигалась она по службе быстрее своих однокурсниц, которые вместе с ней окончили милицейский колледж. Вот и недавно Иван Степанович видел приказ о присвоении Светлане Копыловой очередного звания старшего лейтенанта, это то за неполный год ее службы в их управлении. Наверное, девушка была права в своей исключительности.

— Я вам заявления принесла,— сообщила она, обычным своим равнодушным голосом.

— Какие заявления? — подскочил на своем стуле майор.

Она внимательно на него посмотрела и пожала плечами.

— Как какие? Об угоне машин по улице Тургенева и еще в Столярном переулке. Мне сказали отнести их вам. А что не надо было?

— Давай их сюда,— тяжело вздохнул Иван Степанович.

Светлана протянула ему бумаги.

Два заявления были опять об угоне. Только теперь в одном фигурировала новая машина марки «БВМ» 2007 года выпуска, владелец Горин Максим Викторович, а в другом речь шла опять о «Москвиче»-рухляди слава богу без владельца. Третье — от начальника ЖЭСа, Гаджиева, в котором говорилось об исчезновении большого мусорного контейнера с подведомственной этой организации территории.

— Господи, а мусоросборник «им» — то зачем понадобился,— в сердцах воскликнул Иван Степанович,— ворью этому.

— Я не знаю, может в хозяйстве пригодиться.

Майор внимательно посмотрел на младшего сотрудника и заметил:

— Мне не до шуток.

— А я и не шучу,— девушка пожала плечами.

Королев в очередной раз вздохнул и сказал:

— Ладно, Светлана, можешь быть свободна, иди.

Но та, пожалев, майора, который от своей полноты видимо, уж очень маялся от жары, решила его предупредить.

— Этот, у которого иномарку украли, здесь сидит и орет на всю приемную. Наверное, его к вам сейчас пришлют.

— А о чем он там кричит? — поинтересовался Иван Степанович.

— Ну, о том, что неизвестно для чего у нас милиция в стране существует, и что эта милиция ни на что не способна, как только граждан обирать. Ну, как всегда. Одно и то же. Нервный он какой-то. Из-за чего так расстраиваться, ума не приложу?

Когда за Светланой закрылась дверь, Иван Степанович, разложил веером все пять заявлений и попытался сосредоточиться.

«Сумасшедший вредитель, а по-другому его не назовешь. Ведь нормальный угонщик, такой ерундой не будет заниматься. А этот, наверное, подгонял погрузчик и увозил машины. Но куда? Скорее всего, на металлолом».

Майор досадливо поморщился.

«Чушь. Какой там металлолом и кто сейчас за это будет, что платить? Нанять автопогрузчика с водителем — себе дороже будет. А контейнер с мусором, кому понадобился? Все это сплошная ерунда и непонятка».

Мужчина тяжело встал из-за стола и опять подошел к окну.

Во дворе стояла тишина. Сашки в машине не было

Иван Степанович посмотрел на часы. Начиналось время обеденного перерыва.

В дверь постучали, но тот, кто находился за ней, не стал ждать разрешения и сразу же вошел в кабинет.

Перед взором майора Королева предстал мужчина лет сорока, одетый скромно, но с той скромностью, как отметил про себя сотрудник милиции, которая стоит немалых денег.

— Извините, можно войти? — поинтересовался мужчина.

— Вы уже и так здесь,— пробурчал Иван Степанович, вернулся к столу и собрав заявления, убрал их в стол.

— Присаживайтесь.

— Благодарю вас,— мужчина придвинул стул поближе к столу и сел напротив майора.

— Мне ваш командир сказал, что вы занимаетесь угонем машин по нашему району?

— Да, я

— Очень приятно,— мужчина усмехнулся.— Приятного здесь конечно мало, лучше бы мы встретились с вами при других обстоятельствах и в другом месте.

— Это мое рабочее место, и работа у меня такая,— заметил майор.

— Я все понимаю. Ну, надо же было с чего-нибудь начать разговор,— мужчина опять усмехнулся.

«Ну, этот все жилы вытянет из меня, если я его машину не найду. Этот меня раньше времени на пенсию отправит и глазом не моргнет. Удушится за свою машину».

— Скажите, пожалуйста, есть ли у вас какие-либо сведения о моей пропавшей машине или пока ничего?

— Честно говоря, Максим Викторович, я так понимаю, что это вы обладатель «БМВ»?

У майора была отличная память на имена и телефонные номера

Посетитель кивнул головой.

— Мне только-только принесли ваше заявление, поэтому ничего конкретного сказать не могу. Но, может, вы, что-нибудь видели или может вы, кого-нибудь подозреваете? Ну, предположим, соседи, приятели, друзья? — спросил следователь.

Мужчина достал сигарету и вопросительно посмотрел на Ивана Степановича.

Тот придвинул к нему пепельницу.

— Вы будете?

— Нет, я не курю. Пепельница это для посетителей. Люди обычно в нашем учреждении нервничают.

— Я не нервничаю,— мужчина опять усмехнулся,— просто противно. Сейчас эта тварь разезжает на моей машине, и наверняка молокосос, какой-нибудь нищий, а мы сидим здесь двое здоровых мужчин и гадаем, кого можно заподозрить или облить грязью. Стрелять все это ворье надо.

— Патронов не хватит, да не поймешь с кого начинать,— прервал красноречие пострадавшего Иван Степанович.

— Я с вами полностью согласен,— не уловив двойного смысла, согласился тот.

— Максим Викторович, а где вы обычно оставляли свой автомобиль на ночь?

— У нас во дворе была когда-то детская площадка, но дети все выросли, вот я там и ставил машину. Старушки, правда, ворчали, что я там им траву мну. Но я не обращаю на них никакого внимания. Эти гримзы всегда вечно чем-то недовольны. Им то не понять, что все около домов забито. А там хоть ее никто, по крайней мере, не поцарапает.

Владелец «БМВ» курил одну сигарету за другой и вскоре Иван Степанович, почувствовал, как у него заныло сердце, поэтому, желая поскорее избавиться от незваного заядлого курильщика, он сказал:

— Мне все ясно, Максим Викторович. Значит, никого вы не подозреваете, и врагов у вас нет? А во дворе никто ничего не видел и не слышал? Я правильно вас понял?

— Абсолютно правильно,— мужчина выжидательно смотрел на майора Королева.

А тот встал и сказал:

— Вопросов к вам у меня больше нет, да и притом вы в своем заявлении все грамотно и четко изложили. Вы идите сейчас, а я ближе к вечеру, когда люди с работы начнут возвращаться, к вашему дому подъеду и поговорю с жильцами. Может, и найдем какую-нибудь зацепку.

Посетитель тоже встал и протянул ему руку.

— До свидания, майор. Мне тоже пока все ясно, что ничего не ясно. Но я человек дотошный и пока вы не найдете мою машину, жить мы с вами будем тесно и видеться ежедневно.

— Воля ваша,— согласился следователь.

Когда за Гориним закрылась дверь Иван Степанович сел на стул, и расстегнул воротник рубашки.

Есть не хотелось, и он решил, что как только придет водитель, то они сразу поедут на место происшествия, на эту проклятую улицу Тургенева. Может, во дворе

там кто-то сейчас и есть. Мамаши с детьми, небось, выйдут на прогулку, да и бабульки, эти самые верные друзья милиции, что-нибудь подкажут, а там, глядишь, и рабочий люд подтянется.

Перед домом наверняка имеется какой-нибудь скверик, постройки в том районе не современные, вот там он и переждет в тени листвы остаток знойного рабочего дня, и оттуда напрямик домой поедет, размышляя Иван Степанович. Настроение его улучшилось от предвкушения того, что скоро он покинет этот душный кабинет и окажется в зеленой прохладе деревьев.

Ехали долго, хотя Сашка поставил мигалку, и делал невероятные маневры, нарушая при этом мыслимые и немыслимые правила дорожного движения, но все равно приходилось постоянно притормаживать. Узкие улицы, да огромный поток машин в обе стороны, не давали особо маневрировать. Но в салоне автомобиля было прохладно, и Иван Степанович умудрился даже немного вздремнуть.

Майор оказался прав.

Улица Тургенева находилась в тихом районе. Остались еще такие маленькие тихие «оазисы» в их современном многомиллионном мегаполисе, где было много зелени и тишины. Дома здесь были пятиэтажные, серого кирпича, построенные еще в середине прошлого века. Глаз радовал ухоженные палисадники и цветники, разбитые под окнами жильцов первых этажей. Здесь еще боролись за право называться «лучшим подъездом дома». Пятиэтажки утопали в сумрачной прохладе чуть ли не вековых деревьев.

Иван Степанович направился в то место, где торчали два железных столба с перекладиной, служившие когда-то для крепления подвесных качелей. Это, видимо, и была та детская площадка, о которой говорил потерпевший, и где на скамейке, к радости следователя, расположились три старушки, которых он еще заметил из окна машины, когда его водитель припарковывался возле дома номер 23.

Бабулечки не сразу обратили на него внимание. Они были заняты обсуждением своей четвертой поделки, которая в данный момент отсутствовала.

У всех на головах были надеты разноцветные шляпки-панамки, связаны из простых нитей и которыми, видно, одарила их приятельница, сухонькая старушка, которая и в данный момент вывязывала крючком витиеватые узоры очередного изделия.

— Я ей говорю, что же ты, Клавдея, помидоры не покупаешь? — рассказывала рукодельница своим товаркам. — Экономить что-ли? А она мне в ответ, а я их просто не люблю, так как ни разу в жизни не ела.

— Не может быть, — всплеснула полными руками, кругленькая старушка, та, что сидела посередине, — Прокофьевна, она тебя обманула. Никогда не поверю в такое, чтобы в нашем современном мире человек ни разу даже не попробовал помидорину.

— Так что я, по-твоему, вру? — возмутилась женщина, которую назвали Прокофьевной.

— Да упаси тебя бог, я не об этом. Просто, я думаю, что у нее что-то с головой случилось. Она же сидит одна, как сыч, целыми днями дома. Только иногда вижу, как по утрам — юрк из подъезда, а через полчаса назад. Видно, только в магазин и выходит. Вот и говорит теперь всякую чепуху.

— Да нет, девоньки, просто она на сериалах помешалась. Ведь что они эти паразиты делают на этом телевидении. Только один заканчивается, так за ним следом другой начинается. Вот Клавдия в промежутках между фильмами только что и успевает, как в магазин сбегать. Я зимой тоже прилипла к этому телевизору. Так они, эти киношники, своей белибердой человека, прямо как удавы засасывают. На самом интересном месте кино прервут, а остальное, мол в следующий серии смотрите. Любопытство наше разжигают таким макаром. Только я бросила это дело. Плохо видеть чего-то стала, — вмешалась в разговор третья их приятельница, старушка, интеллигентного вида, в белом платье с крупным рисунком из красных маков.

Наконец, они заметили почти вплотную, подошедшего к ним майора милиции, замолчали и все три на него уставились, с выражением явного любопытства на лицах.

— Добрый день, граждане! — самым ласковым голосом обратился к ним Иван Степанович. — Как поживаете, как ваше самочувствие?

— А с каких это пор милиция стала интересоваться здоровьем пенсионеров? Понадобилось, поди чего-нибудь? — ехидненько поинтересовалось рукодельница.

— Да, понадобилось, — согласился Иван Степанович.

— Вы, наверное, по поводу пропавших машин приехали? — спросила полноватая старушка.

— И чего это ты, Елена Ивановна, всегда поперед батьки в пекло лезешь? — одернула ее та, к которой обращались по отчеству Прокофьевна. — Начальство само скажет, что ему нужно.

Елена Ивановна виновато заморгала глазами.

Иван Степанович понял, что «вредная» Прокофьевна в этой компании за главную, и поэтому сначала решил именно обратиться к ней.

— Извините, как ваше имя — отчество?

— Я Варвара Прокофьевна, это Елена Ивановна, а это Мария Ивановна, — представилась та и представила своих подружек.

— А я старший следователь по особо важным делам, майор Иван Степанович Копылов, — представился и он.

— Это что ж, Максимки нашего машина особо важная или Федоровича развалюха? — опять ехидненько заметила рукодельница.

— А у нас в стране, Варвара Прокофьевна вся частная собственность имеет особо важное значение, — глубокомысленно заметил следователь.

— Тот-то я смотрю, — ответила та и строго поджала губы.

Не имея никакого желания дискутировать дальше, Иван Степанович решил перейти прямо к делу.

— А скажите, пожалуйста, может быть кто из вас, видел или слышал что-нибудь, во время угона машин или пропажи контейнера? — спросил он.

— Вы знаете, товарищ майор, у нас у всех, к сожалению, окна выходят не во двор, а на противоположную сторону, — ответила Мария Ивановна, — хотя я страдаю бессонницей и частенько подхожу к окну, особенно в эти дни. Надеюсь на то, что хотя бы в ночное время подышать относительно чистым воздухом, и то при всем моем желании ничего бы не могла бы вам сказать, — женщина виновато улыбнулась.

— А ты скажи, мил человек, — не утерпела, видно, от того, что не она находится в центре внимания, и опять заговорила Варвара Прокофьевна, — а у тебя там, в заявлениях, не значится куда наша Людка-дворничиха скамейки утащила? Вот уж точно загадка. Стояли себе скамейки около подъездов, стояли, а как появилась эта толсто-задая, так они напрочь сразу испарились. Видно, этой горластой надоело мусор убирать около наших скамеек. Молодежь ее замучила, что пивными бутылками все заваливает, так еще и плюется и семечки лузгает. Такие вот нынче наше будущее, посиделки устраивает в своих дворах. А то, что нам, старым людям, может, присесть охота да и сумку поставить, когда из магазина возвращаешься, так никому до этого дела нету. Так как там, майор, нет там заявление об испарении наших скамеек?

— Ой, ну что ты говоришь, Прокофьевна, — снова всплеснула руками Елена Ивановна, — человек тебя о деле спрашивает, а ты все о своем, — с укоризной в голосе сказала она.

— Я не о своем, я об общественном, — огрызнулась та.

Обстановку разрядил местный участковый уполномоченный, старший лейтенант Сергей Павлович Рукавин. Молодой розовощекий мужчина, который очень кстати

появился около их «компании», так как Иван Степанович, стал уже потихоньку раздражаться — разговора много, а дела никакого.

— Ну что, девоньки, всем кости перемыли или еще кого в живых оставили? — подмигнул он Ивану Степановичу.

— Зря вы так о нас говорите, — сказала Мария Ивановна, — вот когда будете на нашем месте, тогда и посмотрим, чем вы сами будете заниматься.

— Да ладно, ладно не обижайтесь на меня. Это все от жары и от нервов, — миролюбиво сказал участковый, — Я ж без вас, как без рук.

И уже обращаясь к следователю, предварительно взяв того за локоть и потихоньку уводя того от скамейки, сказал.

— Вы знаете, товарищ майор, чувствую я, дохлое это дело и знаете, что во всем этом самое поганое — то, что если с гражданами, которые имели развалюхи, вопрос как-то можно будет решить, то с гражданином Гориным нам будет много проблем. Да и его понять можно. Только, только купил новую машину и надо же случится такой напасти. Хотя я и злился на него за то, что он машину перед носом у детишек ставит, но все рано человека жалко. Докладываю, что я здесь во всех квартирах уже побывал, но никто ничего не видел и никто, естественно, ничего не знает. Ну, а если эти подружки ничего не рассказали, то дело вообще глухое, — сетовал Рукавин.

Иван Степанович понял, что делать ему здесь пока больше нечего и, попрощавшись и со старушками, и с участковым, сел в машину.

Была пятница и у него мелькнула мысль: «а не махнуть ли сразу на дачу на выходные, всего каких то сто пятьдесят километров». Но, поразмыслив, решил все же поехать домой. Перед выходными просто так из города не выберешься, а тут еще неизвестно, как на выходные дело обернется.

Чутье не подвело опытного следователя. Рано утром на следующий день раздался звонок, и дежурный по телефону сообщил, что сегодня в экстренном порядке на 12-00 назначено совещание у начальника. Он доверительно сообщил Ивану Степановичу: «у нас здесь такое происходит, прямо падеж какой-то».

— Ты Петр, прямо какими-то коровьими терминами стал выражаться.

— Тут, товарищ майор, скоро не так заговоришь. За ночь исчезло только по нашему району около тридцати машин и еще всякой всячины, а по городу вообще около тыщи. За одну то ночь! И главное, доложу я вам, в основном тот автотранспорт, который несознательные граждане на тротуарах оставляли да на газоны ставили. Пацаны, которые это творят, просто озеленители какие то. Ведь теперь в тех дворах пустота. Ребята говорят — благодать, хоть спокойно к дому подъехать можно.

— Спасибо, Петя за информацию, — прервал разглагольствования дежурного Иван Степанович. — Буду собираться, — и повесил трубку.

Когда он прибыл в свое отделение, в коридорах толпилось столько народу, как своих, так и гражданских, похлещи, чем в будние дни.

Дежурная часть была просто облеплена страждущими потерпевшими, которые хотели, как можно быстрее покончить с формальностями, то есть оформить заявлением свои дальнейшие отношения с милицией по поводу исчезновения своего имущества и скорее покинуть данное заведение.

Совещание проходило, как никогда, «продуктивно». Ни у кого из присутствующих там оперов, не было никаких предложений, никаких версий.

На угон это совсем было непохоже, так как многие из перечисленных автотранспортных средств были все те же старые машины не на ходу, хотя попадались в списках и дорогие иномарки. Но все эти случаи приобретали характер, какого то массового гипноза, — ведь никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Ни милиция, ни пострадавшие никто ничего не мог взять в толк.

В чем заключалась акция, и чего добивались неизвестные злоумышленники, такими вот своими неадекватными действиями, было непонятно.

— А вы, Иван Степанович, задержитесь,— услышал Копылов, под конец совещания, когда сотрудники задвигали стульями.

Дверь за последним из совещающихся закрылась и полковник Хрущев Григорий Семенович, обратился к старшему следователю.

— Ну, что там у тебя Иван Степанович, есть хоть какие-нибудь наработки? А то этот Горин, уже мне сегодня с утра пораньше звонил. Физиономия ему твоя не внушает доверия. Говорит, что толстые люди мало чего мыслить могут, так как больше, наверное о своем желудке думают. Я, конечно, утрирую, но где-то разговор звучал приблизительно в таком русле. Видишь, какой у нас теперь «потерпевший» умный пошел,— полковник зло усмехнулся.— Гляди, чего доброго раньше времени на пенсию меня и тебя отправит. Такие могут все.

Начальник встал из-за стола и подошел к открытому окну.

Там во дворе, молодые следователи курили на крыльце и весело о чем-то говорили.

— Да ничего хорошего сообщить не могу, Григорий Семенович,— вздохнул Иван Степанович.— Поработал я там. Встретился с местным оперуполномоченным. Мужик вроде дельный.

— Ну и что?

— Да и ничего,— опять ту же фразу произнес старший следователь.— Никто ничего не видел, никто ничего не знает.

— Плохо, брат,— вздохнул Хрущев.

— Да уж куда хуже,— согласился с начальником Иван Степанович,— Такого никто бы и в кошмарном сне увидеть не смог.

— Ладно, Иван Степанович, иди работай, и подключай всех свободных сотрудников к этому делу. Ведь должна же быть хоть какая-нибудь зацепка, хоть что-нибудь.

«Должна, должна быть»,— думал Иван Степанович, покинув кабинет начальства,— только, где ее взять, зацепку эту...»

2

Антон Сергеевич вышел из вагона метро и почувствовал, как пот липкими струйками стал стекать по спине. В туннеле по ходу следования поезда хоть какой-то ветерок был, а здесь на станции духота, грязь и море народа. От всего от этого он находился сверх меры в раздраженном состоянии духа, а недоволен чем-либо Антон Сергеевич был всегда.

Но тут его внимание привлекла голова мужчины, которая, возвышаясь над толпой, продвигалась к эскалатору, какими то странными толчками. Не плыла над толпой, как принято говорить, а именно двигалась зигзагообразными рывками.

«Голова» взошла на эскалатор,— через несколько человек от нее находился и Антон Сергеевич. Теперь его внимание привлекло то, что чья-то рука старательно срывала бумажки со всяким написанным там бредом, которыми было залеплено все пространство, между поручнями двух эскалаторов. «Хоть один сознательный человек попался, который борется за чистоту и порядок»,— подумал он.

Его заинтересовал этот добровольный «чистильщик» метро.

И Антон Сергеевич почему-то даже не удивился тому, когда увидел, что этим человеком оказался мужчина с подпрыгивающей головой.

Тот задержался на выходе, в одной руке держа ворох сорванных объявлений, в другой — ярко желтый мешок с черными буквами, которые гласили: «Сумасшедшие дни в Стокмане». Выражение лица у мужчины было отрешенно-задумчивое.

Антон Сергеевич усмехнулся тому, что уж очень эта надпись соответствовала поведению ее обладателя и вышел из метро.

Улица встретила его раскаленным воздухом, который был ничуть не свежее, чем в подземке.

«Все сумасшедшие: люди, город и погода»,— подумал он и достал флакончик с дезинфицирующей жидкостью и протер ими руки.

Любое чистое вещество обладает свойственным только ему набором свойств.

Антон Сергеевич Серов любил чистоту до умопомрачения, до стерильности. Если эта его страсть к порядку в юности называлась странностью, то теперь, спустя годы и в связи с новыми веяниями в медицине, она стала именоваться — фобией. Но это его мало интересовало: своим привычкам и принципам он был верен всю свою жизнь.

Антон Серов родился на Дальнем Востоке в семье морского офицера. Мама у него преподавала русскую литературу и была натурой восторженной. Она любила заниматься общественной деятельностью среди скучающих жен военного городка. Именно в их обществе она могла поделиться своей любовью и к литературе, и к жизни, которая представлялась ей как самое прекрасное и чудесное явление на земле.

Несмотря на активную жизнь матери, в доме всегда была образцовая чистота. К порядку были приучены чуть ли не с пеленок Антон и его младшая сестра Наташа.

Ветер с океана нес свежесть с запахом йода, соли, и еще чего-то неуловимого, что делает водные просторы неповторимой мечтой художника. Многие можно передать цветом красок, но запах танцующих волн — ничем.

А у Антона Сергеевича обоняние было очень развито. Его нос чувствовал не только запахи, но и их любые неуловимые оттенки.

Чистенького и аккуратного мальчика раздражали не только плохо пахнущие люди, но и непорядок в одежде — сначала непосредственная неряшливость одноклассников, а потом — юношеская безалаберность однокурсников. *Чистыми называются вещества, не содержащие примесей других веществ.*

Может, по этой причине, но у Антона не было друзей. Что же касается девушек, то те имели определенные дни, которые добавляли той или иной прелестнице к ее естественному запаху еще дополнительный флер, который вызывал у чистоплюя Серова, чувство брезгливости.

Только раз в жизни у него был роман в полном смысле этого слова. Это случилось тогда, когда отец Антона Сергеевича вышел в отставку и отбыл на постоянное место жительства в столичный регион, где его сын поступил в университет на химический факультет.

Катя, Катюша, Катенька была вся такая пухленькая прелестница, с воздушно-пушистыми светлыми волосами и огромными прозрачными голубыми глазищами. В перерывах, когда Катенька молчала и не болтала всякую ерунду, она бесконечно часто принимала холодный душ или блаженствовала в теплой ароматической ванне.

Антон полностью растворялся в ее пушистом теле и ласковой болтовне, вздыхая с упоением запах ее чистой и белоснежной кожи.

Однако, очень скоро, Катерине надоела его «немислимая» чистоплотность, и она его оставила ради студента-медика из Анголы.

Только одержимая любовь к химии спасла Антона от разрушительной силы любви человеческой.

Поэтому, когда на выпускном вечере Катерина попыталась на прощание его обнять, Антон брезгливо отстранился от ее рук, которые гладили черное тело его соперника.

Любое чистое вещество обладает только свойственным ему набором свойств.

Химия стала для него всем и заменила ему все. Ведь благодаря фразе, которую он услышал еще с детства и которая звучала так: «чистота эксперимента» — слово **ч и с т о т а** предопределило всю его жизнь.

После распределения он долгие годы работал в одном ответственном НИИ, где в годы Советской власти было открыто несколько новых элементов в таблице Менделеева. Но под открытием никогда не ставилась чье-либо конкретное имя, а обозначалось приблизительно так: «группа ученых под руководством профессора такого то».

Но Антона вся эта атрибутика мало трогала. Он твердо верил в то, что настанет тот день, когда он затмит своим открытием все открытия мира. Молодой ученый работал, как одержимый. К тридцати годам защитил кандидатскую, и вот-вот уже на носу должна была быть защита докторской, но в стране наступила перестройка — неся за собой неразбериху, хаос и отчаянье для многих миллионов людей, и от степени пришлось отказаться.

А тут, как говорят в народе: «пришла беда — отворяй ворота». Скоропостижно от инфаркта умер отец, сестра вне брака родила ребенка от какого то азербайджанского работника рынка и была вынуждена сидеть без копейки денег, так как отец ребенка утверждал, что сам еле-еле сводит концы с концами. Институт, где Наталья работала многие годы, быстренько закончил свое существование, и пособие молодой матери никто не думал платить, а немалые деньги их семьи, которые хранились на книжке в сберкассе, в одночасье обесценились.

Бескорыстные реформаторы, наверное, не один год думали, как сделать в стране так, чтобы денежная масса от населения за короткий срок попала в нужные руки конкретных людей. «Кто был никем, тот станет всем».

Ведь сам народ никогда и никому не был нужен, а русский в особенности. Нужна была их мускульная сила и денежные сбережения. Народ — это же не конкретный человек, народ — это так, частица мироздания.

Моль — порция вещества (т.е. такое его химическое количество), которая содержит столько же структурных единиц, сколько атомов содержится в 0,12 кг углерода.

Многие из знакомых Антона Сергеевича, среди них были ученые и с мировыми именами, словно перелетные птицы, потянулись в чужие края. Не устоял перед искушением и он. Вместе со своим бывшим руководителем лаборатории, Антон уехал в Америку. Однако сумел он там продержаться всего год.

Серов не отрицал, что Америка — великая страна, с огромными территориями и большими перспективами во всем, особенно для тех людей, кто мог мыслить категориями не среднестатистического американца.

Его уверяли, что в данной стране абсолютная свобода во всем, не то что у него на родине, но, увы, там было столько лицемерия и двойных стандартов, что многие запреты, которая устанавливала Советская власть для своего народа, меркла перед устоями жизни этого демократического государства.

Особенно его злило, что, ратуя за достойное существования других народов, не зная и даже не интересуясь их традициями и обычаями, его коллеги американцы принимали покровительственный тон в политических спорах, когда речь заходила о «свободах» в других странах.

Однако при этом никто из них, даже и не вспоминал, как за двести лет, на данной территории, были почти полностью уничтожены индейские народы и их цивилизация.

Конечно, куда интереснее наводить порядки в другом месте, чем у себя дома.

Серов никогда не думал, что его так будут раздражать толпы потных, толстых афроамериканцев, к которым он еще со студенческое скамьи испытывал непреодолимое отвращение. Какие там к черту афроамериканцы? Негр он и в Африке негр, а не какой-то там афроафриканец. Может еще придумают называть их афрополяками или афрохохлами? Чушь!

Его мучило от вечных улыбок, от небоскребов. Ну, вообще, не нравилось Антону Сергеевичу там.

Еще, видно, в неприятии этой страны не последнюю роль сыграло и его плохое самочувствие. У него были обожжены легкие кислотой. Это случается иногда при опытах с летучими смесями, и ему, почему-то, хотя он жил на берегу океана, в университетском городке и в отличных условиях,— не хватало воздуха.

Метод разделения однородных смесей — дистилляция (или перегонка) основан на разности температур кипения компонентов смеси.

По возвращении, он первым делом на заработанные деньги купил сестре комнату и обеспечил себе покой и тишину, избавившись таким образом от вечно орущего и сопливого племянника.

На удивление, ему очень обрадовались на старом месте работы и, предложив должность руководителя лаборатории, дали даже приличное жалование.

Все устоялось. И дома он наконец-то смог обустроить свой личный кабинет, где его никто ни под каким видом не отвлекал от его любимых экспериментов.

В квартире теперь проживали только он и мать, которая днями пропадала на собраниях в Доме Ветеранов труда или в гостях у дочери, присматривала за внуком, пока та рыскала в поисках денег, занимаясь распространением косметики.

Антон Сергеевич был полностью готов для своего мирового открытия в области химии, но шло время, а ничего выдающегося не происходило.

За годы он из высокого и стройного молодого человека превратился в костлявого, сухотелого мужчину без определенного возраста с желтоватым оттенком кожи на лице. Руки его от многочисленных ожогов кислотой загрибели и покрылись шрамами. И, когда он в общественном транспорте брался за поручень, то нередко замечал, как кто-то рядом отдергивал свою руку от его — так неприглядно выглядели эти рубцы.

«Урод, за своими руками бы лучше смотрел, там, поди, микробы «толпами» маршируют под барабанную дробь»,— со злорадством думал он, когда встречал такую реакцию окружающих.

Антон Сергеевич Серов хотел изобрести такое средство, которое бы в одночасье уничтожало бы и растворяло на земле все отходы жизнедеятельности людей. Под ними подразумевались все эти вселенские нечистоты, которые расплодилось не только в том городе, где он проживал, но и по всей планете.

Дело двигалось медленно еще оттого, что опыты ставились только дома, хотя и каждый день, но, увы, ничего не получалось.

О протекании химической реакции можно судить по выделению газа, выпадению осадка, изменению цвета, появлению запаха, излучению света и выделению теплоты.

За стенами кабинета Антона Сергеевича, в соседней квартире, проживали супруги Абрикосовы: Геннадий и Валентина. Обоим было лет под сорок.

Валентин преподавал в профтехучилище — он был замечательным мастером по укладке керамической плитки, а жена его, Валя, имела тоже необходимую специальность на все времена — маляра-штукатур.

Но как говорится, «сапожник без сапог».

Сколько себя помнил Антон Сергеевич у соседей шел бесконечный ремонт. Там что-то вечно сверлили, скребли, молотили. Иногда с такой силой, что пробирки на столе в кабинете начинали мелко подрагивать и издавать противный дребезжащий гул, а огонь горелки вспыхивал прерывистым пламенем.

В такие минуты Серов приходил буквально в бешенство. Ему в его квартире мешали творить, нарушали не только порядок вещей и мыслей, но и чистоту экспериментов!

В один из таких дней Серов не выдержал и, выбежав из квартиры, с яростью нажал на дверной звонок соседей.

Он не снимал руку со звонка до тех пор, пока дверь не открылась.

На пороге стоял сам Абрикосов в неизменном домашнем наряде, имеющею ма-

гическую власть над большинством мужского населения в нашей стране: тренировочные штаны с вытянутыми пузырями на коленях, в белой хлопчатой майке и в шлепанцах на босу ногу.

— Привет, профессор, ты чего наяриваешь?— добродушно улыбаясь, поинтересовался тот.

— Сколько раз можно говорить вам, Геннадий, что никакой я не профессор? Я хочу...

— Ну, чего ты кипятишься? — перебил его сосед.— У меня, кто в очках — все профессора.

— Я вас просто умоляю! Перестаньте колотить по стенам! Вы мне мешаете работать.

— А работать надо на работе,— вытирая полотенцем руки, на подмогу мужу, вышла из кухни Валентина.— Мы же вам, профессор не говорим, что от вашей квартиры бесконечно каким то дерьмом воняет? Мы уважаем, ваше право на всякие там эксперименты, так и вы нас уважайте. Я с девяти утра до шести вечера могу в своей квартире хоть на голове ходить или слона привести, чтобы он своим ножищами топал на головы соседям.

Ее муж одобрительно засопел.

— Ну, что ты шумишь, профессор? Зашел бы лучше как-нибудь, к нам по-соседски. Пивка бы выбили,— предложил Валентин.

Поняв, что все разговоры бессмысленны, Антон Сергеевич махнул рукой и возвратился к себе в квартиру.

«Куда ему с такой опухшей рожей еще пиво пить! Мало ему того, что она вечно красного цвета, так он, наверное, мечтает ее до синюшного оттенка довести»,— в раздражении прокомментировал он про себя предложение соседа.

Индикаторы — это органические вещества, которые изменяют свою окраску в присутствии кислот и некоторых других веществ.

3

Утром в понедельник после звонка неутомимого Горина, который поведал старшему следователю, что не только газеты, но и телевидение без устали информирует о безобразиях, которые творятся в городе при попустительстве милиции, на пороге его кабинета появился Рукавин Сергей Павлович.

Участковый уполномоченный просто сиял.

— Здравия желаю товарищу майор! Скажите, если бомжи есть в обществе, значит это кому-нибудь нужно? — обратился он к старшему следователю.

— Этот вопрос я уже слышал, но в другой интерпретации. Там насчет звезд говорилось,— не понимая веселья Рукавина, пробурчал Иван Степанович.

— Я очень уважаю поэта Маяковского, оттого у меня такой и каламбур и вышел. Это я с точки зрения философской высказался. Ведь просто так в мире ничего не бывает?

— Лейтенант у тебя если есть, что сообщить, так говори, а не тяни kota за хвост,— сказал Иван Степанович.

— Одну минуту.

Рукавин подошел к двери и, открыв, ее, позвал:

— Саня заходи.

В кабинет бочком вошел худенький мужчина на удивление этой категории граждан опрятного вида, теребя в руках матерчатую панаму неопределенного цвета. Однако вид его чистой одежды был обманчив, так как вскоре Иван Степанович почувствовал, как помещение стало наполняться запахом давно немытого тела и прокисших помоев. Майор поморщился.

Саня заметив, появившееся на лице следователя недовольное выражение, застыл на приличном расстоянии от его стола.

— Вот,— прямо таки цвел Рукавин,— доложи товарищу майору, что ты видел и о чем мне рассказывал.

— Я в ту ночь, когда пропали машины у нашего дома, то есть у дома 23, собирал бутылки. Спать не хотелось, вот я и думаю, чего тянуть до утра, пойду-ка я потихоньку тару и пособираю. Территория это моя, хоть и никто из наших не пойдет сюда, но береженого бог бережет.

— Ну, вот хожу я по двору и вижу, как из третьего подъезда выходит мужчина и прямоком направляется на детскую площадку. Там такая красивая машина все время стояла, и он, подойдя к ней, что-то вылил на ее капот из пузырька, и эта машина у меня на глазах вдруг как-то вся скукожилась, ну как при авариях бывает, и раз... ее не стало. Я аж глаза зажмурил. Думаю, ну вообще башка от этой жары сдернулась, а сам потихоньку в тень отхожу и глаз с мужика не спускаю. А он уже как бы начал возвращаться к себе домой, но опять остановился около старенького жигуленка и снова на нее что-то вылил, и эта так же, как и та иномарка, в одночасье растворилась. А мужчина как засмеется, как на одной ноге запрыгает к своему подъезду. Меня прямь аж в дрожь кинуло. Человек-то он немолодой, чтоб так себя вести. Как он в подъезд вошел, так я сразу со двора и ходу, и никому об этих своих «видениях» ни гу-гу. А тут ребята стали говорить, что в городе машины исчезают, ну вот я рискнул рассказать эту историю Павловичу. Может для чего-нибудь и сгодится.

Мужчина с облегчением вздохнул.

— Вам сколько лет?— вкрадчивым голосом поинтересовался Иван Степанович.

— Да скоро шестьдесят будет,— мужчина испуганно захлопал глазами.

— Шестьдесят,— протянул Иван Степанович,— а все Саней зоветесь.

— Так мы в начальствах не ходим,— огрызнулся тот, заподозрив, что с ним сейчас начнут разъяснительную работу вести.

Но Иван Степанович, встав из-за стола, подошел к окну и настезь распахнул все створки. В комнату сразу ворвался жаркий воздух с запахом пыли и на какое-то мгновение заглушил тошнотворный запах, исходящий от бомжа.

— Саня,— повторил следователь,— так ты, наверное, хочешь, чтобы и у меня, как и у тебя и у старшего лейтенанта, голова сдернулась? Или ты сюда пришел лишь для того, чтобы тебя в каталажку посадили и там отмыли да накормили.

— А вы гражданин Рукавин,— обратился он к участковому,— что себе позволяете? Привести этого огрызка общества сюда и морочить мне голову.

Рукавин побледнел и как-то тяжело стал опускаться на стул.

— Что с вами Сергей Павлович?

— Ничего, товарищ майор. Это все от духоты. Спазм, наверное. Мне бы водички. Иван Степанович вмиг успокоился.

Он подал стакан с водой и, пока Рукавин пил, цыкнул на Саню.

— Иди отсюда, чтоб я духу твоего здесь не чуял.

Бомж в доли секунды оказался за дверью.

— Вы уж, товарищ майор, не обижайтесь. Это не ради шутки. Саня этот в прошлом был кандидатом химических наук. Жил в нашем доме, но потом, как это частенько бывает, попивать стал и не заметил, как без квартиры остался. Мужик он безобидный, вот наши старухи его и покармливают. А этот, про которого он рассказывал, Антон Сергеевич Серов, выдающийся химик, по словам Сани. Вот я подумал. Может, он чего и сотворил там из своих химических формул? Может, вроде того, как Уэллс в своем рассказе о человеке-невидимке писал.

— Хуже нет начитанных милиционеров,— съязвил майор.

Старшему лейтенанту видимо стало лучше, так как на его лице снова появился румянец.

— Я понимаю товарищ майор абсурдность всего этого. Ну, в этой неразберихе, что с машинами творится, я и подумал, может даже эта информация может пригодиться.

Он встал.

— Извините меня.

— Как ты говоришь, зовут этого выдающегося химика?

— Антон Сергеевич Серов.

— Дача у него имеется?

— Да нет, дома он сидит как вечерами, так и выходные дни — безвылазно,— не понимая, куда клонит майор, отвечал Рукавин.

Иван Степанович надел на голову фуражку и выключил вентилятор.

— Ну что ж, поедем, проведем Серова. Поступил сигнал от гражданина, надо реагировать,— и он весело подмигнул своему младшему по званию сотруднику.

4

И, о чудо, он нашел то, о чем мечтал, над чем бился, над чем страдал. Он изобрел средство «абсолютного растворения благоустроенной жизни на земле». Продукт — чистоты и стерильности.

Сначала Антон Сергеевич проводил эксперименты у себя в квартире, но мать, обеспокоенная пропажей многих бытовых вещей, книг, мелких предметов мебели, забила тревогу. Вот тогда-то в один из вечеров Антон Сергеевич решил, что пора.

Дождавшись наступления ночи, он вышел во двор, где и начал свое карающее возмездие бестолковому человечеству.

Он не задумывался о моральной стороне своих поступков. Кроме интереса изобретателя им двигала еще и злоба толи больного, толи уставшего человека от всей несправедливой сущности нашего мироздания.

— Сначала научитесь задницы за собой мыть,— приговаривал он, поливая своим изобретением неугодные ему машины, мусорные баки и бродячих собак.

После своей первой вылазки Антон Сергеевич оформил на работе отпуск за свой счет, так как днем он должен был готовить раствор, намечать жертвы исчезновений, а ночью предварять это на деле.

Все было бы замечательно, но при всем совершенстве раствор при вступлении в реакцию с другими предметами жизнедеятельности человека, начинал выделять отвратительный запах наподобие того, что нередко встречается в отделах, где продают свежее мясо или подобие полуфабрикатов из него. Недаром Серов всю жизнь был образцовым поедателем только растительной пищи.

А с собаками, дело обстояло еще хуже! Сразу все пространство, вокруг подопытных животных, отравлялось запахом разложившейся плоти.

В первый раз изобретатель даже чуть в обморок не упал, и поэтому отпуск ему был необходим для усовершенствования своей уникальной жидкости.

Реакция разложения — это реакция, при которой из одного сложного вещества образуется несколько новых веществ.

Он зашел в зоологический магазин и накупил на радость молоденьким продавщицам большое количество хомячков и морских свинок. Когда он направился к выходу, ему вслед закричала самая сердобольная из них:

— Мужчина, а у вас корм то есть? Их же много.

Но любитель фауны молча вышел из магазина.

Антон Сергеевич ставил опыт за опытом, но результат был один и тот же. Тошнотворный запах, даже вынудил его мать уехать из дома к своей приятельнице на дачу, никак не исчезал.

И вот Валентина Абрикосова как-то в один из самых на ее «взгляд» уж «наиот-

вратительнейших запахов», который шел из квартиры соседей, в негодовании позволила в дверь «наглого профессора».

Когда Антон Сергеевич открыл дверь, женщина, не ожидая приглашения, втолкнула в коридор квартиры ее хозяина и, как по наитию, прямоком направилась в кабинет. Там запах был более концентрированный, чем на площадке, и Валентина, вытянув руку в сторону стола, где стояли всевозможные колбы, пробирки и другая посуда для проведения опытов гениального Антона Сергеевича, стала кричать.

Серов не вслушивался в то, что именно говорила Абриковосова.

Перед его лицом маячила рука с облезшим маникюром, а он не сводил взгляда с ее плеч. Там на фоне серого цвета материи халата белым снегом лежала перхоть от несвежих волос, а фартук, который прикрывал недостающую на груди пуговицу данного наряда, сверкал жирными пятнами.

И тогда, Антон Сергеевич молча подошел к столу, взял в руку колбочку с новой порцией изготовленного раствора, подошел к Валентине и плеснул половину его содержимого, на грудь женщине.

И сразу наступила тишина. В комнате стоял уже ставший привычным для него запах, но только более сильной концентрации.

Антон Сергеевич вернулся к столу и начал собирать все свои записи в одну стопку.

Качественный и количественный состав вещества выражается с помощью химических формул.

Затем он собрал все реактивы и отнес всю лабораторную посуду в ванну. Там Антон Сергеевич стал выливать из колб их содержимое в сток, а пустую посуду ставить под бегущую струю воды из крана.

«Хорошо, что я никому не рассказывал о моем гениальном открытии. Затаскали бы по всяким симпозиумам. Ходи только да здоровайся с каждым за руку. Живи в их грязных гостиницах...»

Антон Сергеевич вышел из ванны и прошел к себе в кабинет, открыл окно настежь и сел за стол.

«О чем я думаю?» — удивился вдруг он. «Я убил человека! Хотя люди тоже же самое, что молекулы,— могут иметь свои химические свойства. Эта крикунья просто переродилась в другую субстанцию, поэтому у меня и нет по поводу нее никаких угрызений совести. Человек — это такая же органическая субстанция, которая только и умеет что гадить.

Миллионы людей рождаются, а творят только единицы и избранные. Так для чего нужны все эти остальные особи? Только для того, чтобы быть подопытным материалом для избранных. Ведь прошло столько веков, а все эти людишки в своих привычках так и остались на уровне обезьян.

«Вот я человек! — здесь его мысль споткнулась.— Но и она человек! Неужели я запутался? Мне же ничего не надо ни от людей, ни от жизни!»

И он пришел в ужас от того, что понял то, что ему действительно ничего не надо, абсолютно ничего. Он хотел руководить жизнью, а не жить, а ведь это взаимоисключающие вещи. Ведь, человек уже при рождении запрограммирован на свою судьбу, и изменить ее, он не в силах

Быть катализатором — веществом, которое ускоряет химическую реакцию, но само в ней не расходуется.

Боже, как он устал! Эта жара, словно человеческая глупость, так же жестока и бескомпромиссна.

Ведь что ждет его и его открытие? Сначала удивление, а потом критика завистников и недоброжелателей. Всякие доводы и нелепые домыслы по поводу того, что его изобретение — это исполнение заветной мечты всех ненавистников живой жизни на земле.

Может, оно и так, но у него не осталось сил, а главное желания вступать в спор со всем человечеством. Он доказал самому себе, что он выше всех и всего, а остальное уже не имело никакого значения и смысла.

Антон Сергеевич взял в руки все свои записи, прижал их к груди и вылил себе на голову свое открытие.

Химия — это наука, изучающая вещества и их свойства, а также превращение в другие вещества.

5

Как майор и участковый ни звонили и ни стучали в дверь Серовых — никто им так и не открыл.

Хотя рядом с ними находился Геннадий, заверявший милиционеров, что «все они там». Его Валюшка с полчала назад пошла к профессору и до сих пор не возвратилась.

Но без санкции прокурора дверь не взломаешь, а где находятся в данный момент другие домочадцы из этой квартиры, никто из соседей не знал.

Ночь с субботы на воскресенье, да и само воскресенье прошло без происшествий. Машины своих владельцев не подводили, — стояли на местах и не исчезли.

А в понедельник были зарегистрированы два заявления о пропаже граждан: Антона Сергеевича Серова и Валентины Петровны Абрикосовой, которые не появлялись дома уже более двух суток.

Шли дни, недели. Иван Степанович благополучно сходил в отпуск, но пропавшие граждане так и не объявились, как и не нашлось ни одной машины пострадавших граждан в те непонятные жаркие дни. Так и осталась масса незакрытых дел связанных с хищением частной собственности у граждан, вызывая периодически сильное негодование по поводу бездеятельности у одних и по поводу надоедливости у других.

Наступила осень. В их районе все было относительно спокойно.

Да и в доме по улице Тургенева, 23 больше никто не пропадал. Только бож Сая куда-то исчез. Никто его больше не видел во дворе. Лишился он покровительства участкового уполномоченного. Ерунду наболтал всякую и Рукавина перед начальством в дураках выставил, кто ж за это к тебе хорошо относиться будет.

Иногда к бабулькам во дворе, подсаживался Геннадий Абрикосов, чтобы в который раз поговорить о своей жене-вертихвостке, которая до того закрутила шашни с этим профессором, что не нашла ничего лучшего, как только улизнуть втихаря из дома.

— Мне-то что, — говаривал в такие минуты Геннадий, прихлебывая из горлышка бутылки нескончаемое пиво, — я мужик хоть куда, да и квартиру Валька, если даже вернется, шиш у меня получит, а вот мамашу профессора жалко. Это же надо, так мать родную не жалеть, — и он сплевывал в сторону новенького «Пежо» Горина, машина которого стояла на его любимом месте, на месте детской площадки.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

СТАЯ

Геннадий Николаевич Маркин постоянный автор «Приокских Зорь», наш вьетатный корреспондент. Лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2008 год в жанре прозы. Долгое время служил в МВД и Минюсте РФ в системе Управления исполнением наказаний; в настоящее время служит судебным приставом в Туле. Живет в г. Щекине.

*Владимиру Петровичу Шадрину
посвящается...*

Сумерки наступили неожиданно. Казалось только что светило солнце и вдруг, словно по чьей-то команде, навалилась полутьма, сквозь которую на небосводе одна за другой стали вспыхивать яркие звезды. От сильного мороза потрескивали покрытые инеем деревья, вдоль которых рысью бежала запряженная в сани лошадь.

Сидевший на козлах извозчик приподнял ворот овчинного тулупа и втянул голову в плечи, надеясь таким образом укрыться от пробиравшего его насквозь мороза, а затем подстегнул лошадь вожжами.

— Ну, пошла, холера! — прикрикнул он и повернулся к сидевшему в санях курьеру. — Шалью, вашбродь, голову-то укройте, теплее будет, а то как бы не замерзли в дороге-то.

— Ничего, ничего, голубчик, ты обо мне не беспокойся. Лучше лошаденку свою шибче погоняй. Приедем на станцию там и согреемся, — проговорил курьер, дыхнув паром из-под обледенелой аккуратной бородки.

— До станции-то еще верст двенадцать будет и лес заканчивается. А в чистом поле оно всегда холоднее. Так что, вашбродь, голову-то шалью обмотайте, не побрезгуйте, — не отступал от курьера извозчик.

— Погоняй, голубчик, погоняй. А как на станцию приедем, так получишь от меня еще и на водку, — проговорил курьер, но все же послушал совета извозчика и начал надевать на себя шаль.

— Благодарствую вас, барин. Это мы со своей Матреной вас быстро до станции доставим. Она, Матрена-то, у меня не кляча какая-нибудь, она ездочная, — проговорил извозчик и, взмахнув плетью, со свистом опустил ее на спину лошади. — А ну пошла, холера!

Почувствовав ожог, лошадь фыркнула и, выпуская из ноздрей пар, ускорила ход.

«Приспичило же ему на ночь глядя ехать. Другие-то кульеры поумнее оказались. Остановились на станции ночлегом, а ентот, вынь и положь, везти приказал. Спешное у него какое-то поручение. Да и я тоже — хорош, поддался на его уговоры. Деньги за прогон хорошие посулил, аж две копейки за версту! А так я бы ни за что не поехал. Эх! Сидел бы сейчас на постоялом дворе, пил чай горячий да в карты играл. Нет, угораздило же меня согласиться, — мысленно ругался извозчик, изредка бросая взгляд на своего

пассажира.— Ну, ничего, ничего, недалече осталось, авось доедем. Главное чтобы впотьмах дорожные вехи из вида не потерять. Если собьешься с пути, тогда все...— извозчик не захотел даже думать о том, что может произойти с ними в пути, если они ночью в снежном поле собьются с дороги.— Авось доберемся,— повторил он, но уже вслух». Вскоре, как и говорил извозчик, лес закончился, и дорога вышла в чистое поле, прижимаясь однобоко, к стоявшим друг от друга на небольшом расстоянии лозиновым вехам. Глухой топот конских копыт, мягкое поскрипывание саней и одинокое треньканье бубенца, слились в единый звенящий на морозе перезвон, сквозь который путники отчетливо слышали леденящий душу протяжный волчий вой. Извозчик оглянулся и увидел на лесной опушке, на фоне темных силуэтов заснеженных деревьев несколько пар светящихся глаз. Волки вновь завыли, наводя на путников своим протяжным, заунывным и тревожным многоголосьем панический страх.

— Волки! Волки! Вашбродь, волки тама из леса вышли! — крикнул извозчик, указывая плетью в сторону леса.

Курьер откинул от лица шаль и посмотрел в ту сторону, куда указывал извозчик. Его охватил панический страх.

— Гони, милый! Гони быстрее! Спаси, не дай погибнуть! — закричал перепуганный курьер.

— Дык... я что же?! Неужлишь и мне помирать-то охота?! — запричитал извозчик и под продолжавшиеся крики курьера быстрее погнал лошадь. — Пошла, милая! Пошла, Матрена! Ну, же! Родимая не дай сгинуть тут! Пошла, холера! Кляча! Дохлятина! Пошла! Пошла! Родимая моя Матрена! — кричал извозчик, не переставая стегать лошадь. Та, учуяв волков, задрала вверх голову, вздыбила на загривке волосы и словно обезумев, помчалась во всю свою лошадиную прыть. Волки бросились в погоню, обходя извозчиков с обеих сторон.

— Гони! Гони! Не погуби, голубчик! Век благодарен буду! — продолжал кричать извозчику курьер. Шаль и башлык с его головы сбились, обнажив русые длинные волосы.

— Топор, топор возьми! Он тама под соломой лежит! — крикнул извозчик курьеру, стегая волков плетью.

Окружив повозку плотным кольцом, голодные, худые, с острыми выпирающими хребтами и ребрами, с облезлой шерстью волки попытались наброситься на лошадь, но никак не могли вцепиться в нее зубами. Одному из хищников все же удалось это, и он, рыча, повис на ней и так висел, пока та из-за боли не сбавила ход. В тот же миг на лошадь набросилось сразу несколько волков, а она, заржав, попыталась лягнуть их задними ногами, но конская упряжь мешала ей. Несчастное животное с трудом повернуло голову и взглянуло на извозчика жалобным взглядом, словно прося защиты, а затем, захрипев, повалилось на бок. Несколько волков попытались запрыгнуть в сани и находившиеся в них люди с ужасом увидели рядом с собой страшные оскалы волчьих пастей. Курьер спрыгнул с саней и попытался убежать в сторону леса, но волки, вцепившись в его ноги, заставили остановиться и утонуть в глубоком и ставшем багряным от крови снегу. Извозчик продолжал отчаянно отбиваться от нападавших на него волков, стегая их плетью...

Василий Яковлевич Шатров вышел на балкон своей квартиры. Утро выдалось повесенному теплым и солнечным. Со стороны автобусной остановки слышалось хлопанье дверей маршрутных микроавтобусов, а от городского рынка нарастало людское многоголосье. День был выходным, и многие горожане спешили на рынок. Внизу во дворе дома на детской площадке веселилась детвора. Постояв немного на балконе и полюбовавшись наступившим новым днем, Василий Яковлевич вернулся в комнату и плотно прикрыл балконную дверь, за которой остался уличный шум. Усевшись в кресло и взяв городскую газету, он углубился в чтение, надеясь из сооб-

щений узнать что-то новое о своем заводе, на котором работал до выхода на пенсию. Не найдя в газете для себя ничего интересного, Василий Яковлевич отложил ее и, решив пообщаться с бывшими коллегами по телефону, снял трубку. Та привычно загудела длинным гундосым звуком. Он уже почти набрал знакомый номер, но в это время в комнату вошла жена Любовь Владимировна.

— Решил кому-то позвонить? Опять про завод будешь расспрашивать? Дай же людям отдохнуть от тебя, хотя бы в выходной день,— посоветовала она.

— С чего ты взяла? Это нам кто-то позвонил,— пожал плечами Василий Яковлевич.

— И кто же? — сдерживая улыбку, спросила Любовь Владимировна.

— Сказали, что ошиблись номером,— вздохнул Василий Яковлевич.

— Что тебе еще сказала телефонная трубка?

— Она мне сказала, что ты у меня самая лучшая в мире жена,— засмеялся Василий Яковлевич. А затем подозвал к себе Любовь Владимировну и заговорщически добавил: — Только трубка мне это сказала по очень большому секрету.— Он сделал ударение на слово «очень».

— Ну, раз тебе такое сказала трубка, тогда мыть руки и быстро к столу, завтрак остывает,— тоном, не терпящим возражений, сказала Любовь Владимировна.

После завтрака Василий Яковлевич вновь вышел на балкон и немного постояв, вернулся в комнату, сел на диван.

— Маешься без дела? — присев рядом с мужем, ласково спросила Любовь Владимировна.

— Не могу без дела сидеть, не привык,— развел руками Василий Яковлевич.— Пойду на дачу, что ли, схожу, погляжу, что там новенького.

— Что там может быть новенького? Там, наверное, уже все старенькое растащили,— вздохнув, проговорила Любовь Владимировна.

— Взгляни, на деревьях листочки новые появились, а ты говоришь: что там новенького? — укорил Василий Яковлевич жену.— А на даче уже, наверное, травка новенькая поблескивает. Новая жизнь народилась. А то давай вместе сходим, свежий воздух все-таки.

Любовь Владимировна улыбнулась словам мужа и вздохнула. Вот уже около года ее одолевает недуг. Теперь далеко от дома она уходить не решается, да и лечащий врач не разрешает совершать дальние прогулки.

— Да нет, я уж лучше дома останусь, по хозяйству займусь,— проговорила она.— Да и дочь с внуком обещали в гости прийти.

— Ну, а я схожу на дачу, может быть там что-то подремонтировать нужно,— проговорил Василий Яковлевич и направился в прихожую.— Да, кстати, ты не знаешь, к чему это волки снятся? — спросил он уже стоя в дверях.

— Какие волки? — переспросила Любовь Владимировна.

— Обыкновенные, серые и злые. Сон я видел, будто волки напали на извозчиков.

После услышанного у Любви Владимировны возникло чувство беспокойства.

— А кровь видел? — спросила она у мужа.

— Видел. Волки вначале загрызли лошадь, а затем принялись за людей,— ответил Василий Яковлевич.

Любовь Владимировна стояла молча. Беспокойное состояние усиливалось с каждой минутой.

— Василий, может быть, ты сегодня дома останешься? — неуверенно спросила она у мужа. — Дочка и внук в гости обещали прийти, а ты уходишь.

— Да нет, все-таки схожу на дачу. Я там недолго буду, а дочка с внуком пусть не уходят, пусть меня дождутся,— проговорил Василий Яковлевич.— А что это ты вдруг решила меня дома оставить?

— Да что-то на душе неспокойно,— пожал плечами, проговорила Любовь Владимировна.

— Не говори ерунды,— засмеялся Василий Яковлевич и, поцеловав жену, открыл дверь.— Я скоро вернусь.

Принадлежавший Василию Яковлевичу садовый участок в шесть соток с небольшим дощатым домиком находился в ранее существовавшем садоводческом товариществе «Агро». В перестроечные времена, когда огромный градообразующий завод оказался вдруг никому не нужным, а работникам перестали выдавать заработную плату, чтобы не умереть от голода, люди ринулись на свои садовые участки. Выращенные своими руками овощи в основном шли на засолку, но были среди дачников и те, кто мог позволить себе выставить продукцию на продажу, что являлось для них единственной возможностью пополнения семейного бюджета. Вскоре как водится, на дачные участки повадились ходить и любители полакомиться за чужой счет. Частенько люди, придя на свои дачные участки, обнаруживали там не только опустошенные грядки, но и разгромленные дачные домики, а еще хуже вместо них свежие пепелища от пожаров. Эта нехорошая тенденция очень быстро стала набирать обороты и вскоре достигла такого размаха, что люди стали бросать свои дачные участки. К тому же за долги товарищество было отключено от центрального электро- и водоснабжения, после чего электрические провода и металлические трубы были разворованы. И только самые настоящие любители общения с природой, мужественно продолжали возрождать разоренные набегами свои родные шесть соток. К таким людям относился и Василий Яковлевич Шатров.

Взглянув на то место, где когда-то красовались огромные металлические ворота, бывшие гордостью садоводческого товарищества, а теперь украденные вместе с трубами, Василий Яковлевич вспомнил о том, как однажды они с женой шли на дачу и обнаружили эти ворота закрытыми на засов. Постояв немного в нерешительности, он, несмотря на возражения жены, под ее тревожным взглядом, смело перелез через ворота и, сдвинув в сторону тяжелый засов, открыл их. Такой же тревожный взгляд был у Любови Владимировны и сегодня, когда она провожала его на дачу. «Чего это вдруг она так забеспокоилась?» — подумал Василий Яковлевич и достал мобильный телефон.

— Дочка с внуком пришли? — спросил он после того, как услышал голос жены.

— Нет, еще не пришли,— ответила ему Любовь Владимировна.

— Пусть обязательно дождутся меня, я недолго.

— Хорошо. А ты чего звонишь-то?

— Я звоню, чтобы сказать тебе, что я тебя очень люблю,— проговорил Василий Яковлевич и отключил телефон.— Угораздило же меня рассказать ей этот свой дурацкий сон про волков. Наверное, очень ее расстроил или еще хуже напугал,— проговорил он вслух.

Подойдя к своему дачному домику, Василий Яковлевич услышал громкую музыку и шум голосов. «А это еще что такое там у меня происходит?» — мысленно спросил он себя и перешагнул порог. На диване, табуретах и перевернутых вверх дном ящиках, в которых Василий Яковлевич хранил урожай яблок, сидели и пили баночное пиво, курили и громко смеялись подростки. Они дурачились, матерясь, обзывали друг друга и кидались вещами. В домике царил хаос и беспорядок. Входная дверь была выбита и болталась на одной дверной петле, оконные стекла и рамы разбиты, небольшая мебель сломана, посуда разбросана, на полу накинаны окурки.

— Вы что здесь делаете? — громко спросил Василий Яковлевич.

Подростки не ожидали появления хозяина дачи и молча смотрели на вошедшего.

— Я спрашиваю, что вы здесь делаете? — придав голосу строгость, вновь спросил Василий Яковлевич.

— Проходи, дядя, гостем будешь,— проговорил один из подростков и после его слов все дружно засмеялись.

— Гостем будешь, ха-ха-ха! — смеялся своей собственной шутки говоривший подросток.

— В гости приехал, хи-хи-хи! — смеялась рыжая и нетрезвая девчонка.
— Дедушка к нам в гости приехал из деревни, гы-гы-гы! — смеялись и другие подростки.

— Это надо сфотографировать, как дядя к нам в гости приехал,— громко смеясь, проговорила сидевшая на диване одна из девчонок и навела на Василия Яковлевича объектив мобильного телефона.

— Вы зачем рамы и стекла разбили? — повысил голос Василий Яковлевич.

— Дедушка рассердился!

— Дедушка нас сейчас всех накажет!

— В угол поставит и ремнем надает! — сквозь смех стали выкрикивать подростки.

«Наркоманы они что ли? Или пьяные? — подумал Василий Яковлевич. — А детишки-то не из бедных семей»,— пришел он к мнению, увидев на подростках богатое одеяние и дорогие мобильные телефоны, которые они держали в руках. Подростки продолжали смеяться и выкрикивать пошлости.

— А ну марш отсюда, а то я вашим родителям расскажу, как вы себя ведете! — прикрикнул он на них.

— Иди ты, дядя, сам отсюда. Не съедим мы твою дачу. А родителей своих мы уже давно не боимся,— проговорил один из подростков, и демонстративно развалившись на диване, стал пить баночное пиво. Другой подросток засмеялся его шутке и, вынув из кармана джинсовых брюк пачку дорогих сигарет, закурил.

— Если вы сейчас же не уйдете, я вызову милицию,— проговорил Василий Яковлевич и для большей убедительности достал мобильный телефон.

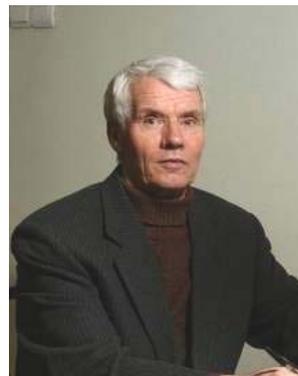
— Ого! Дядя-то с навороченной мобилой! А ну, дай-ка я посмотрю, что у тебя за аппарат? — перестав смеяться, проговорил все тот же подросток и, поставив в сторону банку с пивом, попытался вырвать у Василия Яковлевича из руки телефон, но тот ловко отклонил его руку.— А дядя-то еще брыкаться вздумал! — проговорил он и вновь стал отнимать у Василия Яковлевича телефон.

В тот же миг сидевшие подростки вскочили со своих мест и набросились на Василия Яковлевича. Понимая, что в маленьком и тесном дачном домике ему от навалившихся на него подростков не отбиться, Василий Яковлевич выскочил на улицу, набирая на ходу номер телефона милиции. Подростки выбежали следом и, выкрикивая ругательства, начали бить Василия Яковлевича. Он, бывший спортсмен, стал обороняться, но силы и возраст были неравными. Его били по лицу и голове, в живот и по спине, навалились на руки, сковав движение, обхватили за ноги. Вскоре Василий Яковлевич устал и под многочисленными ударами, сыпавшимися со всех сторон, упал. Основанная на бессознательном подчинении большинству, ликующая и улюлюкающая, лишенная чувства жалости, впавшая в азарт и обезумевшая толпа, избивала руками, ногами и выломанными из забора палками лежавшего на земле окровавленного и умирающего человека...

Почувствовав вкус крови, ощутив стадный инстинкт, голодная стая никак не могла насытиться. Окровавленный извозчик, выронив из рук плеть, из последних сил полз по снегу, пытаясь спастись, но волки, дико и страшно рыча, не давая ему никакой надежды, рвали на части его плоть. Расправившись со своими жертвами, волчья стая скрылась в лесу, изредка напоминая о себе лишь протяжным и далеким воем.

Вскоре поднялся сильный ветер и пошел снег. Разыгравшаяся не на шутку метель замела зимнюю дорогу, лозиновые вехи и волчьи следы. И только сиротливо стоявшие занесенные снегом сани напоминали о той страшной трагедии, которая произошла здесь в зимнем заснеженном поле под молчаливым взглядом звездного ночного неба.

Валентин Ставицкий
(г. Москва)

ПЕРСТ СУДЬБЫ

Прозаик, член Творческого клуба «Московский Парнас», печатается в одноименном альманахе (журнале). В «Приокских зорях» публикуется впервые.

После окончания гимназии княгини Оболенской я вернулась в отчий дом в Москве и в том же 1911 году вышла за своего троюродного брата Тимирева Сергея Николаевича. Еще ребенком я видела его, красавца-моряка, когда проездом в Порт-Артур — шла война с Японией — выпускник Морского кадетского корпуса был у нас в Москве в полной форме русского офицера флота. За участие в боях в Японском море помощник старшего офицера эскадренного броненосца «Цесаревич» был награжден золотой саблей «За храбрость». После войны герой Порт-Артура удостоился чести занять должность старшего офицера императорской яхты «Штандарт», в коей пребывал до 1910 года. А за два года до этого стал кавалером ордена «Почетный легион» — высшей награды Франции. За какие заслуги — я так и не узнала, хотя и любопытствовала не один раз. Военные люди умеют хранить секреты.

Сергей Николаевич был много старше меня, но мне казалось, что я люблю бравого офицера, героя Порт-Артура, особу, приближенную к царю-батюшке, — что мы знаем о жизни в 18 лет! На меня же морской «волк» обратил внимание лишь за то, видит бог, что я однажды произнесла без запинки боцманскую тираду длиною в кабельтовый в ответ на его высокомерный вопрос о знаниях кисейной барышней в морском деле, о разнице между бригантиной и баркентиной, между бригом и баркой.

О-о! Флотоводец не знал, что «овечка» давно уже на зависть старшим братьям моим — Илье, Сереже и Ване, да и с целью самозащиты от насмешек, проштудировала не только книгу Жюль Верна «Дети капитана Гранта», но и «Морские рассказы» Станюковича, настольную книгу русских моряков.

— Эта детская загадка, милостивый государь, — мстительно ответила я тогда, — Фи! Разница между бригантиной двухмачтовой и баркентиной трехмачтовой... Я, к вашему сведению, Сергей Николаевич, музыкальные ноты легче запоминаю, если напеваю под звуки рояля названия парусов: фор-бом-брамсель, грот-бом-брам-стаксель, грот-трюмфель, крюс-брам-стаксель и крьюс-брамсель!

— Гром и молния! — выкатил глаза на лоб морской зазнайка от удивления. — Анна Васильевна, клянусь небом и морем, что никому не поверил бы, не услышь все это сам своими «эхолотами»! Да и сейчас изумлен чудом, чтобы глупая девица шпарила не хуже боцмана! Отныне я ваш раб, Анна Васильевна, до океанского дна!

— Благодарю вас за изящный комплимент, помощник боцмана, — обиделась я, помню. И, оказалось, покорила героя.

Два месяца спустя, а именно ноябрь-декабрь 11-го года муж повез меня в свадебное путешествие по Франции. Толи его причастность к «Почетному легиону», толи вековые традиции французского гостеприимства, — но те волшебные дни стали для

меня ожившими в жизни сказками Шехерезады, которыми в детстве нас с братьями и сестрами потчевала тетя Настя. Наша любимица жила в Петербурге, летом ежегодно приезжала к нам в Кисловодск. Ее приезд — это праздник, так как она рассказывает сказки из «1001 ночи» в собственной интерпретации. Мы, ее племянники и племянницы, слушали, помню, затаив дыхание. Тетя Настя всегда прерывает свое повествование на самом интересном месте — вдруг уедет в конце лета. А мы, дети, ходим замороженные до ее приезда в будущем году.

И пусть Франция простит меня, неблагодарную, но мне нет времени уделять этой стране достойное место в моих записях! Боюсь, не успею сообщить людям о более важных событиях, которые произошли со мною за прошедшие с тех дней 63 года.

В начале войны с Германией у меня родился сын Одя, а если полностью по метрической записи в церкви, то Володя, Владимир Сергеевич Тимирев. Муж в том же году с должности командира учебного судна «Верный» получил назначение в штаб Командующего Балтийским флотом адмирала фон Эссена. Немец по рождению, адмирал держался англо-французской ориентации, и, по словам русских офицеров, многое сделал для подготовки флота к выполнению программы боевых действий на случай войны с кайзером Вильгельмом. Новая должность Тимирева называлась флаг-капитан флота по распорядительной части. Вместе с новой должностью Сергей Николаевич получил очередной флотский чин: контр-адмирал. К этому времени сей «морской волк» имел на своей груди ордена семи закордонных государств. Про французскую награду я уже упоминала. Всеми ими он заслуженно гордился, а вот последней, отечественной, был недоволен! Более того, муж изменил своим правилам о сохранении военной тайны и рассказал в этот раз о причине своего последнего награждения.

«Дивные дела твои, Господи!» — только и могла подумать я после рассказа Сергея Николаевича! Посудите сами.

Поздней осенью 1914 года, ночью, пробившись сквозь первые снежные шквалы, появился на рейде Архангельска в 30 милях от берега караван английских кораблей, бросивших якорь в ледяные воды Белого моря. Вскоре к борту флагманского корабля «Дрейк» подошли скрытно, без единого сигнального огня, два наших тяжело груженных лихтера.

Под покровом северной вьюжной ночи на английский корабль с русских лихтеров были быстро перегружены тяжелые, тщательно пронумерованные и промаркированные ящики со... слитками золота! Российского золота на сумму 75120000 золотых рублей, чтобы их обменять в банкирской Англии на 8000000 фунтов стерлингов для оплаты поставок амуниции и оружия с берегов туманного Альбиона на туманные берега Кольского полуострова... Мой муж считал эту операцию царского правительства прямым предательством по отношению к России...

— Наши оружейники и ткачи,— рыдал дома контр-адмирал в состоянии очередного опьянения,— за такие деньги сделали бы быстрее и лучше! А как эти скоты из правительства думают привезти из-за моря оружие и амуницию? Анна Васильевна, умный ты мой боцман семейного корабля, свистать всех наверх! Прямо по курсу — измена Отечеству.

— Есть, свистать всех наверх, Ваше высокопревосходительство,— покорно отвечала я командиру семейного корабля,— но разрешите обратиться, адмирал, с советом?

— Ррр-разрешаю-ю... Но за разглашение военной тайны — трр-рибунал!

— Изменники подсыпали в питье командиру дредноута сонное зелье! Корабль останется без капитана перед рифами, если действие зелья к рассвету не обезвредит сном!

— Прр-равильно, боцман! Прика-зываю бить склянки к отбою! Юнга!

— Есть адмирал,— вытягиваюсь я «во фронт» на полном серьезе, и «жертва из-менников» покорно следовала в каюту... То бишь в спальню...

До начала войны с Германией мы с Сергеем Николаевичем жили в Петрограде, а теперь ему пришлось переехать в Гельсингфорс. Когда я его провожала однажды на вокзал, мимо нас стремительно прошел невысокий, широкоплечий офицер. Тимирев сказал мне:

— Ты знаешь, кто это?

— Нет,— ответила я.

— Это Колчак-Полярный. Он недавно вернулся из северной экспедиции.

У меня осталось в тот день впечатление стремительной походки, энергичного шага признанного кумира российской молодежи.

Сын морского офицера Василия Ивановича Колчака рано решил стать моряком. Учился в Морском Кадетском корпусе, куда был переведен в 1888 году из классической гимназии. Кроме военного дела, Саша увлекался точными науками и заводскими делами. Слесарное ремесло изучил в мастерских Обуховского завода, где его отец представлял Морское ведомство, потом там же был заводским инженером. Молодой морской офицер с 1895 года участвовал в нескольких заграничных плаваниях, самым большим из которых было трехгодичное плавание на крейсере — в водах Тихого океана. Академия наук организовала в 99-м году Русскую полярную экспедицию под началом барона Э. Толля на шхуне «Заря». С января следующего года Александр Колчак учился у норвежского полярника Ф. Нансена в городе Христиании. В Норвегии и началась биография Колчака-Полярного на купленном там судне «Заря».

В экспедиции он исполнял должности гидролога и второго магнитолога. (Я не очень понимаю значение этих мудреных слов и употребляю их лишь ради правдивости моих записок, услышав их вначале от Тимирева, а затем и от самого Александра Васильевича). В 1902 году «Заря» была раздавлена льдами и не имела запасов угля, поэтому «господа ученые» были сняты с неподвижного судна пароходом «Лена» и через Якутск вернулись в столицу Российской империи. Уместно сказать, что отважные исследователи ледяного царства не гнушались принимать участие в снятии «Зари» с мели, в сборе плавника, а когда ездовые собаки не в силах были тащить груз,— сами впрягались в ямки нарт! В сплошном снегопаде, насквозь промерзшие, храбрцы вынуждены были часто залезать в... ледяную воду — бррр!!! — дабы пережить шторм в хаосе движущихся льдин, а потом отсыпаться на льдинах во время штиля. О Господи, спаси нас и помилуй!

Благодаря своим настойчивым просьбам отважный полярник был отправлен в Порт-Артур. Боцман шхуны «Заря» Бегичев пожелал сопутствовать командиру и в Японском море, на суровом поприще. В Порт-Артуре Колчак служил на кораблях, затем командовал береговой батареей. В боях был ранен, попал в японский плен, откуда через Америку вернулся Петербург в апреле 1905 года. 10 января 1906 года на соединенном заседании Императорского Русского Географического общества научный совет присудил отважному и благородному сподвижнику барона Э. Толля Большую золотую Константиновскую медаль «за необыкновенный и важный географический подвиг — совершение которого сопряжено было с трудом и опасностью».

— В последующие годы,— восторженно рассказывал мой муж,— Колчак служит в действующем флоте: в минной дивизии, затем флаг-капитаном по оперативной части в штабе фон Эссена. С весны 1914 года отважный полярник сосредоточился на ускоренной подготовке флота к началу боевых действий. Он придумал морские мины!

Опытный гидролог и магнитолог участвовал в разработке и в своевременном осуществлении первого боевого задания Балтийскому флоту — закрыть сильным минным полем вход в Финский залив. В штабе фон Эссена мой муж и Полярник, оба флаг-

капитаны, оба контр-адмиралы, часто встречались. И не иначе, как перст судьбы моей счастливой указал нашему товарищу Николаю Константиновичу Подгурскому, — тоже награжденному за подвиги в боях с японцами пятью орденами и Золотой саблей «За храбрость», — пригласить меня с Сергеем Николаевичем к себе в гости!

И Александр Васильевич был там.

Война на море не похожа на сухопутную. Моряки среди неба и воды или гибнут вместе с кораблем, или возвращаются на земную твердь из похода в привычную обстановку приморского города! И тогда для них — это многодневный праздник! А я приехала из Петрограда 1914—15 годов, где не было ни одного знакомого дома не в трауре: в первые же месяцы войны генералы-бездари во главе с Великим князем Николаем Николаевичем уложили на полях сражений всю русскую гвардию. Почти все мальчишки, с которыми мы встречались в ранней юности, погибли... В каждой семье кто-нибудь был на фронте, от кого-то не было вестей, кто-нибудь ранен, а кто и убит! И все это камнем лежало на сердце. А тут, в Гельсингфорсе, люди были другие, — они умели радоваться, тогда как я с начала войны разучилась. Мне был 21, с меня будто сняли мрак и тяжесть последних месяцев, мне стало легко и весело.

Не заметить Александра Васильевича было нельзя: где бы он ни был, он всегда был центром. Он прекрасно рассказывал, и о чем бы он ни говорил — даже о прочитанной книге — оставалось впечатление, что все рассказанное им пережито самим. Как-то так вышло, что весь вечер мы провели рядом, о чем тоже распорядилась в тот день счастливая моя судьба... Непонятно почему я так говорю? Да что ж тут непонятного, Господи Боже мой!

Влюбилась я в Александра Васильевича! Влюбилась!!!

Екатерина Абрамычева
(ст. Горбачево)

ПУЧОК ТРАВЫ СТЕПНОЙ
(Фантастический рассказ)

Красное солнце медленно опускалось в лиловые тучи.

Поднимался ветер, и ковыль до горизонта казался толи стелющимся туманом, толи серебристым морем, не успевшим отдохнуть от дневной жары. Излука Непрядвы приближалась, отмеченная купами склонившихся ракит, и Димир пожалел коня, спешился и повел в поводу. Золотисто-рыжий Карим был столь же вынослив, сколь быстр, просто купаться они любили оба до самозабвения. А потному — в воду... много ума не надо.

Нагревшаяся за день вода в укромной заводи была ласковой и прозрачной. Купались долго и с удовольствием, чуть горчившим от осознания того, что каникулы кончатся послезавтра. И если завтра будет дождь, то...

Карим, конечно, будет скучать. Его не возьмешь с собой на Антру. Глядишь, отвыкнет за год и будет дичиться, гордец, все забудет (а то вдруг еще запомнит и не простит?..) Бабушка Таня даже вздохнула украдкой, дескать, лучше бы внук с девчонками гулял...

— О чем задумался, пресветлый княже?..

Устинка сидела там же, где и вчера, в развилке дальней ракиты, со вчерашней толстой книжкой в руках. Димир хотел было спросить, открывала ли она ее вообще, но с грубостей начинать разговор был с детства не приучен. Тем более с девчонками. И тем более с такими.

Справедливости ради он вообще на каникулах с земными девчонками не общался. Они сразу делали большие глаза, шептались, хихикали и несли откровенную чушь, перемигиваясь друг с дружкой по всякому поводу и без. Особенно без. На Антре было как-то проще. Там таких, как он, уже четырнадцать человек. Правда, все моложе, кто на год, кто на два... И все, как братья.

Не то, что здесь.

— Здравствуй, Устина. Я тебя не заметил. Извини.

— Сдуреть, какой ты вежливый, Васильев. Сразу видно, инопланетное воспитание! Тутешние такими не бывают.

— Тебя это радует? — Димир вылез из воды и натянул футболку прямо на мокрое тело. Купаться ему почему-то расхотелось.

Чего ей здесь надо вообще? Без нее было так спокойно!

— Я констатирую факт.— Устинка фыркнула и пожала плечами.— Девки просто тащатся от твоих сиреневых глаз, как будто в них все и заключается. Ах-ах! Ахополлон-Ахополлон... Купанье красного коня на фоне Красного Холма! Майка, раскрашенная под кольчугу,— ширпотреб и моветон, придумано для тупых туристов, не знай?

— Во-первых, Карим не красный, а рыжий...

— *Игреновый*, княже, классику читать надо! И знать, что на твоём родном языке «красный» — когда-то означало «красивый»... И вообще, так одна картина называется

ся, не помню» кто написал! — она перелистнула страницу.— Кстати, что во-вторых, Владимир Святославович?

— У тебя книжка вверх ногами,— Дим подумал и добавил.— А «Купанье Красного Коня» написал Петров-Водкин. Мне не нравится.

Устинка заткнулась минуты на три. Димир успел даже кроссовки зашнуровать. Смеркалось.

Что, интересно, она видит в своей книжке в густой листве?!!

— Кончай глаза портить. Слезай...

— Отстань. Я гадаю.

— Я тебе и так скажу, что меня здесь завтра не будет.

Устинка захлопнула книжку и спрыгнула вниз. Вытертые добела укороченные джинсы, черная майка в заклепках, самодельные браслеты до локтей. Штук пятнадцать косичек до пояса. И босиком. Дим тоже с детства любил бегать босиком. Просто Земля — не такая благоустроенная планета, как Антра. Особенно в глубинке, где из земли много лет вылезает всякая пакость, и можно с равным успехом пораниться и о битое стекло, и о колючую проволоку, и о наконечник копья. Взбешенная Устинка едва доставала ему до плеча и смотрела на него снизу вверх, кусая губы. Дим подумал, что если она вцепится ему в волосы, придется применять прием, а это уж будет совсем ни к чему. И что такой взгляд бывает у отличницы-одиночки. Дерзкий, независимый — и беззащитный одновременно.

— У меня каникулы закончились,— Димиру почему-то расхотелось ссориться.— Послезавтра улетаю. Поэтому и задумался. Понятно?

Устинка отвернулась. Она была сейчас совсем не похожа на себя вчерашнюю, ту, которая так самозабвенно горланила какую-то распевную песню про коня, с которым идут по полю вдвоем. И уж тем более была не похожа на всех остальных. Может быть, поэтому и сидела в ветвях ракиты над рекой в одиночку?

— А Карим? — Устинка сунула книжку в холщовую сумку.

Димир промолчал. Игреновый красавец-конь пил малиновую воду. Светлая грива выделялась на ярко-рыжей шкуре, помнится, вчера он пообещал заплести ее в такие же мелкие косички.

— Приручил — и улетаешь, да? Инопланетянин... Разве так поступают?..

— Поступают.— Дим сощурился.— И не только с лошадьми. Будто не знаешь, как это бывает...

Устинка дернула плечом и пошла прочь по малиновой воде.

Хорошо быть максималистом, черт побери, да?

Без нее было так спокойно!

И Карим, зараза, всю гордость растерял, стоит, как теленок, пока его девчонка гладит. Димира сперва четыре дня к себе не подпускал.

Димир говорил по-русски с рождения чисто и без акцента. Но его учителями и собеседниками были взрослые образованные люди. Они правильно строили фразу, употребляли умные слова, говорили логично, красиво и четко. Молодежный слэнг своей второй родины Димир знал плохо. Потому и сторонился всяческих компаний. Потому и смотрели на него, как на диковину. А вовсе не потому, что, судя по придушенным вздохам глянцевого девчачьих журналов, «он унаследовал богатырскую статью отца и фантастическую красоту матери». Устинка права — не в сиреневых глазах суть...

— Тьма надвигается с Востока,— подвела коня девушка.— Пойдем, Мустанг-Карим, сын Рохиррима. До грозы домой попасть надобно,

— А... откуда ты знаешь, как его зовут? — Дим даже ушам своим не поверил.

— Так это я его назвала. Три года назад,— Устинка засмеялась.— Мне Павел Игнатич лошадей доверяет. У меня донские казаки в роду. Пойдем. До Монастырщины нам по дороге.

— А почему я тебя у него ни разу не видел?

— Потому что на летние раскопки до шестнадцати лет не берут,— пояснила девушка.— Я в летней экспедиции первый раз. До этого все больше осенью, в туристский пик музею помощники нужны. Народу здесь столько бывает, что того и гляди наши ковыли повытопчут, орда обзавидовалась бы... И зимой, с фольклорной группой. Зимой интересно, оружейники приезжают, барды...

— Земля — молодая планета... — пожал плечами Димир.— На ней есть, что искать. Это хорошо.

— А у вас, что, скука смертная?

— Я не похож на землянина, да?

Устина смутилась. Наверное, вопрос был задан слишком резко. И его следовало смягчить. Или хотя бы пояснить.

— Ты счастливая, Устинка, ты здесь живешь. Тут все твое, понимаешь? Плохо ли, хорошо ли,— но твое. У тебя здесь дом, друзья, лошади, речка с ракушками, ковыли, раскопки... Песни, которые ты поешь, книжки, по которым гадаешь, браслетки, которые вы друг другу дарите... Душа твоя здесь, понимаешь?

— Да откуда ты знаешь, где моя душа, Димир?.. Может, ей вовсе не это нужно...

— А ты береги, что есть. Не висела меж двух миров? Ну и не приведи Богиня...

— «Не приведи Господи»,— привычно поправила Устинка и, вздрогнув от дальнего раската грома, глянула на небо.— Прибавим шагу, князь, мокнуть неохота! Мне еще километра полтора...

— Садись верхом,— придержал Карима Дим.— *Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами степную даль...*

— Отец научил? — Устина не стала отказываться, привычно и ловко взбираясь в седло.— А сам?

— А я — бегом.

— Да я не об этом!.. Сам — неужели не чувствуешь? Или компьютер в башке? Ведь ты же русский, Володя, хоть и зовут тебя *Димир*. Ну, необязательно надевать кольчугу и креститься на золотые купола, хоть это, говорят, и помогает... Это внутри должно быть, как звон колокольный... Чтоб уехал — и болело внутри, без этого ты не русский. Так... принц-полукровка меж двух миров.

Белая молния распоролла небо от зенита до горизонта. Карим всхрапнул и дернулся. Быстро темнело.

— Вперед! — скомандовал Дим.— Трэкс!

Ветер бил в лицо, и ковыль трепетал и стлался понизу, как облака, подсвеченные вспышками молний. Алая полоска зари еще слабо светилась на горизонте. Вместе с порывами ветра, как призраки, прилетали всплески колокольного звона со звонницы храма Сергия Радонежского. Редкие машины чертили фарами асфальт старой дороги справа. Огни Монастырщины слабым заревом светились впереди за горизонтом. Димир бежал быстро, легко и ровно, если б всегда ему на Полигонах в свое удовольствие так бегать... Наверное, это было бы счастьем,

— *И всадиши его на конь,— в полный голос кричала Устинка,— и вострубиши на костехъ с радостю велию, и рече ему князь Володимерь Андреевичъ: «Веси ли, колико бысть божиа милости и пречистыя его матере на нас, яко и где недоходиши наши вои, и тамо множество татаръ избиено бысть невидимо божиею силою, и пречистыя его матере, и великаго чудотворца Петра, и всех святы. Бысть бо, яко в девятый часъ бьющемся, и мнози вернии видеши ангели помогающе христианомъ, и святыхъ мученикъ полки, и воина великаго Христова Георгия, и славнаго Дмитрия, и великихъ князей русскихъ святыхъ мученикъ Бориса и Глеба, в них же бе и воевода свершенаго полка небесныхъ силъ великий архистратигъ Михаилъ...*

Ветер подхватывал и уносил полупонятные слова прочь, молнии полосовали небо, густая трава глушила шаг. Крутой взгорок взяли в лоб, и Устинка перевела коня

на шаг. Проселочная дорога впереди разветвлялась. Самодельный указатель блестел флуоресцентной краской. «ЛЕГЕНДА», 125-я краеведческая и 115-я археологическая экспедиции. Чуть пониже был прибит декоративный узорный щит, на котором металлом отсвечивала надраенная надпись: «ГАРДА», клуб оружейников, Тула. Тропинка уходила влево, за перелесок,

— Спасибо.— Устинка спрыгнула с коня залихватски, ногой через гриву, как заправский ковбой.— Дальше я сама. А то Петрович враз нарядов на кухню навешает, зачем тебе это слушать...

Дим улыбнулся. Оказывается, здесь тоже есть самоволки... Сказал, выравнивая дыхание:

— Я могу восстановить справедливость. Ты учила полукровку национальному самосознанию. Это важно.

— Да брось... Выпендрей и бравада. Просто если девчонки тебя со мной увидят,— спать потом не дадут!..

— Значит, так далеко твой выпендрей не заходит, да?

Устинка не ответила, поглаживая шею коня. Порыв ветра принес первые капли дождя. «Тинка!!! — закричали на три голоса в перелеске.— Тинка!!! Ты где?!!! Ау!!!» Мелькнули отсветы фонарей среди деревьев.

— Это за мной... — вздохнула девушка.— Держи.

И, сняв с левой руки браслетик, протянула его Димиру.

— Спасибо.

— Если всю ночь будет дождь, то раскопок не будет. Будет дружеский треп. Приходи в гости?

Дим не ответил.

— Ну, пока...— и она убежала в темноту по тропинке, не желая дожидаться ответа. Наверное, боялась его услышать.

«Тинка!!! У тебя на плечах голова или кочан капусты?!!! На небо глянь, оглашенная... — Да что со мной будет, Серафим Петрович, не сахарная, не растаю! — Вот будешь завтра полдня картошку чистить... — Я полезных перспектив никогда не супротив. Самое княжеское дело! — Ковалев уже час тебя по всей округе ищет! — Ищите и обрящете, толщьте и отверзнется вам... — Вот сейчас ливень как отверзнется...»

Голоса стихли. Димир вздохнул и пошел прочь.

По закону вселенской подлости друзья появляются именно за пару дней до разлуки. И привязывают тебя невидимым канатом, чтоб уехал — и болело внутри. И разрывало на части между мирами.

Дождь лил, как следует, Димир шел, не торопясь, вел коня в поводу. Одежда промокла насквозь, в кроссовках хлопало. Ему было все равно.

Никуда он завтра не пойдет. И не потому, что придется вместе с Устинкой чистить картошку на всю ораву. И не потому, что вся честная компания будет хихикать, переглядываться и задавать примитивно-глупые вопросы. И не потому, что дружеский треп на смеси церковно-славянского языка и молодежного жаргона ему непонятен или неинтересен...

А потому, что ему нужно совсем другое. Заводь, малиновая вода, и Устинка в листе с книжкой, перевернутой кверху ногами.

Потому что эта Устинка — настоящая.

И сам он вместе с ней — настоящий.

Хотя, что значат два дня в шестнадцать лет? Мелочь.

Вроде того браслетика, что до сих пор крепко зажат в кулаке.

Чар-джантар Владимир Васильев-Уно, оказывается, хорошо помнил, что на нем изображено.

Перламутрово-серебристая метелочка восстановленного степного ковыля из окрестностей Куликова Поля...

Ирина Дезире
(г. Плавск)

НОЧЬ ПЫЛАЮЩИХ ЗВЕЗД

Я металась по клетке — за ней бесновалась толпа, ожидая скорого развлечения. Неизвестно, чем закончится этот бой. Только я точно знаю, что он будет последним. Я могу погибнуть, но если останусь жива, то именно сегодня вечером я встречу с тем, кого люблю, чтобы остаться с ним навсегда. Так мне предсказано. Сегодня снова наступает Ночь Пылающих Звезд. До следующей такой Ночи мне не дожить.

Самой не верится, что все это случилось со мной. Ночь Пылающих Звезд разделила мою жизнь на две части, изменила мое тело и внесла смятение в мою душу. Многие теперь мне стало ясным и понятным, но, увы, многого уже не изменить. Нет смысла сожалеть о прошлом, надо думать только о будущем, но... ведь я — *пантера*, которая раньше была человеком. Долгое пребывание в зверином обличье накладывает свой отпечаток на мысли и чувства. Только любовь к Золтану и надежда на встречу с ним в Ночь Пылающих Звезд, помогает не свалиться в черную бездну безумия.

Воспоминания терзают мой мозг и покидают меня лишь во время боя. Так ли уж хороша была моя прежняя жизнь, чтобы стремиться ее вернуть? Раньше я легко и красиво могла выражать свои мысли и чувства: окружающие до небес превозносили мой голос и ум. Но теперь я способна лишь рычать, а тонкие пальцы, записывавшие изящную вязь пламенных строк, превратившись в могучие лапы, рвут добычу на части. Теперь я смутно помню мое детство — только чувства: заброшенность и одиночество. Я была в поселении никому не нужным сорняком — сирота, неизвестно откуда забредшая. Моими друзьями были животные и растения. Я понимала язык птиц и цветов, ветра, солнца и звезд, любила слушать их пение и рассказы об этом и других мирах. Я научилась слагать стихи и песни, а мои друзья мне подпевали. Окружающие считали меня блаженной, дурочкой, некоторые — издевались, некоторые — сторонились, некоторые — жалели, изредка давая старую одежду и немного еды в благодарность за мою помощь в излечении их скота. Но с тех пор, как у меня появился Золтан и вырос, все жители поселения старались не попадаться нам навстречу, прячась в домах, захлопывая окна и двери при виде девушки с огромной кошкой золотистого цвета.

С тех пор, как Золтан защитил обывателей от набега туриков, не пустив в поселение кровожадных разбойников, он получал от жителей в знак признательности каждый восход вдоволь мяса.

Турики держали в страхе всю округу, от них не было спасения. Они вихрем налетали из степи, забирали все более-менее ценное, коней, молодых девушек. Ни откупы, ни мольбы не помогали. Каждой женщине, послужившей им развлечением, уродовали лицо. Пытавшихся сопротивляться, не важно — мужчин или женщин, медленно убивали, отрезая кусок за куском, заставляя родных есть сочащуюся кровью плоть. Если было нечего или некого взять — сжигали все селение.

Тогда нам повезло: туриков было против обыкновения мало — десятка четыре.

Люди работали в поле, мы с Золтаном играли неподалеку. После крика сторожей: «Турики идут!» — все бросились врассыпную, а у меня от страха отнялись ноги, и я не могла сделать ни шагу. Я уже вошла в возраст и боялась плена, тем более что ни от кого не могла ждать защиты. Жители поселения с радостью избавились бы от меня, лишь бы остались целы их дочери. Замерев от ужаса, я наблюдала за приближающейся лавой. Но золотой молнией метнулся Золтан, защищая меня, сбивая туриков наземь, калеча, но — не убивая! И турики, завидев Золтана, сами бросались с коней, закрывая голову и моля о пощаде. Они не сделали ни одного выстрела, ни разу не взмахнули мечом, а лишь униженно стонали: «Пощади, Великий!»

Золтан безошибочно нашел вожака, поставил ему лапу на шлем и издал могучий рык, первый за время битвы. О, как он был страшен! Я испугалась бы его, если бы не знала, как Золтан любит меня. Но, тем не менее, дрожь охватила меня, — восхищение и преклонение перед могуществом зверя, любовь и гордость, опасение за его жизнь переполнили мою душу, и я, обессилев, опустилась на траву и заплакала. Золтан в одно мгновение очутился со мной рядом и стал целовать меня в мокрые щеки. Другого слова я не могу подобрать! Он — зверь! — не может этого делать, и все же он — делал!.. Я обвила его шею руками и заглянула в завораживающую бездну ярко-зеленых глаз. И такая там была любовь и мука, что я еще сильнее зарыдала, уткнувшись в золотую шерсть. Золтан стоял неподвижно, теперь его сотрясала дрожь. Мы забыли обо всем на свете, о том, что нас окружают турики и странно закончившийся бой.

Я подняла голову и впервые увидела разбойников так близко: да, странные лица, не похожие на лица жителей поселения, другими были одежда, оружие, цвет кожи, волос. Мечи — как огромные звериные когти или зубы, одежда — как вторая кожа, самых разных оттенков от снежно-белой до непроглядно-черной, однотонная, пятнистая или мохнатая. Солнце на миг померкло в моих глазах, и я увидела вокруг себя зверей, настороженно выжидающих. Золтан пошевелился, и наваждение исчезло. Мой друг осторожно высвободился из моих объятий, сделал шаг и что-то тихо и невнятно прорычал, совсем не как обычно, наверно, чтобы я не поняла его речь, но вожак туриков, видимо, все прекрасно понял. Он склонил голову и взмахом руки отослал остальных. Золтан еще раз что-то тихо прорычал вожаку, согласно кивавшему время от времени. При намеке на несогласие, рычание становилось громче. Турик внимательно рассмотрел меня, запоминая, снял с руки браслет и знаком велел мне его надеть. Я взглянула на Золтана — и подчинилась. Браслет удалось закрепить только высоко над локтем. Турик показал, чтобы я спрятала браслет под одеждой и никому о нем не говорила. Золтан подтвердил это распоряжение кивком. Турик низко поклонился Золтану и вместе со своими воинами умчался, как я поняла, выполнять распоряжения необычного зверя.

Но с этого полдня наши отношения с Золтаном изменились. Мы по-прежнему были вместе, но из общения исчезла легкость и непринужденность, потому что поведение Золтана все больше стало напоминать человеческое. Он стал похож на ревнивого жениха — его глаза неотступно следили за каждым моим шагом, а чуткие уши ловили каждое слово. Мне дозволялось теперь разговаривать только с женщинами, ни один мужчина от десяти лет и старше не смел даже взглянуть на меня. По нашему молчаливому уговору я стала купаться в заповедном озерце одна, а Золтан караулил за деревьями, готовый в любой момент отвадить дерзких соглядатаев. Все чаще я ловила не себе его обжигающий взгляд, и непонятная тоска охватывала меня. Мне хотелось, чтобы Золтан опять утешал меня, чтобы мои пальцы скользили, как раньше, по его огненному меху. Будущее пугало своей неизвестностью, потому что я не понимала себя, но понимала Золтана. Он признался мне в любви, когда перед туриком целовал меня, и этот браслет соединил нас навек крепче самой надежной цепи. Я любила Золтана, а он меня. Я мечтала, чтобы Золтан стал человеком, ведь тогда мы могли быть счастливы. Я без конца молилась про себя, чтобы мое желание исполнилось.

*Золтан! Солнце мое!
Ты мне нужен навеки!
Я хочу, чтоб, как ласковый ветер,
Ты меня целовал,
Чтоб пьянили твои поцелуи!
Чтоб твое золотистое тело,
Напоенное силой дневного светила,
Мою ждущую кожу
Любовным огнем опалило!
Золтан! Солнце мое!
Золотое любовное пламя
Разожжет этот пламень безумных объятий!
Золтан! Солнце мое!
О, любовь моя вечная, Золтан!
Я зажгу сотни солнц,
Осушу океаны силой страсти своей,
Но бессильна
Придать человеческий облик
Тебе, мое солнце,
Чтоб навеки с тобой разделить эту жизнь,
Чтоб навеки с тобой остаться!
Золтан! Солнце мое!
Сколько ж можно скитаться
По земле двум мятущимся душам,
Разделенными Ночью Пылающих Звезд,
Обреченным на вечную муку?!
Кто разрушил тот Мост?
Кто обрек нас о тобой на разлуку?
Золтан! Солнце мое!
О любовь моя вечная, Золтан!*

В последнее время я стала замечать, что Золтан как-то странно себя ведет, словно предчувствуя что-то. Неужели вновь набег? Уже три десятка восходов мысли о туриках и Золтане не оставляют меня. Почему они, моля о пощаде, называли Золтана — «Великий»? Почему не подняли оружия против зверя, калечащего их? Почему Золтан не убивал туриков? О чем он разговаривал с вожаком, стараясь, чтобы я не поняла его речь? Почему Золтан велел турику отдать мне этот браслет? Почему? Почему? Почему? И через два восхода я получила ответы на часть моих вопросов, хотя появились и новые.

Недалеко от нашего поселения проходил караванный путь. Постоялый двор содержал мужик по прозвищу Загребайло, и это имечко как нельзя лучше отражало его характер,— наше поселение принадлежало ему, как и еще два, по другую сторону от караванного пути. В этот восход за мной с Золтаном прислали. Загребайло велел явиться к нему, чтобы помочь очень важному гостю. Интересно, чем мог помочь Золтан?

При нашем появлении глаза Загребайло сначала расширились, затем сузились.

— Пойдемте, вас ждут,— пробурчал хозяин и провел нас в полутемную комнату.

Там стоял старик с горящими желтыми глазами на темном лице. Ореол коротких пушисто-белых волос делал его похожим на состарившегося желтоглаза. Так и хотелось подуть на него, чтобы семена на белых крылышках разлетелись. Золтан подошел и потерялся о длинный черно-звездный плащ гостя. Старик потрепал голову Золтана, почесал ему за ушами:

— Ну, здравствуй, Огневик!

— Я зову его Золтан!

— Помолчи, Колючка, дойдет и до тебя черед. Как тебе жилось, Огневик? Ну, ничего, еще не поздно все исправить, для этого-то я здесь и оказался. Не волнуйся: твою Колючку я помещу на хорошую землю. Ей там понравится. А пока ступай, о тебе позаботится Лучано.

Неожиданно для меня от стенки отделилось что-то абсолютно черное — молодой человек с таким же темным лицом, как и у Желтоглаза, закутанный в черный плащ, поклонился старику, открыл дверь и вышел, пропустив вперед Золтана, который беспрекословно подчинился старику.

— Ну, Колючка, рассказывай: как к тебе попал Огненный Кот?

— Я зову его Золтан! — еще раз повторила я.

— Подходяще — и по цвету, и по характеру. Хотя и вредно — и для него, и для тебя. Как же тебе удалось все перевернуть с ног на голову и выткать новый узор судьбы, вопреки всем предсказаниям?

Но что я могла рассказать ему, если сама ничего не понимала во всей этой истории?

Желтые глаза старика вдруг опалили меня, превратившись в два солнца, высветившие все закоулки моей души. Затем они притушили свой блеск, став обычными человеческими глазами, и даже спрятались под полуопущенные веки.

— В это трудно поверить... — еле слышно прошептал старик, сочувственно вздохнул, но еще раз повторил вопрос. — Как к тебе попал Огненный Кот? И как ты сама оказалась здесь?

— Я не знаю кто мои родители, откуда я появилась здесь. Зовут меня Сирена за цвет глаз и мои песни, а как звали меня раньше — я не знаю. Почти три года назад я нашла Золтана крохотным котенком после страшной бури, когда ветер срывал с неба пылающие звезды. С тех пор мы неразлучны. А совсем недавно он спас меня от туриков.

— От туриков?.. Тебе не...

— Показалось странным его поведение?

— И в чем же, по-твоему, выражалась эта странность?

— Ну, он никого не убивал, его молили о пощаде, называя «Великим», он разговаривал с предводителем туриков и приказал ему надеть на руку мне этот браслет. И...

— Продолжай!

— И он поцеловал меня... И мы потом стали стесняться друг друга, словно... преступили Закон.

Я не поняла, как осмелилась открыть чувства Золтана этому человеку, вместо того, чтобы признаться в своих.

— А ты любишь Золтана?

— Больше всего на свете.

— И ты согласна сделать для него все, что в твоих силах?

— Да, — без малейшего колебания ответила я.

— Хорошо, я запомню это. А сейчас ты поедешь со мной.

— А Золтан?

— Пока он будет с нами. Переоденься.

Желтоглаз показал на маленький сундучок с откинутой с крышкой. Я вынула охапку странных одежд, напоминающих на ощупь мех Золтана и хотела выйти, чтобы где-нибудь переодеться, но Желтоглаз остановил меня:

— Нет, здесь, при мне. Приставать к тебе я не собираюсь, но должен видеть тебя всю. Представь, что ты сейчас одна.

И опять я легко подчинилась этому человеку, без малейшего стеснения сбросила свои лохмотья на пол.

— Подними волосы и медленно повернись,— последовал новый приказ. И его я выполнила. Желтоглаз еще раз печально вздохнул, толи обнаружив во мне какую-то ущербность, толи почему-то еще жалея меня.

Я натянула нечто, напоминающее мужские штаны, но только тонкие, облегающие. Чтобы надеть кофточку, мне пришлось снять браслет турика — настолько узки были рукава, доходящие до самых запястий, да и сама кофточка облегла торс, а для каждой груди была сделана как бы чаша. Большой вырез открывал ключицы и доходил до ложбинки между грудями. Ничто не сковывало движений, не давило, не тянуло, как будто было сделано для меня. Когда я собиралась пристроить браслет турика поверх рукава, Желтоглаз взял его у меня, повертел в руках и отложил в сторону. Тут же послышалось шипение и моих босых ступней коснулось холодное тело змеи, которое медленно стало подниматься, сначала по ногам, по туловищу, обвилось кольцами шею, и вот ее голова легла в ложбинку между грудями. Тонкий язычок коснулся неожиданно вспотевшей кожи, как будто принимая жертву, а затея змея застыла золотым ожерельем, превратившись в живое украшение.

— Теперь она будет тебя хранить,— пояснил Желтоглаз.— Ей не страшна любая сталь. Другие будут видеть лишь золотое ожерелье, но только ты будешь знать, что она — живая. Советуйся с ней, если будет трудно.

Я завершила переодевание, накинув на плечи черный легкий плащ с капюшоном, который будет скрывать мою фигуру до колен. К этому наряду прилагались великолепные черные сандалии без задников, напоминавшие своими украшениями лапу Золтана — с золотыми когтями. Высокий каблук был для меня непривычен — некоторое время я с трудом сохраняла равновесие, а затем, как по волшебству, все изменилось. Я с легкостью прошла по комнате, ощущая себя рожденной заново, чувствуя себя в этой одежде царицей мира.

Желтоглаз с удовлетворением смотрел на меня, ему тоже нравился мой новый вид. Он хлопнул в ладоши — отворилась дверь, и вошел Лучано.

— Уложи ей волосы.

Я присела на сундучок и предоставила Лучано возможность привести в порядок мою «гриву». В мгновение ока мои волосы были расчесаны и уложены в замысловатую прическу, перевитую золотыми лентами.

Когда же, закончив работу, Лучано внимательно рассмотрел меня — лицо, фигуру, змею на шее, он выдохнул с восторгом:

— Тера! Мы наконец-то нашли ее, господин! — и, склонившись, поцеловал мне правую руку. Затем повернулся к Желтоглазу и взволнованно спросил: — А как же Огневик?

— Будем надеяться, что все еще можно поправить. Отнеси эти лохмотья и впусти... Золтана.

Я волновалась, понравлюсь ли Золтану в новой одежде. Неслышно скользнувший в дверь Огненный Кот, обошел вокруг меня, затем повернулся к Желтоглазу и кивнул, одобряя мое преображение.

Я была разочарована. И это все? Он даже не посмотрел мне в глаза, как будто я была истуканом. Я схватила его за уши и повернула к себе.

— Ну, как тебе мой новый облик? Нравится это богатство на мне или тебе все равно? Посмотри же мне в глаза, Золтан!

Какое пламя полыхнуло мне навстречу! Какая любовь горела в этих ярко-зеленых глазах и мука от невозможности быть вместе. Я опустилась на колени и прижала к груди золотую голову моего друга:

— Ты любишь меня, Золтан! Все-таки любишь! Солнце мое, Золтан!

Слезы счастья стекали по моим щекам и падали на Золтана, который еле заметно вздрагивал от каждой капли, но по закаменевшим мускулам я судила, чего стоила

ему эта сдержанность! Если бы он был человеком, я тут же призналась ему в своей любви. Но ведь все было не так, и моим надеждам на счастье не суждено сбыться! Я подняла голову и с вызовом посмотрела на Желтоглаза и Лучано — немых свидетелей этой сцены: у них блестели глаза от непролитых слез сочувствия.

Вдруг Золтан выскользнул из моих объятий и насторожился. Желтоглаз встревожено произнес:

— Быстрее, Лучано, бери вещи, мы немедленно уезжаем.

— Почему так срочно? — вмешалась я.

— Все объяснения — потом!

Я вышла первой, за мной — Золтан, как всегда пристроившись у левой ноги. Лучано помогал идти Желтоглазу, все-таки тот был очень стар.

У Загребайло отвисла челюсть, когда он увидел меня, но негромкий предостерегающий рык Золтана заставил его упасть на колени и прикрыть голову руками. Золтан легко вскочил в необычную для наших мест повозку — ящик с сиденьями и отверстиями в верхней части для обозрения. Сундуки были привязаны сзади на специальной полке, а на такой же полке спереди сидел возница. Желтоглаза усадили на заднее сиденье, я с Золтаном — на переднем, Лучано устроился рядом с возницей. Щелкнул бич — и мы помчались. Из ниоткуда выскочивший отряд туриков окружил нас почетным эскортом. Если и были у Загребайло нехорошие планы в отношении нас, то им не суждено было сбыться; связываться с туриками даже дурак не будет — себе дороже.

Мы мчались со всевозможной скоростью, в которой было наше спасение. Только кто нам мог угрожать? Турики служили самой надежной защитой по нынешним временам. Мало-помалу волнение улеглось, и меня, как и всякую женщину, стало одолевать любопытство. Вопросы так и норовили соскользнуть с моего языка, и мне приходилось прилагать усилия, чтобы молчать. Но когда я уже была готова взорваться, Желтоглаз произнес:

— Ты умеешь ждать, Тера, это хорошо. Но не на все вопросы ты получишь ответы сейчас. Мы едем в страну туриков. Мой помощник Лучано — турик по рождению, он поможет тебе там устроиться. Мы с Золтаном отправимся дальше. Вам лучше быть далеко друг от друга, по крайней мере, сейчас. Лучано займется твоим образованием. Когда настанет время, я вернусь и привезу Золтана.

Я постаралась осмыслить услышанное. Значит, у туриков есть своя страна, но тогда почему же они постоянно совершают набеги на мирные поселения? Зачем им столько женщин? Что, у них своих нет?

— Ты, наверное, не знаешь Тера,— продолжил Желтоглаз,— что у туриков не рождаются девочки. Вот им и приходится постоянно красть невест. Существует предсказание, что однажды в стране туриков окажется девушка, которая снимет это проклятие с целого народа. Лучано расскажет об этом подробнее в свое время.

Мы надолго замолчали. Золтан дремал, положив голову мне на колени, я гладила его шерсть, наслаждаясь этими прикосновениями. Желтоглаз сочувственно смотрел на меня.

— Нам никогда не быть вместе? — обреченно спросила я.

— Вы — вместе.

— Нет, по-настоящему испытать любовь, насладиться телом друг друга.

— Кто знает? Ты многое изменила в судьбах мира, да и в своей, и в судьбе Золтана тоже. Кто знает, какой сложится узор?

— Узор?

— Да, узор судьбы. А теперь помолчи.

— Но потом от этих тайн у меня распухнет голова. Нельзя ли понемногу рассказывать?

— Нет, хотя и голова может распухнуть, и сердце разорваться. Не при нем же

рассказывать вещи, касающиеся его и тебя. Помолчи, мне надо многое обдумать и решить.

В повозке надолго воцарилось молчание.

Три восхода и еще три мы двигались так быстро, как только могли, делая лишь короткие остановки, чтобы сменить лошадей на подставах, да удовлетворить свои нужды, размять затекшие от долгого сидения мышцы. Даже питались нормально лишь два раза за восход.

Лучано изредка менялся с кем-нибудь из туриков, и затем ехал верхом рядом с повозкой с моей стороны, стремясь поймать мой взгляд. Он не был похож на влюбленного, а скорее, на человека, внезапно увидевшего чудо — ожившую богиню. Неизвестно почему эта мысль пришла мне в голову. И, как оказалось в дальнейшем, дело было почти так. Но эта мысль промелькнула, не задерживаясь. Все внимание было подчинено дороге.

Ранним утром и поздним вечером, когда готовилась еда, я ходила вокруг, отдыхая от замкнутого пространства, наслаждаясь прохладой и относительной свободой — всегда кто-то из туриков следовал за мной по пятам. Вот и этим вечером я слушала пение птиц, любовалась цветами, но как-то по-привычке. Прелести природы скользили где-то по краю сознания — все мои мысли были о нас с Золтаном. Я постоянно вспоминала слова Желтоглаза, пыталась понять и предугадать, что нас ждет впереди. Мне так хотелось избежать скорей неотвратимой разлуки. А Золтан и виду не показывал, как ему больно: хотел, наверно, чтобы я не так сильно переживала. А я переживала, да еще как! И не пошла есть.

Желтоглаз спал в повозке, Золтан где-то охотился, турики выставили часовых и тоже уснули. Только я, маятником, ходила от одного дерева к другому и думала, думала, думала.

На мне был необычный костюм — баснословно дорогой из-за своей красоты, практичности и странной материи, которая защищала от ветра и холода, жары и влаги. Почему мне его дали? Почему он мне подошел абсолютно точно, словно был изготовлен только для меня? Почему мне дали это имя — Тера? На кого я похожа? Ведь я точно знала, что отличаюсь от остальных девушек селения — подсказало озеро. По сравнению с ними я была слишком худой, с острыми локтями и коленками, слишком большим ртом, маленькими руками и ступнями, узкими ногтями и бедрами, с маленькой грудью. Волосы черные, как уголь, на свету отливают фиолетово-зеленым, глаза темно-темно-синие в обычное время, но в миг опасности или волнения — фиолетовые. Уши с заостренными кончиками, на бедре странной формы родинка размером с ладонь. Но самым странным было мое...

Неожиданно мои размышления были прерваны тоскливым воем. Почему-то я сразу подумала о Золтане: ему плохо, он жалуется, не решаясь позвать меня и признаться — не полунамеками, а открыто. Золтан! Я люблю тебя! И если тебе нельзя стать человеком, я стану кошкой. Я издала призывное рычание, неожиданно взяв самые низкие ноты: «Золтан!»

Я услышала удивленный ответный рык моего друга и внезапно чуть не оглохла от признаний целой стаи котов самых разных мастей и размеров, окруживших меня плотным кольцом. Одно у них было общее: дикий голод в горящих глазах. Всего лишь мгновение они смотрели на меня, мгновение, принесшее мне спасение, потому что, заслоня меня собой, вперед вышел Золтан и рыкнул так, что у меня заложил уши, а коты с визгом разбежались, признавая бесспорное преимущество моего защитника.

Я с облегчением вздохнула, но когда Золтан, повернувшись ко мне, посмотрел на меня своими говорящими глазами, я снова замерла. Все было сказано без слов, одним лишь взглядом: и что он возмущен моим необдуманным кокетством, что он обижен и

ревнует, потому что я предпочла ему неизвестно кого, что он любит меня и прощает, именно потому, что любит, что просит ответного признания в любви...

Он сделал навстречу мне один шаг, и я, словно подхваченная ветром, бросилась к нему. Опустившись на колени, я взяла его голову и поцеловала в холодный нос, взглянула в ждущие глаза, опаляющие страстью:

— Я не могу без тебя, Золтан. Ты — счастье моей жизни. Люблю тебя.

Мои губы не произнесли этого, но Золтан прочел мои крамольные мысли, продолжая смотреть в мои глаза. Его зрачки так расширились, что на миг мне показалось, что я вижу лицо молодого мужчины, которое стало увеличиваться, но затем внезапно пропало. Только подняв голову, я поняла, почему это произошло — рядом стоял встревоженный Лучано в сопровождении туриков.

— С вами обоими все в порядке? — Лучано был бледен, и от этого его темно-смуглая кожа показалась землистой.

Мне удалось взять себя в руки и почти спокойно произнести:

— Ничего страшного не произошло.

— Но мы слышали рычание... Чем был разгневан Великий?

— Спросите у него.

Я виновато посмотрело в глаза Золтана:

— «Ты ведь понимаешь, что я не могу им ничего рассказать?»

— «Я понимаю. Но это ведь правда, то, что ты сказала?»

— «Что не могу без тебя?»

— «Что меня любишь?»

— «Да».

— «Тогда молчи о нашем разговоре и о нашей любви. Я прошу, не выдай нашей тайны никому, любимая».

Наш разговор занял одно мгновение, мне понравился обмен мыслями, но Лучано встревожился еще сильнее, почувствовав заминку:

— Тера!

Но я уже оседала на землю, ноги не держали меня, кружилась голова, сердце было готово выскочить из груди — я любима!

Лучано бросился ко мне на помощь, но рычание Золтана остановило его.

— Пойми, ей нужна помощь, ее надо отнести в повозку. Ты же ведь этого не сможешь сделать!

Золтан неохотно отступил в сторону и позволил Лучано взять меня на руки и отнести под строгую опеку Желтоглаза. Я не сопротивлялась, меня клонило в сон. Необычный способ разговора истощил мои силы. Желтоглаз встревожился:

— Что случилось?

— Она говорила с ним, — ответил Лучано, устраивая меня на сиденье.

— Ну и что?

— Она говорила с ним *мысленно*, и они прекрасно *поняли* друг друга.

— Уже? — ахнул Желтоглаз.

— Да, и она *звала* его.

Желтоглаз даже подскочил на сиденье:

— Судьба всего мира висит на волоске! Им сейчас нельзя быть рядом! Ни в коем случае!

Как я ни была обессилена, но возмутилась:

— Почему вы так думаете? Почему вы все решаете за нас?

— Ах, уже «за нас»! Вы что, объяснились в любви? Ну, отвечай!

Я молчала, и это был самый красноречивый ответ.

— Глупая девчонка! Ты пока еще Тера только по имени, в тебе еще слишком много от человека, тобой управляют эмоции, а не разум. Ты не готова к испытаниям

и первая же Ночь Падающих Звезд станет для мира катастрофой. И это не все. Ты способна погубить Золтана да и себя тоже этой поспешностью. Если бы у меня в руках еще оставалась какая-то сила, я бы высек тебя, несмотря на то, что ты — Тера. Не смей разговаривать с Золтаном, тем более мысленно. Нет, что я? За этим не проследишь. Выпей-ка это.

И Желтоглаз протянул мне флакон:

— Пей все, до капли. Пей, если действительно любишь Золтана. Это не старческая прихоть, не зависть к молодости.

Мне пришлось подчиниться, мысли закружились колесом и унесли меня в беспамятство...

Когда я смогла открыть глаза — вокруг было темно. Я находилась внутри большого помещения на большой роскошной постели. Я совершенно не помнила, как здесь очутилась, и сколько времени прошло, тоже не знала. Кто же здесь со мной рядом, и где находится это «здесь»?

Я попыталась слезть с ложа и наступила на что-то мягкое и живое — это оказался Лучано.

— Ну, наконец-то очнулась! Учитель ошибся в дозе. Я уже отчаялся — прошло четыре восхода, а ты все лежала, как неживая. Сейчас я пришлю женщину, чтобы она помогла тебе.

— Среди ночи?

— Ты этого заслуживаешь, тем более, что и король, и принц переживают за тебя.

— Король и принц?

— Все потом, я сейчас вернусь.

Перед уходом Лучано зажег светильник, но не успела я осмотреться, как появилась необыкновенная красавица, назвавшаяся Тарикой. Она помогла мне привести себя в порядок, всячески стараясь услужить. Но я не могла раздеться в ее присутствии, как будто кто-то запрещал мне это делать. Все ее поведение было каким-то неуловимо-странным, хотя на первый взгляд казалось вполне доброжелательным. Неужели она... мне завидовала и ревновала? Но почему? И к кому? Мне было свободней и проще в обществе Лучано, чем с Тарикой, и поэтому я облегченно вздохнула, когда Лучано появился в комнате с подносом, заставленным всякой снедью и питьем. Я попробовала всего понемногу и выпила пару глотков странного напитка, напомнившего мне зелье Желтоглаза. Неудивительно, что меня опять потянуло в сон. Я еле смогла добраться до постели и уснула в одно мгновение.

Я проснулась рано утром, когда лучи солнца только собирались коснуться верхушек деревьев, окружающих это здание. Я осторожно выбралась из постели. Никого рядом не было. Сказочная роскошь окружала меня, я даже не могу перечислить все предметы, которые были здесь, потому что о многих из них даже и не слышала раньше, все было так необычно, непривычно и... холодно. Нет, не физически, казалось, замерзала душа. Я поехала: и как это тут люди живут, хотя... люди могут жить везде.

Я быстро расчесала волосы и уложила их простым узлом. Умылась. Больше мне ничего не надо было делать. Мой костюм не мялся. Босиком, стараясь не привлекать к себе внимания, я стала пробираться по коридору, затем по лестнице вниз, не уставая удивляться красоте и роскоши. Хотя, было бы странно, если бы королевский дворец был похож на убогую хижину. До моих ноздрей донесся дразнящий аромат жареного мяса. Я решила отложить осмотр и отправилась на кухню. Но буквально через шаг столкнулась с непонятно как оказавшемся на моем пути мужчиной. Я потерла лоб, он — подбородок, пострадавшие при столкновении. Едва взглянув на незнакомца, я поняла, что он мне кого-то напоминает: он был потрясающе красив, просто непозволительно красив — женщины ему, наверное, не дают проходу.

— Извините,— одновременно сказали мы и рассмеялись.

— Я всех здесь знаю, а вас — нет. Выходит, вы — та спящая красавица, которую привез молодой жрец?

— Выходит, что так — спящая, но — не красавица.

— Интересно, где это вы находились, что остались в неведении относительно своей красоты?

— Там, где меня уже нет!

— Весьма ценное наблюдение. А зовут вас как, прекрасная незнакомка?

— У меня много имен: Колночка, например, Болтушка...

— Нет, это все не то. Я буду называть вас Сладкие Губки,— и он неожиданно впился в мой рот яростным поцелуем.

В первое мгновение я растерялась, но и этого хватило, чтобы незнакомец так сильно прижал меня к себе, что я не могла дышать, а когда я открыла рот, чтобы возмутиться, то чужой язык мигом оказался там. В ярости я укусила его изо всех сил. Незнакомец сжал мне горло, пытаюсь освободиться. Но, не смотря на боль, я отталкивала наглеца из всех сил, и он отшатнулся, чуть не оставшись без языка, потому что моя защитница змея, подняв голову, заглянула в его глаза. Я выплюнула кровь и, чуть отдышавшись, сказала:

— Лучше зовите меня Острые Зубки или Острый Коготки, которыми я могу выцарапать ваши нахальные глазки.

Незнакомец только бессильно погрозил мне, потому что говорить он не мог, да и не скоро еще будет. Я шутливо помахала ему рукой и продолжила свой путь.

Вот так и состоялась моя первая встреча с человеком, который всеми силами отравлял мне жизнь в королевском дворце и стал причиной смены моего облика, встреча с принцем Кошичем.

Кошич и Тарика внешне были сама доброжелательность и забота, но под этой маской прятались злоба, ревность, зависть, желание отомстить. Борьба с ними, с их вечными кознями очень затрудняла мое обучение. И что только Лучано не предпринимал, чтобы смягчить обстановку — все было бесполезно, но уехать куда-либо мы не могли до новой Ночи Пылающих Звезд. Храм Неба, место моего обучения, стал единственным уголком во всем царстве, где я была в относительной безопасности. Именно здесь Лучано и другие жрецы учил меня писать и читать, рассказали о Ночи Пылающих Звезд, познакомили с легендой о проклятии туриков.

«Много сотен лет назад туриками правил король Пардус Свирепый, красивый и жестокий король, не гнушавшийся ничем для достижения своих целей. И вот такого человека полюбила прекрасная девушка по имени Тарика. Она оправдывала все поступки своего любимого, прощала ему любую жестокость и насилие. Пардусу нравилось такое преклонение, он сделал Тарику своей любимой наложницей. Шел год за годом, но детей у Тарики не было. Пардус был очень недоволен этим. Тогда она обратилась к жрецам, которые объяснили, что ее дети погибнут от рук отца. Поэтому ей подмешивали в еду и питье особое зелье, чтобы сделать ее бесплодной. Но Тарика была слепа в своей любви, и жрецам пришлось дать ей нужные снадобья. Вскоре Тарика призналась Пардусу, что ждет ребенка.

— Мне нужен только сын,— заявил король.— Тогда я сделаю тебя королевой, а его — наследником.

Но все произошло не так, как хотел Пардус: Тарика родила двух хорошеньких здоровых девочек. Тщательно скрывая свой гнев, король вошел в комнату, где рядом с кроватью матери лежали в колыбели две малютки.

— Ты обманула меня,— сказал Пардус.— Теперь эти девчонки умрут, мне они не нужны.

Он спокойно взял одну девочку и свернул ей шею. Тарика от ужаса оцепенела. Ни голос, ни тело ей не повиновались! Но едва Пардус протянул руку ко второй

крошке, мать тигрицей метнулась вперед, и была отброшена ударом ноги в бедро. Хрустнула кость, и лишь густые волосы Тарики смягчили ее падение на острый край столика, который рассек голову женщины. Оглушенная, истекающая кровью, она тщетно пыталась помешать еще одному убийству. Но оно совершилось столь же хладнокровно, как и первое.

Нежная душа Тарики не вынесла этой последней жестокости, и вот тогда было произнесено проклятие матери:

«Раз вы цените только мальчиков, пусть же никогда у народа туриков не будут рождаться дочери. Пусть же привезенные невесты будут умирать, родив только сыновей. Пусть они вам мстят, убивают в собственных постелях. И пусть только женщина моей крови в Ночь Пылающих Звезд будет способна снять это проклятие. Да будет так!»

Внезапно наступившая мгла лишь на миг внесла смятение в душу Пардуса, и даже исчезновение Тарики, после того, как мрак рассеялся, не заставило его раскаяться.

Время шло, и стало сбываться проклятие Тарики. Вскоре все жители королевства узнали о нем и начались поиски родственников или потомков Тарики, чтобы они сняли проклятие, но все было бесполезно. Много женщин выдавали себя за спасительниц, но все они погибали во время родов, как и остальные. Много раз Ночи Пылающих Звезд укрывали ярким куполом царство туриков, но проклятие все так же сильно».

Лучано рассказал мне и о волшебстве, происходящем в Ночь Пылающих Звезд. В это время возможно самое невероятное — превращения людей в зверей и наоборот, изменение свойств вещества, исполнение любых желаний. Но все это возможно, если посчастливится найти осколок Звезды, способный сотворить чудо. Чаще всего владелец этого камня и не подозревает, что у него в руках, и поэтому желания бывают самые несуразные и несерьезные, подчас и наносящие вред человеку. Жрецы храма Неба стараются подобрать осколки, чтобы женщина из рода Тарики успела снять проклятие в Ночь Пылающих Звезд. Определение времени, когда будет следующая Ночь, составляет тайну жрецов, как и признаки, по которым можно узнать спасительницу царства.

После этого рассказа мне стало понятно особое положение Тарики во дворце — она выдавала себя за женщину из рода легендарной Тарики, даже имя у нее было таким. Но было еще неясно, чьей женой она должна стать — короля или принца? По мне — так хоть за кого ей ни выходить — все равно толку не будет. Она — самозванка. А я, скорее всего, именно та, кого искала жрецы. Недаром у меня на бедре и на голове родимые пятна, следы от ран первой Тарики.

К тому же мне стало понятно, что Золтан — не простое животное, а был раньше человеком, может даже высокого рода: недаром же турики не трогали Золтана во время нападения и кричали «Великий». И еще сильнее становилось мое желание увидеть Золтана в Ночь Пылающих Звезд и расколдовать его, потому что мы должны быть вместе.

Мне пока удавалось с помощью различных хитростей ускользать от свидания с Кошичем. Но однажды удача мне изменила. По приказу короля накануне Ночи Пылающих звезд я должна была присутствовать на дворцовом празднестве. Затем меня вместе с Тарикой ждали в храме Неба для совершения обряда.

Тарика очаровывала принца и его отца, что было мне только на руку, и я наблюдала за происходящим из укромного уголка. Вино лилось рекой, веселье становилось слишком буйным, и я попыталась незаметно ускользнуть, прячась за спинами придворных. Но меня потянули танцевать, я стала вырываться и была незамедлительно обнаружена. Король приказал мне петь, и пришлось подчиниться его приказу. Сначала неохотно я исполнила две песенки, модные среди воинов об их непобедимости и

удаче в войне. Затем, вспомнив столкновение туриков с Золтаном, когда он меня спас, я стала петь о своей любви, о том, как тоскую в разлуке, как мечтаю о встрече, как хочу прикоснуться к любимому и оказаться в его объятиях. Я чувствовала свое единство с Золтаном — весь остальной мир перестал для меня существовать

Замолчав, я огляделась вокруг: стояла совершенно невозможная тишина. Ведь присутствующие подпевали мне во время исполнения предыдущих песен, а сейчас сидели и стояли молча, у некоторых на глазах выступили слезы — совершенно неслыханная вещь в этом государстве безжалостных воинов! Это состояние нарушила Тарика, презрительно фыркнув, за что тут же была наказана — король поставил ее на колени и велел просить у меня прощения. Губы девушки произносили нужные слова, голова была опущена, но я видела крепко сжатые, до побеления, ее руки и понимала, что Тарика на самом деле сделает все, чтобы меня уничтожить. К тому же окружающие стали выражать свое одобрение моему пению и унижению Тарики криком и свистом, а Кошич попытался в награду и как знак обручения надеть мне на палец свой перстень. Якобы смущаясь, я убежала из залы, надеясь ускользнуть от нежеланного жениха. Но Кошич словно сошел с ума — преследовал меня по пятам. Я покинула дворец, я бежала изо всех сил по саду, по примыкавшему к нему лесу, все дальше и дальше. Единственное, что меня немного приободряло, то, что Кошич был пьян, но на свежем воздухе он быстро трезвел. Становилось темно, но и это не слишком помогало скрыться. Я устала, но боялась остановиться даже на миг.

Выбежав на небольшую полянку с озерцом, которое называли озером Звезд, я застыла, так поразило меня небо: оно стало не темно-коричневое, как положено, а постепенно накалилось до вишневого цвета и вспыхнуло вдруг ярким желто-зеленым светом. Звезды распускались, как цветы, и с голубыми искрами гасли, чтобы через мгновение вновь рассыпаться, подобно брызгам фонтана. Я, забыв обо всем, заворожено следила за всполохами, поняв, что наступила долгожданная Ночь Пылающих Звезд, когда я должна выполнить многое... Но храм Неба далек, а ненавистный мне Кошич уже близок. Нет! Я не должна попасть ему в руки! Тем более, сейчас! Нет! И я снова бросилась бежать, но споткнулась, упала на вытянутые руки, и мне ладонь ожег маленький камешек, который я судорожно сжала — осколок звезды! Это мог быть только он! Лучше я стану такой же кошкой, как Золтан, только бы не попасть в постель принца! Но что это со мной? Боль, нестерпимая боль пронзила меня насквозь! Что же я наделала! Я же могу умереть?!! Нет! Лучше смерть, чем постель Кошича! И я растворилась в желто-зеленом сиянии очередной распускавшейся звезды. И это было последним цветным видением перед полной чернотой. Казалось, прошла вечность, прежде чем я очнулась.

— Тера! Что с тобой?

Как, Кошич уже рядом? Он уже сдергивает с меня плащ! Нет, я буду драться! Вскочив на ноги, я полоснула Кошича ногтями по лицу и чуть не упала снова — тело плохо повиновалась мне, я могла стоять, только опершись на Кошича, но что это? Мои руки стали совсем черными, и это уже не руки, а... лапы!!!

— Черная пантера!

Крик принца стал ответом на мой вопрос, что со мной случилось. Мое тело стало телом кошки, но сознание осталось человеческим. Пока...

Кошич организовал охоту на меня, и после долгих трудов я была схвачена и посажена в клетку. В тайне от жрецов меня выпускали на арену, где каждый раз я должна была бороться за собственную жизнь. И этот бой будет последним.

Я могу погибнуть, но, если останусь жива, то именно сегодня вечером я встречу с тем, кого люблю, чтобы остаться с ним навсегда. Так мне предсказано. Сегодня снова наступает Ночь Пылающих Звезд.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

БАЛЕТКА

В 1960 году, когда я учился на первом курсе медицинского института в г. Орджоникидзе (ныне — г. Владикавказ), в черте города мы снимали одну комнату на пять человек (мама, папа, две сестры и я) у хозяйки — Мишурат Цаликовой. Она со взрослой, тридцатилетней, но не бывшей ни разу замужем, дочкой Фатимой занимала еще одну комнату, а третья комната принадлежала золовке Мишурат — Ксении. Между собой эти семидесятилетние родственницы поневоле — откровенно не ладили. Обе были иссохшими, костлявыми, но подвижными и крайне любопытными. Предметом распри, по-видимому, был сам домик и прилежащий к нему крохотный дворик, на котором располагался покосившийся деревянный туалет и два сарайчика, заполненных куриным кудактаньем. Входные двери комнаты, которую снимали мы, и комнаты хозяйки — выходили на маленькую открытую веранду. Между дверями стоял старый скрипучий стол.

Приходилось допоздна засиживаться на кафедрах института, особенно при сдаче экзаменов по анатомии. Лаборант кафедры, будущий студент, мой приятель, чтобы дать мне возможность самостоятельно готовиться дома к экзаменам, заготовил ряд «мокрых препаратов», хранившихся в фиксирующем растворе формальдегида. Туда вошли: распил головы, кисть руки, предплечье с препарированными для лучшей видимости сосудисто-нервными пучками, мышцами и сухожилиями. Я их сложил в «балетку» (так назывался небольшой чемоданчик с закругленными на стороне ручки стенками) и пораньше пришел домой, чтобы спокойно изучать экзаменационный материал. Поставил балетку на стол и начал по привычке рыться в карманах в поисках дверного ключа. Но услышал из-за двери голос сестры: «Заходи, Санька!» Я вошел в комнату, забыв балетку на столе. Во время разговора с сестрой за дверью раздался громкий женский визг и послышался звук упавшего тела. Выскочив на веранду, мы увидели лежащую навзничь без сознания Мишурат. Начав хлопать ее по щекам, дождался, когда сестра достанет с полки нашатырный спирт. Плеснув его на носовой платок, поднес его к носу Мишурат, которая зашевелилась и постепенно пришла в сознание, отмахиваясь похуже на воронье крыло рукой от раздражающего запаха нашатыря.

— Что это? — еле слышно прошептала она.

— Где? — не понял я.

— Там, на столе...

Подняв глаза, я увидел расстегнутую и распахнутую настезь балетку (хотя и принес ее закрытой). На меня смотрел висящий на нерве глаз, лежащий на распиле головы, а подбородок препарата поддерживала кисть с сухожилиями, обхватываю-

шая предплечье с выделенными мышцами. Стало все понятным. То, что увидела любопытная старуха, не только довело ее до обморока, но и послужило причиной отказа нам в дальнейшем съеме квартиры. Ксения и Мишурат так и не помирились друг с другом, но вот Фатима удачно вышла замуж и переехала в дом мужа. При встречах Мишурат со мной не только не разговаривала, но и переходила на другую сторону улицы.

МУРАТ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Второй курс медицинского института, 1961 год, как и все студенты огромного Советского Союза, осенние месяцы мы проводим в колхозе на уборке урожая. Кукуруза, сахарная свекла — были теми региональными культурами, на уборку которых мобилизовали студентов нашего вуза. Куратором одной из групп курса был молодой ассистент Мурат Александрович.

Однажды он провожал нашу сокурсницу Валию по дороге от полевого стана к месту размещения студентов — в старом коровнике, на полу которого были сколочены настилы, на них наброшена солома, накрытая простынями и застеленная солдатскими казарменными одеялами, подушками служили наволочки, набитые соломой.

Девушка весело болтала и строила ему глазки. В то время флирт педагогов с учениками, впрочем, как и сейчас, не приветствовался. Но и избегать попутчицы не было оснований. Вдруг девушка ойкнула, схватилась за живот и побежала в кусты. Видимо, куриное мясо, съеденное на обед, было некачественным (позднее выяснилось, что еще у семи человек в тот вечер возникли поносы и рвота, как проявление сальмонеллезной токсикоинфекции). Но никто из нас пока еще ничего не знал. По дороге студентка раза два отбегала от Мурата Александровича. Наконец, пока она пребывала в кустах, его догнала наша группа и с возгласами: «Мурат Александрович, что вы здесь стоите? Идите с нами!» — мы попытались увлечь его за собой. Не зная, что нам ответить, он промямлил: «Сейчас меня должен догнать доцент нашей кафедры. Я его подожду!» В этот момент из кустов раздался голос Вали: «Мурат Александрович! Дайте бумажку!»

ПО СЛЕДАМ НЕВИДИМЫХ ВРАГОВ

Студенты всех времен и стран имеют традиционную привычку периодически прогуливать лекции. Как правило, это действие приобретает коллективный характер и сближает между собой сокурсников, хотя и вызывает ураган негодования со стороны лекторов и деканата. Наш курс не был исключением! Как-то, проходя по проспекту мимо кинотеатра, мы с другом обратили внимание на афишу: «По следам невидимых врагов». Кино тогда было, пожалуй, самым распространенным развлечением, так как телевизоры только появлялись в обиходе в виде огромных ящиков марки «КВН» с малюсеньким экраном размером с блокнотный листок, изображение на котором можно было рассмотреть только через расположенную перед ним огромную линзу. Но уже вовсю из-за «бугра» кричали о хрущевской «оттепели». На страницах «Юности» бушевали «шестидесятники» — Вознесенский, Евтушенко и другие. Появились зарубежные фильмы: вестерны, детективы производства Голливуда и киностудии «Дефо» из ГДР.

— Айда в кино! — сказал Виктор.

— Ну, давай, все равно сейчас лекция по истории КПСС, опять Битайчик станет читать проповедь!

Притормозив у билетных касс, мы с радостью обнаружили, что не одиноки в желании «заколоть» лекцию. В числе стоящих перед заветным окошком мы узнали двух своих одноклассниц. Заплатив по 20 копеек за билеты на первый ряд, в предвкушении разгадки детективной истории, мы взяли по два пирожка с ливером (5 копеек — штука!) и еще осталось по одной копейке на газировку без сиропа. Войдя в зал, мы с радостью увидели, что почти все места свободны, поэтому заняли середину 12 ряда, предвкушая удовольствие от нового фильма.

— Видите, мы — первые!

— Здорово! Наши — там парятся, а нам — везуха!

— Может, завтра еще раз с группой сходим, если билеты достанем?

— Тише! Начинается!

И началось. Фильм оказался документальным и был посвящен поиску каких-то редких микробов в одном из многочисленных НИИ. Так что все детективные истории невидимых врагов мы смотрели через окуляр микроскопа на экране. А их следы были действительно невидимыми. Не глядя друг на друга, похмыкивая, мы вышли на яркий солнечный свет, который после темноты кинозала оказался достаточным, чтобы не жалеть о потерянном времени.

На другой день лекцию по философии прогуляла половина курса. Все они находились в том же кинотеатре и смотрели «По следам невидимых врагов». Просто утром Виктор представил увиденный нами фильм, как самый интересный зарубежный детектив. «Купившиеся» на его треп студенты с радостью сбежали со второй пары на «импортный детектив».

В последующие два дня Виктор на занятиях не появлялся.

ЭКЗАМЕН ПО ПСИХИАТРИИ

Профессор Фридман, ученик Ганнушкина и сам видный в научном мире психиатр, знавший несколько иностранных языков, был главным судебно-психиатрическим экспертом Северо-Кавказского военного округа. Как и положено большому ученому, имел странности в поведении, а его феноменальная забывчивость вошла в историю города. Так, он регулярно снимал при входе в вагон трамвая галоши, и забывал их надеть, выходя из него. Тогда еще действовали «Столбы находок», и каждый раз галоши доставлялись профессору на дом. Сдача экзамена Фридману была всякий раз полна неожиданностей. Мы с сокурсниками, взяв экзаменационные билеты, сидим, готовимся. Одна из студенток, известная на курсе отличница и зубрилка, вызывается отвечать. Фридман задает ей вопрос и тут же начинает отсчет: «Один, два, три! Не знаете! За три секунды не начали отвечать, значит, не подготовились! Придете в следующий раз!» Мы столбенеем. Неудачница выходит в коридор, и из-за оставленной открытой двери раздается ее возмущенный голос: «Девочки! Не сдала! Видите ли, за три секунды должна была начать отвечать...» Фридман мгновенно взвился со стула, выбежал в коридор: «Немедленно зайдите ко мне!» Вместе с провинившейся студенткой вернулся в аудиторию, и, обращаясь к ней, произнес: «Вы знаете, что девочки находятся только в публичных домах! А здесь вы все — госстуденты и госстудентки! Ваша обязанность перед государством — хорошо учиться! Вы пренебрегли своими обязанностями и заслуживаете немедленного ареста!» Он поставил свою ногу на стул, обнажив сиреневого цвета фланелевые подштанники, просунул под колено руку к телефонной трубке, и в этой, весьма неудобной позе, набрав номер отделения милиции, закричал в трубку: «Вас беспокоит профессор Фридман! Здесь находится госстудентка, злостно нарушающая нормы государственной жизни! Прошу немедленно изолировать ее за аморальное поведение на госэкзамене!» Потом об-

ратился к дрожащей студентке: «А вы пока покиньте аудиторию! В коридоре подождите, когда придет наряд милиции!» Следующим был я. Усевшись за стол, прочитал первый вопрос билета и, не дожидаясь начала рокового отсчета секунд, начал что-то отвечать. Это успокоило профессора и, даже не дослушав полностью ответ на вопрос, рявкнул на всю аудиторию: «Вот так надо отвечать! Отлично!» Плохое настроение Фридмана мгновенно исправилось, и он даже не заметил, что арест провинившейся студентки не состоялся (в милиции знали чудачества научного светила). Более того, он даже не заметил (или сделал вид, что не заметил), когда виновница вспышки его гнева повторно зашла в аудиторию и успешно сдала ему же экзамен.

В АНАТОМИЧКЕ

Первокурсники, щурясь от едкого запаха формалина, сгрудились вокруг анатомического стола. На его холодной нержавеющей поверхности расположился «биологический материал», как принято называть бранные человеческие тела, служащие источником знания для многих поколений врачей. Обычно — это невостребованные для похоронного ритуала родственниками бомжи, или уникамы, завещавшие себя посмертно в качестве анатомических препаратов. При поступлении таких останков проводится фиксация их тканей — введение в сосуды формалина для исключения процессов гниения и возможности заражения контактирующих с ними студентов.

Так было и в этот раз. Анатом через толстую иглу с помощью специального насосного устройства начал под давлением нагнетать фиксирующий раствор в сосуды. Некоторое время спустя раздался девичий вопль: «Смотрите! Он оживает!» Глазам изумленных сокурсников открылась удивительная картина: с каждым качком насоса половой член покоившегося тела начал синхронно ритмично подрагивать, увеличиваясь в объеме... Девчачьи щеки зарумянились, ресницы задрожали, и в наступившей тишине кто-то из наших скромниц тихо, но так, что услышали все — прошептал: «Как живой...» Тут же прозвучал голос старосты курса: «И все-то она знает!»

ШПАРГАЛКА

На экзамене по биологии друг Виктор взял не тот билет. То есть, взял-то он билет правильно, но система, заранее обговоренная студентами с лаборантами кафедры, дала сбой. Экзаменатор толи по рассеянности, толи умышленно, перемешал лежащие на столе билеты. Ответивший перед этим казусом однокурсник, получив желанный «тройку», выпорхнул из аудитории и сказал мне: «Витька взял не свой билет! У него номер 32, просил передать «шпору», а то по тем вопросам он вообще ничего не знает!» И с цветущим выражением лица, на котором светилось чувство исполненного долга, покинул наполненные томительным ожиданием коридоры института.

Как всегда, девчонки аккуратно писали шпаргалки на все вопросы всех билетов, поэтому тут же нашлись готовые ответы на сложенной в гармошку бумажке. Настал самый ответственный для меня момент. Ни разу до того не передававший «шпоры», я знал, что этот процесс должен быть скрыт от глаз всех присутствующих. А так как руки будут заняты карандашом, билетом, листками черновиков, решил спрятать ее в носок. Взяв билет, я сел за стол напротив Витьки и прошептал: «Опусти руку под стол! Шпора в носке...» Через секунду почувствовал ощупывающую руку друга сначала на левом голеностопе, потом на правом. Слышу Витькин шепот: «Там ее нет!!» Отвечаю: «Она там!» Но тут же по спине пробежал легкий ветерок. Я забыл, в какой носок — слева или справа положил Витькину удачу. Полез сам, ощупал все про-

странство между ногой и носком. Нет! Вроде дырки в носке не было. Куда же заделалась шпаргалка? Заглянул под стол и увидел ее, родимую, одиноко лежавшую под Витькиной босоножкой, куда она попала после его безуспешных исканий. Обрадовавшись, нагнулся, вытащил ее из-под подошвы, и чуть-чуть не замахал ею перед глазами Витьки, обидевшегося было на меня за недопоставку шпоры. Экзаменатор тут же спросил, что это я копаюсь под столом. Хорошо, что, не выпустив из рук карандаша во время поисков, я сослался на то, что уронил его под стол, потому и возился. Изрядно скомканный бумажный шарик с ответами, почти не скрываясь, положил перед Виктором, прикрыв его листом бумаги. Дальнейшее было просто. Я пошел вне очереди отвечать к доске, дав тем самым Виктору время успешно переписать ответы. Конечно, по окончании экзамена все это было представлено им по-другому: «Сижу, жду шпору. Появляется с загадочным видом Сашка и по шпионски невнятно бормочет, что шпаргалка в левом внутреннем углу правого носка с наружной стороны. Поищи, мол!» Зато хвостов у Виктора в этом семестре — не было.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ОСТРОВ НА РЕКЕ

Сергею Прищепе

— Сережа, Сергей, ну, вставай же! — донесся до Сергея сквозь сон голос Володьки. Сергей нехотя разомкнул тяжелые веки, в затуманенные глаза брызнуло солнце, стало больно от голубого неба, что синееко глядело в приоткрытую дверь на балконе.

Володя, уже одетый по-походному в потертые джинсы, старую бесцветную рубашку с короткими рукавами, стоптанные, давно небелоснежные кеды, наклонился у его кровати, нетерпеливо перекладывая из руки в руку зеленую спортивную сумку, туго набитую разной снедью.

— Ну, вставай, вставай же, старик, видишь, солнце-то так и жарит, спасу нет! Сама природа за то, чтобы мы съездили на Оку!

Только тут до Сергея окончательно дошло, что вчера они договорились поехать купаться на Оку, если будет хорошая погода. Он еще на мгновение зажмурил глаза, окунувшись на секундочку в благодать сна, потом потянулся в общежитской постели так, что хрустнули не только суставы, но жалобно заскрипела койка, и в следующее мгновение Сергей уже стоял посреди комнаты и яростно растягивал в стороны ручки эспандера.

— Хокей, Володь, я сейчас буду готов к поездке!

— Давай, поспешай, а то электричка, она, знаешь, тоже ждать не будет, пока ты разомнешься этой адской машинкой!

План поездки у них — молодых врачей, приехавших в Нержск по распределению и уже проработавших по году, был прост: сначала электричкой до Засижья, потом автобусом до Оки. А там — разворачивают палатку, вечерний костер, катание на лодке и, конечно, купаться, купаться и купаться. Был в плане еще один пункт, о котором думал всю дорогу, пока тряслись в вагоне — заходить в Засижье к Лене или нет? Лена — знакомая девушка, учительница местной школы, с которой Сергей случайно познакомился в один из зимних вечеров в гостях на именинах в Нержске. Лена ему тогда очень понравилась, но со временем, особенно после того, как случился роман с Людой, с которой тоже ничего путного не вышло, — пожили несколько месяцев вместе и разошлись — чувство притуплялось, гасло, и сейчас, в электричке, которая спешила по направлению к Засижью, он уже не знал точно: нравится ему Лена или нет, заходить к ней или нет, хотя вдруг вспомнилась их вечерняя прогулка по ночному городу, ее теплые, светлые глаза, податливые, страстные губы, когда они целовались при расставании... Вчера, когда с Володей они обсуждали предстоящую поездку, он поделился своими сомнениями с другом. Вот и сейчас тот, догадавшись о мучивших его сомнениях, спросил:

— Ну, как решил? Будем заходить или не стоит? Сергей посмотрел в его серые добрые глаза, застрявшие среди множества веснушек на широком лице, скривил губы:

— А черт ее знает. Сам не решу никак. Вот выйдем на перрон, и скажу окончательно.

Электричка, визгливо крикнув что-то бессвязное на прощание, прогудела, пронеслась мимо, дальше, оставив друзей на привокзальной площади, где в этот час никого кроме их двоих не было. Солнце по-прежнему ободряюще, расточительно грело с небес, ни одна тучка, даже облачко не омрачали покой ставшего бесцветным от голубизны простора. Легкий ветерок шелестел в закипевшей зелени деревенских садов, полных спелых и сочных яблок, было до остолбенения тихо после сутолоки и шума Нержска, суеты электрички.

Володя втянул в ноздри чистый воздух, смачно крякнул:

— М-да! Это, брат, благодать!

— Это-то не благодать, а предблагодать, благодать будет на Оке, когда бултыхнемся в воду, — поправил его Сергей.

— Как решил, будем заходить к Лене или нет? Может, сразу на автобус, да и на лоно?

Сергей помялся с мгновение, потом махнул рукой:

— Не будем. Айда на автобус!

На остановке автобуса они нос к носу столкнулись... с Леной.

В светлом, цветастом деревенском платье, из-под которого выглядывали, как стволы молодых березок, странно белые для такой жары ноги в босоножках, с неизменной доброй улыбкой на округлом, открытом лице, которое когда-то так тронуло Сергея, она была неразрывно, кровно связана с окружающей простотой придорожных лип, сельским ароматным воздухом, вообще, со всей этой природой — неброской и красивой. Лена так искренне обрадовалась встрече, что у Сергея защемило сердце, мелькнула в памяти та декабрьская ночь, скрип снега под ногами, снежинки в темноте, похожие на маленьких белых парашютистов, и такая же белизна, чистота в душе от этого снега и от ощущения близости девушки, нежной, умной, открытой, которой ты тоже, кажется, нравишься...

— Здравствуй, Сереженька! — она это сказала так, как приласкала, будто ничего и не случилось, будто они и вовсе не были в разлуке три месяца, будто не было того разрыва между ними, когда однажды ему, вдруг, показалось ночью, что рядом с ним лежит совершенно чужой, незнакомый человек, а не Лена. Ее глаза прямо-таки светились от неподдельной искренности.

— Здравствуй, Лена. А мы как раз решили посмотреть расписание автобусов до Оки, а потом зайти к тебе, — соврал Сергей, сам не зная почему.

— Ближайший автобус будет только через час, так что у вас еще целых шестьдесят минут в запасе, ребята, — тут же пояснила Лена.

— Придется ждать, — бодро вмешался в их беседу Володя, уже высматривая на обочине дороги местечко, где можно было присесть.

— Ребята, чего вы здесь будете сидеть? Пошли к нам, пообедаете, — пригласила Лена. — Правда, у нас ремонт дома, но ничего, места хватит, а мои тебе, Сереж, всегда рады.

— Что ж, пошли, — улыбнулся с готовностью Сергей, солгав еще раз, видимо, уже по инерции. Володя неодобрительно посмотрел на него, но пошел.

У Лены дома их встретили радостно, с той искренней теплотой, с которой могут встречать гостей в русских селах. Михаил Петрович — отец Лены, тут же сбегал в магазин, несмотря на их возражения, и прошло несколько минут, как они уже сидели за столом, на котором наряду с упомянутой бутылкой «Русской» красовались, радуя

глаза отвыкших от таких щедрот горожан, салаты из помидоров, огурцов, редиски и прочего, прочего, прочего, чем мать-земля еще щедро одаривает людей на их приусадебных участках. Михаил Петрович разлил по «граммулечке», все выпили, закусили, потом, исходя из того, что «первая рюмочка колом, вторая — соколом, а остальные — мелкими пташечками», выпили еще раз и снова закусили. Сергей ощутил, как от алкоголя стало тепло в желудке, он сидел рядом с Леной, оживленно беседовал с ее мамой, тоже учительницей, с таким же открытым, как у дочери, лицом. Иногда его локоть касался руки девушки, которая казалась ему очень горячей. Обед прошел за беседами, в которых участвовали все, кроме Лены. Говорили о плохой погоде в июле, о видах на урожай, затронули и важные международные события: об агрессивности американцев, зловерности Рейгана...

Когда перешли к чаю, Сергей впервые заговорил о том, как они оказались здесь.

— Мы, Михаил Петрович,— обращался он почему-то именно к хозяину,— мы вот решили с Володей покататься на Оке. Тянет, знаете ли, к воде. Как, вы Лену с нами отпустите?

У Михаила Петровича тревога пробежала по лицу, но он тут же справился с собой, улыбнулся по-прежнему, широко:

— Конечно, ее воля, как хочет, мы не держим. Как ты, Лена? Сама решай.

Володя посмотрел на Лену, он весь обед незаметно наблюдал за ней, и чем дальше наблюдал, тем явственнее замечал постепенную перемену в ее настроении в сторону ухудшения. Когда Сергей с улыбкой внес свое предложение о поездке на реку, Володя заметил, что Лена посмотрела на него с укором, обидой и даже недоумением. Не понравилось, каким тоном он сказал это.

— Нет, Сереженька, я не могу сегодня.

— Почему не можешь? — плохо подражая кавказцам, растягивая слова и фальшивя, продолжал в том же ключе Сергей, обернувшись теперь к девушке.— Почему? Поедем с нами, отдохнем, дорогая, покупаемся. Поехали, а?

Последние слова он уже сказал без грузинского акцента и без всякой надежды и желания.

— Нет, Сережа,— Володе казалось, что Лена с трудом сдерживала слезы,— понимаешь, спасибо, не могу, у меня сегодня занятия с детьми на дошкольной площадке. Другой раз как-нибудь.

Володя встал, уже не в силах больше сидеть за столом, есть вкусные домашние закуски:

— Что ж, спасибо за хлеб-соль, как говорится. Думаю, еще увидимся,— пожал протянутую руку Михаила Петровича, зная, что делает это в последний раз, и подтолкнул к выходу Сергея:

— Пошли, пошли, а то опоздаем. Не может человек, бывает ведь такое. Потом заедешь, на обратном пути.

Да, Сергей, видно, и сам был не прочь уходить, чувствовалось, что и у него все угощение, может, только кроме водки, комом застряло в горле.

— Ну, что ж, пошли. Спасибо за все. Я обязательно заеду на обратном пути,— заверил он Лену и ее родителей.

— Заезжай. Если получится,— ответила девушка.

Тихо поскрипывали весла в уключинах лодки, взятой напрокат до утра в местной лодочной станции. Сергей, полулежа на корме, сквозь прикрытые веки посматривал на Володю, который старательно греб, сильно упираясь ногами в дно лодки, отбрасывая назад рывками все туловище. После каждого взмаха весел лодка продвигалась вперед метра на три-четыре. Они плыли посередине Оки, задавшись целью добраться до далекого острова, что виднелся в полуторах километрах впереди, выше по течению, уже окутанный наползающим легким туманом и приближающимися сумерками.

Грести было тяжело, так как встречное течение здорово сносило лодку назад, но друзья утешались мыслью, что обратный путь будет легким, по течению. Изредка проходившие мимо моторки и «ракеты» поднимали волну, и тогда лодку поднимало и опускало, будто на море в тихую погоду. С левого пологого берега доносились веселые голоса туристов, слышалась музыка, были видны барахтавшиеся в воде последние купающиеся. Правый, более крутой, обрывистый берег был малолюднен, только рыбаки молча и терпеливо наблюдали за своими уснувшими поплавами. Смеркалось. Малиновый закат становился все гуще и гуще, последние сполохи уходящего дня окрашивали речную мутноватую воду в золотистый цвет. Володя греб сосредоточенно, с удовольствием отдаваясь этому нудному занятию, капельки пота уже проступили на лице, собираясь вместе, стекали по шее ручейками на грудь.

— Осуждаешь меня за то, что зашли в гости к Лене? — спросил Сергей, не поднимая глаз на друга. Володя ответил не сразу, сильно гребанул несколько раз.

— Да, осуждаю. Зря мы это сделали. Я тебе еще там, в электричке, хотел сказать, что не надо голову морочить и ей, и себе, раз не любишь. Глупо вышло.

Сергей вздохнул:

— Ты прав, старик. Но, знаешь, я не мог набраться смелости до этой встречи и окончательно сказать себе: да, я ее не люблю. Не мог, понимаешь. Потому что хорошая она девчонка, вот только я плохой...

Нос лодки резанул воду так, что по бортам вздыбились небольшие волны и раздавалось журчание.

— А сегодня я четко понял, что не люблю ее. Четко, понимаешь? — продолжил Сергей. — Когда сидели за столом, меня даже раздражало ее присутствие. И пригласил ее с собой только из-за приличия, а вообще-то, если б она согласилась — поездка была бы скомкана.

Володя усмехнулся:

— Я сразу понял, что ты не хочешь, чтоб она поехала. Думаю, что она это тоже почувствовала и отказалась поэтому.

— А знаешь, о чем я сейчас думаю? — спросил Сергей, запрокидывая голову назад и глаза в широко распахнутое, темнеющее, но все еще синее небо, и продолжил, — о том, как хорошо, что мы вот здесь, в этой лодчонке, скоро будет остров, наступит вечер. Мы поставим палатку, разведем костерок, поджарим сало, как в детстве, посидим, выпьем немного, помолчим... В общем, о том, как хорошо все-таки жить на белом свете, вот так иногда выезжать на природу...

— Да, хорошо. Я с тобой полностью согласен. В городе мы все-таки многого лишены. А этот воздух — да за него наличными платить надо. Цимус, и только!

Чайки безмолвно пролетали низко над рекой, иногда падая вниз, высмотрев зажавшуюся рыбешку. Остров приближался, уже видны были его безлюдный обрывистый берег, маленький песчаный плес над обрывом, высокий кустарник, небольшая лужайка со стожком сена. Парни несколько раз меняли друг друга на веслах, и, наконец, когда на небе, как на промокашке, проступили светлыми пятнами первые звезды, лодка уткнулась носом в прибрежный песок. Друзья дружно вытащили ее на пляж и, выбрав подходящее место наверху, над обрывом, развернули палатку. Затем ломанулись в кустарник собирать сухой хворост для костра. Стало уже совсем темно, но путешественникам повезло, они вывернули из земли несколько толстых, но высохших мертвых олешин, стащили их к палатке, наломали, сложили в кучу. Костер решили пока не разводить, а пойти поискать питьевую воду: в деревне, где брали лодку, им сказали, что на острове есть ключ.

Родник нашли по журчанию. В зарослях, на другом конце острова, под одиноким раскидистым дубом, прямо из-под корней в ржавой толстой трубе звенела, лилась ледяная вода, стекающая затем небольшим ручейком в Оку.

Сергей первым припал к ключу, напился, умыл лицо, руки:

— Ух, хороша водичка, как лед, даже зубы сводит!

Володя повторил ту же процедуру, они наполнили водой фляги и медленно пошли к своей стоянке по едва протоптанной тропинке, вьющейся среди кустарника.

Стало совсем сумрачно. Луна бельмом повисла на темно-синем небе, освещая притихшую реку, уже окутанную загустевающим туманом, из которого кое-где по берегам Оки светились огоньки костров. Остров, казавшийся в этот час более таинственным, почти необитаемым, темный лес на ближайшем берегу, живущий своей непостижимой жизнью, все вокруг заключало в себе какую-то загадку.

Сергей поджег бумагу, подложенную под основание костра, языки пламени жадно лизнули сначала сухие веточки, потом перебросились на более крупные, и через несколько минут костер уже полыхал на самом краю обрыва, выхватывая из тьмы смягчившиеся черты лица Володи, который раскладывал на газете, расстеленной прямо на земле, помидоры, вареные яйца, огурцы, соль, сало, резал ржаной хлеб, очищал зеленый лук, прихваченный в деревне.

— Ну что, старик, давай поджарим сало на веточках? Ты в детстве жарил так на костре? — предложил Сергей.

— Да, жарил, а как же. Я очень ценю это блюдо. Давай.

Они насадили на тонкие прутья лозы по куску сала, и вскоре оно зашипело над углями, капая в костер, дымя при этом. Когда сало было готово, разлили по стаканам купленную в деревне «Стрелецкую», молча чокнулись, выпили, жадно заели салом и хлебом. Сало было горячее, пахло дымком, но казалось очень вкусным. После второго стакана «Стрелецкой» стало легко на душе, потянуло на разговор.

— А все-таки хорошо, что я тебя сюда вытащил, правда? — сказал Володя.

— Хорошо. Я не жалею. Это настоящий отдых, а то, что бы мы делали в этом душном бетонном городе. Ну, в кино ходили, на танцы, то да се... А здесь — какая красота и тишина. У меня, знаешь, когда мы из электрички на станции сошли, от этой тишины даже в ушах зазвенело.

— У меня тоже. А воздух какой... Как эликсир! И это-то после фторотана и закиси азота, которых в операционной за день так наглотаешься, что придешь иногда домой с работы и сходу засыпаешь.

Сергей насадил на ветку новый кусок сала, и тот, уже обжариваясь, «потек» над пламенем костра. На мгновение вспомнился прошедший рабочий день: операции, операции, операции. Белизна больничных халатов, простынь, окровавленные салфетки, отчужденные, застывшие лица больных, находящихся под наркозом, развернутые операционные раны с кровоточащими краями, отдельные фрагменты самих хирургических манипуляций, напряжение в уставших глазах коллег, капли пота, проступившие у них на лбу, суета операционных сестер...

Налили еще по одной. Заели обжигающим языком и горлом салом, помидорами, хлебом. Подбросили в костер веток, отчего языки пламени, зародившись в середине розово мерцающих углей, перекинулись на сучья и взметнулись ввысь, расширяя световой коридор вокруг примолкнувших друзей, которые сидели молча, в каком-то оцепенении разглядывая окружающую темень, смутные силуэты деревьев. На острове было пустынно и тихо. Им казалось, что все застыло кругом. Остановился маленький шарик, кажущийся, говорят, голубым из космоса, а вместе с ним остановилось и время. Не мчались где-то в ночи поезда по огромной стране, женщины, мучаясь в родовых схватках, не рожали в этот момент беспомощных, красноватых детенышей, которым предстояло потом пройти все сначала, через ошибки, удачи и неудачи, заблуждения, отбрасывая глупые иллюзии, выдуманные по наивности или с умыслом другими людьми. Будто где-то среди суеты и бессонницы врачей и сестер не умирали больные, судорожно борясь за каждую секундочку этой непонятной жизни, такой

неповторимой и временами такой прекрасной. Тлели угли в костре, как частички этой неугасимой жизни, отбрасывая разноцветные блики на лица двоих парней, отражаясь в их глазах.

— А странная все-таки штука — жизнь, — задумчиво произнес Сергей, не в силах оторваться взором от огня. — Вот Лена, хорошая, умная девушка, думаю, что она будет верной женой, хорошей хозяйкой, в ней есть что-то такое, чего я не находил в моей первой жене. Осознаю, что я ей нравлюсь, но чувствую в то же время, что это не то, не настоящее. Что, обнимая ее, я вдруг вижу свою первую жену, то есть обманываю и ее, и себя...

Володя задумчиво пошевелил суковатой палкой в костре, сдвигая к центру остатки недогоревших веток.

— А есть ли оно, настоящее, вообще, не самообман ли это? Не видим ли мы в женщинах то, что хотим видеть, хотя на самом деле они совсем другие? И есть ли она, любовь, на белом свете? Может, ее и нет вовсе, старик, а? Давай-ка лучше есть картошку, она, наверное, готова.

Они стали выкатывать из догорающего костра обуглившиеся горячие клубни, дымящиеся и такие вкусные, кисловатые внутри. Потом допили остатки «Стрелецкой», затоптали угли, разложили в палатке спальные мешки.

— Слушай, давай перед сном искупаемся, как бывало в детстве. Вода, наверное, теплая, — предложил Володя.

— Давай.

Они разделись. По мягкому песку спустились с обрыва к воде. Было прохладно. Володя даже ощутил, что кожа местами стала «гусиной». К этому времени ночное небо очистилось от туч, множество звездочек рассыпалось по небу вокруг лобастой луны, посветлело, только над самой поверхностью реки стлался туман.

Вода оказалась теплой, гораздо теплее, чем воздух, и купальщики смело шагнули в реку.

— Благодать-то какая! — фыркнул вынырнувший Сергей.

— Ага, хорошо, — согласился его товарищ, — слушай, поплыли к тому берегу, он недалеко.

— Поплыли.

Их тела почти бесшумно скользили по реке, плыли саженками, размеренно разгребая мягкую, ласкающуюся, приятную воду, в которой определялось течение. Река не прекращала своего движения и сейчас, она жила своей вечной жизнью. Когда из тумана явственно проступили прибрежные кусты, кромка пляжного песка, парни невольно задержали свое движение, остановились на месте от неожиданной картины, представшей их взору.

Двое — она и он — совершенно обнаженные, освещаемые лунным светом, обнявшись, медленно входили в воду. Они казались инопланетянами в своем ночном омовении. Остановившись на мгновение, когда вода достигала колен, юная женщина мягко выскользнула из объятий, тихо засмеялась и первая пошла дальше в реку, постепенно погружаясь, пока под водой не скрылись ее прекрасные бедра нежных, женственных очертаний, пока небольшие, округлые груди, не утратившие своей девичьей прелести, похожие на две маленькие луны, не коснулись дымящейся поверхности воды, и вскоре только две головы — мужская и женская передвигались в тумане над гладью реки, то приближаясь, то удаляясь друг от друга.

Сергей как бы со стороны увидел частицу своей прошлой жизни. Ведь было же все это в его жизни, было! — от этой мысли просветлело в мозгу, когда они молча, не сговариваясь, стараясь не шуметь, поплыли с Володией обратно, к своему острову. Все это было у него с первой женой, с которой расстались, как оказалось потом, непонятно почему. Было то настоящее, казавшееся сейчас несбыточным, невзаправ-

дашним, таким далеким, что порой находило сомнение, не приснилось ли все это? Сергей явственно понял, что было счастье, он даже ощутил ладонь потерянной женщины где-то на своей спине, ее жаждущие губы, всю ее, которая, казалось, в этот миг прижалась к нему в объятии, даже пригрезилось, что среди клочьев тумана, липнувшего к речной глади, мелькнуло знакомое до боли лицо. Потом, после развода с ней, он знал многих женщин, ходил с ними в кино, театр, отдыхал с ними, пил с ними вино, спал в их уютных постелях. Зачастую ему было хорошо, он чувствовал, как хорошо было и им, но того счастья, граничащего с безумием, как с ней, его первой женой, он не ощущал пока ни с кем. И поэтому,— он понял это явственно только сейчас, беззвучно плывя по заколдованной реке,— рано или поздно он оставлял их, и ЭТО заставило Лену отказать ему составить компанию в прогулке. Веснушчатая, добрая, сельская учительница оказалась прозорливее тех других, что встречались ему раньше.

Он плыл и плыл. Совсем близко показался пляжик на острове, ставшем им пристанищем на эту ночь. Сергей, уже отяжелевший с непривычки, греб из последних сил, борясь с глубинным течением, плыл, как плывут за мечтой, которая хочет ускользнуть, остаться несбыточной, плыл с нахлынувшей вдруг уверенностью, что все повторится, еще не зная, что пройдет некоторое время, и он захлебнется в щедрой красоте и ласке другой женщины, которая наполнит его душу ощущением такого неземного счастья, по сравнению с которым прошлое покажется незначительным эпизодом. А сейчас это грядущее счастье казалось ему островом, затерявшимся на Оке среди парного молока ночного тумана.

ПОЭЗИЯ

Александр Ананичев
(г. Сергиев Посад)

PERSONALIA

Александр Сергеевич Ананичев — поэт, прозаик, автор сорока книг для детей и 7 сборников стихов, кандидат педагогических наук. Член правления Союза писателей России, руководитель писательской организации города Сергиева Посада. Дипломант всероссийского конкурса «Золотое перо России», литературной премии имени С. А. Есенина и международной премии имени В. Крапивина за книгу «Моя Москва. Листая страницы истории» («Росмэн» 2006 г.).

РЫБАКИ

Б. Лукину

Друг ты мой, не шути бесшабашно,
Пряча смех в золотой бороде,
Оттого что ловлю я неважно
Карасей в заплотинной воде.

Рыжий вечер ползет на задворки...
Ты уловом доволен вполне,
А в моем незавидном ведерке —
Тишина серебрится на дне.

Карася, что поймал я случайно,
Лишь звезда расшелушит свечу,
В камышово-зеленую тайну
Из ладоней своих отпущу.

Пусть он к дремлющим братьям вернется,
Про несладкий расскажет полон,
И про дом твой, который на солнце
Сторожит, без ошейника, Джон.

...Ты смеешься опять, греховодник!
А ведь первую песню — ей, ей —
Сочинил невезучий охотник,
Возвратившись с охоты своей.

У огня иль туманной излуки
В тишине загрустил он слегка,
Извлекая волшебные звуки
Из пропахшего дымом рожка...

Вот и я загрустил, но не очень,
И, как сказочный тот дурачок,
Из души изумрудные строчки
Все ловлю и ловлю на крючок.

* * *

Был мне другом, а нынче — не знаю;
Как-то вдруг приосанился весь,
И на доньшке глаз примечаю
Неприметную ранее спесь.

Оттого ли, что зажил счастливо,
Что в газете престижной творишь,
На меня ты глядишь горделиво,
С неохотой со мной говоришь.

Если шуткой обидел пустою,
Или что-то спросил не попад —
Извини, виноват пред тобою...
Милый мой, я кругом виноват!

Мне изменчивой славы не нужно —
Ты газеткой своей не маши! —
Мне бы только по волнам жемчужной
Плыть твоей беспокойной души,

Вспоминать о Варшаве и Ницце,
О стихах говорить до зари
И смотреть, как ласкают ресницы
Разноцветные очи твои.

Нас и так ожидают потери.
Лучше — в золото дружбу облечь!
Легче в Бога однажды поверить,
Чем потом эту веру сберечь.

Я с тобой — и в тайгу, и — в разведку,
И — в озера ловить карасей...
Только ты озорную газетку
С глаз моих уברי поскорей.

ДУЭТ

Я ее не просил. Она спела сама
Эту песенку, мной сочиненную.
На эстраду взошла — и дохнула зима,
И луна замерла золоченая.

И осыпались первые звуки едва —
Будто травы качнулись тяжелые —
На губах моих оцепенели слова,
Хоть слова были, в общем, веселые.

Звук то плавно и гладко летит, то шурша,
С придыханием, с переливами...
А я вижу — на кончике жала душа
У певуны живет горделивая!

И чем дальше камлание змеилось ее,
От которого пихты сутулятся,
Тем сильнее на галерке рыдало дите
И собаки брехали на улице.

Я никак не пойму — ну, с какого рожна
В ней обиды вскипают полынные!
Рукавом повела — отлетела струна
И друзья разбежались старинные.

Наконец, замолчала. На миг обмерла.
И раскинула руки в улыбочке...
Ох, как дорого мне обошлось «ла-ла-ла»
Этой алчущей славы артисточки!

ЖИВАЯ ВОДА

В половине июньского знойного дня
Ты водой ключевой напоила меня.
И струилась вода на ладони пока,
Я тебя разглядел в глубине родника.

Ты светла и чиста, как младенца слеза;
Встрепенулись, как бабочки крылья, глаза,
И такая под сенью ресниц глубина —
Не найдешь, не качнешь, не нащупаешь дна.

Обжигаемый солнцем дробится поток
О надводные камни, звенящий песок.
Отшумев, растекаются плавно струи,
Из которых уста серебрятся твои.

Чудотворный родник не забыть никогда —
Ледяная, летящая в руки, вода...
Я губами воды прикасаюсь живой —
Мне не нужно другой, мне не нужно другой...

ТРИ ГЕРОЯ

Аркадию Мару

Где льется карпатская песня,
Где пляшут гуцулы гапак,
Три улицы сходятся вместе:
«Петлюра», «Бандера», «Ковпак».

На мазанках треснула глина,
В которых бывали порой
Два верных украинских сына
И дважды советский герой.

Вот я по «Петлюре» гуляю,
Сверну на «Бандеру» потом,
Черешню губами срываю,
Когда прохожу «Ковпаком».

Завод замолчал безнадежно,
Лишь фабрика сушит табак...
Все трое зато незалежны:
Петлюра, Бандера, Ковпак.

Пощупаю бронзу Петлюры,
Бандеры послушаю грусть.
А возле ковпачьей фигуры
Я, кажется, нынче напьюсь!

Приснится мне звездное поле,
А в поле — украинский флаг,
С которым воюют за волю
Петлюра, Бандера, Ковпак.

РУССКАЯ АМЕРИКА

Рыдайте, смешные узбеки,
Свободных напившись ветров,
Что с вами простился навеки
Мой друг — Александр Козлов!

Советская рухнула Троя —
Набросился век-изувер...
Теперь он в Америке строит
Мосты на реке Делавэр.

В Америке Саша — не первый.
Не он сюда тропы торил...
Веселая русская церковь
Стоит у казачьих могил.

Цветет на горе земляника,
Озерное око дрожит.
России ненужный Деникин
Под белым распятым лежит.

В неспешных, скупых разговорах
Мы горького выпьем вина
За тех... за своих! За которых
Отвергла большая страна.

А память и давит, и душит.
Что, Саша, задумался ты?
Никто к Фергане не разрушит
Твои золотые мосты.

ОТВЕТ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ АМЕРИКАНСКОМУ ПОЛИТОЛОГУ

Был президент с утра обычно пьян
И нашей кровью по уши заляпан...
А вы тогда кричали: «Демократ он!»
И улыбались, глядя на экран.

Страна вот-вот рванется на куски.
А вы нам песню пели: «Russia, Russia...»
И к самой шее подобрались нашей,
На югославах пробуя клыки.

Чего ж вы нынче лааете на нас?
Что вор — в тюрьме, что не горит Кавказ?
Что, наконец, кремлевское оконце
Позолотило царственное солнце...

Дай Бог, от злобы вечной не пропасть
Вам в Бирмингеме, Хайфе, Миннесотте!
Чем нашу власть вы яростней клянете,
Тем, значит, наша праведнее власть.

Валерий Савостьянов
(г. Тула)

PERSONALIA

Валерий Николаевич Савостьянов родился в селе Сергиевское Киреевского района Тульской области в 1949 году. В 10 лет вместе с родителями переехал в рабочий поселок Криволучье, позднее вошедший в черту г. Тулы. Закончил с медалью 51-ю среднюю школу и Тульский политехнический институт. Работал учеником радио-монтажника на заводе, электрослесарем и проходчиком на шахтах Подмоскovie и Донбасса, мастером в ремонтных мастерских, инженером научно-исследовательского сектора, электронщиком, программистом, начальником ЭВМ, заведующим лабораторией в Тульском политехническом институте, заместителем начальника участка по сбыту изделий народных промыслов, предпринимателем.

Стихи пишет с детства. Первая публикация в заводской газете «Металлург» 23 мая 1963 года. Участник 7-го и 8-го Всесоюзных совещаний молодых писателей в Москве в 1979 и 1984 годах (семинары Н. К. Старишинова и Р. И. Рождественского), Дней Маяковского в Кутаиси в 1985 году, а также Совещания, организованного в 2003 году Союзом писателей России и газетой «Московский железнодорожник» (семинар О. Н. Шестинского и Е. А. Антошкина).

Стихи Валерия Савостьянова были опубликованы в журналах «Наши современник», «Молодая гвардия», «Литературная учеба», «Студенческий меридиан», «Молодежная эстрада», «Юный натуралист», «Советский шахтер», в газетах «Российский писатель», «Литературная газета», во многих альманахах и коллективных сборниках Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга.

Сегодня Валерий Савостьянов — автор семи поэтических книг, член Союза писателей России, член редсовета сборника Тульской писательской организации «Иван-озеро» и редколлегии газеты «Тульский литератор», один из составителей юбилейных сборников «Великий Май» и «Ветер времени над полем Куликовым», антологий тульской поэзии «Наши современники».

За патриотическую направленность его творчества награжден юбилейными памятным медалями «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова», «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля».

СЫН КУЗНЕЦА И МЕДСЕСТРЫ

Прилежней нет в селе чтеца:
Всю ночь порой на кухне.
Сын медсестры и кузнеца
Давно уж не был в кузне.

Уходит в лес он, жжет костры —
И вот уж свищут птицы:
Сын кузнеца и медсестры
Чурается больницы.

«Сынок, пора бы выбирать!
Чем будешь ты кормиться? —
Мальчишку спрашивает мать, —
Не кузня, так больница...»

«Сынок, никак я не пойму, —
Отец пытается парня, —
Что ближе сердцу твоему:
Шприцы иль наковальня?...»

Щепотка соли, пять картох,
Тетрадка в рюкзакишке.
Что выбирать, коль выбрал Бог
И свет Его в мальчишке?..

И смят листок — сто слабых строк
В костре пылают новым.
Зачем пытать? Пытает Бог,
Пытает парня Словом!

Вот он с тетрабочкой худой,
Худой, но увлеченный,
Поет, обедая водой
С картошкой печеной.

А что поет? Стихи поет,
На слух стькуя звуки.
И снова пишет,
Снова рвет
В бреду блаженной муки!

Будь счастлив, парень!
Пой, чудак!..
Но встретится девчонка —
И бросит оземь свой рюкзак
Небритьи мужичонка!

И проклянет свой дар,
Свой труд,
Где никакой зарплаты:
Стихи не сеют, мол, не жнут —
И не годятся в сваты!

И вспомнит мамины бинты,
Огонь отцова горна...
А Бог посмотрит с высоты —
И засмеется горько!..

* * *

Приходил я иногда
Батю старого проведать...
Помню: было как всегда —
Помню: сели пообедать,

Выпили по пятьдесят,
Говорили о заводе.
Провожать он вышел в сад.
Было все обычно вроде.

Лишь смотрел он дольше чуть
Вслед — на самую на малость,
Лишь сказал мне: «В добрый путь!» —
Раньше мама так прощалась...

Ангелы так шутят, мстя,
Или инопланетяне? —
Знать бы, что два дня спустя
К ним отправится батяня...

* * *

Сельское детство, ромашковый рай.
Пристально смотрят с околиц
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Годы студенчества. Угольный край,
Шахты опасный колодец.
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Свадьба запела — ты ей подпевай.
Водочку пьют и ликерц
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Звон колокольный
сыновьих сердец.
Что же взамен, комсомолец?
Дед умирает. Остался отец.
И Николай Чудотворец...

Лень сыновьям постоять у икон —
Вырастет грех твой, утрясь.
Дед и отец — далеко-далеко.
Лишь Николай Чудотворец...

Снится: у рая — раскаянья грай,
Толпы молящего люда.

Каждому нужен Святой Николай,
Каждому хочется Чуда!

— Эй, богомолец с терновым венком,
Что так угрюмо молчишь ты?
Что-то ведь понял ты, став стариком?..
— Что Николаич я. Трижды!..

* * *

На березе у крыльца —
Мол, попробуй-ка, сумей-ка —
Бодрым посвистом отца
Свищет майский соловейка.

А на иве у ручья
Напевает спозаранку,
Будто матушка моя,
Хлопотливая зарянка.

Всполошились воробьи,
Жаворонки запорхали —
Это все друзья мои
С их недолгими стихами.

Вдоль плетня крадется кот...
Хорошо, что не по-птичьи
Хоть любимая поет
И в естественном обличье!

ПЕРВЫЙ ПОСТ

Геннадью Иванову

*Я не могу как следует поститься...
Г. Иванов*

Я не умел как следует поститься —
И все-таки постился я как мог!
Серебряное снилось мне Копытце,
Буренушка, Жар-птица, Горбунок.

Я даже в церкви не был три недели,
Лишь наспех перелистывал Завет.
И снились мне — святыни Иудеи,
Эммаус, Вифлеем и Назарет.

Не знал молитв, не помнил я каноны —
Я пел из полюбившихся стихов.
Но не пиита снилась мне корона,
А мой венец — с шипами из грехов.

В конце Поста, когда смущали яства,
Но до поры ни капельки нельзя,
Приснился Рай: мать говорила «Здравствуй!»,
Любимые встречали и друзья.

«Я выдержу! Изыйди, Искуситель!
Не брошу Крест!..»
И, с облака сойдя,
Приветствовал рукой меня Спаситель
Со шрамом, чуть заметным, от гвоздя...

Великий Пост — ужасный, но прекрасный,—
Великий Праздник воли и весны,
Благодарю за подвиг не напрасный
И разум пробуждающие сны!..

НАШИ МАМЫ

Памяти Николая Дмитриева

Знаю: со стены из черной рамочки
Не дают поэты интервью.
Но ведь верно, Коля: наши мамочки
Сразу познакомились в раю?

И сидят под яблонькой, и,— правда ли? —
(Видел я не раз такое в снах!)
Обе — в строгих платьях, обе — Клавдии,
Говорят о нас, о сыновьях.

Говорят о нас, и мне икается:
Ведь любил я маму впопыхах.
Ах, как тяжело мне, Коля, каяться!
Но ты тоже каялся в стихах.

Да, вина в них — неподъемной гирею,
Да, не сдвинуть крышки гробовой,—
Но я вновь над маминой могилою
Вспомнил их, ни мертвый ни живой.

Так мне легче попросить прощения
За мои, что в двойках, дневники,
Юности дурные увлечения,
Зрелости короткие звонки.

Эти бедки — маленькие козоньки:
Просто рожки пробуют свои.
А как вспомнишь беды — мамы слезыньки,—
Как с цепи сорвутся бугаи!

До сих пор от гнева их ревушего
К маминым коленям припадать!
До сих пор душе, Колумбу сущего,
Не дается Божья Благодать!

Пусть же, Коля, райская околица,
Где ты ныне в славе и любви,
Слышит, как за нас обоих молятся
Все твои «Ночные соловьи»...

Так, прогулки ради, дружбы ради ли,
Ты найди, отмоленный вполне,
Яблоньку, где мамы наши Клавдии
Грезят о тебе и обо мне.

Расскажи про позднее прозрение,
Повинись за общие грехи —
И прочти мое стихотворение
И свои великие стихи...

НЕ ГАСИ МОЮ СВЕЧУ

Не гаси мою свечу,
О, Всемилостивый Боже —
Я еще воспеть хочу
Ту любовь, что всех дороже.

Ту любовь, что даришь мне
В пору старости бесплодной —
К сыновьям своим, к жене,
К нашей кошке беспородной.

И к рассаде, и к цветам,
На окне моем живущим,
И к сияющим листам,
Строчки новые зовущим...

Не вели меня казнить —
Я иду, не зная броду.
Дай мне что-то объяснить
Драгоценному народу!

Что — пока не знаю сам.
Но в годину испытаний,
Верю, дашь моим устам
Нежность словосочетаний, —

Чтоб не ядом напитать,
Не отмщением, не болью,
Чтоб молитвой отшептать,
Чтоб спасти его любовью...

ЕСТЬ ОБРЯД ОБНОВЛЕНЬЯ

Есть обряд обновления:
Умыться речною водой
Той деревни,
Где бегал купаться — такой молодой!
Говорят: остаются
Бесценного детства следы,
Как в кристалле магическом,
В памяти этой воды.

Я приехал на родину —
Глянуть на дедовский дом,
Я к заветному месту купанья
Пробился с трудом:
Сквозь камыш и кугу,
Свалку мусора и топляка,
И болото мазута.
Куда же ты делась, река?

И куда ты нас дела
В кристалле магическом том,
Где, как юная дева,
Бежишь, вся в песке золотом?..

* * *

Здравствуй, чудо края отчего:
На развилке трех дорог
Вставшие из корня общего
И березка, и дубок!

Смотрят лось и еж с ежатами
Из лесной овражной мглы,
Как влюбленными ужатами
Обнимаются стволы.

И поют синичка с пеночкой,
Не скрывая свой восторг.
И приходят мальчик с девочкой —
Вяжут к ветке лоскуток.

Даже циники, изменники,
Даже пьянь, смиряя брань,
Здесь не смеют резать веники
Для своих бесовских бань, —

И бегущие от ужаса:
Жить в объятиях весь век —
Почему-то ценят мужество
И влюбленных, и калек...

В ЭПОХУ НЕЖНОСТИ

Новостей дырой озоновой
Выжгло душу — еле выжила:
Нет Сережи Белозерова,
Нет Коли Завалишина.

Вместе мы рвались в Поэзию,
Пацаны послевоенные,
Плавя гордости агрессию —
В нежность, в строчки откровенные.

Нам не пели трубы медные,
Но гордиться хватит повода,
Коль страны плоды победные
Утоляют чувство голода.

Да и что нам, небалованным:
Мало той отцовской гордости?
Жить бы музой расцелованным —
Вечно жить в счастливом возрасте!

Но когда стиха соцветие
В мир несешь, из сердца выданным,—
Не мечтай о долголети
И не тешься скорым «Избранным»...

Верю я: в Эпоху Нежности
Бредящий литературою
Следопыт найдет подснежники
Строк, не сгинувших под Тулою,

И поймет, что беспризорная,
Может, нежность бы не выжила —
Без Сережи Белозерова
И без Коли Завалишина...

О ДЫМЕ И ДОМЕ

Вовсе не особенного рода,
День за днем — полжизни напролет
Вечный дым кирпичного завода
Под моими окнами встает.

Был я недоволен им, и даже
Зол порой, что сумраком громад
Застит пасторальные пейзажи
И закаты, что чаруют взгляд.

Для чего мне зыбкие вершины,
Если даль свою не узнаю,
Если в горле от него першило,
Когда ветер в сторону мою?..

Но сегодня я раздумал злиться,
Понял вдруг: нет худа без добра —
Вечный дым зовет меня трудиться
Как его завода мастера...

Под окошком «КРАЗЫ» и прицепы:
Мощный флот строительной реки —
То театра нового концерты,
Школ и вузов первые звонки.

Вон бульдозер, чистящий сугробы,
Чтобы с глиною мешать песок, —
Это — аж до солнца! — небоскребы,
Теремок, не низок — не высок.

Вновь и вновь с железного поддона
Грузится в стальные кузова
Облик удивительного Дома —
Образ всенародного Родства...

И теперь встаю я до рассвета —
Стыдно спать, коль видишь из окна:
Крутится-вращается планета,
Трудится бессонная страна.

Здравствуй дым свершений и прогресса!
Ждут меня у письменной печи
Новых книг тяжелые замесы
И четверостиший кирпичи...

Чжао Хуань

(г. Наньчан, Китайская Народная Республика)

ВЕСНА

Родился 30 октября 1981 г. в семье рабочего и учительницы в единственном в Китае Городе-герое Наньчане, расположенном в провинции Цзянси на юге страны. После школы окончил в родном городе университет и стал учителем физики в одной из городских школ, где преподавал четыре года. В Тулу приехал в 2005 г., поступил в Тульский госуниверситет на технологический факультет, по окончании которого станет инженером-автомобилистом. Магистр. Поэзией увлекается с детства. Пишет стихи на родном китайском и на русском языках.

Чжао Хуань говорит: «Стихи — это разговор от души. Мне кажется, что у природы мы учимся мудрости, а окружающие нас люди дают нам возможность ее воплощения в жизнь. Так мы обретаем душу свою».

我曾用灵魂深处最温暖的爱给予你
也曾追逐生命的价值放弃爱情
或许我的生命中会留下许多的遗憾和错误
但无论什么都不及我的灵魂中迷失你
使我恐惧……

*****

我曾认真的问过自己
“没有你，我能不能活下去？”
我知道，我能
我能活在这片苍茫的世界
然后寥无痕迹
也许终我一生也无法思量生命的价值和灵魂的梦想
但是如同黑暗中的一点烛光
我清楚
在许许多多的不知和无畏中
我知道我爱你超过世界上任何的生命
我明白我害怕生命里没有你
超过我对世界存在的任何恐惧

.....

*****

紧紧的身体在空气中
弥漫着寂寞的血液
无奈的孤独在期间流淌
只是为了理想
我放弃你 放弃了爱
放弃了我的家乡
也许吧 我依然只让你在我的心中驻留
可是 那又怎样
我该怎么样才能带走你的幸福和你的悲伤
你已有了你的王子和你的天堂
而我只配在思念里神伤
我愿意让他折磨我
折磨我100年
够不够?
只为100年后
我能站在你的墓碑前
对你说

ВЕСНА

Ветер не принес пыльцы душистой,—
Облетели цветы...
Кто-то там расплел под вечер косы,
Жду ночной темноты.
Правду говорит одна природа,
Люди лживы насквозь.
Рассказать бы! Но слова потонут
В ливне горестных слез.
В городах весна все хорошеет...
Ах, поплыл бы я вдаль,
Да боюсь, на дно потянет лодку,—
Словно камень, печаль.

ДЕТИ ПРИРОДЫ

Все мы дети природы,
Лежим в колыбели вселенной.
Нам не нужны войны,
Людям обыкновенным.
Все мы полны любовью,
Любим душою чистой.
Нам не нужны войны,
Мы против войн и убийства!

Все мы дети природы.
Едем в Россию за дружбой,
Крепкой и нерушимой,
Всем нам такую нужной.
Все любят цветы и неба
Чистый отлив лазурный,
Хотят, чтоб рождались дети
В мире веселом и бурном.

Жить без войны, жить в мире
Без злобы неистребимой,
Без звероподобных скинхедов,
Без крови на лицах любимых!

Все мы дети природы.
Хотим мы любви и дружбы,
Крепкой и нерушимой,
Всему человечеству нужной.

БЕСТОЛКОВЫЙ РАССКАЗ

Облака скитаются,
Но ветер не понимает;
Морской простор бескрайний,
Но песок про него не знает;
Закатов разложение,
Но дождь ничего не смыслит;
Не каждая любовь
приносит к счастье.

Пальцы скучают,
Но сигареты не понимают;
Горит сухое горло,
Но вина о том не знают;
Взгляд исполнен печали,
Но слезы его не вымоют;
Не каждая душа
весной ликует.

Наша жизнь — сновидений рой;
Из сна одного переходим в другой:
От сна о сне,
Ко сну о пробуждении.
От сна о жизни,
Ко сну о смерти.
У каждого
бывает меланхолия.

От редакции: Перевод с китайского стихотворения «После того, когда ты ушла»
см. на стр. 123 этого номера журнала.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ПЕРЕВОДЫ

Родился в 1954 году в г. Скопине Рязанской области. С 1960 г. живет в Туле. Учился в 14-й тульской школе, затем в 1977 г. окончил факультет иностранных языков Тульского государственного пединститута им. Л. Н. Толстого, где увлекся стихотворными переводами. Пишет стихи, занимается редакторской деятельностью.

Переводы с английского

Джон Мейзфилд

МОРСКАЯ ЛИХОРАДКА

Я должен снова уйти в моря,
В пустынное царство воды.
И все, что мне надо,— большой корабль
И свет путеводной звезды;
    И паруса трепет, и песня ветров,
    И чтоб был надежен штурвал,
    Чтоб серый туман над гладью морской,
    Чтоб серый рассвет вставал.

Я должен снова уйти в моря,
В дорогу позвал прилив.
И зов этот ясен, и дик этот зов,
Могу ли отвергнуть призыв?
    И все, что мне надо,— ветренный день,
    Лазурь с облаков белизной;
    И прямо в лицо водяная пыль,
    Крик чайки над пенной волной.

Я должен снова уйти в моря,
Где жизнью бродяги живешь,
Дорогою чаек, дорогой китов,
Где ветер, как острый нож.
    И все, что мне надо,— язык без костей —
    Товарищ веселый, лихой;
    И крепкий сон, и сладкие сны,
    Когда после вахты отбой.

Роберт Льюис Стивенсон

ГОРОД ИЗ КУБИКОВ

Что б я построить из кубиков мог?
Крепости, храмы, дворец или док.
Пусть за окном серый дождик пошел,
Дома я строю, и мне хорошо!
Горы — диван, морем будет ковер.
Город воздвигну у моря и гор!
Мельница, церковь, дворец в стороне,
В гавани судно стоит на волне.
Чуден дворец, обнесенный стеной!
Купол ему я приделал большой;
К берегу моря ступеньки ведут,
Там корабли по заливу плывут.
Этот плывет, тот причалить готов,
Вслушайтесь в песню лихих моряков!
А на ступеньках дворца — короли:
Видно, с подарками в гости пришли!
Вот и конец наступает игре!
Кубики я разбросал на ковре.
Кубик за кубиком лег на ковер.
Где теперь город у моря и гор?
Снова, как прежде, от дома вдали
Вижу я церковь, дворец, корабли...
Сколько б ни жил я, и где б мне ни жить,
Тот город из кубиков мне не забыть.

ОДИНОКАЯ ЧАЙКА

Покинув грохочущий берег,
Где рыбу она добывает,
Зачем над далеким садом
Чайка морская летает?

Нет для нее здесь рыбы:
Здесь поле, а в поле пшеница;
Здесь кроны листвой что-то шепчут.
Домой возвращайся, птица!

Хрустальны речные воды
Среди тростника и кустов;
Это приют не для чайки,
А для ворон и дроздов.

Жалко заблудшую птицу!
Жаль моряка на суше!
Пусть в океан он вернется,
Там пусть останется лучше!

Над морем и скалами с криком
Прносятся белые стаи;
Здесь, где вороны и розы,
Зачем эта чайка летает?

ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ

Веселей дуди в гребенку!
Мы идем в поход!
Вилли заломил шапчонку,
Джонни в бубен бьет.

Мэри Джейн за командира,
Питер позади;
Каждый гренадер, задира,
Мужество в груди!

В ногу, друзья, победа с нами,
Грозен марш-бросок;
А на палке вьется знамя —
Носовой платок!

Полководец Джейн, довольню,
Славный кончен бой!
За селом команда «вольню»,
И айда домой!

ДОЖДЬ

Куда ни глянь — повсюду дождь:
Над лесом, на полях.
Зонты он поливает здесь,
А корабли — в морях.

Перевод с китайского

Чжао Хуань

ПОСЛЕ ТОГО, КАК ТЫ УШЛА

Горячую любовь к тебе питаю
Там, в самой глубине души моей,
От этой же любви я отрекался,
Чтоб жизни смысл постичь и обрести.
Отчаянье и горечь сожалений
Теперь мои попутчики земные.
Но было бы страшнее во сто крат
Тебя из глубины души исторгнуть.

*****

Я спрашиваю часто сам себя:
«А без нее мне дальше жить возможно ль?»
На безграничном жизненном пространстве,
Скитаясь пилигримом вширь и вдаль,
Я вряд ли обрету мечту заветней,
Смогу себе представить выше смысл
И выше этой жизненную ценность.
Как некий слабый луч во тьме кромешной,
Что светит путеводною звездой,
Прозрение: тебя люблю я больше,
Чем существо любое в этом мире,
И страх тебя утратить навсегда
Сильней, чем страх чего-то испугаться.

*****

Замедленно струится в жилах кровь,
Уходит жизнь из молодого тела.
В печально-одиноким прозябанье
Бессмысленность, бесплодные мечты...
Я потерял твою любовь, отчизну,
Но чувствую: ты все ж в душе моей.
Как покушусь я на чужое счастье?
Теперь свой принц, свой рай есть у тебя,
А я — я стал безбрежною печалью,
Терзанием пожизненным я стал.
Довольно ли ста лет таких терзаний
Лишь для того, чтоб через сотню лет
Я стал перед твоей могилой скорбной
И прошептал: «Я так тебя люблю,
Как только человек любить умеет...»

Прим. редакции: Подлинник стихотворения Чжао Хуаня «После того, как ты ушла» см. на стр. 118 этого номера журнала.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ДУЭЛЬ

Наши постоянный автор (см. «ПЗ» № 1, 2009). Автор так представляет себе творческое кредо поэта: «Я убеждена,— если б не было на свете страданий, не случилось бы и поэзии. Боль друг другу часто создают люди, и это уже лишнее. Абсурдно, как в известном фильме «Титаник», когда один герой бежит за другим с револьвером по гибнущему кораблю. Несмотря ни на какие установленные правила социума, всеобщий действующий принцип жизни у нас — завидовать счастливому, злорадоваться несчастному. Мы не любим также, когда кто-то говорит об этом вслух, и я предвижу множество сердитых оппонентов. Не нужно волноваться,— конечно, у меня нет сомнений, что время от времени каждый из нас делает ближнему добро, чаще — маленькое, но заметное, особенно разомлевшему от удовольствия благодетелю. Впрочем, наше несовершенство служит замечательным удобрением цветущему саду поэтического слова».

ДУЭЛЬ

Пушкину и Лермонтову

Есть реальность живая
Во времени где-то.
В ней Поэт убивает
Убийцу Поэта.

В ней фатальных известий
Друзья не услышат,
Дождь от горя и мести
Не рухнет на крыши.

Но стихийные силы
Корежат мне душу,
Будто что-то случилось,
Все снова нарушив.

Если б — третья реальность,
Где выжили оба,
И голодной осталась
Вселенская злоба!

РОЖДЕНИЕ СТИХОВ

Я слово не сорву зеленым.
Оно растет, и в тишине
Ему цвести и зреть во мне,
И стать плодом запечатленным.

Иль, как из глины, увлеченно
Леплю слова друг к другу я.
В горниле сердца, среди огня
Им быть,— и выйти озаренным.

И, может, я разгоряченно
Кую, как яростный кузнец
Из искрой брызжущих колец,—
Стальную цепь из слов каленых...

НЕЖНЫЙ СОНЕТ

Любви моей невысказанный дар,—
Он для тебя, как свет звезды далекой.
Печаль моя пребудет одинокой,
Моих ты скромных не заметил чар.

Мне не познать загадку бытия,
Не ощутить любви метаморфозы.
Страстей высоких радостные грозы
Не разразятся там, где буду я.

Какая нежность в ласковых словах,
Что умирают запертыми в сердце,
Родятся вновь и мне дают согреться,
И не прольются в радостных слезах.

Виню себя за нелюбовь твою.
Горчит мой хмель, хоть я его не пью.

* * *

Смелела осень, уходя,
Ее характер был неистов.
Пруд шевелился от дождя,
Качая зябнущие листья.

И как похожа, вижу я,
Душ человеческих погода
На ту стихию бытия,
В которой мается природа.

ДОСУЖИЙ МОНОЛОГ

Недолго было мне смешно
Гулять по свету.
Жизнь опьяняла, как вино...
(Эй, что-то мне — не то...)
Дай сигарету.

Я не послушала свою
Родную мать...
Ух, погоди, я докурю...
(И зябко ж мне в манто!..)
Не плюй на скатерть!

Она сказала: — Далеко
Не ездь, дочка...
А я — живу теперь легко...
(Слышь, — колокольный звон?..)
Но ей — ни строчки.

Не знаю я, жива ль она,
Как слезы точит...
Плесни вина, — на мне вина...
(Донесся слабый стон:
«Сколь стоишь, дочь?»)

* * *

Неоригинально быть несчастным.
Быть счастливым — это ли не чудо?
Мы ни в чем с Фортуной не согласны,
Оттого, пожалуй, нам и худо.

ЦВЕТОК

Кто-то — утром, наверно, ранним,
Чтоб за то не судил никто,
Вынес из дому цвет герани
И покинул — вдруг — под кустом.

Осень ветром дворы студила,
И сигналил вовсю цветок
О хозяевах нерадивых,
Красный выпучив хохолок.

Тот отчаянный зов соцветий
В душу чью-то проник тоской...
Удивилась, — как чудо встретив,
Полюбила, взяла с собой.

* * *

Угости молоком тишины,
Дорогая сударушка осень.
Как туманы в низине бледны...
Все спокойно, лишь ветер несносен.

Он крадется за мной по пятам,
Надоедливо студит и треплет,
Рассержусь — зашуршит по кустам,
Отвернусь — дунет пылью, как пеплом.

Помолчать я к тебе прихожу,
Поглядеть на твои сувениры,
Вот ползет сонно-пьяненький жук
С опозданием — до зимней квартиры.

Тишина! Только ветер опять
Беспокоит усталость лесную,
И хрустального инея гладь
Уж от солнца не ждет поцелуя.

* * *

Кошки — серьезные граждане мира.
Все-то для них — суета.
Как дорожат они честью мундира,
Гибким зигзагом хвоста!

Выбрали слово себе покороче,
Нудных речей избежав.
Что они ищут в предлунные ночи
В шорохах ветра и трав?

* * *

Я себе придумала сначала
То, что буду счастлива всегда.
Жизнь мне ничего не обещала,
А надежда говорила: — Да.

Не заметив первые потери, —
Подружилась, раздружились, — пусть!
Я надежде продолжаю верить,
Несмотря на прожитую грусть.

И живу я, как Праматерь Ева.
Чаще прах вкушая, а не сок,
Я срываю плод румяный с древа
Без раздумий, впрок или не впрок.

МАЙСКИЙ СОЛОВЕЙ

В конце весны душевней, горячей
Высвистывают песни соловьи,
И есть у них, в прелюдиях ночей,
Свои солисты — гении свои.

В кустах сирени, на краю Москвы
Когда-то жил неведомый солист.
Со страстью пел он в зарослях листвы,
По-нашему,— большой он был артист.

Он запевал позднее остальных,
И птичий хор почтительно стихал,
А может быть, не слышно было их,
Пока гремел неистовый вокал.

Запасу звуков не было конца.
Они как будто поднимались ввысь.
Казалось, что в созвездии Тельца
От этих звуков звезды родились.

Александр Новгородский*
(г. Тула)

БАЛЛАДА О ТИШИНЕ

Среди бесплодных дней, бесславных
Пустой, ненужной суеты
Явилась мне, как друг желанный,
Людьми покинутая ты.

Издревле взрослые, что дети,
Играют сызмальства в войну.
Забыв бесценную на свете
Сестру покоя — тишину.

Поскольку с нею мы зависли
В пространстве, вроде пустоты,
Я ей родня, в известном смысле,
Нам правомерно быть на «ты».

Ты разная. У рек разливов
Сурова, что волны набег.
И настороженно пуглива,
Как на асфальте ранний снег.

Но под твоим же зорким оком
Земля и небо на весах.
В тебе и будущего рокот,
И дней минувших голоса.

Ты встарь, не много и не мало,
Стада встречала по росе.
И беды с нами бедовала,
И с песней привечала сев.

Была поэту верной музой,
И зодчим в храме на лесах.
В краях степных пасла арбузы
И живность стерегла в лесах.

---

* К 75-летию со дня рождения; иллюстрации автора.

В години смут крепчала дланью.
В тебе — великих предков зов.
Броней была, звенела сталью,
И памятью у образов.

Ответь, мудрейшая, как другу,
Чем славен нынче оком?
Под вой сирен, под вопли вьюги
Куда идем, куда плывем?..

Что ж ты молчишь? И что тут скажешь?
Ты тишина, ты горний дух.
Худое слово ранит слух,
Ну, а хорошее — в пропаже...

Надежды в прошлом островки,
Мы на разболтанном пароме.
Не в духе века, чудаки,
И никого в округе кроме.

Питомцы призрачной удачи,
Мы отыграли в поддавки.
И ничего уже не значит
Скрипящий трос над тьмой реки.

Иль кошек черных стало много,
Или запахло гарью в снах?
К покою бранную дорогу
Давно обходит тишина.

Сдается, с нами некто важный
Играет картой козырной.
Змеится голубок бумажный
Над Богом избранной страной.

ОСЕННЯЯ МОЗАИКА ДОРОГ

Обочь дороги волглая трава.
Вздымая листья в поредевших кронах
Осенний ветер обнажает деревья
Привычно, по своим законам.

Случается, подделку ставят в ряд
С искусства обесцененным товаром.
А вот обычный нынче листопад
Нам обращает в сказку тротуары.

Летят листья в небытие, в безвестность.
К ковру листвы другая льнет листва —
Красы обворожительная щедрость —
Речистая безмолвная молва.

В цветном мерцании все улицы окрест.
Роняют липы золотые шали.
Здесь все воочию, как есть —
И праздник, и мозаика печали.

Я тот же лист. Хозяин, властный ветер,
Пока меня обходит стороной.
А сколько нам подобных на планете
Под чьей то грубой стелятся ногой!

По ним, листкам, легко ступают дети.
Их мимоходом прокопытит конь.
Все нипочем! Они отдали Лете
И песни, и прощальный свой огонь.

Осенняя мозаика дорог.
Сорвавшись, лист в подлеске крутит сальто.
А что же я такого сделать смог,
Чтоб стать вослед хотя б с кусочком смальты.

ВО ГРУСТИ

Стал тот туннель вконец заужен,
Иль заплутал заветный свет?
Но ходит, вроде бы простужен,
Вполне здоровый мой сосед.

Я с теми, кто гордится Русью,
И против тех, кто сеет муть.
Но все-таки смотрю во грусти
На наш особый русский путь.

Как будто мы умом не тленны,
Да и в коленках не слабы,
Но почему-то те же стены
Нам сокрушают наши лбы.

Лягушка не опасна цапле.
Я ж одного теперь боюсь:
Сто раз ступлю на энти грабли,
А на сто первый — рассмеюсь...

Я по рождению и вере —
Кочевник духа и степняк.
Мой путь аршином не измерить,
Как ни крути, выходит так.

ВСЕ С ВИДУ, ВРОДЕ БЫ, КУЛЬТУРНО

Вставать чуть свет — себе не в радость,
Но я породой не из сов,
И часто вижу, что не надо
На лицах сонных городов.

Встречаю спящие фонтаны,
С войной афиш заезжих звезд.
В витринах — выставки диванов,
Вдоль — лес реклам в гигантский рост.

А вот подъезд. Видать, солидный.
Решетки, ручки — в вензелях.
Знать по всему, хозяин видный,
Не исключая, при делах.

Все с виду, вроде бы, культурно.
Метла с окурками в борьбе.
Жаль во грусти — пустая урна
От невнимания к себе.

Все с виду, вроде бы, культурно.
И не по теме вывод мой:
Летят окурки мимо урны
И захламляют шар земной.

ВОРОБЕЙ

Не обладая ярким ликом,
В стране элиты гнезд не вью.
Крылом не обольщаясь Ники,
В кремлях концерты не даю.

Знать, из строптивых, малолеткой
Случалось, получал поддых
За то, что не прижился в клетках,
В покоях, даже золотых.

Не выставлюсь напоказ.
Мне ведомо коварство лиры.
Я слышал, у павлина враз
Хвост выдрали на сувениры.

Я не слышу певцом столичным.
Чирикаю, но от души.
И дорожа престижем личным
Безмерно рад, что просто жив.

Не продаемся мы поштучно,
И болтовней порой грешны.
Но согласитесь, было б скучно
Без воробьиной щебетни.

* * *

На пальце перстень, шляпа, трость,
Весь из духов и мыла.
Он в литкружке не просто гость,
Он в нем его светило.

Сплеча черкнет вам мадригал,
Сплетет венки сонетов.
Он пять романов накропал
Про Это и Не Это.

С известным обществом сам-друг,
На всяких именинах.
Гундявит по бумажке вслух
Под водку с бужениной.

Он даст советы новичку,
Сражая шеей бычьей.
Всегда бывает начеку,
Чтоб не зевнуть добычу.

Он по Есенину всплакнет,
Слизнув у друга строчку.
Он этим дышит и живет
И ходит по шнурочку.

Он знает с кем и сколько пить,
Проныра и пролаза.
Поэтом может он не быть,
А кем — поймешь не сразу.

Николай Боев
(г. Узловая)

Николай Боев родился в с. Шукавка Воронежской области. После сельской семилетки учился в ремесленном училище, в вечерней школе, техникуме, окончил МГУ им. М. Ломоносова и Высшую партийную школу.

Пятнадцать лет работал на узловском машиностроительном заводе, пройдя путь от слесаря-сборщика до заместителя начальника крупного цеха. Был журналистом газеты и радио, работал социологом НИИ, преподавателем и зам. директора техникума. Восемнадцать лет преподавал гуманитарные науки на вечернем отделении Тульского политехнического института. Работал лесорубом в Сибири, строителем на Севере и в Средней полосе России. Он автор многочисленных книг поэзии и прозы, лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого и многих других. В 2008 году удостоен звания лауреата литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

СУДЬБА ПОЭТА

*...Барьер. Наемный пистолет
Безродного космополита*

К. Симонов

1

Поэт всегда огнеопасен...
Когда на трон взойдет злодей,
Поэту путь предельно ясен:
«Глаголом жечь сердца людей».

А мы живем в стране изгоев,—
В запрете вещи слова,—
Что Пушкин, что ничтожный Боев,—
Для нас не найдены права.

В урочный час все карты биты,—
Поэт не властвует судьбой,—
Встают наемные бандиты
И остаешься сам собой.

У Черной речки дым клубиться,
Припрятан черный пистолет.
К несчастью запоздал родиться
Я, Пушкин, ровно на сто лет...

Как ненавистны всем пришельцам
 Державы мудрые пророки!
 А Пушкин — всей России сердце,
 Ее глубинные истоки.

Не бережет страна пророков,
 Всегда остудой обосенив,
 Проклятья не заслонят строки:
 Где Пушкин, Лермонтов, Есенин?

Что стало с сотнями поэтов
 Убитых, умерших в изгнание?
 Их жизнь — страшнее пистолетов,
 Но все сегодня вместе с нами!

Страна испытывает стрессы,
 В задумчивости ждет мессию.
 Но, целясь в Пушкина, дантесы
 В прицеле видели Россию.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ДМИТРИЕВА

Ах, Коля, Коля — друг мой милый,
 Ну что свело нас, что свело?
 Входило время в нас могилой,
 У каждого свое село.

Мы песни пели, водку пили,
 Читали новые стихи,
 И, в общем-то, как люди жили,
 Не громки, но и не тихи.

А жизнь жестока и сурова,
 Судьба рванула удила.
 Позвал нас голос Старшинова,
 Точнее смерть его звала.

Не мог ты вымолвить и слова,
 Не выходил из горла слог.
 Ты бормотал и плакал снова,
 Я утешал тебя, как мог.

Учителю твердил ты клятву,
 Ты чтил его, как чтут отца.
 А время собирало жатву
 Смертей и нету им конца.

Опять выкашивают поле
 Поэзии — прощай страна.

Вот и пришел к тебе я, Коля,
Пришел испить тоску до дна.

Стою печально на погосте:
Прости меня, прости меня.
А время забивает гвозди
В меня, твоей строфой звеня:

«В пятидесятых рождены,
Войны не знали мы и все же
В какой-то мере все мы тоже
Вернувшиеся с той войны».

РУСЬ МОЯ...

Русь моя — жена моя!

А. Блок

*Светлая, как невеста,
Родина ты моя...*

Н. Боев (1970)

Русь моя — моя отчизна,
Как там, классик, не крути,
Я Руси обязан жизнью,
С ней мне всюду по пути.
Вне Руси мне нету места:
Хлеб — один, судьба — одна,—
Ну какая там невеста,
Ну какая там жена?!
Пра-прадед, отец и брат мой
Все в земле от рук врага,
Им в раю открыты врата,
Русь их дело сберегла.
Этих истин что дороже
В мире зла, тревог, забот?
«...Тьмы и тьмы » на бездорожье
Погибают каждый год,
Защищая, сберегая всюду Родины исток,
Русь моя — моя родная Мать.
Вот так и не иначе, Блок...

ЯВЛЕНИЕ

Мне голос был...

А. Ахматова

«Мне голос был...» проникнуть в суть России,
Пройти ее с конца и до конца,
Глубинно пролистать века седые,
Чтоб воскресить все судьбы и сердца

Седых дружин и мальчиков Кавказа,
Погибших может даже в этот миг
В отрядах обреченного спецназа
От пуль чужих, а может, и своих.

Я ставил свечи памяти всех павших,
Да во спасенье душ еще живых.
И шли, и шли ко мне дружины наших
Далеких предков в латах боевых.

Мы улыбались радостным поклонам,
Мы обнимались крепко по-мужски.
А вот ОМОН рассеялся по склонам
Всей вере православной вопреки.

К нему пошел, платком давая знаки,
Что свой, что с чистой совестью иду,
Но из кустов ударили вояки,
От глупости приказчиков в бреду.

Я пошатнулся — ангелы прикрыли
И в сторону угрозу отвели,
Святые крылья даже опалили
И воспарили от грехов земли...

Всплакнули боги наших древних предков,
Творя молитвы от слепых угроз.
Я задыхался в зарослях сурепки
И вдруг передо мной возник Христос.

РУССКОЕ СЛОВО

Как бы ни было время сурово,
Как бы Русь ни теряла свой след,
С нами вечное русское слово
И страна — та, что вроде бы нет.
Задохнусь от просторов весенних,
От ее светозарных имен:
Пушкин, Лермонтов, Блок и Есенин
С четырех подступают сторон.
Застесняюсь, молюсь, преклоняюсь,
Зарываясь в руду с головой,
Раскопаю ту самую малость
Слово русское...

Ирина Самоцветова
(г. Алексин)

Поэтом себя не считаю, думаю, это хобби. Потому что настоящая поэзия — удел профессионалов. Все остальное — стихоплетство, увлечение, «проба пера». В каждом стихотворении должна быть глубокая мысль, заставляющая читателя думать. «Что вижу, о том пишу» — это не поэзия. Надо иметь поэтический дар или не писать вообще. Знаю по себе — пишется тогда, когда внутри чувствуешь «полет», когда стихи идут из «космоса души». Словом, когда посещает вдохновение. О себе говорить не люблю, как, впрочем, и фотографироваться, поэтому очень коротко. Печаталась в журнале «Воспитание школьника» (2004 г.), в сборниках-альманахах «НЛО» и «АЛЛО» (2007 г.), в местных газетах родного города. Отдельного сборника не выпускала — не хватает смелости, решительности, потому что не считаю свои стихи совершенными. Но потребность в самореализации есть. В моих стихах — моя душа.

* * *

Я не задумывалась раньше,
Люблю ли город свой родной.
Боялась вдруг признаться в фальши
И быть неискренней с собой.
И лишь в разлуке пребывая
С родимым городом своим
И по ночам о нем вздыхая,
Я поняла, что он любим.
Мне снились рощи золотые,
Поляны с ягодой лесной,
И незабудки голубые,
Закат и звезды над рекой.
Там на чужбине я скучала
По нашим улочкам кривым
Да в тишине порой мечтала
Вернуться вновь к друзьям своим.
Я вспоминала дом свой отчий
И храм Успенский над Окой.
Какой ваятель или зодчий
Воздвиг здесь памятник такой.
Пусть есть места светлей и краше,
Чем наш старинный городок.
Кто восхищался бором нашим,

Тот позабыть его не смог...
Я поняла, что нет роднее
И ближе места у меня.
Мне здесь надежней и теплее.
Алексин — родина моя.

* * *

Чистый источник живой,
Кладезь земного творенья!
Ты Евфросиньей святой
Нам был открыт во спасенье.
Ты исцеляешь людей,
Лечишь и тело, и душу.
Славной водою своей
Хворь и недуги затушишь.
В зной и в жару охладишь,
В лютый мороз ты согреешь.
Чудо свое сотворишь —
Боль и тоску нам развеешь.
Я припадаю к тебе,
Нежно касаясь губами,
И в своей тихой мольбе
Радость делю со слезами.
Светлый источник живой —
Вера в добро и спасенье.
Здесь Евфросинье святой
Я приношу поклоненье.

НА АФОРИЗМ ТЮТЧЕВА

Когда приходит время расставаться,
Я вспоминаю Тютчева слова.
Себя я заставляю улыбаться,
А слезы застилают мне глаза.

«В разлуке есть высокое значение»...
Я понимаю разумом слова,
А сердце не приемлет утверждение,
Оно в пылу, но стынет голова.

Себя одной я мыслью успокою,
Что будет Бог к нам милостив, и вновь
Тебя увижу, лишь глаза открою.
И будешь ты со мной, моя любовь.

Разлук я не боюсь. В них закаляю
Свою любовь, « как закалялась сталь».
Но жизнь так коротка, и я страдаю,
Теряя время без тебя. Мне жаль!

Мне жаль те дни, что без тебя проходят.
Возможно, в них своя есть красота.
Но почему-то в эти дни уходит
Из сердца радость. И душа пуста...

«Высокое значение» в разлуке
Я вижу в том, чтоб сердцу не остыть.
Все пережить — страдания и муки.
С любовью и в разлуке надо жить.

* * *

Любовь ко мне приходит чаще осенью.
Приносит радость, грусть и вдохновение.
А молодость моя уже вся с проседью.
И божьего прошу благословения.

Продли мне срок земного пребывания,
Еще не все я в этой жизни сделала.
Еще полна любви и сострадания
И тайны бытия не все извела.

Осенняя любовь бывает с горечью,
Как ягоды рябины с терпким привкусом.
И оттого, быть может, вдохновение
Боюсь я потерять, а сердце — Истину.

* * *

Ко мне ночью раз Смерть приходила,
А зачем, я ее не спросила.
И она ничего не сказала,
Только молча с улыбкой стояла.
Я Молитву в испуге шептала,
А она все стояла, стояла...
Я не знаю, как долго все длилось,
Снилось это мне или не снилось.
И душа из груди вырывалась,
Только с Жизнью она не прощалась...
Мой Хранитель Небесный спустился,
И кошмар этот в миг прекратился...

Утром сонник открыла в тревоге —
Видеть Смерть — это к дальней дороге.
Будет жизнь моя долгой. Я знаю.
Пред злодейкой я дверь закрываю.

Валентина Никитина
(г. Тула)

ПАМЯТЬ ПОМНИТ ЛУГ ЗЕЛЕНЬЙ

* * *

Память помнит луг зеленый,
Пару лошадей гнедых.
Взгляд печальный, опаленный
Двух мужчин немолодых.

Самокрутки закурили,
Вспомнив давние года.
На каких фронтах служили
Были ранены когда.

А рубашки поистлели
На веселых добряках:
Шрамы на груди пестрели...
И мозоли на руках.

Дома хлебушка краюшка
Лук зеленый да свекла,
Плохо крытая избушка;
Печь, что пироги пекла.

Но они не горевали,—
Рядом воля, лес, река,
Звонко песни распевали
Да плясали трепака!

И страдали, и влюблялись
Горькой доле вопреки;
Ливнем, снегом восхищались,
Звезд считали у реки...

Они по-своему любили
Умели честью дорожить,
И верно Родине служили,
Готовы жизни положить.

Пред ними голову склоняю,
Пред ними падаю я ниц;
Душой и сердцем вспоминаю
Прекрасный образ этих лиц!

Минула грозных войн стихия,
Так будем же достойно жить!
Живет и здравствует Россия!
Ей будем, как они, служить!

* * *

Опять раздумья и тревога.
Приснился снова Отчий дом,
Травой заросшая дорога,
Герань, цветущая кустом.

А у крылечного порога,
Под кронами цветущих лип,
На длинной лавке, как пирога,
Сидел мой старый друг Филипп!

Лихие кудри поседели,
В глазах застывшая слеза...
Загадочно шептались ели...
Он вспомнил юность: «Егоза!...»

Моя душа судьбой ведома,
Капризам жизни вопреки,
Остановилась я у дома,
Чтоб встретить утро у реки.

Душа на родину вернулась,
И отошла печаль моя:
К березке с кленом прикоснулась,—
Все стало на круги своя.

По небу солнце расплескалось.
Строкой промчались облака.
Мне ничего не оставалось,
И прошептала я: «Пока!»

Ну что ж, пока, до новой встречи,
Когда за праздничным столом
Зажжем торжественные свечи,
За здоровье души споем!

К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

Виктор Греков
(г. Белев)

...БЫЛ ЭХОМ РУССКОГО НАРОДА

Пушкин в нас! — и это безраздельно. В нас Пушкин как дух национального, словно земное притяжение, но и как корневая превечность всего растущего, как связь с материком русскости во всех гранях необъятной во времени Руси.

Он — в пышном дворце и в лачуге убогой, он в сердце пламенного юношества и в непреходящей молве, он в громе победы и в слезах огорчения от неудачи... И да простят мне крамольное (когда предстоит превысить свои полномочия): а что если он, Пушкин наш, тем и велик, что духовно национален, а все что сверх того, то — «от лукавого...»?! То есть, первично, все-таки, это состояние души народного певца, но в неразрывной связи с судьбой отчизны, с думами о русском человеке во всей многомерной полноте его исторического развития.

В нем привычны,— и потому естественно гармоничны,— и удаль молодца, и кроткость природная совестливого богатыря, какого-нибудь былинного Добрыни Никитича или Алеши Поповича, а то и вместе взятых: все ему впрок, как заметил бы в простосердечии рязанец или пскович, туляк или вологжанин.

Он выявлял поэтическим словом как литературным инструментом исконное в русиче, глаголом жег сердца людей и беззаветно любил родину свою, которую Сергей Есенин в сыновнем чувстве отеческого воспел как «Шестую часть земли с названием кратким Русь». И это было в Пушкине органично, как соль земная, это было обетованно, неподдельно, как молоко матери. А всему мерой — его совершенство; и, конечно же, совершенство, ниспосланное свыше. Всем невдомек, что он, без клятвенных заверений, без фарисейски внешней святости чувств, абсолютно не декларируя, но запросто, едва ли не походя, обронил, а на самом деле, будто кровью расписался: «Никогда бы на свете не переменял отечества...»

Поверьте, такими изречениями не жонглируют — как говорится в народе, «красного словца ради», — но такое высекается на живой тверди резцом чувств,— кровотокащими буквами... Это также, как в минуты роковые, крестьянский вождь Пугачев в «Капитанской дочке» роняет расхожее для простолюдина, но такое расхожее, которое чрезвычайно дорогого стоит: «Казнить так казнить, миловать так миловать!»

Ну, скажите, где еще, когда и в какой другой народной гуще могло бы родиться это, сакраментальное, а в то же время по-шекспировски непостижимое во все време-

на и архисовременное вместе с тем? Согласитесь, ведь это из первых рук народной мудрости; это почерпнуто из первоисточника; это взято от животворного корня нашей родительской почвы,— от первозданного в нас...

А его «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»? — особо-то и не растиражированное вовсе? А?! Особенно-то и не избалованное вниманием строгой критики — в прошлом и сегодня?! Что это? Ужель всего лишь путевые записки праздного путешественника? Отнюдь!.. Буквально берет тебя,— нынешнего, сытого и успешного,— будто горячими щипцами хватает из того, самого-самого, жаркого у границ России,— мятущегося и мятежного края, из первой четверти девятнадцатого века, и вот сатанински терзает душу твою сегодня, именно сейчас: «Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей лени в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты». Поверьте, если вдуматься хорошенько, это не может не бросить в жар и в трепет,— не может!!!

Это не может не потрясти в его «Путешествии в Арзрум» происходящим с каждым из нас будто бы сейчас, сиюминутно, и каждое слово его ранит, но, однако, и само (если можно так выразиться) оно чрезвычайно р а н и м о! Вчитайтесь, пожалуйста, и вы не пожалее: «Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе; женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам».

И уж вовсе приводит вас в трепет то (из пушкинского прошлого), что непреходяще, живи хоть тысячу лет: «Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному Аге-Мохамеду взять и разорить Тифлис и 20000 жителей увести в плен (1795 г.) Грузия перешла под скипетр императора Александра в 1802 г.»

* * *

Поищите,— со всей тщательностью пристрастного недоброжелателя,— хотя бы штрих политики, иль что-либо этакое из опусов о праздном якобы времяпрепровождении, и,— уверяю вас,— вы не обнаружите ни на гран чего-нибудь похожего. Поэт глубоко национальный записал для нас чувства ярких впечатлений человека вдумчивого и обстоятельного, готового поделиться думами об увиденном, а главное, владеющего пером острым, к тому же зрением пытливым и зорким. Причем, обладающим редкими способностями расположить к себе как к рассказчику своего читателя и своего собеседника. Иллюстрацией к тому его на редкость лаконичное: «Грузины народ воинственный»... Каково? Ну, чего же боле? Чего же? К тому же рядом с этими словами автор поставил не менее емкое, будто отшлифованное искусным ваятелем: «Они доказали свою храбрость под нашими знаменами». Ну,— уж прости меня Господи,— к чему лукавить? — комментарии, как говорится, излишни...

* * *

«Путешествие в Арзрум» — это словно и еще один «Часовой пояс» бурной жизни поэта, темперамент которого многое вместили в сферу беззаветной любви к Отечеству и преданности идеалам вольности, к ценностям воспетой им Свободы, и к тому же обреченного быть опальным в Империи. Порой создается впечатление, что определенный ряд из его вершинных творений, это не пером написанное, а высеченное кремнием чувств и кресалом мысли:

*Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа...*

Наверное, не случайно Иван Сергеевич Тургенев, сам подлинный писатель-русак, заметил однажды: «Несмотря на свое французское воспитание, Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени». Признаться, замечание очень дорогого стоит. Очень...

Но есть в дистанции этого нового для него «часового пояса» бурной жизни часть того маршрута, на который он, как нам представляется, буквально рискнул, оставаясь и на тот момент путевой жизни о п а л ь н ы м. Первая строка его «Путешествия в Арзрум», будто знаковая, хранящая тайну этого «часового пояса», гласит: «Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал, таким образом, 200 верст лишних; зато увидел Ермолова».

С какой, спрашивается, стати ...эти «200 верст лишних», когда «почтовым дорожником» отклоняться от маршрута было (тем более ему, вечно опальному, тем более в полицейском государстве!) и опасно, и, как говорится, не с руки? И это (уж простите) чрезвычайно тонко продуманное автором, наловчившимся обводить вокруг пальца лукавых соглядатаев личной его жизни — «з а т о»? Есть над чем поломать голову, а? Ох уж это загадочное «зато» вместо «чтобы».

Вдумайтесь, пожалуйста. Уж если, согласно нормам синтаксиса и прочим правилам языка, строить предположение, подчиняя смысл информации факту, а (факт, это, конечно же фраза: «увидел Ермолова»), то следовало бы написать не «зато», а — «чтобы увидеть Ермолова». Не так ли?

Таким образом, в первоначальной строке уже был заложен заряд интриги энергичной фразой — «200 верст лишних», смысл которой обнаруживает для довольно не случайного путешественника зашифрованную фразу: а во имя чего этот крик? (Едва ли не очертя голову!!!) — по жутким после весенней распутицы, в хлябь и непогоду апреля месяца, по российским дорогам, где и ныне-то, в XXI веке, чуть в сторону от трассы — без трактора н е п р о л а з н о... даже на современном автомобиле?! Он же, Александр Сергеевич, слукавивший пред полицейскими надзирателями, сам же в «Путешествии» и признался: «До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось проехать не более пятидесяти верст».

С чего бы вдруг пуститься, накануне сватовства, в неведомое? Если чисто обывательски-то, а? С чего бы нетерпение оказаться на Кавказе? Или же, какое-такое тайное желание погнало его в дальнее странствие?... Однако есть, ох, есть же в этом ключе одна замета...

...Итак, спустя год (5 апреля 1830 г.) в письме к матери своей невесты Пушкин писал: «В ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? Клянусь вам, не знаю, но какая-то произвольная тоска гнала меня из Москвы, я бы не мог там вынести ни вашего, ни ее присутствия». Вот так-так... стало быть! Весело, нечего сказать.

Но тем временем, поездка случилась, и он — «з а т о увидел Ермолова». Не можем ли предположить, что Пушкин сознательно утаивает более важный смысл своего якобы бегства из Москвы, — именно «на Белев»?!? Почему? Дело в том, что ровно три года тому назад, в ночь с 3 на 4 мая, на пути из Таганрога в столицу скончалась в Белеве императрица Елизавета Алексеевна.

Да-да, государыня, которой было посвящено поэтом, ряд за рядом, немало стихотворных строк: разве этого недостаточно, чтобы вывести некую формулу отношений в свете?

*Но признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский рок шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Е л и з а в е т у в тайне пел.
Небесного земной свидетель,*

*Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.*

(1818)

«Не каждое лыко в строку!» — говорят в народе русском, но в нашем примере сами строки поэта ложатся в русло выстроенного нами течения живой и многоструйной легенды, а может быть, и м о л в ы. Стихотворение Пушкина посвящено лицу, попечительницей которого как раз и была государыня императрица Елизавета Алексеевна, и где возрастали молодые дарования дворянской культуры России. Такое не повторяется, как неповторим гений Пушкина, и его идеал красоты, его музы.

*В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья;
Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.
Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.
Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса,
Но я вникал в ее беседы мало.
Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.*

* * *

Не погрешим уж особенно против истины, если скажем, что однажды определившийся, — не без монаршей воли, — маршрут следования государыни императрицы Елизаветы Алексеевны (именно «на Белев») стал со временем буквально практическим, — если не повседневным. Им воспользовалась Мария Федоровна, мать покойного императора Александра I, в тот же, кстати, роковой час для Елизаветы Алексеевны. По нему, но в обратном направлении, помчал Пушкин. И еще не известно с полной достоверностью, а так ли ему уж и важно было у д а л и т ь с я на Кавказ, нежели предпочесть посещение того пункта на путях судьбы, где остановилось сердце государыни, музы его, Елизаветы Алексеевны, и отлетела ее душа?!.. Ведь представишь только, и тотчас трепет охватывает душу: он прибыл в место кончины ее ровно три года спустя, — едва ли не в те же минуты, когда по православному установлению церковь наша православная поминает усопшую рабу Божию Елисавету.

А затем воспользовались тем же путем другие лица царского двора, и в частности цесаревич, будущий царь-освободитель Александр II не преминул посетить эти благословенные места.

«В 1834 году, 19 сентября, — как пишет о том исследователь истории Тульского края И. Ф. Афремов (1794—1866), — император Николай Павлович, следуя по Калужскому тракту, в первый раз удостоил своим проездом город Белев — по тракту на Орел. На возвратном пути, того же месяца, на 28 число, в первом часу ночи, государь император изволил вторично ехать через Белев по тракту на Калугу».

«1837 год, октября 18 дня, в час пополудни, государыня императрица Александра Федоровна с Великой княжной Марией Николаевной, осчастливила высочайшим

присутствием своим город Белев и остановилась в доме 1-ой гильдии купца И. Н. Бунакова. В тот же час изволила посетить Вдовый дом и в церкви онаго служить панихиду по Венценосной покойной». («Тульские губернские ведомости». 1844 г.)

(Примечание: дом, в котором скончалась Елизавета Алексеевна, «вскоре,— как пишет П. М. Мартынов (1828—1895), педагог, краевед,— был приобретен правительством; в нем оно в память почившей устроило Вдовый дом для призрения ...»)

* * *

Так вот, а что если, при всем при том, не менее важной причиной сосредоточения внимания царского двора, и тем более культурной, творческой общественности, (разумеется и ученика его, А. С. Пушкина!) стало то, что Богу угодно было, чтобы в трех верстах от Белева, в с. Мишенском, родился наш Жуковский?.. Волею божией поэт, наставник будущего царя-освободителя, кудесник слова и создатель нового направления в отечественной литературе, как и в целом в искусстве — романтизма!

...Но в контексте нашего рассказа, высветим и взглянемся попристальнее в первичное, или,— если угодно,— в главенствующее, с тем чтобы еще раз воочию убедиться, что отношения Жуковский — Пушкин находятся в сфере исключительной. И не только по тому признаку, что Василий Андреевич был как бы предтечей, предъявлением в нашей литературе гения. Суть в том, что Жуковский пестовал своего ученика, открыв в подопечном гармонию духа, и духа национального; по тому еще признаку, сугубо российскому, что трагическая судьба поэта как надежды отечественной литературы свела его в могилу прежде, чем пробил час, и что именно Учитель его, Жуковский, закрыл глаза непревзойденному ученику.

Представляется, что в этом-то контексте и высвечивается примат не столько сложного, но, сколько невообразимого для ума рационального.

Во всяком случае, на протяжении многих лет, сколько бы ни пытались рациональные умы подогнать все это под хрестоматийные каноны,— все у них пока тщетно,— увы! — ведь едва ли кому из исследователей удалось заглянуть в святая святых этого феномена, будто он вне границ и рамок обыкновенного, земного, сущего.

* * *

Допустим, и даже согласимся с тем, что Пушкин постиг как ученик «святая святых» литературного совершенства благодаря своему таланту и дарованиям Жуковского как педагога, добротнo истолковавшего основы учения о прекрасном, но где, когда, в какие минуты творчества он, Пушкин, усвоил Азбуку Национального Чувства? Народного? Русскости, наконец?

Вот, как нам это видится, парадигма всего силового поля творчества одного и другого гениев наших. Они на этой орбите — вдвоем в нашем Отечестве; и — превечно одиноки в космосе божественного совершенства; и некого, третьего, поставить рядом в этом пространстве.

Примеров простонародного даже близкого, а вернее — приблизительно напоминающего народное,— хоть пруд пруди. И это и в прозе, и в поэзии, и, уж тем более, в драме, но того, что только лишь по божьему промыслу — только и, единственно,— у них. А собственно, поди, Пушкина и вообще и не превозмочь, и не постичь!..

Бытует мнение, достаточно не беспочвенное, что в современных произведениях народность проявляется, преимущественно, в так называемых массовых сценах. Поэтому, избегая иллюстративного из «народных сцен» «Бориса Годунова», обратимся к изначальному в пьесе. Итак, «Кремлевские палаты», монолог Бориса:

*Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!*

Тирада, достойная римских цезарей: в ней многое у Пушкина для нас, читателей, как бы «между строк»; царедворец знает, что вещает, только вот сам слог произносимого обнаруживает излишнюю торжественность чрезвычайно опытного интригана,— ежовые рукавицы правления уже заготовлены, и не про запас, а с умыслом. А тем временем, автор изобличает в Борисе и фарисейское:

*Наследую могущим Иоаннам —
Наследую и ангелу-царю!..
О, праведник! О. мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье!*

И, тотчас, как говорится, сходу, продекларировал,— клятвенно Годунов заверил... О, мир человеческих страстей и злокозны жаждущих власти, ибо все в них и не от дьявола вовсе, как нарекли, но — ч р е в н о е, природное, врожденное и тлеющее в страстях до своего часу!

*Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.*

От рождения Христа, из эпохи в эпоху, что изменилось, казалось бы, в потоке времени? А от проступка Каина? — что, в свою очередь? А между тем Борис вещает:

*От вас я жду содействия, бояре,
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.*

Казалось бы, все оценили, просчитали и взвесили на весах княжеско-боярской думы, как им поступить, но вложенное в уста Юродивого, Николки, оброненное им, как та же монетка-копеечка в пыль дорожную, одномоментно, будто магниевая вспышка молнии, все прояснила в сознании толпы: «...нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит». И что же? А то, что все сугубо выстроенное царедворцем с таким умением, рухнуло в одночасье.

Что здесь примечательного и в этом аспекте превосходного? — То, что Пушкин, интуитивно, а именно природой художественного мышления, ощутил, как бы осязаемо, что означает для русского образ Пресвятой Богородицы. Для православного христианина на Руси Богоматерь — это не только лишь высшая божья сила, где-то там на Небесах, но — Заступница, но — Охранительница и Любовь нескончаемая — ныне, присно и во веки веков. С тем рождается русич, с тем и уходит... Но в этом и высшее счастье его, православного по гроб и во гробе.

* * *

Наверное, можно бы было привести много других прямых и опосредованных фраз, в том числе и сказанных все тем же Николкой-юродивым, но вот эта,— (гениальное в крошечном),— подсказана самой музой поэта; и вырвалось это со дна души, из глубинного в сознании русского поэта. В этом было и есть высшее совершенство,— то есть, его народность!

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТУРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОРОДОВ РОССИИ

СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОЕ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «СВИТОК»

Новую рубрику, расширяющую географию наших публикаций, начинаем с литературного объединения «Свиток» из города Сергиева Посада — исторического и духовного центра русского православия. Стихи руководителя объединения Александра Ананичева см. выше.

ТАМАРА АЛЕКСАНДРОВА (г. Сергиев Посад)

Родилась в 1954 году, член Союза писателей России, член литературного объединения «Свиток», автор поэтических сборников «Тихая осень» и «Песня о доме». Публиковалась в центральной и местной печати, а также в нескольких коллективных сборниках. Учитель русского языка и литературы средней школы дер. Самотовино Сергиево-Посадского района. Дипломант и лауреат поэтических конкурсов «Посадская лира», «Пастернаковское лето», «Сердце России». Член отборочной комиссии конкурса «Посадская лира — 2008».

* * *

Молчат стихи,
Как крик, зажатый в горле.
Молчит душа.
И спит земля во мгле...
Но знаю я,—
Под снегом дышат корни,
И дремлет колос
В чуткой тишине...
Весна
Его цветение разбудит.
Прекрасный миг!
Он — жив!
Он снова любит!..
Так вдохновение
Живет во мне.

ЛЮБОВЬ БАКУЛИНА

(г. Сергиев Посад)

Родилась в 1946 г. Член Союза писателей России, председатель «Общества книголюбов «Радона»», член литературного объединения «Свиток», автор нескольких книг, призер поэтических конкурсов и фестивалей, проводимых в Сергиево-Посадском районе, автор идеи и организатор открытого поэтического фестиваля «Светлый миг», посвященного памяти В. Н. Сосина. Публиковалась в центральной и местной печати, а также в альманахе «Песня за Отечество и веру!» (2007), сборниках «Посадская лира» (2006) и «Пастернаковское лето» (2006).

МОЯ РОДИНА

Дом — это место, где лечатся раны,
Дома священны тепло и уют,
Дом — это счастье общения с мамой,
Дома нас любят, жалеют и ждут.

Как беспокойно быть с домом в разлуке,
Мысли о доме сердца бережат.
Снятся нам мамины добрые руки
И всепрощающий ласковый взгляд.

Жизненный путь, он то сладок, то горек,
Смешаны слезы со светлым дождем.
Зов ностальгический трепетно стоек —
Родина там, где родительский дом.

АЛЕКСАНДР ГОЛУБЕВ

(г. Сергиев Посад)

Отставной военный инженер, кандидат технических наук, поэт и прозаик, эксруководитель литературного объединения «Свиток». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Форум» и «Литературные незнакомцы», в сборнике «Братина», в альманахе «День поэзии — 2000», в антологиях «Поэты Сергиева Посада. XX век» и «Душа России», в газетах «Российский литератор» и «Русская Америка», в местной периодике. Лауреат и призер поэтических конкурсов «Посадская лира» и «Пастернаковское лето». С 2000 г. член отборочной комиссии и оргкомитета «Посадской лиры». Член редколлегии компьютерного журнала «Слово СВИТКА». Участник разработки лит.наследия С.Волкова, А.Чикова и В.Сосина. Автор книги «Свеча негасимая» (Сергиев Посад, 2003). Член Союза писателей России.

*Икона Троицы вносилась в Свято-Данилов монастырь
на время переговоров по разрешению кровавого конфликта
осенью 1993 года, но, говорят, вскоре «заболела» сама.*

Икона привела нас к примиренью
И обрести согласие помогла,
Сама же... трещинки на лике обрела
Поскольку мы, к стыду и сожаленью,
Не так, как должно, взялись за дела.
Ведь трещинки на лике — в слое краски —
Есть продолженье пропастей земных,
Нас делящих на лагеря и касты,
Чтоб кто-то, разделив, прорвался к власти
Не пощадив ни близких, ни родных.
Ведь смута в душах, как во время Оно
И много позже, вновь уже бурлит,
А трещинки на лике святом — стоны,
Идущие неслышно от иконы,
Душа которой от беды болит...

ЛИДИЯ ДИНУЛОВА
(г. Сергиев Посад)

Библиотекарь на пенсии, поэт. Стихи ее публиковались в сборнике «Братина», в альманахе «День поэзии — 2000», в антологии «Поэты Сергиева Посада. XX век», в журналах «Форум» и «Литературные незнакомцы», вошли подборкой «Голос сердца» в сборник «Его именем названа библиотека» (Сергиев Посад, 1998), печатались в «Литературной газете», в газетах «Российский писатель» и «Русская Америка», а также в местной периодике. Обладательница приза «Радонежье — мое вдохновение» на конкурсе «Посадская лира» (2005, 2008). Неоднократно участвовала в работе отборочной комиссии конкурса. Была и членом жюри конкурса «Пастернаковское лето». Автор книги стихов «Жизнь как есть» (Сергиев Посад, 2002). Ветеран литературного объединения «Свиток». Член Союза писателей России.

* * *

Жалеть себя? — Смешно и глупо.
Я говорю себе: «Не смей!»
Пусть жизнь отмерила не скупю
Мне горьких и тревожных дней.
    Что жизнь моя на фоне общей
    Такой нерадостной судьбы,
    Где старики тихонько ропщут
    И угасают без борьбы.

...Опять в деревне. И одна...
Дождит. И протекает крыша.
Мне грустно видеть из окна,
Как дождь листву дерев кольшет.
Они промокли до корня,
И дом мой мокнет и дряхлеет.
Жалею дом. Но и меня,
Наверно, кто-то пожалеет.

ОЛЬГА КИСЕЛЕВА
(г. Сергиев Посад)

Родилась 7 апреля 1964 года. Образование высшее, педагогическое. Работает воспитателем в детском саду № 37. Член литературного объединения «Свиток» с 2001 года. Дипломант и неоднократный лауреат ежегодных поэтических конкурсов «Посадская лира» и «Пастернаковское лето». Публиковалась в международном журнале «Форум» (2007 год), в сборниках «Посадская лира — 2005 (издательство «Весь Сергиев Посад»», «Пастернаковское лето» (издательство «Все для Вас Сергиев Посад» — 2006 года) и в журналах «СЛОВО СВИТКА».

ПУШКИН ЛЕТОМ 1831 ГОДА

Жарило холерное то лето
Тридцать первого, пекло, что было сил.
Ах, какое счастье для поэта:
Он жену, как божество любил.
И блаженство только начиналось,
Что гостило в их семье шесть лет.
Царственная пара не встречалась,
В камер-юнкеры не жалован поэт.
Чудо-женка, чистая мадонна,
Дома с книгой, не представлена двору,
И судьба к поэту благосклонна:
Радости простые поутру
В дом являла скучной чередою:
Плаванье, на завтрак варенец,
Из крыжовника варение с водою,
Что же больше мог желать певец?
Век бы жить без тещи, экипажа,
Пешие прогулки вечерком;
И совсем не нужно эпатажа,
Чтоб жена входила в модный дом,
Чтоб блистала в нем звездой и загадкой —
Ей ли, ангелу, все взоры услаждать?
Не было б потребности несладкой

Честь свою и честь жены спасать.
Что же делать? Что случилось, то случилось;
Ход истории назад не повернуть.
Лето тридцать первого лучилось,
Терном весь увитый начат путь.

СВЕТЛАНА КУЗЬМИНА

(г. Сергиев Посад)

Родилась в 1976 году в городе Хотьково. Работает художником по рекламе в Сергиево-Посадском РАЙПО. Член литературного объединения «Свиток» г.Сергиев Посад, член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Кленовая мозаика» (2003 г.), «Неправильный соловей» (2004 г.), «Два Я» (2005 г.), «Между двух зим» (2006 г.) «По кромке Млечного пути» (2008 г.) Публиковалась в газетах «Вперед», (г. Сергиев Посад) «Сергиевские ведомости» (г. Сергиев Посад), «Русская Америка» (США, Нью-Йорк), в журналах «Литературная учеба» (г. Москва), «Форум» (г. Москва), «Литературные незнакомцы» (г. Москва), «Кстати» (г. Сергиев Посад), «Слово Свитка» (г. Сергиев Посад), в альманахе «Песня за отечество и веру» (г. Сергиев Посад), поэтических сборниках «Посадская лира» (г. Сергиев Посад), «Пастернаковское лето» (г. Сергиев-Посад). Лауреат поэтических конкурсов «Посадская лира», «Пастернаковское лето», II православно-патриотического фестиваля «Сердце России» (в номинации — поэзия).

НА МОГИЛЕ МАМЫ

Унизан хвощ рососою до макушек.
На кладбище такая благодать!
Ты знаешь, здесь не хочется страдать
Под тщетное пророчество кукушек,
Которым век мой вряд ли угадать.

Теперь ты здесь меня, как прежде, ждешь.
Прости, не по погоде я одета.
На часиках в траве начало лета,
А небо сыплет колкий мелкий дождь,
На всем стирая дымкой яркость цвета.

Насквозь промокла, вот и все дела.
Хотя в душе давно засела сырость.
Вползла туда и даже не спросилась,
Еще тоску вдобавок привела.
Зачем они душе, скажи на милость?

Прости, во многом ты была права.
Увы, прозренье горю не поможет.
Стою, и что-то исподволь тревожит.

В ногах забито сгорбилась трава,
А сверху дождь листву нещадно гложет.

Вбирают влагу темные кресты.
Скорбит июнь, пропахший прелым лесом.
Уйду, и будешь вслед глядеть мне ты,
Застыв у некой призрачной черты,
Сливаясь в дымке с дождевой завесой.

ИВАН МУРАВЬЕВ

(г. Сергиев Посад)

Родился в селе Зеленые-Горы Нижегородской области в 1940 году. Кандидат технических наук, доцент — научный сотрудник в области ракетно-космической техники. Живет и работает в городе Пересвете Сергиево-Посадского района Московской области. Участвовал в городских поэтических конкурсах, публиковался в местной и центральной печати. Автор трех поэтических сборников: «Мозаика» г. Ростов-на-Дону, МП «Книга», 1999 г.; «Бьется мысль» г. Сергиев Посад, ООО «Все для Вас», 2001 г.; «Буду верить» г. Сергиев Посад, издательство «Весь Сергиев Посад», 2005 г. Творчество представлено в сборнике «День поэзии» г. Москва, «Русский Мир», 2001 г.; во Всеобщей энциклопедической антологии «Душа России» г. Москва, издательство РБП, 2004 г. С 2003 г. — член Союза писателей России. В настоящее время работает над новым сборником стихов, написанных после 2004 года.

«ЧАЙ»

Есть слова, что милы с детства,
словно в паспорте строка.
Никуда от них не деться,
хоть Россия широка.
И у нас, нижегородцев,
есть свое словечко «чай».
Бабы сплетни у колодца
чаем льются через край:
«чай», смотреть не стыдно людям,
«чай», ему-то все равно,
этот — словно прыщ на блюде,
«чай», у них любовь давно.

* * *

Теплоход пыхтел и долго
полз волне наискосок.
«Широка, но, чай, не Волга», —
слышу женский голосок.
Взгляд скосил на профиль тонкий,

двинул влево каблуки,—
улыбнулся я девчонке:
«Чай, наверно, земляки?»
Ну, а волны, словно танки,
хоть гранатой их встречай,—
не хотят, чтоб у волжанки
с губ слетал вот этот «чай».

* * *

Слово волжское. И баста!
Та особенность мила.
Говорят в деревне часто:
«Чай, корова-то пила?»
Слово то — тепло привета.
Слышу «чай», и в горле — ком.
Я впитал словечко это
с материнским молоком.
Мы живем с родимым «чаем»,
«чай» услышим, — встречу ждем.
С «чаем» мы не подкачаем,
никого не подведем.

ЛЮБОВЬ ЛУКАШИНА

(г. Сергиев Посад)

Родилась 19 марта 1981 г. в Сергиевом Посаде. Учитель истории и обществознания Сергиево-Посадской средней школы № 11. Член Союза писателей России. Член литературного объединения «Свиток» с 2000 г. Автор 3-х поэтических сборников: «Полетели!» (2002 г.), «День Ангела» (2005 г.), «Надежды лучики бесценные» (2008 г.). Публиковалась в центральной и местной (Сергиево-Посадской) печати, а также в сборниках «Посадская лира» (2006 г.) и «Пастернаковское лето» (2006 г.), «День Поэзии-2000» (Москва, 2000 г.), альманахе «Поэтический олимп» (Москва, 2003 г.). Лауреат общероссийской молодежной премии «Эврика» (2008 г.) в номинации «поэзия». Лауреат II премии православно-патриотического фестиваля «Сердце России» в номинации «поэзия» (2008 г.). Неоднократный дипломант и лауреат ежегодных конкурсов, проводимых в Сергиевом Посаде.

ЧТО НАМ ОСТАНЕТСЯ ОТ ЛЕТА?

Супругу

А лето катится под горку,
Устроив ягодный салют.
Подставь ладони и ведерко
Скорей, не то дожди польют,
Все краски перекроют серой,

Что нам останется тогда?
Не так уж мало. Будет вера —
Переживем и холода.
И ты придешь в промозглый вечер
И скажешь: «Зонтик посуши».
Заглянет лучик первой встречи
В укромный уголок души.
Он высветит для нас березку,
Овраг, Кукуевку, ручей,
И клюквенной зари полоску,
И вздох, и сбивчивость речей,
И молчаливого ответа
Прозрачность, и цветы в руках,
И краткое, как вспышка, лето,
И вкус малины на губах.

ВЕРА ЕВДОКИМОВА

(г. Сергиев Посад)

Родилась 15 мая 1935 г. в г. Ярославле. На сергиево-посадской земле живет с 1958 г. Неоднократный лауреат конкурсов, проводимых в Сергиевом Посаде,— «Посадская лира», «Пастернаковское лето». Лауреат российского конкурса им. Н. Рубцова «Звезда полей», Москва, 2003. Участвовала в редактировании нескольких поэтических книг, а также в составлении и редактировании литературно-художественных сборников «Литературный Пересвет», Сергиев Посад, вып. 1 (2004) и 2 (2008). В сергиево-посадских изданиях публиковалась с 1976 г. (стихи, рассказы, очерки). Стихи публиковались в московских журналах «Юность», «Форум», «Литературные незнакомцы», в юбилейном «Дне поэзии-2000». Член Союза писателей России.

СУББОТА

Памяти Веры Николаевны Поповой

Какой-то слабый звук разбудил: стук ли в коридоре, легкий ли треск обоев, но она сразу же отошла от сна, потянулась, повернулась на левый бок, чтоб взглянуть на часики, висевшие на книжной полке,— старые ручные часики.

— И времени-то немного, чего это я всполошилась. Вот дуреха... И муж еще спит крепко.

Мысли медленно набухали, выстраивались в очередь. Так. Что у нас сегодня? Суббота... Простая эта истина вдруг повергла ее в изумление и смятение.

— Суббота? Суббота... Самый желанный день недели. Как это я вчера не почувствовала кануна ее? Ах, да, когда сидишь дома — суббота не выделяется. Мысли ускользали, а она пыталась собрать их и направить в одну сторону: откуда суббота, почему именно она?

...В субботу Надя встречает папу далеко от дома, на полпути с работы. Еще бы! Завтра в первый раз он обещал взять ее с собой за грибами. Он уже не раз уходил на

раннем рассвете, когда дети спали, а в обед мама ставила на стол большую сковороду жареных грибов с картошкой и луком. Необыкновенно вкусно! Так хочется увидеть, как растут эти красивые и вкусные грибы. После ужина — подготовка к завтрашнему походу. Папа проверяет надежность корзин, заделывает наметившуюся на дне дырку в большой, маленькая пока цела, правит лезвие ножики. Достает резиновые сапоги, старый плащ. Мама заставляет Надю примерить на ботинки калошки — так и есть, оказались великоваты; чтобы не сваливались — мама подложила в носки клочки газеты. Надя беспокойно подбегает к окну, смотрит на тускнеющий закат и темнеющее небо: только бы дождик не собрался ночью! «Найду ли я хоть один грибок, может, они прячутся?» — в тревоге думала Надя, засыпая, и тут же слышала мамин шепот: «Она устанет, утром холодно, трава сырая», а папа отвечал тихо: «Я обещал, мы пойдем в ближний лес, к Носкову».

А утром мама будит Надю, она не в силах разомкнуть веки, поворачивается на другой бок, тогда мама тихо спрашивает: «Не хочешь идти за грибами?» Тут сон вспорхнул, Надя вскакивает, мама помогает ей одеться, кладет в корзинки куски хлеба с огурцами. Брат и сестренка даже не пошевелились, спят крепко. Надя поеживается, к утру сыrovато и прохладно. Тепло станет позже, когда мама истопит печку, а над поленницей во дворе солнышко поднимется. На улице тихо, еле различимые в тумане две фигуры движутся из центра по деревянным тротуарам. Наверное, тоже за грибами, куда ж еще в такую рань? Даже барабанки пастуха еще не слышно, не выпускали хозяйки коров в стадо. Окончательное избавление от спросонья пришло, когда вышли за больницей на дорогу, ведущую ко льнозаводу. Роса в поле за городом обильная «Дождя сегодня не будет», — сказал папа. Надя шагала бодро. Когда попадались на пути большие лужи, папа сажал ее на закрошки. Вот и опушка леса. Дорога стелется дальше, к Малому Починку, а папа сворачивает влево, по узкой тропинке. Подошли к изгороди, отделяющей выгон от покосов, осторожно перелезли через мокрые жерди. Трава хлещет по ногам, чулочки начинают намочать. Папа наклоняется, срывает серый грибок на тонкой ножке. Рядом много таких же.

— Эти грибы нельзя есть. Поганки. Запоминай их.

Под ногами уже — мягкий мох, тропка круто поворачивает вправо, небольшая полянка.

— Гриб вижу, еще один! — звонко кричит Надя. Папа похвалил:

— Молодец. Большой с красной шляпкой — подосиновик, а маленький с серой — подберезовик.

Папа рассказывал про каждый гриб. Все они были разные. Особенно Наде понравились мохнатенькие розовые волнушки.

Папа лукаво улыбается:

— Вот под этой елочкой сидит белый гриб и тебя дожидается. Подними ветку — увидишь.

Надя с азартом кидается к елке, неудобств от мокрых чулок уже не чувствует, поднимает ветку, а под ней — три красавца рядом.

— Папа, смотри, там не один, как булочки!

Быстро набрали корзины, ноги устали, но уходить не хотелось. Попутно срывали чернику и костянику, брусника начинала розоветь. Обрато Надя плелась вяло, так хотелось, чтобы папа посадил ее на закрошки, но в руках у него была корзина, в которой грибы едва умещались, и он подбадривал дочку, ведя ее за руку. Брат и сестра только еще проснулись, когда они вернулись домой, а мама почему-то тихо сказала: «А я думала — ты не любишь детей...»

Когда это было? Давно. До войны. До школы.

...После проводов папы на фронт не стало суббот. Все дни были голодные и печальные, хотя в иных оттенках они могли разниться, особенно летние и зимние.

Правда, бывали чудные вечера осенью и зимой, когда мама давала по горсточке вкусного овса: сначала она распаривала его в русской печи, в чугушке, потом подсушивала на противне, до чего же вкусным он становился! При свете коптилки мама читает вслух. Спит только маленькая Лена. Зосе 5 лет, но она тоже внимательно ловит каждое мамино слово — о путешествии Нильса с дикими гусями, потом про Каштанку, про Серую Шейку, про Дюймовочку... Когда мама делает маленькую паузу, чтобы прожевать овсяное зернышко, дети дружно кричат: «Дальше! Дальше!»

Обозначилась суббота в военные годы, когда началась школа. Тогда Надя стала догадываться, что свобода в действиях радостней обязательных упорядоченных занятий, даже если они не противны. В субботу всего три урока, и на лыжах можно покататься, и в прятки вечером во дворе поиграть, и уроки до воскресенья можно отложить.

Скорей бы суббота!

...Встречали папу в субботу. За год он прошел несколько госпиталей, начиная с полевого. Осколок снаряда попал в стопу. Неудачная перевязка на поле боя, гангрена. Отнимают стопу. Гангрена ползет выше. Еще дважды пилят кость. Последняя ампутация — выше колена. Из палаты смертников вышли немногие. Домой возвращался из Ижевского госпиталя. Об этом знали старшие из скупых рассказов мамы. Часто после письма из госпиталя она плакала, старалась, чтоб дети не заметили ее слез. Одна Надя догадывалась о неблагоприятии в папином выздоровлении. Она не раз видела заплаканную маму, младшие еще не сообщали.

Короток зимний день. Замерзшие, дети стояли на мосточке через канаву, отделявшую засыпанный глубоким снегом деревянный тротуар от дороги. Она поблескивала от раскатанных следов полозьев, была усыпана конскими кругляшками. Не отрываясь, смотрели на дорогу в сторону площади. Очень хотелось встретить папу на подъезде к дому, угадать издали, какая лошадка везет его. От станции до города — сто верст, у папы только армейский ватник, мама договорилась с возчиком, нашла тулуп, ведь папа не мог пробежаться за санями, когда замерзнет. Прибегали Надя с братом-погодком Сашей погреться, обстукивали валенки в коридоре, сбрасывали варежки, ладошки прижимали к теплой русской печке. Коптилка давно горела в комнате. Может быть, папе придется заночевать в Корцове или другой деревне. Свечерело, вернулись домой окончательно. Мама беспокойно ходила по комнате, подходила к окну, пытаясь стереть художества мороза на стекле. Как ни ждали — растерялись, когда мама, накинув полушалок и пальто, бросилась в коридор. Папа в зеленом ватнике, ушанке, заиндевелый, переступил костылями через порог из коридора в кухню. Вслед за ним вошел парень-возчик, в руках он нес папины вещи, среди них — завернутое в тряпку... («Нога» — от этой догадки Надя вздрогнула). Позже дети рассмотрели и узнали, что такое протез. Вышла соседка, поздоровалась и тактично вернулась в свою комнату. Ее муж на фронте не был. Дети по очереди смущенно подходили к отцу. Когда уселись в комнате за стол, папа вынул из вещмешка банку, мама убрала ее в шкаф, потом сладкие темные плитки и сухари.

Возчик от ночевки отказался, торопился в свою деревню. Когда отправились спать и Надя оглянулась на родителей, они сидели за столом, взявшись за руки, и глядели друг на друга.

...Скорей бы суббота! Выпускной вечер. Объявят белый танец, я подойду к Нему и приглашу. Ничего, что неважно танцую. Ночью будем бродить классом по городу, а ночи-то и не будет, она белая, все видно, только лица какие-то измененные, и глаза блестят загадочно. Будем говорить о будущем, сладко зашемит сердце, впереди тревожно-радостная неизвестность. Никому не скажу о тайной своей мечте — постоять на Воробьевых горах, где стояли Герцен с Огаревым, давали клятву на верность отечеству.

...На пороге неведомого. Июльская суббота. Надя покидает дом. Аттестат из-за

медали получила с опозданием, многие уже уехали. Чемодан упакован. На всякий случай взяла несколько учебников,— что за собеседование будет, никто не знает.

Папа говорил:

— Не бойся, тебя встретит Софья Николаевна. Завтра воскресенье, она сможет приехать на вокзал.

— А как я ее узнаю?

Мама стала объяснять:

— Она работала в войну у нас в больнице. Маленькая такая, живая, глаза черные, выразительные. Да ты ее вспомнишь! Ходила в красной кофте в черную полоску.

Надя смотрит на фотографию, смутно припоминая маленькую женщину со смеющимися глазами.

Все семейство провожает на аэродром — поле за военкоматом, с которого взлетали и на которое приземлялись маленькие, четырех- или шестиместные самолеты.

Последние напутствия.

— Самолет летит часа полтора, автобусы с аэродрома ходят до вокзала. Сразу иди в кассу № 2, знакомые забронировали для тебя билет. На всякий случай скажи — впервые поедешь на поезде, собираешься поступать в МГУ. Поезд отходит вечером, а утром уже будешь в столице.

...В коридоре на Моховой полно народу. Суббота. Многие пришли с родителями. Надя выделялась своей одеждой — черное платье и серый дорожный пиджачок. Ведь Софья Николаевна предлагала поехать с ней — для моральной поддержки. Надя отказалась:

— Хоть физика страшней остальных, но это уже четвертый экзамен, как-нибудь.

На первых трех — двух письменных по математике и одном устном — Надя потеряла только один балл. Софья Николаевна изумлялась:

— Какая же ты молодчина!

— Да если бы не Вы,— Надя запнулась,— огромное Вам спасибо!

...Дни в Москве казались нереальными, как будто с кем-то другим все происходило. Приемная комиссия, медалистов уже набрали, к собеседованию не допустили, Надя опоздала. Консультации с родителями по телефону: идти в другой вуз по собеседованию или сдавать экзамены в МГУ на общих основаниях? Папа колебался: «Понимаешь, математиков-то много, но Софья Ковалевская была одна». Надя твердо решила — сдавать. В другой вуз и после экзаменов не поздно будет.

Софья Николаевна, такая чуткая женщина, нашла ей в разных библиотеках кое-какие учебники, с собой-то было всего три книжки. Больше того. Поскольку в Москве приходится задерживаться не на 3—5 дней, а чуть ли не на месяц, Надя собралась переезжать в общежитие, на Стромьнку. Съездила, узнала, в какую комнату ее поселят. Софья Николаевна внимательно расспросила, сколько человек в комнате, какие условия. Выслушала, покачала головой:

И готовить там негде, и поспать не дадут. Оставайся у нас. Леша в пионерлагере, Дмитрий Алексеевич в командировке. И свекровь Александра Ивановна подтвердила: оставайся.

...А из экзаменационной аудитории уже выходили «отстрелявшиеся». Родители бросались к ним:

— Как?

— Трояк.

Как?

— Неуд... У-у, там такое спрашивают...

Уныние. «Хоть бы тощенькую троечку» — лихорадочно шептала Надя. А вот и просвет в унылой череде троек — двоек. Вышел улыбающийся паренек:

— Четверка!

Родители не сдававших еще завистливо восклицали:

— Вот повезло! Считай, поступил.

Экзаменатор, к которому попала Надя, сразу же взял листки с решением задачи. Глянул в ответ, потом еще раз посмотрел ход решения:

— Странно. Ответ правильный, решение какое-то необычное. Рассказывайте.

Задача попала по оптике. Надя стала показывать, как пройдут лучи через линзы, какие треугольники надо взять, чтоб получить углы и нужные линейные размеры. Экзаменатор сказал:

— Так еще никто не делал. Оригинально.

Потом погонял по теории. Спросил, как она представляет себе изменения величины давления в трубе с водой. Надя стала рисовать ему манометры вдоль трубы.

— На какое отделение подали документы?

— На математику.

— Вам надо на механику. Перепишите заявление.

— Так еще четыре экзамена впереди!

— Ну, если с этими справились, дальше — проще. Желаю удачи. Уверен, что поступите.

Надя смотрит — в экзаменационный листок выводит ей «отлично».

Не помня себя, выскочила в коридор. Такая непрезентабельная одежда, такие растерянные глаза. К ней бросаются:

— Как?

— Отлично.

Тишина. Отступили на шаг и внимательно ее разглядывают. Двое даже пощупали рукава пиджачка.

— Вторая пятерка, — кто-то тихо произнес.

Она отвечала на вопросы, показывала задачу, решение, еще что-то говорила. Потом — стремглав вниз по лестнице, на улицу. Какие красивые люди идут! Какие необыкновенные огни зажглись! Надо же, вечер наступил. Как приятно шуршат троллейбусы! Она не шла — крылья ее несли. Счастливее ее в этот миг не было человека на свете. Встречные улыбаются, глядя на нее. Ну, какая же замечательная суббота!

...Ах, мехмат, мехмат! Сколько же сюрпризов с первых дней! Сегодня суббота, канун передышки, можно будет расслабиться. Лекция Крейнеса по матанализу. Профессор старается донести суть дифференциального исчисления крайне обстоятельно. Надя посматривала на соседей по аудитории, надо же, сходу чувствуют бесконечно-малые. Какие гении! На семинарских занятиях выяснилось, что москвичи занимались в МГУ с 8-го и 9-го класса, знают основы не только дифференциального, но и интегрального исчисления, хорошо ориентируются в графиках, провинциалам же туго приходится. Старше всех в Надиной тринадцатой группе был китаец Би Юань Чжан. Еще в 49-м с бабушкой прятался в горах от гоминдановских солдат. Занимался чрезвычайно упорно. Удивлялся: «Русский товарищ — ленивый товарищ. Слава Беседин на коньки катается, графики не строит».

Растерянность, разочарование, неуверенность в своих силах. «Туда ли поступила?» Задавали на «выживаемость» по 90 примеров из матанализа, по 20 задач из аналитической геометрии, по 10 задач из высшей алгебры. Чтобы только механически, без обдумывания записать все это, надо несколько часов, а тут не все понятно. И Надя сидела ночами. Как-то потускнела и радость от сознания того, что она первой заселилась в эту восьмиметровку нового «Дома студентов» МГУ на Ленинских горах с удобным секретером, кроватью, ковриком на паркете, красивом питьевым прибором из цветного стекла на столе и другими предметами убранства. Соседка по блоку Аллочка тоже не спит. Иногда заглянет к ней в комнату, глаза воспаленные.

— Ты скоро ложишься?

— Нет, у меня еще 30 примеров.

— А времени-то сколько, знаешь? Третий час!

Надя поллетется в коридор своего «сапожка» на 14-м этаже зоны «Б». (В год открытия нового здания МГУ на Ленинских — Воробьевых горах это была женская зона, зона!) Из-под всех дверей свет. Не спят девчонки. Тоже пыхтят с задачками. А признаваться друг другу не хотят, все — лучшие математики в своих школах, впервые в жизни у них не все ладилось с учебой. И вот в субботу конца сентября собрались семь девчат из группы и решили две важных проблемы. Первая — делить задание на троих — четверых, каждая решает свою долю, остальные переписывают и разбираются в решениях. Тогда спать можно будет ложиться не в 3—4 утра, а часов в 12. Вторая — объединение скудных кошельков. Дежурить по неделе, отмучиться, потом 6 недель отдыхать, экономия времени и денег. Обязанности дежурной — кормить завтраком и ужином «коммунарок» в своей комнате. Стипендия — 295 рублей, вычеты на облигации госзайма, на общежитие (за него вычитали немного), на комсомольские и профсоюзные взносы, абонемент на обеды — 3 р. 50 к. в день. Оставалась совсем тощая сумма на завтраки, ужины, учебники, тетради, кино и другие мелочи. Каково было прокормить 7 человек на 50 рублей в неделю! Выкручивались кто как мог, жарили хлеб на маргарине с водой. Жене присылали посылки с салом с Кубани, в ее дежурство — блаженство: вкусные шкварки шипели на сковороде. До этого Надя не пробовала сала.

И до конца учебы — ожидание желанной субботы: поход ли в театр, музей, на природу, вечеринка, просто краткая передышка от формул и головоломных теорий, переключение на музыку, поэзию, литературные диспуты. «Не хлебом единым» В. Дудинцева — до ночи шумели в большой аудитории на 16 этаже центрального корпуса.

...Отошло трудное романтическое студенческое время, а суббота осталась желанным днем недели: сначала укороченным рабочим, потом выходным. Выбрала Надя из четырех предложенных при распределении мест «ящик», «секретник» на северо-востоке Московской области: здесь обещано было общежитие. Преподавать в вузе сразу после студенческой скамьи не решилась, хотя это было кратчайшим путем для «остепенения». Директор «ящика» с первых же недель поручал сложные расчеты установок для проведения испытаний ракет, он запрашивал в Министерстве специалиста — газодинамика и лично беседовал с Надей при приеме на работу в отделе кадров. Она нарабатывала опыт сама — помочь ей здесь было некому. Ездил на консультации в Подлипки, в московские фирмы, в научную библиотеку. Когда нужно было рассчитать охлаждение «кривого ружья» — так назвал директор лоток для отвода выхлопных газов из мощного двигателя в долину речки Куньи — он поручил эту работу коллективу вновь организованного научного отдела и ей, инженеру конструкторского. Когда ее пригласили на совещание, и она робко вошла в кабинет, директор сходу спросил:

— Какой расход получили?

— Сто сорок литров в секунду.

Он заулыбался:

— И я ожидал не более этой цифры! А вы — двести с лишним? — и он гневно обернулся к начальнику науч. отдела, новоиспеченному кандидату наук.

— Пойдем на испытание с этим расходом!

Когда успешно прошли работы, директор поздравил ее:

— Это впервые в Советском Союзе, да и в мире тоже!

Группа инженеров подала заявку на изобретение. Надиной фамилии в ней, как она узнала позже, не было.

...Свадьба была в субботу. Сколько сомнений и колебаний, но уверенная, все возрастающая влюбленность перевесила возможные будущие неожиданности. Да и пора решиться: трижды Надя отвергала предложения руки и сердца. И тут равновесие неустойчивое, но решение принято. Не было бурных клятв в любви, была вера в порядочность и счастье.

...Первенец, дочка, родилась в субботу, вернее, в ночь с пятницы на субботу. Эта крохотуля перевернула весь мир: все помыслы, вся жизнь сосредоточились на ней, все остальное отошло на дальние планы. Ее работа показалась не таким уж и важным делом. Пока Надя сидела с дочкой, пока не пришлось отдать ее в чужие руки, исключительность субботы несколько потускнела. Правда, по субботам милый активно включался в домашний конвейер. Он спокойно говорил: «Никакими домашними делами не гнушаюсь, не могу только родить, во всем остальном можешь на меня положиться».

...Как же быстро чередовались субботы, множество суббот, зачем она так подгоняла их? Всю жизнь подгоняла. У мужа никогда не спрашивала, ждет ли он конца недели. Работа у него была напряженная, вредная, опасная. Пожалуй, тоже ждал. Зимой — семейные вылазки на лыжах с ребятами в лес, благо, он рядом с поселком, — с костром, рюкзачок с термосом, апельсинами, бутербродами. Летом — поездки на ближайшее озеро, купание и безмятежное лежание под солнцем, прогулки за грибами.

Сынок, когда еще ходил в детский садик, тоже говорил: «Скорей бы суббота! Буду долго спать, а потом мама даст вкусной еды».

...И вдруг Надя вскочила с постели как молоденькая.

— Совсем память потеряла! Отец, вставай! Сегодня ведь приедут — и Татя, и Алеша. Тесто надо ставить, студень готовить. Суббота нынче, суббота!

— Угомонись, мамочка. У Тати Светочка прихворнула, разве ты забыла? У Алешки — «черная» суббота, нынче ведь третья по счету в месяце? То-то. Зарядочку сделай и не торопись зря. Сама подумай: когда им разъезжать? Всю неделю бегом, на выходные столько дел дома накопится, успевай только поворачиваться. Может, и выберутся к нам, да вряд ли раньше праздников... «Значит, и эта суббота... А много ли их осталось? Дал бы бог сил детям помочь да не быть им обузой, когда срок подойдет. А тесто все-таки поставлю...»

ГАЛИНА КЛЮЧНИКОВА

(г. Сергиев Посад)

Родилась 12 ноября 1955 г., в г. Карачев Брянской обл., окончила «Московский институт стали и сплавов» в 1978 г., работала на ЗЭМЗе (Сергиев Посад) инженером-технологом. В настоящее время — сотрудник ЗАО «Художественные изделия и игрушки». Автор 2-х поэтических сборников: «Зачерпнуть в пригоршни лучей золотистых», «Полинкины стихи». Стихи и проза публиковались в коллективных сборниках: «Братина» (2000 г.), «Песня за отечество и веру» (2007 г.), в международном журнале «Форум», в журнале «Мама и дитя», в местной печати. Призер конкурсов «Посадская лира», «Пастернаковское лето», «Светлый миг», «Сердце России». Готовится к изданию следующий поэтический сборник.

ТРИНАДЦАТЫЙ УРОВЕНЬ

* * *

Кирилл проснулся от дикой головной боли. Боль шумела в ушах, наливая голову свинцовой тяжестью, больно было даже открыть глаза и оглядеться. Темно!

— Нина, Нина, — тихо позвал он жену.

Тишина. Нина не отозвалась. Осторожно высвободив руку из-под одеяла, мужчина нащупал на тумбочке у изголовья лампу и нажал на выключатель. Комната наполнилась неярким светом.

— Нина...

Кирилл понял, что Нины здесь нет. Он спал не у себя в спальне рядом с женой на их удобной широкой кровати европейского стандарта, а на узкой тахте в комнате сына. Вернее, эта комната предназначалась сыну, когда он подрастет, а пока это была и комната для гостей, и игровая, и кабинет одновременно, по мере необходимости.

— Почему я здесь? Перепил что ли? Нет, я же совсем не пью. Да и не помню, что же вчера было?

Он еще раз обвел комнату взглядом. Она была невелика и почти без мебели. Тахта, на которой он лежал, тумбочка у изголовья, узкий книжный шкаф в углу, музыкальный центр рядом и во всю ширину окна — компьютерный стол. Монитор подмигнул ему серым экраном:

— Ну, как наш тринадцатый уровень? Прошел?..

— Нина!!! — Закричал Кирилл, переполюшав квартиру, и потерял сознание.

* * *

— Кровоизлияние в мозг,— констатировал врач скорой помощи. Собирайте, будем госпитализировать, он, что, много пил? Жаль. Такой молодой еще...

— Нет, он совсем не пил, он... он много играл в электронные игры. Компьютер и много всяких разных карманных... не знаю, как эта зараза называется...

— Ясно,— вздохнул врач,— чума 21 века.

Кирилла увезли, не позволив Нине поехать в больницу.

— Зачем Вам мучиться остаток ночи. В себя он придет не скоро, если вообще придет. Номер больницы я Вам назвал, утром позвоните, узнаете в какой он палате. Положение у него пока стабильное, так что, оставайтесь дома. Дети то есть?

— Двое. Дочка и сын, семь лет дочке и четыре сыну.

Доктор сочувственно посмотрел на женщину, успокаивающе похлопал по руке, вздохнул и вышел из квартиры вслед за санитарями, уносившими мужчину из дому, возможно, навсегда.

— Не жилец! — кинул он водителю,— поехали в сорок восьмую клинику.

— Алкаш?

— Хуже, Игрок!

Нина присела за кухонный стол, опустив руки в ладони.

— Ну, вот и все, вот и все,— билась в виски одна и та же мысль. Маме позвонить? Нет, лучше утром, зачем сейчас будить...

— Успокойся, я сейчас чай согрею,— Валентин тихо подошел сзади и приобнял за плечи.

Она повернулась к нему и улыбнулась. Улыбка получилась нерадостная, горькая.

— Я ему такого не желала!

— Никто не желал. Он сам выбрал свою судьбу! Ты и так с ним намаялась. Пей чай и успокойся.

Валентин принес плед из комнаты, заметив, что Нину колотит нервная дрожь, укрыл ей плечи. Потом взял ее руки в свои и стал согревать их дыханием. А Нина погрузилась в воспоминания.

* * *

Два друга Кирилл и Валентин ухаживали за Ниночкой с первого курса. Она, студентка Института Культуры — будущий искусствовед, они — студенты МАДИ.

Ухаживали красиво, с выдумкой, развлекая ее, зазывая в свои студенческие компании с гитарами и шашлыками, с байдарками и шумными реками, с Новым годом в Крыму. За три года она побывала в стольких местах, увидела столько нового и интересного, сколько не видела за свои семнадцать лет. Поначалу, ей нравились оба парня, и она не могла остановить свой выбор ни на одном из них. Но потом, она поняла, что любит Кирилла. Парень был детдомовский, жил в общежитии, ей все чаще и чаще хотелось приласкать его, пойти с ним в магазин и выбрать ему достойную одежду, привести в порядок его красивые, чуть выщипанные, черные, как смоль волосы. Кирилл был красив. Высокий, голубоглазый, усатый. Валентин тоже был красивым, но совсем другой. Единственный сын состоятельных родителей, ухоженный и хорошо одетый, он контрастировал со своим другом во всем: блондин среднего роста, спортивно сложенный. Его зеленые глаза всегда были серьезны, даже, когда он смеялся и шутил. Всегда гладко выбрит и организован. Нине показалось, что в семейной жизни он станет педантом и занудой. На третьем курсе она вышла замуж за Кирилла. Ее отчим подарил им на свадьбу прекрасную трехкомнатную квартиру в новостройке. А Валентин был на свадьбе свидетелем, весь вечер оберегая ее, не позволив даже шуточного «похищения невесты».

Семейная жизнь потекла безоблачно и счастливо. Они защитили дипломы и устроились на работу. Через полгода после защиты Нина родила девочку. Валентин поступил в аспирантуру в своем институте, а Кирилл с удвоенной энергией принялся делать карьеру в своей фирме. Он любил своих девочек и хотел, чтобы они ни в чем не нуждались. Нинин отчим, в чью фирму и поступил работать Кирилл, всячески поддерживал стремление зятя и дал его карьере «зеленый» свет. Когда девочке исполнилось три года, на свет, к великой радости папы и деда, появился сын. Вот тогда в семье и появился тот роковой подарок.

Маленькая Лидочка радовалась братику, как новой игрушке, Кирилл, казалось, лопнет от гордости — сан Максим, продолжатель рода! А отчим, в качестве подарка новорожденному, притащил навороченный компьютер, сразу с подключением к Интернету.

— Пусть внучок с пеленок к прогрессу приучается, с компьютером управляться научится раньше, чем ходить и говорить. А пока, ты, Ниночка, его осваивай.

— Да что мне его осваивать! Что я с компом обращаться не умею, что ли? Да я пока работала от компьютера не отходила, да и Кирилл весь рабочий день возле него сидит.

— Так то на работе, а то дома. Тут тебе связь со всем миром!

В итоге все пришли к общему знаменателю, что подарок «здоровский», благодарили Сергея Петровича и весь вечер лазали по Интернету, выискивая всякие приколы, музыку, фото, фильмы и игры.

Когда Кирилл наткнулся на эту злополучную игру, Нина не знает. Однажды он предложил ей поиграть в игру с интригующим названием «Последний стон цивилизации, или возвращение Акваториана». Нина прошла первых два уровня, игра ей быстро надоела. Она была почти однообразна, занимала много времени и еще, что больше всего Нине не понравилось, была очень жестока и сделана так естественно, что вызывала у женщины страх.

— Ерунда какая-то! Где ты такое взял? Она же жутко жестокая. Ты в нее не играй.

Но Кирилл увлекся ею настолько, что с Ниной разговаривал только о ней, счастливо сообщая, что удалось пройти очередной уровень.

— Ничего, — думала Нина, — вот закончит ее и снова станет прежним.

Кирилл быстро прошел двенадцать уровней, а на тринадцатом, последнем, застрял. Он забыл обо всем на свете: о Нине, детях, доме, постепенно превращаясь в

«зомби». Нина пыталась ругаться с ним, уговаривала, напоминала о детях, но мужа не интересовало ничего, кроме проклятого тринадцатого уровня.

— Нинок, потерпи немножко. Мне чуть-чуть осталось. Вот пройду его и все! Честно, больше никакую игру начинать не буду!

— Ну, пройдешь, и что? Что изменится? Ты что, разбогатеешь, помолодеешь или станешь более счастливым? Дети без тебя растут, видят только спину твою за компьютером!

— Все, Нин, не мешай, иди, спи, я скоро!

— Кир, мне завтра Максимку на прием к врачам везти надо, отпросись с работы.

— А? Хорошо, хорошо... Иди, не мешай.

Назавтра он, конечно, обо всем забывал и Нина, не дождавшись мужа, звонила отчиму или Валентину с просьбой отвезти ее в поликлинику.

Валентин не раз пытался говорить с Кириллом, но тот все глубже погружался в виртуальный мир. Теперь он играл не только дома после работы, но и, купив карманный вариант какой-то игры, в метро и даже на работе. Карьера его пошла под гору, но он, кажется, этого даже не замечал. Последний год в фирме он присутствовал только номинально, его не увольняли только потому, чтобы не расстраивать Нину, которая думала, что хотя бы на работе он занимается делом. Он превратился в робота, который, позавтракав, бежал к метро, с упоением нажимая на кнопки. В офисе, воровато оглядываясь, включал рабочий компьютер, делая вид, что занят работой, продолжал лихорадочно жать на кнопки, увлекаясь и, в конце концов, ничего и никого не замечая вокруг. Он перестал обедать, а вечерами, возвратившись домой, с жадностью съедал ужин и перемещался к компьютеру, к своему, никак не поддающемуся, тринадцатому уровню.

Нина следила за его одеждой, покупая ему вещи без примерки. Особенно сложно было с обувью, но потом, купив однажды удачные туфли и зимние ботинки, она купила их несколько пар сразу, чтобы не мучиться потом в поисках подходящей обуви. А Кирилл не замечал ничего, ни подросших детей, ни похорошевшей жены, ни поселившегося в их доме Валентина.

Он играл до тех пор, пока его мозг не отключался. Кирилл выключал компьютер и падал на узкую тахту, иногда даже не раздеваясь. Со временем, когда Нина поняла, что в спальню муж так и не вернется, она стала расстилать ему постель на тахте.

А Валентин помогал Нине растить детей, водил Максимку в бассейн, и Лидочку первый раз в первый класс повел тоже не папа, а Валентин рядом с Ниной.

Дети постепенно поняли, что папа Кирилл занят, а вот папа Валентин всегда рядом. Он поможет починить сломавшуюся машинку, сварит вкусную кашу, погуляет на площадке и научит кататься на велосипеде.

Полгода назад Нина сказала Кириллу, что подала документы на развод. Но он лишь кивнул, едва ли осознавая сказанное. На два уже состоявшихся суда Кирилл, естественно, не явился, хотя и был уведомлен Ниной, а третий, который был назначен в следующем месяце, должен был развести их. Конечно, Нина обращалась к психиатрам, но те ничего не могли поделать без доброй воли Кирилла, который не считал себя больным. А на принудительное лечение Нина не решалась, не веря в его действенность. Она не раз ломала компьютер, но все сводилось лишь к тому, что Кирилл либо ремонтировал свою «игрушку», либо покупал новую, тратя значительные средства семейного бюджета.

Как они будут жить после развода, Нина представляла с трудом. Уходить Кириллу некуда, да и одного его оставить в квартире нельзя. Он или умрет от истощения и голода, или превратится в нечто немытое, нестиранное и нечесаное, забудет про работу и деградирует окончательно. Жить так, как они жили последний год, Валентин, став законным мужем, вряд ли согласится. Нелепо все! Тупик!

И вот, теперь, когда, казалось, все было решено, когда Нинина мама согласилась присматривать за Кириллом после развода, когда после беспросветной боли и разочарования забрезжило счастье, он позвал ее, Нину! Разве сможет она теперь оставить его, когда ему снова надо учиться ходить, говорить и жить...

Валентин внимательно смотрел на Нину. Он любил ее давно и неизлечимо. Он понимал каждый ее взгляд, каждый жест и каждую морщинку.

— Что ты еще надумала? Конечно, мы не оставим его, найдем врачей и сиделку, сделаем все, чтобы поставить его на ноги. Но ты пойми, он уже не тот человек, который был моим другом, и за которого ты выходила замуж. Да и дети давно уже — мои дети, а не его. Он едва ли помнит о них, и давно забыл, сколько им лет...

Нина уткнулась Валентину в плечо и горько заплакала.

Зазвонил телефон.

— Алло, ...да, квартира Забелиных, ...кто я? Друг! Что??!!

— Пик... пик... пик...

Они долго сидели на кухне, обнявшись и не разговаривая, трубка, которую Валентин почему-то забыл отключить, пикала, а вода в кране капала редкими каплями, сопровождая их рыдающим сердцем.

НИНА КОЗЛОВА

(г. Сергиев Посад)

Член Союза писателей России. Член литературного объединения «Свиток». Окончила Горьковский государственный педагогический институт им. М. Горького. Живет и работает в г. Сергиев Посад. Автор повести «Огоньки моего детства», 2001 г., г. Сергиев Посад, детской повести-сказки «Однажды в Сорняковке», 2005 г., г. Сергиев Посад, детских рассказов «Разные истории», рассказов, стихов. Дипломант поэтических конкурсов «Посадская лира» (2003, 2004 г.г.) и «Пастернаковское лето» (2002, 2004 г.г.). Печаталась во всероссийском альманахе «Истоки», изд-во «РИФ РОЙ» АО «Молодая гвардия», в литературно-философском журнале «Литературная учеба», местной прессе.

РОМАШКОВОЕ МОРЕ

Я держу Дашу за руку, и мы вместе идем навстречу чуду. Да, да — самому настоящему чуду! Еще один поворот за соседний забор и... — вот оно, чудо — ромашковое поле!

— Ух!.. Вот это да!.. — восклицает Даша, — Ромашковое море!

Ромашки, кругом одни ромашки! От тепла и дождей они выросли крепкие, пушистые и высокие. Глаза у Даши сияют, радостная улыбка играет на лице, хочется чего-то необыкновенного.

— А хочешь, я сейчас нырну в ромашковое море! — говорит мне Даша, — только ты закрой глаза и считай до трех.

Я повинуюсь.

— Раз, два, три!

Открываю глаза... — Даши нет, она исчезла.

— Даша, ты что, ...утонула? — спрашиваю я.

В ответ — тишина. Но долгого молчания Даша не выдерживает и подает голос:

— А ты, правда, меня не видишь?

— Конечно, правда,— отвечаю я,— где ты?

Даша вскакивает и весело взвизгивает. Лицо ее сияет от удовольствия.

— А теперь ты ныряй,— говорит она мне,— а я буду считать.

Она закрывает глаза и начинает медленно считать. Я осторожно, чтобы не помять ромашки и не оставить за собой следа, делаю большие шаги в сторону, и на счет «три» едва успеваю спрятаться в ромашковых зарослях.

По дашиному молчанию я чувствую, что она внимательно осматривает поле, пытаясь меня разглядеть среди цветов, но так и ничего не заметив, спрашивает:

— Ты где?.. Я тебя не вижу...

Я молчу.

— Откликнись...

Я замираю, выдерживаю паузу, а потом, как и Даша, неожиданно вскакиваю и совсем не в том месте, куда смотрит она.

Теперь мы хохочем обе.

— А давай опять будем нырять! — предлагает Даша.

И мы с ней ныряем то она, то я, выныривая каждый раз в новом месте.

— Даша, а ты хочешь увидеть, как море волнуется?

В ее глазах немой вопрос, а я предлагаю:

— Давай присядем и посмотрим вдаль.

Мы присаживаемся на корточки и видим, как гонимые ветром бегут к нам ромашковые волны, сейчас они нас накроют. Но вдруг, словно передумав, волны меняют свой бег, и теперь уже бегут от нас, куда-то в сторону, а затем в другую, то низко наклоняясь к земле, то, поднимаясь во весь свой ромашковый рост.

— Это волны, волны! — кричит в восторге Даша,— то белые волны, то желтые, смотри!

И мы любимся, и качаемся, и плывем в ромашковом просторе.

— А пусть это море будет наш с тобой секрет, предлагает Даша,— Утром я тебе скажу: «Пойдем на Ромашковое море»,— а ты скажешь: «Пойдем».

— Еще и песенку споем про него,— говорю я.

— Какую?

— А вот послушай,— и я запела старую песенку на новый лад.

*Ромашковое небо,
Ромашковое море,
Ромашковая зелень
Ромашковый салют.*

*Ромашковые мамы
Ромашковым ребятам
Ромашковые песни
Ромашково поют!*

Счастливые, мы улыбаемся друг другу.

ГОРОД ПЛАВСК И ЕГО ОКРЕСНОСТИ: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

От редакции: «Где родился — там и пригодился», — гласит народная мудрость. Отсюда и всегдашнее душевное волнение человека чувствительного при словах «малая родина», «малые города». В продолжение историко-краеведческой направленности предыдущего номера «Приокских зорь» ниже публикуем подборку материалов о городе Плавске (ранее — село Сергиевское) — одном из малых городов Тульского края. Вполне возможно, что, исчерпав постоянную рубрику «Музеи Тулы и Тульской области — по банальной причине: равнодушию* большинства музейных работников к популяризации своих учреждений культуры, — мы и далее продолжим столь подробные рассказы о малых городах нашего края. Да и не только нашего, учитывая «братство по Оке» с соседними областями России.

...Опять-таки все дело в наличии таких равнодушных к отечественной истории, культуре и литературе людей, как член редколлегии журнала Ирина Пархоменко, подготовившая материалы этой рубрики. И еще Виктор Греков, сам «музейный смотритель» Белева, также член редколлегии, часто и литературно-краеведчески выверено пишет о своем городе, древнейшем на Тульской земле, для «Приокских зорь». Где же остальные равнодушные? — Это мы к вам обращаемся, краеведы, этнографы, писатели, поэты и журналисты Венева, Богородицка, Епифани, Черни, Алексина, Одоева, Ефремова, Крапивны, Лихвина (ныне — и по праву — носящего имя Саши Чекалина, чтоб там ни говорили представители вечно суетливого племени «обратных переименователей»). Какие названия, какая история едва не со времен Гостомысла, Рюрика, Бату-хана, будь он не к ночи помянут, живет в одних этих названиях?! «К перу, к перу!» — Так и хочется пропеть на мотив «Марсельезы» в исполнении Эдит Пиаф... Но это — к слову, хоть и вполне серьезно. Никогда еще в Новое время — это с восемнадцатого века — культурная, а значит и литературная, жизнь России не находилась в таком упадке и забвении, как в нынешнюю эпоху *business*. Может и прав был столетней давности французский социолог Эмиль Дюркгейм, предвещавший, что в XXI век человечество войдет как единый мыслящий субъект; но этот субъект противоположен по определению антропогенезу и являет собой акт р а с ч е л о в е ч и в а н и я . То есть назад, к стаду — хотя и мыслящему, но без потребности культуры.

...Как-то не хочется верить умному французу, хотя все и сбывается, а для нас на протяжении неполных двадцати лет почти и сбылось. Повремени, Дюркгейм! А мы по крохам начнем восстанавливать утраченное не по нашей вине. И историко-литературное краеведение есть начало начал времени собирания камней.

---

* Еще два с лишним года назад мы разослали по всем музеям Тулы и области письма-приглашения принять участие в этой рубрике. Увы, откликнулись немногие (см. «ПЗ» за 2007—2009 гг.).

Ирина Пархоменко
(ст. Горбачево)

БЕЗ РОДИНЫ НЕТ ЧЕЛОВЕКА

Истинный человек и сын Отечества есть одно и то же.

Александр Радищев

Наш райцентр — Плавск — небольшой городок, таких на карте России около семисот. Но он по праву включен в список национального историко-культурного достояния России.

Осознать свою неразрывную связь с родными местами можно только тогда, когда найдешь свое место в жизни, научишься ценить и беречь, что имеешь; когда кровная привязанность к определенному месту на земле обязывает трудиться, не жалея сил на благо Родины. Наш известный земляк, Петр Георгиевич Сальников заметил: *«Писатель без чувства Родины — не писатель, также как и Родина без сыновнего чувства к ней — не желанная мать, а мачеха. Биография литератора неотделима от Родины»*. Эти строки, словно выведенная формула, адресованная каждому из нас: *без родины — нет человека*.

На плавской земле живут и работают люди, старающиеся сделать ее лучше, люди неравнодушные, настроенные оптимистично. Всем ясно, что очень важна для развития общества культурная основа, питательная почва, на которой вырастут новые поколения, помнящие прошлое, живущие в настоящем, строители светлого будущего. Такой основой, по моему мнению, являются люди, создающие славу Родине.

Хочу напомнить, что город Плавск, (а 60 лет назад еще просто село Сергиевское), находится на древнем «Муравском шляхе», (современной автодороге «Москва-Харьков»). Поэтому через него проезжали А. С. Грибоедов и А. С. Пушкин, И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой, М. Ю. Лермонтов и А. А. Фет, И. А. Бунин и А. А. Дельвиг, Н. С. Лесков и Л. Н. Андреев, А. С. Неверов и многие другие, знаменитые и не очень литераторы, да и не только они. Но некоторые маститые писатели не просто останавливались в ямской избе сменить лошадей, но и впоследствии описывали здешние места и людей, как, например, **И. С. ТУРГЕНЕВ** и **Л. Н. ТОЛСТОЙ**.

В своих «Записках охотника» (в рассказе «Певцы») Иван Сергеевич отметил, что «село Сергиевское, на большой орловской дороге, славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом».

Лев Николаевич гостевал в Сергиевском по несколько дней, вел переговоры со здешними купцами о продаже леса, зерна, интересовался местной жизнью, отбирал факты, фиксировал события для своих бессмертных произведений, диалекты для их героев и многочисленных персонажей. Вот и в романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстой вывел сергиевского купца Черемушкина под именем купца Рябинина.

В Плавском районе в д. Муравлевке провел детские годы русский театральный деятель **АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СУМБАТОВ-ЮЖИН**, (1857—1927), российский-

ский актер, драматург, народный артист Республики (1922), почетный член РАН (1917). На сцене с 1876, с 1882 в Малом театре (с 1909 управляющий труппой, после 1917 директор). Создал героико-романтические образы в пьесах Ф. Шиллера, В. Гюго и др. Автор пьес.

Последние пятнадцать лет своей жизни в летние месяцы проживал в сельце Раевка (Есиповка), близ села Мещерино, в имении жены Ольги Ивановны замечательный переводчик и поэт Н. В. Гербель, открывший в деревне в 1882 году начальную народную школу.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГЕРБЕЛЬ родился 8 декабря 1827 года в г. Твери в семье офицера. Окончив благородный пансион при 1-й Киевской гимназии и Нежинский лицей князя Безбородко с правом на чин XIV класса, Николай Гербель определен в гусарский полк. Фортуна неизменно улыбалась юноше. Через год его уже произвели в корнеты, и он стал ординарцем при генерале от инфантерии Чеодаеве. Последовавший затем перевод в лейб-гвардии Уланский полк принес с собой новое повышение по службе.

И все же военная карьера не привлекла Гербеля, не прельстил его и орден святой Анны 4 степени с надписью: «За храбрость». Произведенный в штабс-ротмистры, он вскоре порвал с царской армией. Очевидно, здесь сыграло свою роль его участие в позорном походе 1849 года, предпринятой армией Николая I для расправы с революцией в Венгрии. В памяти молодого офицера еще свежи были кровавые события, свидетелем которых пришлось быть двадцатилетнему ординарцу царского генерала.

Подав в отставку, Николай Гербель переехал в столицу и полностью отдался любимому делу — литературному творчеству, которому безраздельно посвятил все свои последующие тридцать лет.

С 1853 года в журналах стали появляться гербелевские переводы произведений Байрона и Шиллера. Особая удача ожидала Гербеля в области отечественного стихотворного перевода. Переведенное в 1854 году «Слово о полку Игореве» под названием «Игорь — князь Северский. Поэма» выдержало шесть изданий. Весьма сочувственно встретили выход «Игоря» в России, тепло отзывался о нем выдающийся славист академии И. И. Срезневский. Заинтересовался гербелевским переводом и Т. Шевченко. 14 апреля того же года, имея намерение перевести «Слово» на украинский язык, он попросил А. Козачковского прислать к нему в Новопетровское укрепление издание в оригинале и в переводах Шишкова, Максимовича или Гербеля. В библиотеке Кобзаря, переданной М. Лазаревским Ф. Черненко на сохранение 4 июня 1861 года, находилась и эта поэма Н. Гербеля.

Наибольшую известность молодому литератору принес его перевод стихотворения Шевченко «Нашо меня чорни брови», который появился в 140-м томе «Библиотеки для чтения» за 1856 год. Это был первый перевод Т. Г. Шевченко на русский язык. О человеке, открывшем для российского читателя великого украинского поэта, заговорил Петербург. Гербель приобрел вскоре довольно широкую популярность, вошел в круг выдающихся культурных деятелей России, сблизился с лучшими русскими писателями того времени, стал признанным поэтом и переводчиком. Через два года вышла книга оригинальных и переводных стихотворений Н. Гербеля под заголовком «Отголоски» — и в библиотеке Т. Шевченко появился экземпляр этого издания с надписью автора — поклонника таланта украинского Кобзаря.

26 февраля 1860 года в рецензии Н. Добролюбова на «Кобзарь» Шевченко в № 3 «Современника» впервые появился гербелевский перевод баллады «Тополь», а 9 сентября того же года в «Русской слове» был опубликован его же перевод поэмы Шевченко «Катерина».

Гербель открыл Тараса Шевченко точно так же как открыл для русского читателя Шекспира и Шиллера, Гете и Гофмана. Неутомимым трудом во имя развития отечест-

венной культуры отставной русский ротмистр Николай Васильевич Гербель — поэт, переводчик, издатель — заслужил глубокое уважение его современников и добрую память благородных потомков. Значительны его переводы из Дж. Г. Байрона, П. Б. Шелли, В. Шекспира, Ф. Шиллера, И. В. Гете, славянских поэтов, в том числе Т. Г. Шевченко, И. П. Котляревского, А. Мицкевича, а также «Слова о полку Игореве».

Н. В. Гербель — составитель хрестоматий: «Поэзия славян» (1871), «Русские поэты в биографиях и образцах» (1875), «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (1877). Издавал антологии русских переводов, собрания сочинений иноязычных писателей. Издал «Кобзаря» Т. Шевченко, сочинения Е. Гребенки, А. Дружинина, снабдив их вводными статьями, примечаниями, библиографией.

Жизнь этого собирателя, редактора, страстного пропагандиста поэзии, человека всем сердцем влюбленного в литературу, оборвалась 8 марта (20 марта н. ст.) 1883 г.

Лишь через три года после Гербеля смерти вышел его перевод бунтарской поэмы Шевченко «Гайдамаки», посмертное и последнее издание Гербеля. А потом об этом человеке забыли.

Долгие годы прожил в семейном имении Кобылинка **АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СУХОВО-КОБЫЛИН** (1817—1903). Александр Васильевич родился 29 сентября 1817 года в Москве. Принадлежал к старинному дворянскому роду, его предки играли заметную роль при дворе Ивана Грозного. Отец, подполковник артиллерии, участвовал в Отечественной войне 1812 и взятии Парижа. До семнадцатилетнего возраста Сухово-Кобылин воспитывался и обучался дома, потом учился на физико-математическом отделении философского факультета Московского университета. Во время учебы дружил с А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, К. С. Аксаковым. Под влиянием Герцена начал заниматься литературой, но особенно увлекался философией Гегеля. В 1838 г. за конкурсное сочинение «О равновесии гибкой линии с приложением к цепным мостам» был награжден золотой медалью и правом выбрать место дальнейшей службы. По совету родителей уехал за границу, где продолжил занятия философией в университетах Гейдельберга и Берлина, путешествовал по Европе, жил в Риме и Париже. Годы 1843—1849, по словам самого Сухово-Кобылина, он «провел в Париже и Москве в светской жизни». Все это время служил в канцелярии московского губернатора в чине коллежского секретаря, а затем титулярного советника. В 1848 принял от отца управление всеми родовыми имениями и поселился в селе Кобылинка Тульской губернии. Приступил к переводу трудов Гегеля, одновременно пытаясь создать собственную философскую систему. В 1899 при пожаре имения сгорели рукописи Сухово-Кобылина, в том числе переводы Гегеля. В ноябре 1850 была убита гражданская жена Сухово-Кобылина француженка Луиза Симон-Деманш, и в обществе прокатилась волна нелепых слухов. По одному из них Сухово-Кобылин был обвинен в убийстве и арестован. Уголовное дело тянулось семь лет, вплоть до 1857, когда Государственный Совет с подтверждающей резолюцией Александра II принял решение приговорить Сухово-Кобылина к церковному покаянию за любовную связь. За это время обвиняемый дважды сидел в тюрьме, испытал на себе все ужасы чиновничьего произвола. Невинность драматурга была точно установлена только в XX веке путем архивных исследований. Несправедливое обвинение подтолкнуло Сухово-Кобылина к главному делу его жизни. Он стремился доказать себе и окружающим, что может быть не только знатоком философии и жизни, но и творцом. В «минуты, свободные от философских занятий», Сухово-Кобылиным была создана первая пьеса — комедия «Свадьба Кречинского» (1854). Сухово-Кобылин признавался, что «самим созданием этих пьес обязан философии». Как драматург художественно иллюстрировал свой пессимистический историко-философский взгляд на Россию. Драматическая судьба заставляла его не только как профессионального литератора и философа, но и как честного человека сказать слово правды о

преступности государственной машины. Свою вторую пьесу — драму «Дело» (1861) автор предварил обращением «К публике», в котором писал: «Предлагаемая здесь публике пьеса «Дело» не есть, как некогда говорилось, «Плод Досуга», ниже, как ныне делается, «Поделка литературного Ремесла», а есть в полной действительности сущее, из самой реальнейшей жизни с кровью вырванное дело». В 1869 была написана третья пьеса — комедия-шутка «Смерть Тарелкина», завершающая трилогию, которую в этом же году автор издал под общим названием «Картины прошедшего». Объединяя пьесы в трилогию, Сухово-Кобылин подчеркнул их внутреннее единство. Во всех трех пьесах Сухово-Кобылин исследует искусственно состряпанное дело о подлоге, сопровождая развитие действия сгущением сатирических красок и гротескно-мрачных тонов. Финал предыдущей пьесы служит завязкой следующей. Трилогия Сухово-Кобылина изобразила современную ему русскую жизнь в трех составляющих: падение дворянства, беззаконие, распад личности, обуреваемой наживой и местью. Сценическая судьба трилогии (за исключением «Свадьбы Кречинского», которая сразу вошла в театральные репертуар) была необычайно трудна. Только в 1917 Всеволод Мейерхольд поставил эти пьесы именно как трилогию в Александринском театре. До конца своих дней Сухово-Кобылин принимал деятельное участие в театральной жизни своих пьес и продолжал заниматься философией. В 1902 он был избран Почетным Академиком по разряду изящной словесности Российской Академии наук. В последние годы написал два сатирических памфлета, для сцены не предназначенных: «Квартет» и «Торжественное соглашение батюшки с миром...».

Умер Сухово-Кобылин в Болье (близ Ниццы) 11 марта (24 марта) 1903 года.

В той же деревне Кобылинка родилась **СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА СУХОВО-КОБЫЛИНА**, художница-пейзажистка (1825—1867), сестра известного драматурга.

Развитию культуры в Плавске с давних времен уделялось особое внимание, так в купеческом клубе в конце XIX — начале XX века работали кружки: драматический, художественный, музыкальный, которым руководил купец Калашников, организовавший к тому же в Сергиевском хор. Доступ в сергиевский клуб был открыт практически для всех — бедных и богатых, — кто чувствовал, что талантлив и обладает творческими способностями.

31 марта 1898 года была открыта бесплатная народная библиотека в с. Сергиевское, которая немало сделала для повышения грамотности населения. Ибо и в двадцатом веке плавская земля богата известными литераторами.

На Плавской земле родился писатель **ИВАН ФЕДОРОВИЧ ТРУСОВ**, уроженец с. Красное (29(11) августа 1903 — 26 марта 1957). В 1920 году Иван стал ответственным секретарем организованной им комсомольской ячейки, в 1921 году вступает в партию. В 1921—1930 гг. обучается на рабфаке МВТУ, затем в МГУ на факультете литературы и искусства. В 1925—26 гг. пишет первые студенческие рассказы, которые публикуются в газете «Комсомольская правда», журналах «Смена», «Новый мир» и др.

В 1926 г. в издательстве «Новая Москва» выходит первая книга рассказов И. Трусова «На мосту», затем практически каждый год выходит по книге: «Ярь», «Шалава и сидень», «Собственник», «Лошадь», «Ворота в простор», «Лицом к солнцу», «Освобождение».

В 1930—41 гг. И. Трусов начинает работать редактором и через год становится заведующим редакцией Гослитиздата. С 1941 по 1945 гг. И. Трусов был на фронте корреспондентом газеты «За правое дело» в 33-й армии. Награжден орденами Отечественной войны 2 — й степени, Красной Звезды, медалями. Дошел до Берлина.

С 1946 по 1957 гг. Трусов — заместитель главного редактора издательства «Советский писатель». В 1947 году выходит книга рассказов «Немеркнущий свет», в 1955—1957 — еще одна книга рассказов «Общая жизнь».

Трусов — редактор придерживался главного правила: работать над произведением вместе с автором. И. Ф. Трусов был принципиальным и в то же время бережно относился к творчеству авторов. Многих из молодых писателей Трусов вывел на дорогу, в том числе Бориса Полевого, Аркадия Первенцева.

В библиотеках России, в Риге, Минске, Киеве, Кишиневе, Алма-Ате, Ташкенте можно встретить книги, на последних страницах которых напечатано: «Редактор И. Ф. Трусов». Вот что вспоминает о И. Ф. Трусове другой наш замечательный земляк Н. П. Акулиничев в статье «Добрый и чуткий редактор» (газета «Путь к коммунизму» 10 сентября 1963 года).

«Мне посчастливилось встретиться с Иваном Федоровичем. И не просто встретиться. Он мне, тогда еще малоопытному, дал такой заряд, такие добрые советы, что после этой встречи всей душой полюбил журналистское дело. И, особенно, русский язык.

Что скрывать, как и многие газетчики, я стремился так отредактировать свои заметки, чтобы в них читатели не нашли, боже упаси, ни одного народного слова, а чтобы было побольше таких словечек, как «внимание», «произвел», «отрапортовал». А фразы делал такими короткими и сухими, ну впрямь как поленья из осины.

Это было в 1956 году. Стоил жаркий август. Шла жатва. Я верстал очередной номер газеты, дописывал запланированный фельетон. И вдруг раздался тихий и осторожный стук в дверь. «Видать, какой-то новый человек, — мелькнула мысль, — стучит».

— Да, войдите.

Дверь открылась, и в комнату вошел как-то бесшумно и немножечко робко коренастый в белесом плаще и белой шляпе, человек с крупными и выразительными чертами лица. Его глаза лучились мягким и, как мне показалось, голубым светом.

— Здравствуйтесь, — он первый подал мне руку. — Трусов...

Да это, наверно, тот Трусов — писатель, книги которого я читал на службе в Советской Армии. Живой писатель! Ни разу до этого не видел писателя и поэтому немножко растерялся, тем более что я в то время уже публиковал свои стихи в районной газете. А он уже наклонился ко мне, положил руку на плечо:

— Ну что, коллега, над чем корпеее? — Он улыбался, такой простой, доверчивый, откровенный.

— А вы что, писатель? — спросил я.

— Да, член Союза писателей. Ваш земляк.

Вот так мы и познакомились. Я сказал ему, что дописываю фельетон в номер.

— Давайте я вам помогу. — И он пододвинул стул, прочел, как мне подумалось, одним махом мое «творение» и сказал:

Ничего, только подправить нужно. Казенных словечек много. Ну вот зачем вы пишете «большая женщина», лучше сказать по-русски, по-народному: дородная, де-белая... Он назвал с десятка новых, но таких приятных слов, что я поглядел на него с изумлением:

— А разве МОЖНО такие слова в газете? Ведь они нелитературные.

Иван Федорович спрятал улыбку, вздохнул и словно бы про себя проговорил:

— Ничего, придет время, и газеты станут другими.

А потом опять положил руку на мое плечо:

— Вы парень из деревни, народный язык знаете. Вот и пользуйтесь им. Я вижу, у вас есть писательский зуд.

Я показал ему свои стихи.

— Советую вам в Литературный институт попытаться... А я, может быть, помогу. А теперь давайте фельетон подправим.

Я внимательно глядел на его авторучку. Появлялись все новые и новые перечеркивания, а на их месте все новые и новые слова, целые обороты: «царь-баба», «барыней живу», «загребаешь» вместо «получаешь», и в конце фельетона, когда речь зашла о том, что работники коммунального отдела не принимают мер к распоясавшейся мешанке, Иван Федорович вписал целую фразу: «Они поступили как гоголевские чинуши: пришли, понюхали и пошли прочь».

А когда прочитал после перепечатанный отредактированный фельетон, не поверил: все было так просто, ярко и читалось так легко, интересно, каждая фраза словно бы засветилась каким-то мягким светом и вроде бы зазвенела... «Так вот в чем сила языка?!» — думал я про себя. А Иван Федорович как равный рассказывал о своей редакторской работе в Москве, расспрашивал о жизни в районе...

— А вы надолго к нам?

Иван Федорович вздохнул и уклонился от ответа:

— Вот побывал на родине, и не мог, чтобы не зайти к газетчикам. Тянет в родные края. Писать нужно. А что поделаешь?

Посидели молча. Я закурил. В это время открылась дверь: вошел один из активистов газеты. Иван Федорович встал, надел шляпу и заторопился.

— Мы еще увидимся,— сказал он весело около двери.— До свидания!

Увидеться с живым мне больше не пришлось. Вскоре, читая «Литературную газету», я увидел имя И. Ф. Трусова в черной рамке. Не верилось, никак не верилось, что такого доброго, чуткого человека больше никогда не увижу».

Умер Иван Федорович Трусов 26 марта 1957 года, похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

В 1960 году выходит второе издание книги рассказов «Ворота в простор». В 1961 году в селе Красном, на родине писателя установлен его бюст работы скульптора А. Елецкого.

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ МАРКИН (род. в 1919 г.), автор романа «Огненная дуга» — тоже уроженец Плавской земли д. Жадоми.

Ни в коей мере не подлежит забвению имя **КОНСТАНТИНА ГЕОРГИЕВИЧА МАТВЕЕВА** (19 февраля 1920 — 29 апреля 1975), человека легендарной судьбы — поэта, учителя, партизана отряда «Шторм». Константин Георгиевич Матвеев родился в г. Плавске в семье рабочего-столяра. После семилетки Костя поступил в Крапивенский лесной техникум. Но не стал лес его призванием.

Весной 1931 года он окончил педагогические курсы и стал учителем. Но тут узнал от товарищей о комсомольском наборе в Балтийский флот, в морскую школу. В 1938 году по комсомольской путевке уехал обучаться морскому делу в г. Кронштадт. Учиться было трудно, но интересно. Здесь, в Кронштадте, Костя Матвеев в неустанных тренировках закалил свое тело, в упорной учебе развил свой ум.

Началась война. От школы формировали роту для борьбы с белофиннами. Константин зачислили в роту стрелков-лыжников. Но в боях ему участвовать не пришлось. Курсантов берегли. Рота охраняла остров, с которого противник уже бежал, но кое-где еще оставались «кукушки» (одиночные бойцы). Как-то в поединке с таким снайпером Константин убивает вражеского бойца. К его удивлению, им оказалась очень красивая девушка. Но, солдат есть солдат, и Матвеев знал что всегда, в любых испытаниях останется верным долгу, не отступит, не уступит врагу.

Вскоре моряк приехал домой в отпуск. Старшие слушали его с почтением, а брат Виктор — поглядывал с завистью.

Балтийский моряк в бескозырке с ленточками затмил в Плавске всех кавалеров: молодой, высокий, вьющиеся густые кудри, густые брови. С гитарой уходил на танцы, рассказывал о службе, о море, о боях с белофиннами, о минах, которые вылавливали тралами в шхерах Финского залива, о своем эскадренном миноносце «Сильный».

Во время Великой Отечественной войны воевал на кораблях и на суше. В составе морской пехоты сражался с фашистами под Ленинградом, был четырежды ранен и контужен. Награжден орденом Славы 3-й степени, медалью «За отвагу». На Ленинградской земле настигло его тяжелое ранение (он потерял кисть левой руки), сделав инвалидом первой группы.

В 1942 году был демобилизован и после выписки из госпиталя работал в сберкассе, но мечтал вновь попасть на фронт. Продолжалась война, и солдат хотел воевать даже с протезом на руке. Он сумел доказать это в штабе партизанского движения. Комиссаром отряда «Туляки» был назначен Самсонов В. К., Матвеев предложил назвать его «Шторм». В тихую летнюю ночь Константин Матвеев вместе с новыми товарищами по оружию выбросился с парашютом из «Дугласа» над занятой врагами землей.

Однажды, в недобрый час, трое партизан попали в окружение врагов. Матвеев остался прикрывать отход товарищей, отстреливался, пока были патроны в диске автомата. Врагу живым даваться не хотел, но подвела граната: не взорвалась. Так Матвеев оказался в плену. Потом, когда, спустя годы, вспоминал муки плена, он говорил: «Мы были железными»... Он стойко выдержал все — допросы, избиения, удары рукояткой пистолета по незажившей культе... Из лагеря на песках в Восточной Пруссии, весной 1944 года он безуспешно пытался бежать. Осенью его перевели в концлагерь «Везуве». И оттуда не удалось вырваться на свободу, но Матвеев не пал духом от неудачи с побегом. Мечта о возвращении на Родину помогла ему выдержать все испытания. И вот, когда советские войска сражались в Берлине, гитлеровцы, предчувствуя неминуемую гибель, решили пленных уничтожить, но заключенные подняли восстание. Наконец-то черные дни неволи окончились.

В 1946 году вернувшегося домой Матвеева встречала постаревшая мать. Брат Виктор погиб на фронте. Отец умер в 1944 году. Но жизнь должна была продолжаться, несмотря ни на что. И осенью Матвеев вошел в класс, дал первый послевоенный урок.

После возвращения в г. Плавск Константин Георгиевич работал учителем и директором начальной школы, стал отличником народного образования, награжден медалью «За доблестный труд». Матвеев серьезно занимался литературным творчеством. Его стихи публиковались в районной газете «Путь к коммунизму» и областной газете «Коммунар», поэтических сборниках «Взаимость», «Слово о подвиге» и других изданиях.

В 1965 году он, в число восемнадцати чекистов, был награжден за мужество в боях с немецко-фашистскими войсками орденом Красного Знамени. О подвигах К. Г. Матвеева Н. Д. Парыгиной и З. Гокжаевым написана книга «Партизан из отряда «Шторм»».

Умер после одной из встреч с учащимися в 1975 г.

К известным литераторам-землякам следует отнести **ПЕТРА ГЕОРГИЕВИЧА САЛЬНИКОВА** (11 июля 1926 — 24 марта 2002), писателя, члена Союза писателей СССР, уроженца г. Плавска, бывшего директора Тульской студии телевидения.

Петр Георгиевич Сальников родился в городе Плавске в семье медника-жестянщика. Был старшим из семи детей. Довелось юному Пете стать свидетелем оккупации города немецко-фашистскими войсками. Поэтому, не окончив средней школы, в 1942 году вступил в истребительный батальон. По солдатской судьбе не попав на западный фронт, он оказался на фронте восточном, которому противостояли не менее злобные и коварные квантунские самураи. Служил в артиллерии наводчиком орудия, радистом, начальником дивизионной радиостанции. До 1950 года был комсоргом артиллерийского дивизиона. Дерзкие рейды по вражеским тылам, короткие, но яростные схватки с ошеломленным противником, ранение и контузия уже на

полях Манчжурии, фронтовой госпиталь в отбитом Мукдене, потом долгая гарнизонная служба в песках Монголии — все это отложилось личным солдатским опытом, позволившим впоследствии писать о войне знаемо, авторитетно.

После демобилизации старшина Сальников закончил среднюю школу, работал на стройке.

С 1952 года Петр Георгиевич на журналистской работе. Редактировал Плавскую районную газету, Щекинскую городскую газету, Новомосковскую межрегиональную газету.

В 1956 году окончил отделение журналистики Саратовской межобластной партийной школы. В 1965 году завершил заочное обучение на историко-филологическом факультете Тульского государственного педагогического института.

В 1956 году опубликован первый рассказ П.Сальникова «Свой человек». С 1970 по 1975 гг. Петр Георгиевич возглавляет Тульскую областную писательскую организацию, с 1976 по 1986 гг. — Курскую областную писательскую организацию.

Петр Георгиевич Сальников работал заведующим отделом культпросветработы Плавского райисполкома; директором Тульской студии телевидения; заместителем председателя Тульского областного комитета по радио и телевидению; был собственным корреспондентом областной газеты «Коммунар»; делегатом нескольких Всесоюзных съездов писателей (на 6 съезде писателей РСФСР избирался членом правления Союза писателей России); являлся членом редколлегии литературно-художественных журналов «Подъем», «Поле Куликово», редакционных советов Центрально-Черноземного книжного издательства, издательства «Современник».

24 декабря 1986 г. П. Г. Сальников награжден почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР за многолетнюю плодотворную литературную и общественную деятельность.

В 1962 г. в Приокском книжном издательстве вышел сборник «Зарубок». В 1966-м «С глазу на глаз». В 1968 г. в издательстве «Советская Россия» вышла книга П. Сальникова «Горсть хлеба». В 1970-м в Приокском книжном издательстве — «Астаповские летописцы». В 1976 и в 1978 гг. в издательстве «Современник» вышли книги «Луга поют» и «Росстани и версты». В 1978 г. в Центрально-Черноземном издательстве вышла книга о подвигах летчиков-североморцев, в том числе о дважды Герое Советского Союза Б. Ф. Сафонове «Версты ветровые». В 1983 и 1988 гг. в издательстве «Современник» вышли книги «Калинов покос» и «Братун». В 1995 году в г. Курске вышла книга «Горелый порох». Незадолго до кончины П.Г. Сальников вернулся в Плавск и продолжил свою литературную работу. Смерть помешала ему закончить последнюю книгу «Натурщица».

Похоронен 26 марта 2002 года в Плавске.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ АКУЛИНИЧЕВ (8 августа 1926 — 14 сентября 1988). Поэт, член Союза писателей СССР, журналист, заслуженный работник культуры, был главным редактором районной газеты «Путь к коммунизму» (ныне «Плавская новь»).

Уроженец с. Сорочинка Плавского района, Николай после окончания семилетки работал в колхозе. С 1943 года находился в действующей армии, победу встретил в Берлине. Затем был переброшен на Дальний Восток, и после окончания войны с Японией продолжал службу в Сибири, а затем, до 1950 года в Севастополе.

Стихи начал писать на фронте. После войны экстерном закончил среднюю школу в г. Плавске, с 1951 года работал в районной газете. В 1958 году поступил на заочное отделение Московского литературного института им. А. М. Горького, который закончил в 1964 году. Публиковался в журналах «Смена», «Молодой колхозник», «День поэзии», в других изданиях. Поэта вдохновляла русская деревня, ее труженики, извечный круговорот полевых работ, неброская красота родной природы. Изданы книги: «Радуга над полем»(1961). «Налив»(1967), «Белостолица»(1972), «Разнотра-

вье» (1973), «Новое поле» (1979), «Сквозь годы» (1986). В 1980 году стал членом Союза писателей СССР.

17 февраля 1928 г. в д. Воейково, что в 15 километрах от Плавска и в семи — от станции Горбачево, у истоков речки Локны Плавского района родился **КОРНЕЕВ АЛЕКСЕЙ НИКИФОРОВИЧ** — писатель, член Союза писателей СССР, затем России. Автор более двадцати книг прозы и стихов, составитель книги о прошлом и настоящем города Плавска и района «Над рекой, над Плавой». Он воспел землю своего детства в книгах «Море за околицей», «Высокая макуша», «Будь ясным, день».

Алексей Никифорович рос безотцовщиной. Как многие подростки военной поры, с 14 лет работал в колхозе, затем на железной дороге, на заводе «Смычка». По окончании вечерней средней школы рабочей молодежи учительствовал в Кобылинской семилетней школе, одновременно обучаясь в Московском полиграфическом институте. С 1954 года перешел на журналистскую работу. Сначала — в районной газете (пос. Арсеньево Тульской области), затем в областных газетах разных городов Средней России, в Приокском книжном издательстве (Тула), в журнале «Молодая гвардия» (Москва), в издательстве «Сатурн-С» (Подольск). С 1976 года — член союза писателей СССР, затем — России. В настоящее время живет в подмосковном городе Чехове, продолжает работать над новыми книгами. Не прерывает связи с малой Родиной.

Превращению Плавска в город литературный активно помогают работники центральной районной библиотеки и ее сельских филиалов. Они постоянно проводят литературно-музыкальные гостиные, знакомят читателей с книжными и журнальными новинками, ведут своеобразную «летопись» творческой жизни края. Использование компьютеров в библиотеке позволяет осуществить быстрый и простой доступ к архивным материалам любому желающему. К тому же библиотека регулярно проводит читательские конференции, направленные на пропаганду творчества местных авторов, помогает проводить презентации новых сборников плавских поэтов.

Несколько лет назад при редакции районной газеты «Плавская новь» было создано литературное объединение «Светозарник». Название предложил **НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕВИЖИН** (род. 2 декабря 1933 г.), мастер-словотворец, человек, уважаемый всеми за его эрудицию, равнодушие, высокую гражданскую позицию.

Собираясь обычно раз в месяц, местные литераторы обсуждали новые книги, публикации в периодике районов и области, анализировали свои произведения и работы других авторов, отмечали удачные строки, рифмы, тропы, пытались найти способы исправить неточности и ошибки, заставить «заиграть» произведение всеми красками.

Для того чтобы стать мастером пера, учеба просто необходима, поскольку специального литературного образования никто не имеет. И здесь на помощь приходил руководитель «Светозарника». Каждое заседание начиналось с небольшой дозы информации об азах стихосложения, о рифмах, размерах, метрах, о видах и формах стиха. Н. Н. Невижин знакомил присутствующих со словарями эпитетов и синонимов, этимологическими и фразеологическими, орфоэпическими и словообразовательными. А также учил точному смысловому подбору слов, соблюдению видовременных форм глаголов. Это, конечно, помогало «старшей» группе отточить технику своих произведений.

Молодежи тоже некогда было скучать; хотя теоретические сведения для них не в новинку, но опыт познания действительности еще невелик, им труднее не «растекаться мыслью по древу», стараясь объять необъятное; у них другой круг интересов, другие кумиры и другой темп жизни, другой словарный запас. Направить энергию, переполняющую молодежь, в позитивное русло, помочь в самовыражении и дальнейшем росте (с величайшим тактом, выдержкой и доброжелательностью) умел Николай Николаевич, как никто другой. Он ведь не только бывший преподаватель ино-

странных языков, но и Учитель! Сколько сил прикладывал, тратил свое время, не считаясь с обстоятельствами, пестуя молодых, подающих надежды, а его первые питомцы 80-х годов, члены детского литобъединения «Златой посев», тем или иным способом все равно связаны с творчеством. Например, Т. Н. Ревина — пресс-секретарь главы администрации Плавского района, до сих пор пишет стихи; Е. Е. Абрамычева — учитель английского языка в Горбачевской средней школе, необычайно разносторонняя личность, тонко чувствующий и понимающий поэт.

Н. Н. Невижин был головой, душой и сердцем «Светозарника», он всеми силами помогал друзьям по цеху выразить себя как можно полнее: по его инициативе вышли в «Плавской нови» авторские страницы В. М. Большаковой, Н. Н. Невижина, И. В. Пархоменко, В. И. Ревина, В. В. Шандровой, вызвавшие у читателей неподдельный интерес.

Многие члены литобъединения издали авторские сборники: Большакова В. М. — «Земля родная», Межова В. И. — «О прошлом и настоящем» (самиздатовский), Невижин Н. Н. — «Светозарник», Пархоменко И. В. — «Янтарная свеча», «Цветущие звезды», «Лунная дорожка», Писарева В. Н. — «Свет в окне», «Память», «Благодарю судьбу», Ревин В. И. — «Зрелость лет», Шандрова В. В. — «Любовь моя», «Костер любви».

Члены «Светозарника» с увлечением обсуждали очередные номера «Тульского литератора». (К тому времени, как появился новый, прекрасный журнал «Приокские зори», Н. Н. Невижин, к сожалению, сложил с себя руководство литобъединением по состоянию здоровья). Но, как всем известно, жизнь не может остановиться, поэтому литобъединение сейчас планирует осуществить ряд проектов совместно с Комитетами образования, культуры, по делам молодежи администрации Плавского района, чтобы продолжить славные творческие традиции края.

Говоря о людях, являющихся гордостью плавской земли, обязательно следует назвать еще несколько имен: это художники **СОШНИКОВЫ КОНСТАНТИН ФИЛИППОВИЧ И МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА**.

Константин Филиппович Сошников родился 4 июня 1924 года в селе Бортное Чернского района Тульской области.

Восемнадцатилетним пареньком Константин ушел на фронт бить врагов. Он служил на Волховском и Западном фронтах. Был дважды ранен, награжден орденом Отечественной войны 1-ой степени, медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

После войны Константин окончил военное училище, а затем поступил в Елецкое художественное училище и через пять лет, в 1953 году, получил диплом художника. Три года вел уроки рисования и черчения в школах города Орла. Потом он вместе с женой переехал к родителям, в поселок Агролес Плавского района Тульской области.

На плавской земле они сначала преподавали в Волхонщинской школе. Константин Филиппович вел трудовое обучение и предмет, называвшийся «Сельским хозяйством», а Маргарита Федоровна — рисование, черчение и кукольный кружок. Через два года Константин Филиппович стал преподавать рисование, черчение и военное дело в Плавской школе № 1. Победы воспитанников на соревнованиях по военному делу составляли его гордость. А Маргарита Федоровна стала преподавать рисование и домоводство в школе № 2, и еще она успешно вела в плавском Доме пионеров кружки: домоводства, изобразительного искусства и кукольный.

Искусство К. Ф. Сошникова помогает людям видеть прекрасное в самых будничных на первый взгляд вещах: размокшая от дождя дорога, хмурое осеннее небо, некрашенный стол на террасе. Посетители выставок восторженно отзывались о пейзажах и натюрмортах К. Ф. Сошникова: «Как приятно видеть знакомые нам с детства уголки Плавска. Мы в суете будней равнодушно порою проходим мимо, не замечая этой красоты. Художник заставляет нас бережнее относиться к тому, что зовется малой

родиной». Константи́ну Филипповичу было присвоено звание «Отличник народного просвещения».

2 июля 1996 г. перестало биться сердце Константина Сошникова.

Нельзя не восхищаться и работами Маргариты Федоровны, выполненными карандашом, акварелью и тушью.

Она родилась 12 июля 1927 г. в селе Никольское Свердловского района Орловской области. В 1933 г. семья переехала в Донбасс. Нагрянула война. Чтобы как-то прокормить детей, мать Риты ходила по деревням, меняла вещи на продукты. Иногда брала с собой дочерей. Жизнь в оккупации подорвала здоровье родителей. Отец умер в июле 1942 г., а в августе 1943 г., не дожив до освобождения Макеевки, умерла мать.

В условиях военного времени 15-летней Рите и ее сестре, 13-летней Нине, удалось выжить и добраться до родственников в Орле. В 1949 г. при поступлении в Елецкое художественное училище Маргарита Тарахова познакомилась с окончившим 1-ый курс Константином Сошниковым. Вот так и встретились два таланта.

Все знания, все свое мастерство, весь свой опыт Константин Филиппович и Маргарита Федоровна отдавали творцам будущего — детям.

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ РЕВИН, ученик и друг К. Ф. Сошникова, родился 2 октября 1961 г. в г. Плавске. Во время учебы в школе занимался в изостудии при Доме пионеров, руководимой М. Ф. Сошниковой, после окончания Рязанского художественного училища вернулся в родной город. Возглавлял художественную мастерскую и изостудию при Доме пионеров. Сейчас руководит ООО «Мастер». Принимал участие в республиканских, всесоюзных, областных и районных выставках, по их итогам награжден грамотами и дипломами. Состоялись четыре персональные выставки, написано несколько сотен пейзажей, натюрмортов, портретов.

Открытая в 1973 году малая планета в знак признания заслуг плавчан, в том числе и литераторов, недаром названа «Плавск».

Будем надеяться, что плавская земля не оскудеет талантами, и Россия еще долго будет гордиться нашей интеллигенцией — солью земли русской.

Автор выражает благодарность Плавской районной библиотеке и Плавскому краеведческому музею, а также Е. В. Межовой за предоставленный материал о Сошниковых.

Виктор Гусак
(г. Плавск)

Виктор Николаевич Гусак родился в 1955 году на Чернской земле у истоков реки Снежеть. По окончании ТГПИ им. Л. Н. Толстого в 1976 году преподавал математику в школе. С 1989 года работает в уголовно-исполнительной системе г. Плавска. Печатался в областных и районных газетах, в журналах «Преступление и наказание», «Приокские зори», коллективных сборниках «Великий май», «Ветер времени над полем Куликовым», «Свет любви» и других. Является лауреатом всероссийского поэтического конкурса в уголовно-исполнительной системе — диплом 1 степени.

* * *

Встану в утро ранее,
Загляжусь на свет.
Мир вам, люди дальние,
Ближние — привет!

В этом мироздании
Среди гроз и бед
Всем вам понимания,
Радости побед.

Загадай желание,
Будь мечтой согрет
Там, где утро ранее
Проливает свет.

* * *

Позови меня, шумный лес,
Затопите меня, дороги,
Чтоб облитые солнцем ноги —
Босиком по стране чудес.

С доброй сказкой наперевес
Мне ходить бы, бродить, как ветер,
Чтоб желанней всего на свете —
То же поле и тот же лес.

Да исполнится мир чудес
Самой лучшею в жизни долей.
Спелым мякишем пахнет поле,
Тонет в золоте край небес.

* * *

Обойди меня, злоба и зависть,
Я иного по жизни держусь.
На веселых мостках закачаюсь,
На весеннюю даль загляжусь.

В камышах родниковая заводь,
Блещет золотом водная нить.
Здесь бы вольною птицей плавать,
С неба крылья на синь уронить.

Как мы часто по собственной воле
За собою сжигаем мосты,
Где за лесом родимое поле,
По лугам снегопадом цветы.

Где черемухой вечер завьюжен,
А в колодцах вода глубока.
Где опять мою голову кружат
Облака, облака, облака...

В ПУТИ

Один открыто жил и просто,
Другой же, ласков и учтив,
Шел к цели изощренно-остро,
Другим успехов не простив.

Ему казалось — все сокрыто,
А жизнь, взыскательно любя,
Всех нас просеет мелким ситом,
Нигде об этом не трубя.

Коль вышел в дальнюю дорогу,
Помимо хлеба и огня,
Возьми любовь, иди с ней в ногу,
В пути себя не оброну.

Алексей Корнеев
(г. Плавск)

НАУСЕНЦЫ, ИЛИ МОТАЙ СЕБЕ НА УС

Член Союза писателей России Алексей Никифорович Корнеев родился в 1928 году в деревне Воейково Плавского района Тульской области. С ранних лет познал сельский труд, затем — заводской. Был также учителем, много лет работал журналистом в разных газетах, в издательствах. Выпустил свыше двадцати своих книг прозы и стихов.

Настоящую подборку составили афоризмы, основанные на авторских наблюдениях, а также на мудрых народных изречениях. Они охватывают разные стороны жизни как общества в целом, так и отдельно взятого человека.

МУДРОСТЬ — ГЛУПОСТЬ

* * *

Не ищи жемчужину морскую
Средь степных проселочных дорог.

* * *

Не зови русалку среди ночи,
Перед грязной лужей становясь.

* * *

Если с гор летят камни,
Не беги навстречу им.

* * *

Если ты держишь свой ум при себе,
Кто же сочтет тебя умным?

* * *

Одним прощеньем подлеца
Не воспитаешь до конца.

* * *

Если верить всем приметам,
То не жить на этом свете.

* * *

Играй, пока натянута струна,
Но так, чтобы она не лопнула до срока

* * *

Кому Жар-птица, а кому Синица,—
Лови, что попадается тебе.

* * *

Все время находиться в напряженье —
Путь верный к жизни сокращенью.

* * *

Какими б не были мы умными сегодня,
А завтра люди будут нас умней.

* * *

Сколько не учи ты дурака,
Он умней от этого не станет!

* * *

Бери ты на себя не больше,
Чем сможешь без подмоги одолеть.

* * *

Не сравнивай свою ты жизнь с другою,
Живи по-своему, и будешь сам собою.

* * *

Сам свое счастье если не добудешь,
То от чужого счастлив ты не будешь.

* * *

Такого в жизни не было глупца,
Чтоб он сказал: «Я глупый, как овца».

* * *

Когда кому-то делаешь плохое,
Подумай, если б делал так себе...

Повыше голову ты можешь поднимать,
При этом под ноги смотреть не забывая...

* * *

Словам кого-то можешь ты поверить,
Но стоило бы правду их проверить.

* * *

Кто жизни суть познал не до конца,
Тот не достоин званья Мудреца.

* * *

Не бойся страха, но сперва подумай:
А стоит ли при этом рисковать
Умней становимся тогда,
Когда умнеть совсем уж поздно

Не говори о том, чего не знаешь, —
В глазах других себя ты потеряешь.

* * *

Когда не сможешь плыть против течения,
То к берегу направь свое стремление.

* * *

Чтоб в свои силы и способности поверить,
Сначала надо как-то их измерить.

* * *

Когда ищешь в жизни виноватых,
Подумай, а не сам ли виноват ты?

* * *

Коль у тебя ума палата,
Не бойся лишней его траты.

МУЖЧИНА — ЖЕНЩИНА — ЛЮБОВЬ — СЕМЬЯ

* * *

При выборе невесты будь ты мудрым:
Смотри не только на наряд и кудри...

* * *

Кого мы зовем Половиной Прекрасной,
Увы, почему-то бывает несчастной.

* * *

Что-то нынче стало модно
Целоваться принародно.

* * *

Для женщины иной цветы
Дороже всяких поцелуев.

* * *

Дети — как цветы.
Но какие будут ягоды?..

* * *

Вчера их видел — крепко целовались.
Сегодня слышу — навсегда расстались.

* * *

Любовь слепой бывает,
Зато Разлука прозревает.

* * *

Ребенка своего любя,
Запомни: он копирует тебя.

* * *

О, женщина, запомни, что ты — МАТЬ,
И соответственно веди себя ты в жизни...

* * *

Коль слово МАТЬ мы произносим как святое,
То просим женщину о том не забывать...

* * *

Коль ты красивой с виду родилась,
То будь красивой и в своих поступках.

РОДИНА — ОБЩЕСТВО — ВЛАСТЬ

* * *

Наверно, самые большие страсти
Кипят из-за захвата власти.

* * *

Не плюй на Родину свою —
Добром она тебя не вспомнит.

* * *

Как рыба тухнет с головы,
Так и страна с правителя.

* * *

Каков пастух, таково и стадо.
Каков правитель, такова страна.

* * *

Закон для всех, да много оговорок.
Но ведь кому-то он бывает дорог...

* * *

Терпи, казак, и будешь атаманом.
Кому же в рядовых тогда служить?!

* * *

Закон для всех, но у него есть выбор:
Кого-то он зацепит, кого-то обойдет.

* * *

Нынче в жизни стала главной тема:
Что бы ты ни делал — все проблема.

* * *

Держали рабов в черном теле...
Однажды хозяев своих они съели.

* * *

Двух генералов мужик прокормил.
Нынче их семеро — хватит ли сил?

* * *

Когда огнем заполыхает страсть
В борьбе и в состязаниях за власть,
То кто-то пользуется этим, чтобы красть
Иль на застолье угоститься всласть.

* * *

Один настроит лет на сто вперед,
Другой придет — и в порошок сотрет.

* * *

Не Власти бы пенять на свой народ,
Ему бы стоит на нее — наоборот...

ВОЙНЫ — ССОРЫ — МИР

* * *

Победу легче добывать в штабах,
Чем на полях сражений и в окопах.

* * *

Полководцев куда меньше, чем солдат,
А славы первым больше достается.

* * *

Даже самая глупая жизнь
Дороже самой «умной» войны.

* * *

Войну затеять очень просто,
На это нет инструкций ГОСТа.

* * *

Коль каждый верит в Бога своего,
Так почему ж других Богов не признавать?..

* * *

С врагом жестоким вежливым не будь,
Иначе он тебя сумеет вздуть.

* * *

Кому-то снятся яблоки в саду,
Кому-то бомбы — как он их бросает...

* * *

Рост населения можно ограничить
По-мирному,
Без воинского клича.

* * *

Кто психикой страдает с отклоненьем,
Тот бредит и сражением военным.

* * *

Как жаль, из-за одного уroda
Бывает, гибнут целые народы.

ЮБИЛЕИ ТУЛЬСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

Николай Струна
(г. Тула)

НАШ «ЗАГРЕБНОЙ»
(К 80-летию Николая Николаевича Минакова)

Удивительная, все-таки, штука — жизнь, удивительны отношения между людьми, непредсказуемы! Может в эти отношения вмешиваются некоторые высшие силы, направляя нас в нужном направлении? Когда надо, создавая трудности, препятствия, которые следует неизбежно преодолевать, или, наоборот, вдруг неожиданно помогая, помогая в самую критическую минуту, когда, казалось бы, помощи ждать неоткуда.

Никогда не думал я, что в моем почтенном возрасте вдруг приобрету нового друга, друга интересного, надежного, с которым мне будет многое связывать. Вообще по части друзей я — консерватор и придерживаюсь поговорки: «старый друг лучше новых двух». А здесь получилось совсем наоборот. К тому же новый мой друг значительно старше меня. Но, удивительно, я не замечаю этой разницы в возрасте! Потому что этим новым другом стал для меня Николай Николаевич Минаков. (Надеюсь, что он на меня не обидится, что я «навязываюсь» в друзья.)

И я сейчас пытаюсь понять, как так получилось, что нас не разделяет ни разница в возрасте, ни разница в наших профессиях, ни разница во взглядах на жизнь. По профессии он опытный журналист, публицист, писатель. По взглядам он всегда, насколько я знаю, придерживался «левого», коммунистического направления, я же только симпатизирую этому направлению. Мне кажется, все дело в том, что Н. Н. Минаков — человек открытый и прямой. А иногда он мне представляется по-детски наивным, и эта его открытость притягивает к нему людей даже малознакомых, а неприятелей обезоруживает. Он мне напоминает боксера, проводящего свои бои с «открытым забралом», не применяющего глухой защиты.

Какой он опытный и сильный журналист и писатель, я убеждаюсь каждый раз, читая его замечательные публикации. Как тонко и точно, как будто попадая в «десятку», пишет он о творчестве Натальи Парыгиной, Алексея Яшина, Николая Дружинина, Владимира Сапронова, Дмитрия Вечерки, Николая Дружкова, Валерия Савостьянова и других тульских писателей (Н. Минаков. Свет и тени.— Тула: Гриф и К., 2004). А как остро и злободневно защищает он литературное дело от нападок чиновников от литературы. В той же его книге много тому примеров.

Очень много у Н. Н. Минакова и литературных исследований. Когда читаешь такие его статьи, как «Л. Н. Толстой и А. М. Горький», «Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин», «Шаг вперед два шага назад» (журнал «Приокские зори»), приятно удивляешься широтой его литературных знаний, глубиной проникновения в характеры литературных классиков.

Удивляет профессиональная память Н. Н. Минакова. Он хорошо запоминает биографические сведения сотен авторов своих коллективных сборников, редактором которых он является. Он с достаточной точностью запоминает отдельные четве-

ростишия этих авторов и даже полные стихотворения. Благодаря его энтузиазму в 2005 — 2007 годах были составлены, отредактированы и изданы коллективные сборники произведений тульских поэтов и прозаиков: «Великий май», «Ветер времени над полем Куликовым», «Здравствуй, Тула!», «Свет любви», «Отчий край». Мне выпала честь участвовать в составлении этих сборников.

После знакомства с Николаем Николаевичем, я необычайно быстро нашел с ним общий язык. Разговор проходил легко и непринужденно. Я понял, что он опытный психолог, раз сумел так расположить меня к себе. К тому времени он уже был редактором газеты «Тульский литератор», которую сам и основал. Пожалуй, это единственная в Туле газета литературного направления, в которой могут публиковаться как опытные литераторы, члены Союзов писателей, так и члены литературных объединений и начинающие писатели. В 2005 году Николай Минаков выступил инициатором выпуска литературно-художественного журнала «Приокские зори» и стал заместителем ее главного редактора.

Николай Николаевич не только издает, но много и плодотворно пишет. Сейчас уже подготовлена к изданию вторая книга «Ветер времени и судьбы» диалогии «Опаленные войной». Первая книга «Сквозь расстрелянные годы» была издана в 2003 году. Всего в активе Николая Минакова пять книг прозы, поэзии, литературной критики и литературоведения.

Недавно я посвятил Николаю Николаевичу такое стихотворение:

*Ко мне судьба, наверно, благосклонна,
Или услышал Бог, в конце концов.
Я плыл по жизни.*

*Вдруг навстречу лодка,
Так слажены движения гребцов!*

*Но лодка проплывала стороной.
Вдруг голос прозвучал:*

*— Друзья, поможем!
Так говорил радушно загребной.
— Садись, пловец!*

Ведь ты — писатель тоже.

*И вот я в лодке и гребу со всеми.
И судно наше трудно, но плывет.
Порой мне тяжело...*

*Но зато я с теми,
Кто знает курс и движется вперед.*

*А рядом, здесь, плечом к плечу со мною
Наш лоцман, наш бессменный загребной.
А море поднимается волною,
И снова опускается волной.*

Действительно, я считаю, что Николай Минаков в сегодняшней Тульской литературе является «загребным», по которому равняются все литераторы. Он и «лоцман», предугадывающий фарватер Тульского литературного движения.

От души поздравляю юбиляра с такой «крутой» датой, желаю ему, в первую очередь, здоровья. Так держать, Николай Николаевич!

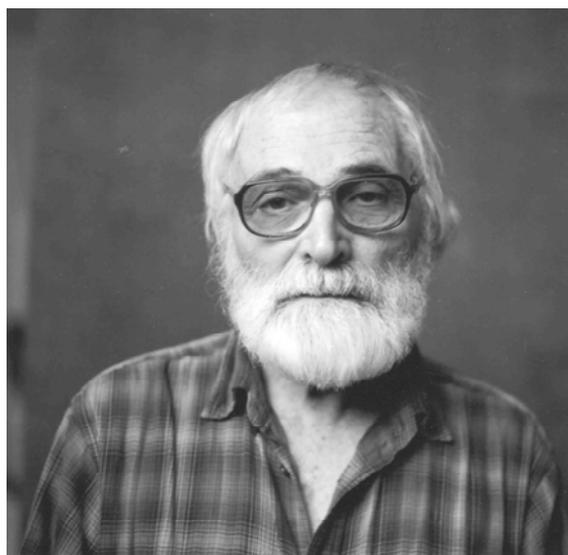
Виктор Пахомов
(г. Тула)

ПЕРОМ И КИСТЬЮ
(К 75-летию Александра Евгеньевича Новгородского)

Творцы изящного, будь то изобразительное искусство или поэтическое, похожи друг на друга. Похожи своей природной искренностью, всечасной потребностью делиться своими мыслями и чувствами, пониманием этого мира.

Им неважно, насколько серьезно воспринимаемы они сами. Самозабвенность — их натура, отличительная черта. Хлопоты о себе им противопоказаны. Они, как белые вороны, живут в укор всем нам, суетным, неумным, забывшим о пушкинском завете: «Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум, усовершенствуя плоды любимых дум, не требуя наград за подвиг благородный. Они в самом тебе...»

Юбиляр в расцвете творческих сил.

В этом смысле Александр Евгеньевич Новгородский — эталон. Ни наградами, ни званиями не отягощен, не отличен. Больше того, уходит от разговора на эту щекотливую для него тему.

Он, конечно, прав, но нам-то надобно подумать об этой явной несправедливости по отношению к нему, к его жизненному подвигу, многолетнему служению культуре и искусству.

Разве Александр Новгородский не единственный в области профессиональный поэт и художник — член двух Союзов?

Единственный, кто уже много лет безвозмездно работает с молодыми талантами,

поэтами и художниками, чья мастерская стала желанным прибежищем для тульской творческой молодежи, живым уголком нормального общения мастера с учениками, учебы у него.

Среди членов Союза писателей России.

А учиться у него есть чему.

За его плечами Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова (диплом с отличием), преподавание живописи на художественном отделении музыкального училища имени А. С. Даргомыжского, участие во всесоюзных, всероссийских, зональных, областных выставках. Его работы хранятся в Суриковском институте, в Тульском художественном музее, в частных коллекциях в России и за рубежом.

Он — автор стихотворных сборников «Звень осеннего листа», «На грани света», многочисленных поэтических сборников, антологий, хрестоматий, соавтор кантаты «От дней Петра до наших дней» (композитор В. Фоменко). Дружбой с ним гордятся многие известные туляки, писатели, артисты, работники культуры.

Его учитель, лауреат Сталинской премии, знаменитый Д. К. Мачальский неоднократно предлагал ему работать с ним в институте, огорчался нерешительностью своего любимого ученика, так и не решившегося на это предложение.

Не этому ли посвятил поэт свое стихотворение «Лист»?

*Блажен оттрепетавший лист,
О чем бы не глаголил ветер.
Пускай в предзимье не речист,
Он, как живой, лучист и светел.
Ему не свойственно предстать
Перед судом людским, всевышним.
Он был собратству леса в стать,
И птице, и зверью не лишним.
Он к свету тропку пробивал
Своим земным целебным соком.
И никогда не забывал
О назначении высококом.
Себя отцовству посвятив,
Сдержав несметных бед набеги,
Он в крепь лесную обратил
Дубрав зеленые побеги.*

Созданные Александром Новгородским, его живопись, графика, поэзия поражают. Поражают своим дополнением друг друга, своей слиянием, единством. Поистине

шедевром является альбом графики художника. Наброски, рисунки, иллюстрации, вошедшие в него, стихи, как бы вкрапленные в художественный текст, прибавляют своеобразие и новизны авторского откровения, внутреннего мира его.

В мастерской с учениками

И если в поэзии Новгородский вступает в след Иннокентия Анненского, ранее других почувствовавшего влияние импрессионизма, то в живописи его увлекает тайна абстрактного, влияние его на традиционное, реалистическое, чему посвящено им немало работ.

Постоянный поиск нового, нетрадиционного сказывается на всем творчестве художника и поэта Новгородского. Этим он близок и интересен своим ученикам. Ему претит дилетантство, профанация искусства. Человек тонкий, деликатный, он, не в пример многим из нас, там, где надо проявить характер, проявит его непременно. Расчетливости, выгоде он никогда не служил. Столько работ раздарено им, у кого из друзей и случайных знакомых не висят на стенах его работы? Он давно бы задохнулся, погас, ушел в себя, свое одиночество, если бы не был окружен такими же, как и он сам, рыцарями добра и справедливости, красоты, о которой он писал однажды:

*У красоты одна вина —
Давно известно.
Она пленительно страшна,
Как мост над бездной.*

Поэт не торопится с публикацией своих стихов, но то, что опубликовано им, получило признание. Стихотворение «Филимоновская любота» по праву украсило хрестоматию «Тульский край в литературе и искусстве».

Вообще, лирика поэта достойна быть выбита на камне! В ней столько окрыленного чувства благодарности женщине, любимой, что невольно хочется в знак признательности приклонить перед автором колени.

*Вы так прелестны, дивам диво!
С загадкой линий, жестов, глаз.
Весь мир красавиц горделивых
Единственной не стоит Вас...
Мне сам журавль давался в руки,
Но мой предатель карандаш
Изобразил смятенья муки,
Но не небесный профиль Ваш.
Как робок штрих — как он ничтожен!
И у творца не лучше в ид.
Повержен, смят и уничтожен:*

*Я Вашей прелестью убит!
За дерзость выплачены пени.
Зачем всечасно, ангел мой,
Улыбки Вашей светотени
До сей поры владеют мной!..*

Мы разучились писать любовные стихи. Не знаю никого, кроме Новгородского, постоянно обращающегося к ним. Можно подумать, что судьба балует его. Дает поводы для вдохновения их писать. Но это не так! Бедами и несчастьями не обходит она его, к сожалению.

Краснодарский край, Кубань, станция Кореновская — его родина. После школы поступил в Краснодарское художественное училище. С третьего курса уехал в Москву, поступил в Суриковский институт, где осознал свое предназначение. Здесь и нашел своего учителя Мачальского.

Потом — Тула, самостоятельная жизнь, работа, семья, дети. Трудное восхождение. Обретение себя, руководство отделением Союза художников. Дружба с замечательными художниками Дрофиным и Стриженко, без которых вряд ли одолел нагрянувшее. Потеря любимого сына, художника, музыканта, поэта чуть не сломала его, погрузила в тоску и опустошенность. Помог пример отца, фронтовика, десантника, угодившего в плен, бежавшего из плена, чтобы угодить в лагерь, перенесшего муки унижения, но не сломавшегося, встретившего реабилитацию с гордо поднятой головой. Пример отца научил его главному: быть верным себе, верить в людей, в правду и справедливость.

Внутренний стержень, честность и благородство Александра Евгеньевича привлекают к нему окружающих, особенно молодых, чувствующих в нем нестареющую, молодую душу, истинного учителя и наставника, обожаемого мэтра.

Наставник из него получился не хуже Павла Петровича Чистякова, выпестивовшего таких гигантов живописи, как Репин, Суриков, Серов, Васнецов, Врубель. Дело не в величинах сравниваемого, а в сути, в понимании долга, завета: Учитель, воспитай ученика!

Александр Евгеньевич при всяком удобном случае вспоминает своих учеников: Светлану Кошелеву, Дину Измайлову, Марьяну Казакову, Ваню Кефанова, Светлану Шатову. Их успехи его радуют, как свои собственные.

Многие из его живописных работ, такие как «Фехтовальщица», «Перед соревнованием», «Защитники Тулы», «От советского информбюро», «Память», «Вернулся», «Светлана», циклы «Автопортрет», «Реалии абстракции» и другие стали достижением и историей тульского изобразительного искусства, сделали ему имя.

Я люблю его стихи. Постоянно перечитываю их. Они помогают мне жить, разбираться с собой.

*Как быть перу усталому,
Когда в душе темно,
Когда от снега талого
На улице дрянно?
Когда на сердце трещина
Больней день ото дня,
И в доме плачет женщина,
Любившая меня...
Забросит ветер сети
Лучей зари в затон.
Притихнет в травах ветер —
Уставший за день конь.*

*И тишина, что лебедь,
Взойдет над гладью вод.
И грез оживших трепет
Надеждой зацветет.
Заблещут звезды зыбко
На маковках ракут,
И золотою рыбкой
Луна заговорит:
«Еще чего-то надо?»
А я отвечу ей:
«Любимую отраду
Из невозвратных дней!»*

Мне импонирует эта естественная переключка с Жуковским. Задушевность, возвышенность, чистота не могут не волновать, не трогать, не возвышать...

Спасибо поэту!

Думаю, что поэта не царапают даже сиамские кошки, не лают на него бродячие собаки, на версту чувствующие человека, не любящего их.

Помню, какой любовью окружал поэт своего попугая Кешу, как переживал вынужденное расставание с ним.

Расположенность к людям, доброта и терпение не единственные добродетели его. И кто только не пользуется ими? В недавней поездке в Венев на выступлении в школе, рассказывая о своем творчестве, показал он аудитории свои рисунки-штудии, которые так понравились ученикам, что, мягко говоря, оставил их им на память.

Стихи Новгородского последнего времени отличаются от ранее написанных. Если те в основном писались рукой художника, то нынешние уже рукой поэта. В них больше сегодняшнего дня, подтекста, диалога с читателем, звука, тревоги.

*Я был бы нравом веселей,
Когда б не смрад дорог,
Когда б в дыму не занемог
Последний соловей.
Я мир бы весь, как брат, любил,
Когда б не слов обман,
Когда б деревню не долил
Забвения туман.
Я б улыбаться не устал
Приветливости лиц,
Когда бы глаз не разъедал
Тлетворный смог столиц.
Я светел был бы, словно май,
Как лес осенний тих,
Когда бы обошли наш край
Кислотные дожди.
В краю бесхозных лошадей
И брошенных собак,
Я задохнулся б, словно рак,
В отравленной воде.
Колодец, высохший до дна,
Душе моей под стать.
В том не твоя — моя вина.
Прости, природа-мать.*

Прости и ты нас, поэт! Прости...

Константин Струков
(г. Тула)

ВЕРШИНА ЕЩЕ ВПЕРЕДИ
(К 60-летию Валерия Савостьянова)

Круглая ли дата — 60 лет? Конечно круглая, раз имеется нолик. Тем более, как говорится, начиная с некоторого возраста все дни рождения, кратные пяти, являются юбилейными. Потому что на склоне лет преодоление каждой пятилетки равносильно десяти — двадцати годам молодой жизни. Действительно, годы уже приходится преодолевать, как не парадоксально это звучит.

Так что Валерий Николаевич вступил в «клуб» шестидесятников, с чем его и поздравляю. Я вступил туда еще раньше и поэтому могу его приветствовать в рядах «нашего» клуба. Однако, оказывается «шестидесятником» в СССР называли «свободолюбивающего интеллигента, выступающего за соблюдение прав человека, свободу личности и гласность». Так вот в какой достойный «клуб» он вступил.

Мне представилась возможность поздравить Валерия Савостьянова со страниц нашего замечательного журнала. Но это поздравление я не считаю «от имени соратников по перу». Мое поздравление лично от меня, а также от друзей Валеры, в число которых я, надеюсь, вхожу. А от «соратников по перу», я думаю, он получит много поздравлений и они будут более достойными и солидными, чем мое скромное поздравление.

Сколько лет я его знаю, он всегда был «заводилой», мотором наших компаний, иногда, как мне казалось, безрассудным и нам, его попутчикам, приходилось урезонивать, ограничивать его пыл. К примеру, на байдарке он мог проплыть целый день без отдыха и остановок. А на остановках, вместо положенного отдыха, он начинал заниматься своим любимым бегом.

И эта его черта — неутомимость — проникла во все сферы его деятельности. В том числе и в литературу. Тщеславный, в хорошем смысле, он привык добиваться своих целей — и в жизни и в творчестве. Я, наверно, тоже такой, ведь по гороскопу, как и он, отношусь к «девам».

Мне кажется, что Валерий Николаевич не ожидал, что в «его» литературный круг вдруг ворвался я, человек непосвященный и по литературной части для него незнакомый. Ведь наша дружба была основана на водных маршрутах, на сфере туризма, на «теплых» наших приятельских компаниях. Сфера поэзии для нас, простых туристов и городских обывателей, была «табу». Мы, конечно, знали, что он с успехом сочиняет стихи и издает сборники. Но, насколько я помню, о своих стихах он никогда с нами не говорил и, тем более, не декламировал их. Здесь, в укор ему, могу сказать, что почти каждый человек, даже если он в явном виде не поэт и не писатель, в глубине души стихи любит и они могут его волновать не меньше, чем самого автора стихов. Но я понять его могу, ведь сам когда-то испытывал чувство робости и неловкости перед людьми за свою тягу к поэзии.

Что касается самого творчества Валерия Савостьянова, то ряд его стихов я нахожу сильными, выполненными на высоком уровне. Про все стихи я не могу сказать

этого, ведь я не литературный критик. Особенно в творчестве В. Савостьянова выделяются стихи патриотической тематики. Например, очень выверено, точно звучат такие строки из стихотворения «Страна»:

*Нам не дано другой страны:
Она — такая.
С ней вместе стынь и жди весны.
Не упрекая.
И не пытайся понимать,
Она — абсурдна:
То осторожна, словно мать,
То безрассудна.
То умоляет: «Не убий!»,
Рожая тройню,
То вдруг — сурова, как Сибирь,
Пошлет на бойню!..*

Глубоко философски звучит стихотворение «Вещи»

*Мы тратим жизнь — мы копим вещи
И деньги копим, чтоб купить.
А звезды блещут, звезды блещут
И не приучены копить.*

*А звезды блещут и мерцают,
Алмазом режут по судьбе,
А звезды вещи отрицают,
Поскольку сами — вещь в себе...*

Удаются Валере Савостьянову стихи о нашей Родине, о селе, о несравненной среднерусской природе. И картины природы у поэта часто ассоциируются с образами русских красавиц. Вспомним такие строки поэта:

*Я смотрю на тебя, понимая
Почему ты, такая прямая,
Над березами вознесена.
Ты усвоила тайну успеха:
Не давать бокового побега
И рубить свои ветки, сосна.
Пусть береза-дуреха любила,
Надевала сережки весной,
Ты все лишние связи —
Рубила,
Ты всегда оставалась сосной.*

*...Ветше Ветхого завета,
Вечной вечности древней
Имя это. «Вета, Вета!» —
Волны падают с камней.
Лодка. Лето.
Блики света —
Лунный фосфор на весле.
Шепчет ветер:
«Вета, Вета!» —*

*Полюбившейся ветле.
До рассвета: «Вета, Вета!» —
Несравненной из ветвей
Щебетал стихом сонета,
Пел сонаты соловей...*

*...Я забыл те лица и фамилии,
Тех друзей походных имена —
Помню лишь: Плывет, срывая лилии,
Лилия прекрасная одна;
Да еще мольбу мою напрасную,
Что была той Лилии смешна:
Что нельзя их рвать —
Что в Книгу Красную
Лилия давно занесена...
«Как же вы все быстро забываете,—
Хохотала Лиля на плоту,—
Что же вы нас, мальчики, срываете,
В Книгу не заглядывая ту?..»*

В своем маленьком обзоре, я не затронул такой важной темы творчества В. Савостьянова, как защита Отечества, темы «Самой страшной и Кровопролитной Войны XX века». Эта тема занимает особое место в поэзии Савостьянова и поэтому просто «касаться» ее не собираюсь.

В заключение хочу сказать, что поэзию Валерия Савостьянова я не могу воспринимать однозначно, с таким «диким восторгом и почитанием». Я замечаю как положительные, так и не очень положительные стороны его творчества. Не собираюсь разубеждать тех, кто принял в своем сердце поэзию Савостьянова полностью, без оговорок. Я высказываю только свою точку зрения.

Однако, нельзя не согласиться, что поэт он незаурядный, а для Тулы — выдающийся. Хочу пожелать замечательному поэту и человеку Валерию Савостьянову крепкого здоровья и, обязательно, творческих успехов! Надеюсь, что своей поэтической вершины он еще не достиг.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Борис Кобринский
(г. Москва)

**ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И РЕВОЛЮЦИИ:
ПРИЗЫВЫ И ПРОРОЧЕСТВА**
(К 92-й годовщине Великой Октябрьской
Социалистической революции)

Борис Аркадьевич Кобринский родился в 1944 г. в Москве. Образование получил во 2-м Московском медицинском институте и Московском институте радиотехники, электроники и автоматики. Автор более 400 научных работ, в том числе 9 книг. Член редакционных коллегий ряда отечественных и зарубежных научных журналов. В течение ряда лет совмещает литературную работу и научную деятельность, является руководителем Медицинского центра новых информационных технологий Московского института педиатрии и детской хирургии. Доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Международной академии информатизации. Один из ведущих специалистов в области медицинской кибернетики и информатики.

Ранее публиковались отрывки из воспоминаний в различных изданиях.

*Как рыбы попадают в пагубную сеть,
и как птицы запутываются в силках,
так сыны человеческие
уловляются в бедственное время...*

Екклезиаст

ВЛАСТЬ СЛОВА

*Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую Поэта...*

Е. Баратынский

Власти слова посвящено одноименное стихотворение Николая Гумилева:

*В оный миг, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Словом останавливали воды,
Словом разрушали города.*

И в перекличке с ним у Анны Ахматовой:

*...в мире нет власти
Грозней и страшней,
Чем вещее слово поэта.*

Человека можно подтолкнуть к различным действиям, зачастую разрушительным не только для окружающих, но и для общества, даже цивилизации. И при этом возможны ссылки как на Творца, так и на политических деятелей совершенно разного толка — от Маркса до Бен Ладена. Недаром Пастернак вложил в уста Сен-Жюста следующую метафору:

*Как людям втолковать, что человек
Дамоклов меч Творца...*

Дамоклов меч, характеризующий призрачность безопасности и благополучия, может в любой момент изменить жизнь и представления человека. В тоже время, готовность людей к определенным действиям требует не только предварительного осмысления ситуации, но немалую роль здесь играет эмоция, способствующая усилению позитивной или негативной реакции человека. Поэт Михаил Кузмин видел сущность искусства в том, чтобы «производить единственное, неповторимое эмоциональное действие через передачу в единственной неповторимой форме единственного неповторимого эмоционального восприятия». Чем гениальнее литературное произведение, в особенности поэтическое, тем более мощный эмоциональный заряд получает читатель или слушатель. Сюжет, подтекст и возникающие эмоции, вызывая определенный отклик в душе человека, могут способствовать формированию соответствующего отношения к мятежу, революции, изменению общественного строя. Александр Блок рассматривал искусство как голос стихий и стихийную силу, видя в этом «его единственное назначение, его смысл и цель».

Предвидения нашли отражение у многих поэтов в разное время, но в особенности в России с ее нередко самобытным отношением к слову как к проповеди. Поэтическое слово несомненно оказало влияние на формирование взглядов и социальной позиции интеллигенции, что способствовало поддержке ею революционеров всех направлений.

Метафоричность, характерная для поэзии, обладает умножающим эффектом на сознание человека. И более выраженное воздействие оказывают наиболее революционные призывы, обещание быстрого решения вопросов общественного мироустройства.

Поэтические тексты отражают нечто духовное, недаром философ Петр Успенский обращает внимание на наличие потенциальной энергии в стихотворениях А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. По его мнению «эта энергия действует не только на чувства людей, но самим своим существованием действует на их волю». Это проистекает из углубления поэзии в суть явлений. Для символистов, по представлению Вяч. Иванова, «слово, само по себе, уже энергия», а символ — это «ознаменование или указание».

Объяснение роли слова предлагает один из видных философов XX века Николай Бердяев, обращая внимание, что «мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве... Мы принимаем слова на веру... А в общественной жизни условная, но ставшая привычной фразеология приобретает иногда власть почти абсолютную... За словами идут массы». В связи с этим можно вспомнить Федора Сологуба:

*Все ясно только в мире слова,
Вся в слове истина дана.*

А поэт Александр Блок в одной из статей замечает, что «нигде слово не претворяется в жизнь, не становится хлебом или камнем так, как у нас».

Стефан Цвейг писал, что «перед великими революциями и катастрофами всегда летают буревестники духа». В России ими традиционно являлись поэты. Осип Мандельштам считал, что «поэт связан только с провиденциальным собеседником», а Максимилиан Волошин предполагал, что «пророчествуя о будущем, они сами не знают, что пророчествуют, потому что души их подобны раковинам...» Об этом же говорится и в стихотворении Сергея Есенина «Поэт»:

*Не поэт, кто слов пророка
Не желает заучить.*

Литература и в особенности поэзия, воздействуя на эмоциональную сферу и через нее на сознание людей, могут выступать как движущий фактор в истории человечества. Человека, как существо эмоциональное, можно «загипнотизировать» словами, поэтическими образами. Это и происходило в начале XX века в России, замороженной идеей всеобщего счастья.

Но поэты, славя и призывая свободу, надеются, что ее приход будет своего рода восходом солнца и уж никак не предполагают, что этот день послужит началом кровавой бойни. Именно поэтому так приветствовали в России февральскую революцию, которую называли бескровной.

Как писала в статье «Поэт и Время» Марина Цветаева: «Тема Революции — заказ времени». Недаром писатели, и в первую очередь поэты — символисты и футуристы,— способствовали этому вольно и невольно, под влиянием сложившейся тогда в обществе и стране обстановки.

Поэзия, включающая революционные мотивы, независимо от замыслов авторов, смещала общественное мнение влево, обеспечивала поддержку революционерам как борцам с тиранией. Восприятие слов поэтов как руководства к действиям способствовало расширению базиса будущей революции в различных слоях общества, особенно молодежи.

ДУХ РАЗРУШЕНИЯ

*Дракон явил свое чело,—
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволкло*

Вл. Соловьев

Стремление к демократическим переменам в России носило у многих поэтов идеалистический характер, что не противоречило, а иногда даже способствовало излишней левизне их литературных манифестов, прозаических и особенно поэтических произведений. Валерий Брюсов, надеясь преобразовать внутренний мир человека, повернуть его лицом к свободе, обращается как бы к одному из братьев, сообщая ему, что он готовит миру «яд, где огонь запечатлен», и этот яд:

*Он входит в кровь, он входит в душу,
Преображает явь и сон...
Так! Я незримо стены рушу,
В которых дух наш заточен.*

В этих и подобных стихах поэты, не будучи ультралевыми по своим убеждениям, вольно или невольно давали ответ на настроения общества не довольного существующей властью. Негативное восприятие окружающей действительности способствовало появлению стихотворений, призывающих к борьбе и мести. Симпатии к народолюбцам, имевшие довольно широкое распространение, впоследствии были перенесены на новых революционеров. Это вело к оправданию различных форм достиже-

ния цели — революционного преобразования мира. И как следствие — к изменению толерантности в отношении насилия, бунта, крови, гибели людей. И мы встречаем у Константина Бальмонта:

*Я хочу кинжальных слов
И предсмертных восклицаний!*

Говоря об интеллигенции, Блок (в приводимом Горьким разговоре) утверждает, что «вызвав из тьмы дух разрушения, нечестно говорить: это сделано не нами, а вот теми. Большевизм — неизбежный вывод всей работы интеллигенции на кафедрах, в редакциях, в подполье ...».

О негативном заряде революции религиозный философ С. Н. Булгаков пишет, что она «характеризуется лишь отрицанием ею разрушаемого, поэтому пафос революции есть ненависть и разрушение». А о тяжелых последствиях ненависти говорит проповедник Бранд в одноименной драме Г. Ибсена:

*Но в этом слове «ненависть» — зародыш
лежит борьбы великой, мировой!*

В России гимн разрушению еще в период неудач русско-японской войны, во время первой революции, поет далеко не самый революционный поэт Федор Сологуб:

*В гневном пламени проклятья
Умирает старый мир.
Славьте, други, славьте, братья,
Разрушенья вольный пир!*

Как мы знаем по опыту Франции, России и других стран, призыв к борьбе и теоретическое оправдание ненависти к определенным группам людей ведет к разгулу стихии, а затем к формированию идеологии и практики террора. И призывы к этому можно наблюдать у российских поэтов, принадлежащих к различным направлениям. Творчество поэтическое прокладывало дорогу к «творчеству» разрушения.

ОТМЩЕНИЕ И ЖЕРТВЫ

*...надвигались иные години
и несли иные вести*

А. Белый

В поэзии символистов на переломном этапе российской истории люди улавливали что-то сверхчеловеческое, призывающее к изменению мира. В поэзии Валерия Брюсова мы находим прославление действий взбунтовавшегося народа:

*...Славлю и день ослепительный
(В тысячах дней неизбежный),
Когда среди крови, пожара и дыма,
Неумолимо
Толпа возвышает свой голос мятежный,
Властительный,
В безумии пьяных веселий
Все прошлое топчет во прахе,
Играет, со смехом, в кровавые плахи...*

Истоки этого российского демонизма (брюсовское «никому не сочувствуй», бальмонтовское «я хочу горящих зданий») в романтизме в байроновском и Оссиа-

новском вариантах, а также во влиянии Ницше с его романтизмом в отношении будущего «сверхчеловека»: «Развалины звезд — / Из этих развалин я мир построил».

Представления о построении идеального общества всегда ведут к необходимости жертвы, и не только личной, но и со стороны других людей. Проповедь ибсеновского Бранда, направленная на построение царства Божия на земле, нечто вроде примитивного коммунизма, требует от способствующих этому людей отказа от всего, включая жизнь:

*Но первые ряды своим паденьем
победу следующим доставляют.*

Как ни далеки как будто Бранд и Ленин, но объединяет их оправдание любых жертв во имя будущего. Л. Троцкий в своих воспоминаниях пишет, что «главную пружину ленинского духа» составляло «глубокое и неукротимое убеждение в могущественных возможностях человеческого развития, заплатить за которое можно и должно любой ценой жертв и страданий». Как пишет философ и писатель Ф. Степун, «...чувством здешней бессмертности и объясняется... твердая вера в возможность словом и делом, огнем и мечом изменить мир к лучшему...».

Отказ от сочувствия каждому отдельному человеку неизбежно ведет к аморализму, а именно марксизм, определяя свое отношение к пролетариату как ведущей революционной силе, отказывается от раннего народнического сострадания к его положению, ориентируясь на всемирную революцию, ради которой могут быть принесены любые жертвы на алтарь будущего всечеловеческого счастья. И в работе «Государство и революция» Ленин обращает внимание на слова Энгельса из письма Бебелю: «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления...». Результатом этого быстро сделалось подавление всех несогласных с идеей октябрьской революции, отторжение их, изгнание и уничтожение.

Попробуем рассмотреть роль поэзии в готовности человека к разрушению и возмездию. В оде А. С. Пушкина «Вольность» мы встречаемся с не меньшей жестокостью, чем в революционный период начала XX века. Чего стоят такие строки:

*Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу!*

Ранее о том же писал А. Радищев и тоже в оде под названием «Вольность»:

*Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает
Над гордою главою царя.*

Но Радищев не имел в виду бессудной мести, так как он далее, признавая Кромвеля злодеем, погубившим свободу, отмечает его заслугу, как человека казнившего короля судебным порядком: «Ты Карла на суде казнил».

В этой переключке поэтов, призывающих к мести, предвидящих гибель царского дома, участвует в 1907 году, за 10 лет до потрясшей мир Революции, Бальмонт, написавший стихотворение «Будто бы Романовым» с такими пророческими словами:

*Вам приготовлена плаха
.....
Ждите же царствия страха!*

Да, философы и поэты готовят почву, раскачивают ситуацию. Недаром и историк Карно обращает внимание, что в ироническом припеве народной французской песни говорится по поводу Великой французской революции: «Это вина Вольтера, это вина Руссо».

В сборнике «Вехи» С. Н. Булгаков писал о проблеме права «на жизнь и смерть других...» и оправдании отказа от уз морали ради идеи, что нашло отражение у Ф. М. Достоевского в «Бесах» и в «Легенде о Великом инквизиторе», дух которого он провидел в будущей социалистической революции. Отсутствие же сомнений мы встречаем в стихотворении Валерия Брюсова «Мы», написанном в 1899 году:

*Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом,—
Мы — гребень встающей волны.*

И, как продолжение этого, Велимир Хлебников в 1908 году, описывая реакцию толпы на террористический акт, провидит: «Проснулось красное буймо».

Поэзия, призывающая стихию бунта, приходит в своей крайней точке к отказу от всех ценностей, включая величайшую из них — ценность человеческой жизни, в которой заключен целый мир.

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И МЯТЕЖНОСТЬ

*Дьяволу служить или пророку —
Каждый выбирает для себя*

Ю. Левитанский

В соответствии с ситуацией в обществе, в поэзии можно отметить спиралевидную смену периодов революционного и эволюционного видения будущего мира. Противоположные взгляды могут наблюдаться у современников, а могут быть переключкой во времени, как «ответ» Тютчева на оду «Вольность» Пушкина:

*Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!*

В начале XX века революционными настроениями были охвачены многие поэты и писатели. Блок — автор «Стихов о Прекрасной Даме» — уже в 1906 году в стихотворении «Деве-революции» восклицает: «О, Дева, иду за тобой...». А в стихотворении 1907 года:

*Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит времен величье
И розоперстая судьба!
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!*

Так у Блока впервые объединяется понятие времени, судьбы России и революции. Он понимает, что негодование народа рано или поздно реализуется в разрушительной форме: «Зрелость гнева — есть мятеж» пишет он в стихотворении «В огне и холоде тревог ...».

В более мягкой форме революционный призыв представлен даже у такой отстраненной от левореволюционных настроений поэтессы как Зинаида Гippiус, которая, обращаясь к памяти декабристов, писала в 1909 году в стихотворении «14 декабря»:

*И вашими пойдем стопами,
И ваше будем пить вино...
О, если б начатое вами
Свершить нам было суждено!*

Если же мы обратимся к творчеству российского поэта XIX века И. С. Никитина, то тоже столкнемся с вопросом о светлом будущем:

*...Придет ли, наконец, пора,
Когда блеснут лучи рассвета?*

Но он далек от призывов к мятежу. В целом его творчество можно охарактеризовать словами Сергея Городецкого как «глубочайшая душевная тишина, которую должен был пропеть миру Никитин». Хотя в той же статье он пишет, что отрицание «грязной действительности» окружающей жизни привело поэта к тому, что «не стало места миру и тишине в никитинской песне, горе и злоба получили возможность родиться в ней». Но в поэзии Никитина не было момента мщения.

С. Я. Надсон в 1878 году, в эпоху «Народной воли», обратившейся к террору, вспоминает о прежних временах хождения в народ в стихотворении «Во мгле»:

*Мы думали, что близко время,
Когда мы всюду свет прольем,
Когда цепей тяжелых бремя
Мы с мысли скованной сорвем;
Когда, как дивное сиянье,
Блеснет повсюду над землей
Свобода, честность, правда, знанье...*

Это надежда отринуть старое путем его насильственного отстранения, типа отречения от власти под действием слов, в определенной степени подкрепленных неиспользуемой, но наличествующей силой. Другими словами, путь «внутреннего развития, естественного прогресса» по Чаадаеву, включающий самосовершенствование, который только и может дать человеку счастье. Иначе неудовлетворенность достигнутым, разгул анархии, горящие библиотеки и прочее.

В литературе попытка в начале XX века вернуться от символических представлений к «норме», к романтико-реалистическому или лирико-романтическому направлению — к А. С. Пушкину, И. С. Никитину, А. Н. Майкову, Я. П. Полонскому, — вызвала резкий отпор со стороны В. Я. Брюсова, который «обвинял» В. Ходасевича в тяготении к «пушкинизму» и «тютчевизму». Нормальное звучание человеческого голоса, переход от громовых раскатов романтико-символистского плана и одержимости великими идеями к частной жизни нашел свое отражение у очень разных по своему внутреннему ощущению, по выражению и по стилю поэтов — у Надсона, Гумилева, Мандельштама и других. Примером может служить стихотворение С. Я. Надсона «В тихой пристани»:

*Вот наш старый с колоннами серенький дом,
С красной крышей, с массивным балконом,
Темный сад на просторе разросся кругом
.....
Тихо шепчет струя про любовь и покой
И, во мраке звеня, замирает...*

Обращает внимание тот факт, что эта идиллическая картина создана в том же году, что и выше процитированное стихотворение «Во мгле». Призыв к обновлению жизни не обязательно должен сопровождаться требованием ее революционной перестройки, не противоречит любви к старой милой родине, что проявляется в форме или лирического, или философски-психологического романтизма.

В 1908 году у Андрея Белого в стихотворении «Русь» возникает безответный вопрос:

*В пространствах таятся пространства.
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?*

Попытка ответа в статье Осипа Мандельштама, посвященной памяти Блока: «Поэтическая культура возникает из стремления предотвратить катастрофу, поставить ее в зависимость от центрального солнца всей системы, будь то любовь, о которой сказал Дант, или музыка, к которой в конце концов пришел Блок».

У Андрея Белого жизнь простых людей и жизнь сказочных персонажей, типа кентавров, представлена как привычное земное существование, как нормальный человеческий размер бытия. Эти образы, как и мандельштамовская «О, тихая моя свобода...», условно противостоят будущему классовому у Маяковского:

*Не наше счастье —
счастье вдвоем!
С классом
Спайся четко!*

Гражданская поэзия — это нормальный масштаб человека, обыкновенная жизнь, сочувствие к человеку («в мучительно-тесных громадах домов живут некрасивые бледные люди» у символиста Бальмонта).

Максим Горький кличет бурю («Пусть сильнее грянет буря»), но когда революция разразилась появились его «Несвоевременные мысли», где он заговорил о ценности человеческой жизни («Светлые крылья юной нашей свободы обрызганы невинной кровью»), необходимости сохранения культурного потенциала нации. В этой связи вспоминаются слова петрашевца Д. Д. Ахшарумова, что «освобождение народа угнетенного требует большой осторожности; терпевший долго народ и перенесший тысячи обид будет мстить». И сегодня нам понятно, что поэзия борьбы должна не забывать об общечеловеческих ценностях, среди которых первой является жизнь человека.

И как переключка с петрашевцем, Александр Блок, предчувствуя надвигающийся переворот, записывает 6 и 7 августа 1917 года в своем дневнике: «Грозный Лик Твой, такой как на древней иконе, теперь неумолим перед нами! ...И вот, задача русской культуры — направить этот огонь на то, что нужно сжечь; буйство Стеньки Разина и Емельки превратить в волевою музыкальную волну; поставить разрушению такие преграды, которые не ослабят напор огня, но организуют этот напор...». К сожалению это осталось лишь пожеланием великого поэта.

ПРОРИЦАНИЕ БЕДСТВИЙ

Дно всех бездн испытать в спусках...

Даниил Андреев

Пророчественность — основное свойство поэзии,— писал в 1917 году Максимилиан Волошин. В сложных периоды истории усиливаются эсхатологические ощущения конца света. В 1908 г. Александр Блок заносит в записную книжку: «...слышите ли вы задыхающийся гон тройки? Видите ли ее, ныряющую по сугробам мертвой и пустынной равнины? Это Россия летит неведомо куда...». И, как бы продолжая этот разговор, призывает в стихотворении 1911 г. (новая редакция от 7 февраля 1914 г.):

*Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне...*

И предчувствие Николая Клюева в 1916 году о будущем России включает предвидение драматических событий:

*...Русь избяная — несметный обоз! —
Вспарит на распутье взывающих гроз...*

*.....
Сметутся народы, иссякнут моря...*

Поэт предчувствует появление темных сил, поднимающихся и проявляющихся как следствие революционных изменений. В более мягкой форме мысль о приближении драматических событий прозвучала в опубликованной накануне февральской революции 1917 года поэме Гумилева «Гондла»:

*Наступили тяжелые годы,
Как утратили мы короля
И за призраком легкой свободы
Погналась неразумно земля.*

А Борис Пастернак в 1915 г. в стихотворении «Десятилетье Пресни» задается вопросом и одновременно предрекает:

*Тому грядущему, быть ему
Или не быть ему?
Но медных макбетовых ведьм в дыму —
Видимо-невидимо.*

Еще ранее, на исходе первой русской революции, в стихотворении «Медный всадник», написанном в 1906 году, Вячеслав Иванов устами Сивиллы предупреждает о грядущих бедствиях и гибели множества людей:

*Чу, как тупо
Ударяет медь о плиты...
То о трупы, трупы, трупы
Спотыкаются копыта.*

Эти слова перекликаются с предвидением лермонтовского «Предсказания» 1830 года:

*Настанет год — России черный год —
Когда царей корона упадет,
.....
Когда детей, когда невинных жсен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел...*

И уже в другом столетии, Блок в стихотворении «Голос из хора», которое он писал в межреволюционный период 1910 — 1914 годов, пророчески-трагически, как бы от имени всех, выстраданно говорит:

*О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней.*

И в этот же период (1913 г.) в очерке «Пламень» он пишет: «Есть Россия, которая вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть более страшной». Предупреждение о будущей опасности для мира и в блоковском цикле «На поле Куликовом», написанном за девять лет до октябрьской революции:

*«Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!».*

А Максимилианом Волошиным еще во время первой русской революции в 1906 году в стихотворении «Ангел мщенья» было предсказано: «И кровь за кровь рекою потечет ...».

И Илья Эренбург в 1915 году пишет в стихотворении «Пугачья кровь» о прорицании, якобы сделанном простой бабой после казни Пугачева:

*...Прорастут, прорастут твои рваные рученьки,
И покроется земля злаками горючими,
И начнет народ трясти и слабить,
И потонут детушки в темной хляби,*

*.....
И станет тесно, как в лесу, от повешенных...*

А весной 1917 года Велимир Хлебников в стихотворении «Народ поднял верховный жезел...» ощущает ужас от того, что «в каждом зипуне мерещится Дантон». Тогда же Марина Цветаева в достаточно резкой, чтобы не сказать грубой форме, пишет:

*Свершается страшная спевка,—
Обедня еще впереди!
— Свобода! — Гуляющая девка
На шалой солдатской груди!*

В том же 17 году в стихотворении «Предзнаменование» Николай Гумилев писал:

*Господь, помилуй наши души:
Большая нам грозит беда.*

А Зинаида Гиппиус, в марте славившая февральскую революцию («Юный март»), в стихотворении «Гибель», написанном накануне октябрьского переворота, уже предрекала:

*Близки
Кровавые зрачки,
Дымящаяся пеной пасть...*

Недаром Н. А. Бердяев утверждал, что русская литература — самая пророческая (фр. *prophétique*, лат. *propheta* — прорицатель, пророк) в мире, «она полна предчувствий и предсказаний».

Так, еще в 1879 году, один из зачинателей русского символизма Н. М. Минский писал:

*...Дух мести и грозы. Через весь мой край родимый
Промчится бурно он, как разъяренный шквал,—
Застонет родина от боли нестерпимой.
.....
И жертвы кроткие отравой сладкой мести
Злорадно превратит в суровых палачей.
А кровь невинная...*

И Вячеслав Иванов как бы приносит общее покаяние от людей своего времени:

*...сей пожар мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сгорит.*

Марк Дубинский
(г. Тула)

ОПЕРАЦИЯ «СКУНС»

Член Союза писателей России, полковник ФСБ в запасе, Олег Семенович Каширин выпустил книгу под упрощенно-будничным названием «КГБ как КГБ». В наше непростое время этой спецслужбе приписывают негативные качества, утверждая, что она якобы подавляла свободу личности, помогала правителям государства угнетать народ. На самом деле это не так. И патриоты России, наоборот, считали ее защитницей страны и государства, организацией, которая стояла на самом передовом рубеже охранной линии. Ну, да это так, к слову.

О чем же речь в повести? Олег Каширин в своем повествовании не мудрствует; он взял за основу небольшой отрезок времени из повседневной жизни чекистов, отрезок времени как будто бы ничем не примечательный. Но из нарисованной писателем картины читателю становится понятной непреложная истина: у спецслужб не бывает будней. Их служба всегда сопряжена с боеготовностью и риском, с необходимостью работать без сна и отдыха, в любое время суток, иногда и рискуя своим здоровьем и жизнью.

Разворачивается рассказ неторопливо, как бы нехотя. Сначала появляется сообщение о каких-то странностях. Оперативники настораживаются: что-то подозрительное, — надо проверить. И вот в процессе проверки одной, на первый взгляд незначительной детали, которая каким-то образом выделяется из повседневности, выясняются все новые и новые обстоятельства, которые уже не настораживают, а вызывают опасение.

Умело и скрупулезно автор показывает работу оперативных работников КГБ, следователей, руководителей, которые, развязывая клубочек, выходят, в конце концов, на одного из сотрудников секретного оборонного предприятия. Выясняется, что этот сотрудник завербован иностранной разведкой, что он, погоняемый своей алчностью, готов продать секреты своей Родины. Ко всему прочему он вдобавок и элементарный убийца, о котором никто и не подозревал. В результате умело спланированной оперативно-следственной операции был задержан и изобличен гражданин иностранной державы, которому шпион передал секретную информацию. Очень тонко, наглядно, убедительно Каширин показывает мерзкую, трусливую душонку преступника, который изошренно запутывал следы своей аморальной и грязной жизни и измены интересам государства. Однако же отвергаться, вывернуться ему не удалось. Прижатый неумолимыми фактами и доказательствами, которые, скрупулезно работая добыты следователем, он вынужден был сознаться во всех своих преступных делах. Вот так и работают наши спецслужбы в то самое время, когда мы, занимаясь своими делами, спим, едим, работаем, и ничего не подозреваем, ничего не замечаем.

Интересно, на мой взгляд, описал Каширин и работу офицеров во время учений по поимке «диверсантов», которые якобы проникли на территорию области. Здесь и подъем по тревоге, и передвижение в заданные районы, и взаимодействия с армей-

скими подразделениями, помощь населения, и расторопность, умелые действия личного состава.

Удачно и очень точно описал автор любовь, ревность, несчастья выведенного им любовного треугольника. Очень колоритно выглядит история с «пришествием» на нашу землю инопланетян. С действиями милиции, КГБ в связи с этим, который все-таки искал их, пытаясь проверить это сообщение, ибо проверять все необычное — их прямая обязанность.

Понравится читателю и такая деталь. Чтобы не рассказывать о событиях, которые происходили в то время в 1991 году в стране и за рубежом, Каширин перед началом глав, на которые разбита повесть, вставляет сообщения газет и радио последних новостей. Такая методика необычна, но очень действенна.

Хочется сказать еще вот о чем. Автор пишет: «Наверное, с хорошего отношения к животным начинаются и добрые дела человека. Любовь к животным у детей — залог будущего уважения к людям». Принять это утверждение я не могу. Фашистские главари все сплошь были сентиментальными любителями кошек и собак. Однако ими эта любовь не была перенесена на людей. Об их нечеловечности знает весь мир. А вот о Солженицыне в книге сказано верно и к месту. Это мне понравилось.

На мой взгляд, премия лауреата конкурса в области литературы и искусства ФСБ России, которой был отмечен Олег Каширин за свою повесть «КГБ как КГБ», им вполне заслужена. Книга — великолепно по всем показателям.

А заканчивает автор свою книгу такими словами: «Время показало, что без эффективно работающей спецслужбы, стоящей на защите интересов народов России, государство не состоится».

И это абсолютно верно!

Желаю автору как можно больше читателей, ибо книга того стоит.

Регина Орлова
(г. Плавск)

НИЧТО НА ЗЕМЛЕ НЕ СЛУЧАЙНО

(рецензия на книгу Леонида Ханбекова «Тульский энциклопедист» *)

Для того чтобы заглянуть в лицо к ним (Гёте и Байрону), для доступа к высотам их не помогут ни ползки, ни прыжки: тут надобны крылья... И крылья орла,— прибавил Грибоедов.— Солнечные лучи играют и в блеске, и в капле, но только масса воды может отразить целое солнце, только высокая душа может обнять полную мысль творца.

А. А. Бестужев-Марлинский
«Знакомство мое с Грибоедовым»

Прочитала книгу Леонида Ханбекова об Алексее Яшине «Тульский энциклопедист». И первые же строки подтвердили непреложную истину: «Ничто на свете не случайно». Думаю, практически каждый может применить к себе эти слова.

«Мне кажется, с каждым из нас, в детстве, в ранней юности, случается событие, которое определяет всю последующую жизнь. Только мы, бывает, не отдаем ему сразу с полным доверием, как материнской или отцовской руке. Или не находится рядом человека, который «расшифровал» это событие, как пророческий знак судьбы. Судьба-то, она непременно потом, через годы, выведет на ту, указанную дорогу. Но как жаль, если случается это уже запоздало, а то и вовсе поздно, когда ни сил, ни здоровья, ни запаса лет впереди... Наша история оптимистичнее».

Читала дальше с удовольствием и упоением, ибо узнавала новые факты из биографии давнего наставника и хорошего друга, узнавала героев его произведений. Как бы ни старались литераторы «выдумывать», «сочинять», никакие «высасывания из пальца» не заменят реальной жизни, ибо она весьма и весьма непредсказуема. И прав был Булат Окуджава, говоря, что «из собственной судьбы я выдергивал по нитке». Вот эти нити собственной судьбы, вплетаясь в характеры персонажей, делают их живыми, близкими и понятными, при этом образуется полный очарования узор произведения.

Творческие натуры могут часами любоваться самым безыскусным, невзрачным на первый взгляд цветком, потому что умеют «видеть». Бажовский Данила раскрыл секрет этого умения: «Засмотрелся я маленько. Букашка по листочку ползла. Сама сизенька, а из-под крылышек у ней желтенько выглядывает, а листок ширококонький... По краям зубчики, вроде оборочки выгнуты. Тут потемнее показывает, а середка зеленая-презеленая, ровно ее сейчас выкрасили... А букашка-то и ползет...». Потому умный читатель не остается безучастным к метким фразам, точным характеристикам, необычным находкам. Лаконичность, четкость, но отнюдь не сухость изложения, умение анализировать и излагать вроде бы давным-давно известные факты с необыч-

---

* Ханбеков Л. В. «Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина». — М.: «Московский Парнас», 2008. — 90 с. (Серия «Созвездие России»); см. также в Т. 4 Собрания сочинений Л. В. Ханбекова (М., «Московский Парнас», 2009).

ной стороны — все это присуще произведениям А. А. Яшина. Они, на мой неискушенный в рецензиях взгляд, похожи на раковины-жемчужницы: внешне просты и безыскусны, но таят в себе настоящее сокровище человеческого разума. Не все только хотят потрудиться, чтобы извлечь его на свет божий.

Вопрос прихода не только к научному творчеству, но и к литературному, увлекательно раскрывается Леонидом Ханбековым в живой беседе с героем его произведения. Почему сей вопрос интересует не только автора «Тульского энциклопедиста»? Вопрос поистине риторический, поскольку почти каждый человек примеряет на себя другие личины, пытаясь ответить, как другие «докатались до жизни такой», сравнивая себя и свои способности с чужими.

Вот и Леонид Ханбеков справедливо отмечает:

«История» Алексея Яшина куда богаче того, что преподается на кафедрах современных университетов и пединститутах, тесно ей и во многих академических фолиантах, поскольку кандидаты и доктора привычно молятся на труды своих учителей.

А он совершает дальние экскурсии в XVI—XVII века и по-своему анализирует становление российской государственности, бесконечные поползновения на гигантские православные просторы католической Европы, не чурается поразмышлять о сторонниках и противниках гомосексуализма в России, вчерашней и нынешней; о борьбе Сталина с поднимавшим головы троцкизмом во всех его проявлениях.

Ученый, он вспоминает тщательно замалчиваемый анализ работ Эйнштейна. Его шесть десятков лет назад опубликовал в Штатах Гедель, (автор теоремы о неполноте), в своих заметках о научной теории и идеалистической философии.

Я не большой знаток теории относительности, но мне были страшно интересны яшинские размышления об ее истинных отцах — Лоренце, Пуанкаре, Минковском, Давиде Гильберте...».

Вообще, Алексей Афанасьевич умеет находить в истории различные «изюминки» для любого читателя. Леонид Ханбеков, анализируя роман «Историк и его история», признает, что на отступления лирического свойства *«имеет полное право всякий романист. Это, в некотором роде даже и похвально, поскольку автор (или его герой) предстают перед читателем в этом случае куда более объемно и убедительно, демонстрируя свои пристрастия и привязанности, увлечения и круг общения».*

Сегует Ханбеков на необоснованность включения в текст романа определенных тем и весьма подробное изложение оных, но нелишне будет заметить, что у всякого автора есть свое видение произведения, своя логика развития событий, а читатель (и рецензент) волен соглашаться или не соглашаться с ними. Ибо, если внести такие «редакторские» правки, это было бы произведением другого человека.

Леонид Ханбеков в «лирических отступлениях» цитирует некоторые моменты переписки с героем своей книги, раскрывая в таких «мелочах», (а ведь наша жизнь и состоит из «мелочей»! Вспомните Аркадия Райкина: «Сто тысяч зрителей по одному рублю... Это будет, это будет ... Бешеные деньги!»), характер человек трудолюбивого, деятельного, в хорошем смысле слова «настырного» в достижении поставленной цели. Поэтесса Е. Николаевская говорила: «Просто некому больше, потому и несую». Вот и Алексей Яшин несет колоссальный груз различных забот, словно сторукий великан-гекатонхейр, успевая все: писать собственные художественные произведения, заниматься научной и административной работой, и новый журнал «Приокские зори» пестовать.

Кстати, о журнале. Может, в силу того, что я сама являюсь «пишущим» человеком, а специального литературного образования нет, стремлюсь учиться у коллег умению работы со словом. Вот почему я с интересом читаю рецензии на книги собратьев по перу. А в каждом номере журнала есть «информация к размышлению». Да

и Леонид Ханбеков пишет: «Ох, как понятна мне боль и обида пишущего, когда его труд остается незамеченным и падает, словно в пустоту!»

Беда с критикой. В пору сносного бытования «толстых» литературных журналов разделы критики и библиографии во многом были визитной карточкой издания. Журналы, стремясь выделиться и оперативностью, и тематической широтой, и «географией» прочитанного, и хорошей требовательностью, не делали скидок ни на столичность, ни на провинциализм. Нынче критические отделы во многом прекратили свое существование. Современных, так называемых «раскрученных» телевидением и ангажированных СМИ авторов, вроде Марининой, Устиновой, Донцовой, Улицкой, Славниковой, Лимонова, Пелевина, Перумова, Крусанова, даже Проханова, давно не интересует анализ творчества, глубокое прочтение и выявление каких-то художественных тенденций. Реклама — и только реклама».

Анализируя еще одно масштабное произведение А. Яшина «В час Волка», Леонид Ханбеков справедливо замечает: «Мы должны быть признательны историку за предостережение. Бацилла рвачества и накопительства, поразившая правящую верхушку страны, цинизм и демагогия, парализовавшие ее лучшие умы, могут дорого обойтись всему народу. Охотников обвинить писателя-историка в защите русской общинности, как несостоятельной панацеи от всех болезней, найдется и без меня. Если еще не нашлись, в силу достаточно скромного тиража книги. Ее огромный фактологический материал и выверенные политологические соображения хорошо бы иногда выносить на куда более широкую читательскую аудиторию, ведь у нас на современном телевидении, с его уже двумя десятками каналов, лишь на одном решительные антиамериканские, антинаатовские и антикальвинистские высказывания позволяют себе обозреватель Михаил Леонтьев. Завседатаи же всевозможных «круглых столов» у Владимира Познера и «дуэлянты» у Владимира Соловьева лишь наводят тень на плетень, когда заходит речь о ближайших угрозах современному шаткому после падения СССР мироустройству».

Третью часть книги «Час Волка» Леонид Ханбеков называет произведением по-настоящему художественным, оригинальным по сюжету, ярко самобытным по письму, актуальным до публицистической остроты и выхода на факты, даты, события, объясняющие самую суть того, как был потоплен «Титаник» под названием СССР. Можно принимать или не принимать точку зрения А. Яшина на события «катастрофы», но лично мне как-то не по себе, когда в СМИ начинают огульно критиковать сталинские, да и просто советские времена, восхваляя монархию. Были разные времена, но всегда были люди и ЛЮДИ, совершавшие ошибки и подвиги. Почему же теперь многие забывают о своем крестьянском происхождении, а ищут дворянские корни? Престиж? Мода? Приспособленчество? Советская власть дала возможность праправнукам крепостного, выменянного на собак, получить высшее образование (мне), стать полковником, профессором и академиком, защитить диссертацию (моему брату), стать полковником и защитить диссертацию (моему племяннику). А что ждало бы нас без Октябрьской революции, кем бы мы могли стать?

Название очередной книги А. Яшина «Живые шахматы» сразу наводит мысль о манипулировании людьми, о превращении их в марионеток. «В общении со вчерашним ведущим конструктором, деятельным и разносторонним человеком» Николаем Андреевичем высвечиваются очень интересные типажи. «Едва ли не через каждого из них, только не хлопай ушами, современник, вслушайся, вдумайся в то, что рассказывают они ему, зачастую alter ego автора, его эху, центру притяжения многих сюжетных веток и веточек, зеркалу типажей и характеров, — и ты откроешь для себя многие потаенные, скрытые от общественного взора, от внятного общественного истолкования вчерашних и нынешних властей... Думай, дорогой читатель, думай. В самом деле, все мы — живые шахматы. И порой нами двигает самый неле-

ный случай, порой сильная, гигантская натура, тот же Сталин, смешные с точки зрения истории, временивики, вроде шута горохового Хрущева, мелко мстящего поверженному льву, не устоявшего перед гидрой лести и чиновничества Брежнева, серенького и немогущего Черненко, пустопорожнего комбайнера на троне Горбачева, трусливого и вероломного Беспалого...»

Весьма поучительна концовка «Кожаной папки Мао Цзедуна», пророчество «великого кормчего»: «Сбылось пророчество Мао по всем статьям. Предали «союзники» своего спасителя от коричневой чумы по всем статьям. Эстония. Латвия. Польша. Чехия. Венгрия. Румыния. Украина. Молдавия...». Что тут можно еще добавить к словам Л. Ханбекова? Разве не прошла новая граница «суверенных» государств по сердцу каждого человека, разрушив мечты о светлом будущем? Только все же кому-то выгодно ловить рыбку в мутной воде и разыгрывать шахматные баталии с живыми людьми...

Продолжая анализировать дальнейшее творчество А. Яшина, Леонид Ханбеков характеризует так «Подводную лодку «Капитан Старосельцев»:

«Это на сегодня, с точки зрения единства формы и содержания, актуальности звучания и типичности изображенных персонажей — самое удачное произведение писателя.

Из чего я исхожу? Ну посудите сами.

Профессор Олег Васильевич Старосельцев — умница, талантище, разработками которого в медицинских высоких технологиях страна могла бы гордиться и зарабатывать на уступке прав сумасшедшие деньги, сравнимые с деньгами за газ и нефть, стоит часами в университетской сберкассе за скудным денежным довольствием, которое еще недавно на каждую кафедру получала загодя уполномоченная лаборантка. В пять минут, без всяких очередей, девушка отоваривала страждущих соотрудников! В пять минут!

Новые времена — новые песни. Старинную систему ликвидировали, ввели новую. В связи с заботой о людях ввели. Нехорошо, когда кто-то со стороны знает размер чужой зарплаты. Не жена, не муж, а чужой человек. Изменилась, мол, криминальная ситуация в стране. Надо быть осторожнее. Хотя ученые мужи вполне серьезно решают теперь иную задачу: как прожить очередной месяц на это жалкое пособие по безработице? Можно ли вручаемые им гроши назвать зарплатой?

Профессор решил заняться своим пропитанием самостоятельно. Он создал небольшое закрытое акционерное общество и в короткий срок стал подпольным миллионером. За счет чего? Как? С кем? А вот это и есть совершенно шикарная фабула произведения, которая позволила автору в полной мере раскрыть свои недюжинные способности сатирика и реалиста, философа и историка, краеведа и ученого аналитика».

Далее Л. Ханбеков делает интересное заключение: «Представляю, сколько будет несогласных с горьким выводом профессора Старосельцева: эпидемии, ниспосланные Вселенским разумом на человечество за его преступления, унесли больше человеческих жизней, нежели все пять тысяч войн, известных истории от первобытных времен. Проказа в раннем Средневековье — расплата за крестовые походы; чума — за невежество и феодальную вольницу; холера в XVIII—XIX веках — за колониальные войны; грипп-испанка — за первую мировую войну; эпидемия сифилиса — за свальный грех конца XIX — начала XX веков; вирусный СПИД — за наркоманию и противоестественный природе гомосексуализм...».

Да нет, на мой взгляд, несогласных будет не слишком много. Умные люди понимают, что все в мире закономерно и действие равно противодействию. Понимают, что «за все мы в жизни платим свою цену... А на расплату жизнь дана одна» (И. П.). Так что и Старосельцев, и Яшин, оставили свой след на земле.

И еще одна похвала Ханбекова своему герою: *«Я мало говорил о художественно-изобразительном мастерстве Алексея Яшина, об его язвительном, саркастическом стиле, порой плакатно обнаженном; о слоге, напоминающем в лучших своих образцах и Салтыкова-Щедрина, и Гоголя».*

Да, есть такой сарказм, есть такой слог, но это не злопыхательство, а нечто, подобное скальпелю хирурга, вскрывающему гнойники. И не просто Яшин режет по живому, не из прихоти, а с болью за человека и общество. И роман «Подводная лодка «Капитан Старосельцев», по праву назван патриотическим, как и все творчество, литературное и научное, прекрасного «тульского энциклопедиста».

По прошествии ряда лет начинаешь оценивать людей по иным критериям, и, зачастую, ореол некоторых «личностей» заметно тускнеет, либо исчезает совсем. А в этом человеке выявляются все новые и новые неожиданные грани таланта. Посему, постараюсь показать «тульского энциклопедиста» с той стороны, что в книге Леонида Васильевича совсем не освещена. Итак, снова о роли личности в истории...

Будучи в довольно нежном возрасте, лет много «цать» тому назад, на одной из лекций, в тогда еще пединституте, по малоувлекательной для обычной девушки «электротехнике» познакомилась с новым преподавателем. (Что-что, а вдолбили нам накрепко весьма полезную вещь — учиться нужно всегда, причем, у кого угодно: у хорошего — как «надо» делать, у плохого — как «не надо»). Так вот, на лекциях у Алексея Афанасьевича я поняла, что даже самый нудный предмет можно сделать доступнее и интереснее за счет так называемых «лирических отступлений», (и сама их использую на уроках.).

Необычный лектор в «лирических отступлениях» рассказывал о вещах малознакомых тогдашним провинциалам, из которых «лепили» будущую «сельскую» интеллигенцию. И я поняла великую силу информации, важность становления разносторонней личности, начала, по примеру преподавателя, совмещать на первый мой взгляд, несовместимое: математику и поэзию.

Оказывается, что самые важные открытия в науке делаются именно на стыке дисциплин, именно эрудированность, энциклопедичность дает возможность человеку не пропасть в любой ситуации и практически всегда быть на высоте положения. (Например, мне приходилось, кроме «родных» математики и физики, преподавать химию и географию, астрономию и музыку, обслуживающий труд и историю искусств в школе, а также некоторые разделы военной психологии в школе прапорщиков). Что же говорить о разнообразии интересов нашего молодого лектора? Поистине, оставалось только завидовать широте и глубине его знаний.

В пору предчувствия любви и приобретения первых крох житейской мудрости, практически все молодые люди начинают «пописывать» стишки и песенки. И я не была исключением из общего правила, а, узнав, что наш обаятельный лектор закончил Литинститут, принесла ему заветную тетрадочку. И сейчас, много лет спустя, с высоты собственного опыта, удивляюсь: что там смог увидеть мой самый первый профессиональный критик? Наверное, лишь семечко. А вот вырастет из него что-либо путное, угадать было трудно. (С мужчинами проще прогнозировать, а тут явно по воде вилами писано, известное дело: «женская поэзия»!.. Но не о ней сейчас речь). Первый отзыв был достаточно положительным: есть над чем работать. Не было разгромной критики очевидных промахов начинающего «бумагомараки», поскольку Алексей Афанасьевич обладал уже к тому времени превосходными знаниями в психологии, особенно, психологии творчества, да и что греха таить, в женской. Мягко, деликатно, чувствуя неуверенность автора, подсказал, о чем следует попытаться писать, что для этого нужно сделать, какие книги почитать. То есть, как мы говорим в педагогике, была создана «ситуация успеха». И я начала работать, получая в интереснейших письмах ценные советы, сделанные с великим тактом. Именно Алексей

Афанасьевич дал мне путевку в литературную жизнь, и не его вина, что от этой первой его устной рецензии до моего первого сборника стихов прошло немало лет — труден путь женщины к творчеству. Зато потом именно поэзия помогла выстоять в тяжелые моменты жизни, самовыразиться, самоутвердиться. И всегда Алексей Афанасьевич ненавязчиво, между строк, приучал меня к хорошей, добротной литературе. Его произведения, его письма помогали прямо или косвенно идти к новым вершинам, не останавливаясь на достигнутом. Он, возможно интуитивно, смог разгадать мой характер, и каждый раз бросал вызов: сумею я справиться с тем-то и тем-то? И, волей-неволей, приходилось «поднимать перчатку», снова и снова доказывая, что у поэзии есть женское лицо.

Вот так, в далекие восьмидесятые годы проявился не только талант ученого, лектора, но и прекрасного, умного ПЕДАГОГА.

Возвращаясь к теме лирических отступлений, целиком и полностью согласна с характеристикой подписей к старинным офортам и гравюрам, служащими иллюстрациями ко многим произведениям А. Яшина, сделанной Леонидом Ханбековым: *«...Алексей Яшин изобрел, да, изобрел, своеобразный метод иллюстрации своих произведений выразительнейшими гравюрами, офортами, рисунками из журналов середины XIX века, из «Нивы» и «Отечественных записок», сопроводив их своими подписями. Каждая из подписей — настоящий мини-фельетон или памфлет, обличительный микроочерк о типаже или явлении времени, которое мы нынче переживаем. С одной стороны, эта страница-иллюстрация не имеет прямой связи с рассказом или очерком, текст которого прерывает, а с другого — дает хорошо оценимые дополнительные впечатления о наших временах, трудней которых дни и годы случались, но, как точно подмечено, подлей не было»*. Каюсь, читала сначала именно эти мини-рассказы, восхищаясь ими за талантливую краткость и емкость, а потом уже все остальное.

Вместо заключения Леонид Ханбеков пишет: *«Жизнь и творчество Алексея Яшина, пришедшего в литературу зрелым человеком, когда в науке и изобретательстве он уже состоялся, в настоящее время — пример истинного подвижничества»*.

В мире, в котором деньги, богатство, комфорт, телесные удовольствия объявлены самоцелью, когда духовная высота, бессеребренничество, самопожертвование, служение благу Отечества не только ни во что не ставятся, не замечаются, но еще оплеваются бесконечной клоунадой и бессмысленными шоу телевизионного монстра, когда откровенное предательство интересов Родины оплачивается высокими гонорарами и даже должностными портфелями, он поднимает упавшее знамя духовности, престиж знания, истины, справедливости, раскрывая глаза тем, кто юн, и тем, кто сбит с толку лжеучеными и лжеучителями на многие факты и явления истории нашего многострадального Отечества, которое наш национальный гений, помните? — не хотел бы променять ни на какое другое».

А я в свою очередь позволю себе сформулировать в виде теоремы одно из высказываний Алексея Афанасьевича: *«Профессора, как и поэты, на пенсию не выходят, живут долго, потому что живут интересно. Верно и обратное: поскольку профессора и поэты живут интересно, на пенсию не выходят, то живут долго»*. Долгой, интересной и насыщенной вам жизни, дорогой Алексей Афанасьевич!

Спасибо Леониду Васильевичу Ханбекову за замечательную книгу!

МЕМУАРЫ

Николай Макаров
(г. Тула)

РЯДОМ С КОСМИЧЕСКИМИ ПОЛЕТАМИ

Николай Алексеевич Макаров — наш постоянный автор (см. «ПЗ» № 1, 2009), военный врач, майор медицинской службы в запасе. Детский писатель, литературовед. Ниже публикуется глава из его подготовленной к изданию книги «Записки батальонного врача».

...Шесть лет. Шесть лет, с апреля 1975 года по декабрь 1980 года меня привлекали по линии Поисково-спасательной службы ВВС для обслуживания космических полетов. В основном, запусков и спусков космонавтов. Привлекали наряду с другими в качестве врача-десантника. Из двадцати одного запуска за это время мне пришлось пропустить только три. В октябре 1976 года (Зудов — Рождественский на «Союзе-23») и в июле 1978 года (Коваленок — Иванченков на «Союзе 29» — «Салюте-6») и Климук — Гермашевский на «Союзе-30» — «Салюте-6»). В этих командировках мне приходилось встречаться и с нашим земляком (почему-то до сих пор в Туле не стоит его бронзовый бюст, как положено человеку, имеющему две Золотые Звезды Героя?), космонавтом Поляковым Валерием Владимировичем, в то время также принимавшим участие как врач в поисково-спасательных работах. К сожалению, с ним мне приходилось быть в разных точках дежурств. Встречались исключительно мельком. Ни я его, ни он, тем более, меня не помним.

Начну эти воспоминания о странных, невероятных совпадениях.

Первое совпадение. Один и тот же человек входил в экипаж как первого (неудавшегося, завершившегося аварийным спуском полета — об этом дальше), так и декабрьского восьмидесятого года полета (не поднимается рука — «последнего»), в обеспечении которых мне приходилось участвовать, бортиженер Олег Макаров...

Второе совпадение. В том же декабре восьмидесятого командиром «МИ-8», на котором я летал, был человек с инициалами... МНА. Мозговой Николай... Алексеевич. Мало? Дежурили мы тогда на военном аэродроме «Домбаровский» в Оренбургских степях. Экипаж «Союза-3-М» (Кизим — Макаров — Стрекалов) совершил посадку 10 декабря. Нас из-за непогоды и позднего времени не выпустили на Кустанай. Одиннадцатого декабря. Мозговой и я (естественно, со всем экипажем) отметили... наши дни рождения, равняющиеся, аккурат, возрасту Христа... Оба мы, Стрельцы, появились на свет в год Кабана, 11 декабря 1947 года.

Третье совпадение. Помните, нелепой гибелью трех космонавтов (Добровольский — Волков — Пацаев) завершился полет «Союза-11» в июне 1971 года. Первым, кто оказался у спускаемого аппарата и открыл крышку люка, был врач-десантник (первого или второго выпуска Томского военмедфака) по фамилии... Дураков. Взявшего после этого фамилию жены...

Итак. Первая моя «работа». 5 апреля 1975 года. Запуск космического корабля «Союз-18-1» с космонавтами Лазаревым В. Г. и Макаровым О. Г. Позывной — «Урал».

Для меня все было ново, незнакомо, жутко интересно, престижно, в конце концов. Стоять, пусть и не у истоков, но почти на переднем крае того, чем мы «были впереди планеты всей».

На борту «АН-24» мы (я и подчиненные мне, прапорщик и два солдата из ПСС ВВС) летели встречным параллельным курсом траектории запуска на высоте где-то шести тысяч метров в сторону космодрома «Байконур». Прапорщик и солдаты (ветераны ПСС) мирно дремали в грузовом отсеке. Парашюты и наше снаряжение лежали в сумках. Нерасчеленные, упакованные для транспортировки. Я переходил от иллюминатора к иллюминатору, заглядывал в кабину к летчикам, лез ко всем с разными вопросами.

Шутки-прибаутки. Штурман подтрунивает надо мной, над моей любознательностью. Экипаж занят привычной, рутинной работой. Очередной раз подойдя к иллюминатору, удивляюсь, что земля резко накренилась влево и мы стали разворачиваться на противоположный курс. Ничего не понимая, думая, что все, работа на этом закончена, и мы летим на аэродром взлета, оборачиваюсь к борттехнику с каким-то пустяшным вопросом.

Он отмахнулся. Затем выругался трехэтажным.

— Вот те раз — приплыли!

В это время из кабины выходит командир и сразу на повышенных тонах, заглушая шум двигателей.

— Вы, таку и таку мать, почему без парашютов? Быстро приготовиться к десантированию!

Вначале я подумал, что это розыгрыш, обычная летческая подначка.

— Авария — у них.— Со вздохом, обычным голосом добавил он.— Наверное, придется вам прыгать.

Да, первая работа и сразу в пекло. Но, прыгать, так прыгать. Первый раз, что ли? Затем нас, врачей-десантников и прикомандировывают к летчикам, что с нашей квалификацией у них нет таких врачей-прыгунов.

Помогая друг другу экипироваться для десантирования, мы (группа ПДГ — парашотно-десантная группа — из четырех человек: я — с медицинской сумкой неотложной помощи и ключами от крышки люка спускаемого аппарата; прапорщик с какими-то приборами и пистолетом; солдаты с имуществом и автоматами) не заметили как самолет снизился до тысячи метров. На земле уже стояла ночь, хотя на высоте и светило солнце.

Подойдя к нам, борттехник прицепил карабинчики вытяжных наших парашютов к тросу.

— На боевом! Скоро прыгать!

Загорелся красный плафон. Открылся люк, из которого в тепло салона самолета дохнуло... чем, вот там дохнуло-то?

— Аккуратней при приземлении! — борттехник нас перекрестил.— С Богом!

И... люк захлопнулся. Красный плафон фонаря погас.

— Москва запретила прыгать,— пояснил командир.— Космонавты обнаружены. Не хватало еще десантуру угробить. Внизу — ночь, горы, ветер под двадцать метров.

Самое интересное, драматическое, трагическое и комичное началось с раннего утра следующего дня...

Все силы, участвовавшие в спасении космонавтов, были сосредоточены на аэродроме города Семипалатинска. Среди них — несколько групп ПДГ с врачами-десантниками. Самолеты «АН-12», «АН-24», вертолеты «МИ-6», «МИ-8». Всю ночь с космонавтами, совершившими аварийную посадку, поддерживалась устойчивая связь. Над местом, где они находились, постоянно на большой высоте кружился один из самолетов-ретрансляторов, обеспечивая связь с Москвой. На спускаемом аппарате работал радиомаяк и световой маяк, вроде большой ГАИшной мигалки.

На КП военных летчиков всю ночь шла непрерывная кропотливая работа по выработке решения, как спасти космонавтов. Под утро командующий ВВС военного округа (как тогда назывался округ — не помню, то ли Средне-Азиатский, то ли еще как, не суть важно) оглашает перед всеми участниками предстоящей работы решение.

— Первыми к космонавтам прыгает ПДГ с такого-то вертолета. Как только рассветет — готовность к взлету. Вопросы есть?

Не надо ходить в театр. Не надо смотреть Николая Васильевича. Его финала бессмертного «Ревизора». Когда на вопрос командующего ВВС прозвучал ответ старшего лейтенанта медицинской службы Сашки Рубановского, врача нашего Тульского батальона связи, которому предстояло первому оказаться у космонавтов, совершив парашютный прыжок во главе своей ПДГ. Для этого, для подобных случаев, нас (ВДВешников) и привлекали в Поисково-спасательную службу (ППС ВВС).

— А наши прашюты (Д-1-8) не приспособлены для прыжков с вертолетов «МИ-8»!!!

Немая сцена (вот, он — «Ревизор»). Все в шоке. Командующий ВВС, наполовину поднявшийся со стула, так и застыл в непривычной, неудобной позе. Полковники Чеканов и Леонов, старшие военные медики из штаба ВВС страны разглядывают Рубановского, готовые живьем тут же проглотить его. Тишина, мертвая тишина стоит пять, десять, пятнадцать, двадцать секунд.

Да, отчубучил, Санек. Позор на все ВДВ. На всех врачей-десантников. Надо спасти наше высокое реноме. Поднимаюсь с места и безапелляционно заявляю (энтузиазма, наглости, бесшабашности, молодости — девать некуда):

— Лейтенант Макаров. Воздушно-десантные войска! Готов прыгать!!!

Поднялся невообразимый гвалт. Все с облегчением вздохнули. Рубановский смотрит на меня как на смертника.

— Доктор, бери машину,— это голос командующего ВВС округа,— перевозки свое имущество с самолета на вертолет. Пойдешь с ПДГ своего... коллеги. Тьфу, твою мать.

На все про все ушло около часа. Пока я вернулся со стоянки «АН-24», было принято совсем другое решение. Космонавтов поднять лебедкой, зависнув одному вертолету над ними. ПДГ Рубановского, также зависнув, на лебедке десантировать (есть такой способ десантирования — «с вису») с другого вертолета неподалеку. Москва дала «добро».

Все вертолеты, один за одним, поднялись в воздух. Все начальство разместилось на «Вышке». «АН-12» кружил на восьми тысячах метров. «АН-24» находился на стоянке. Моя ПДГ осталась не у дел, удобно разместившись на стульях в помещении, где совсем недавно бурлили страсти о принятии судьбоносного решения.

Так что все дальнейшее, все этапы спасения космонавтов проходили на моих глазах. Вернее сказать, о всех этапах, о всех действиях, о всех разговорах по рации я слышал. Громкоговорящую связь никто не удосужился выключить.

Итак. Началось. Внимание! Приготовились?

Докладывает командир эскадрильи «МИ-8» полковник (или подполковник?) Кондратьев, первым подлетевшим к месту предстоящей работы.

— Вижу объект! Лежит на крутом склоне горы. Купол зацепился за деревья. На спускаемом аппарате сидят: один, два... три исследователя (это так в открытом эфире называли космонавтов — конспирация, называется, однако) и курят.

Вначале все внимание и здесь на КП, и в Москве было обращено на последнее (помните, Штирлица?) слово: «Курят!». Откуда у космонавтов сигареты в космическом корабле? Может еще и водку пьют? Затем разом до всех дошло: «Трое!»

Откуда? Кто? Белены вы там, тра-та-та, объелись? Запускали-то двоих? Уточнить, тра-та-та! Доложить, тра-та-та! Может это — Снежный человек? Может китайский шпион? Граница-то рядом. Может сбежавший зэк? Кто там еще может третьим быть? Забыли, забыли самый народный вопрос: «Третьим — будешь?»

Докладывает командир второго вертолета.

— ПДГ десантировали лебедкой в пятистах метрах от объекта.

Докладывает Кондратьев.

— Все вертолеты, — а их было пять или шесть, — летают вокруг скалы с объектом, на котором сидят три исследователя. Что делать?

Опять: откуда трое? Тра-та-та. Паника, да-да, настоящая паника в эфире, на КП аэродрома Семипалатинска, в Москве. Везде — паника. И никто, ни на КП аэродрома Семипалатинска, ни в Москве, никто не принимает решения как же все-таки эвакуировать исследователей (космонавтов то есть; трех космонавтов, сидящих на спускаемом аппарате и раскуривающих, чего они там курят, ожидающих помощи. Не май месяц и не Сочи — холодно).

Вертолеты продолжают кружить вокруг этой чертовой скалы, в ожидании команды для непосредственной работы. Которой все нет и нет. Космонавтам-то — что? Подождут! А ты попробуй прими какое-то решение! Снимать, как раньше планировалось, лебедкой зависнув над ними? Склон слишком крутой! Мало ли что экипажи вертолетов самые опытные во всем округе, все мастера или первого класса. Своя-то попа ближе. И роднее. Ни Семипалатинск, ни Москва не могут решиться отдать четкий приказ об эвакуации двух... все-таки трех исследователей.

Докладывает командир второго вертолета.

— ПДГ находится от объекта в полутора-двух километрах!

Колоссальное достижение: всего тридцать-сорок минут назад они от объекта были в пятистах метрах. Прогресс на лицо.

Вдруг в эфир врывается чужой голос:

— Посторонись! Не мешай работать!

Голос Кондратьева:

— Незвестный вертолет «МИ-8», нарушая наши ряды, буром (!) подлетел к объекту. Завис! Снимает!!! Первый космонавт (какая, к черту конспирация, когда из-под носа нахально умыкают какие-то самозванцы их спасаемых) поднят!..

Второй поднят!!! Третий поднят!!!

Все-таки была надежда, теплилась в головах начальников и командиров всех рангов, что сведения о третьем «космонавте» — массовая галлюцинация, ну, в крайнем случае, затянувшаяся первоапрельская шутка. Но если подняли, если третий космонавт уже в вертолете. Неизвестно каком, правда, вертолете. Неизвестно куда, правда, улетевшем. Ищи теперь их свищи.

Ребус на ребусе. Шарада на шараде. Головоломка на головоломке... Пойди разберись.

В это время из Москвы прилетает «ТУ-134» или «ЯК-40» (не помню) с генеральским усилением. Космонавт Леонов — был. Космонавт Шаталов — был. Береговой? Не помню.

Махнув рукой на доклад командующего ВВС округа, вся группа усиления (контроля-разноса) поднялась на «Вышку», откуда, обматерив (как только умеют материться летчики и космонавты) оконфузившихся горе-спасателей также минут через десять улетела в неизвестном направлении.

«Контора Глубокого Бурения» доложила четко, кратко, недвусмысленно.

«Третий космонавт» — лесник из «МИ-4», их же лесничего вертолета, рано по

утру летевшего куда-то по своим лесничим делам. Заинтересовавшись неизвестным природным явлением они высадили для выяснения пожароопасности одного своего коллегу. А не сообщили по одной, вернее, по двум причинам: полет был слегка пахнувший «левизной», плюс ко всему второй месяц рация на вертолете барахла.

«Буром» снявший космонавтов вертолет «МИ-8» оказался из ведомства «стратегов» (войск ракет стратегического назначения), летевшего толи на «точку», толи с «точки», толи по каким-то своим амурным делам. Видя нерешительность ВВСников, решили «утереть им нос». Что и проделали виртуозно и мастерски, имея всего второй класс мастерства.

Докладывает командир второго вертолета. Про которого в этой суматохе все забыли.

— ПДГ пропала из вида. Координаты неизвестны!

Об этом, конечно, в Москву докладывать не стали, обнаружили и «спасли» в этот же день, к вечеру...

...По траектории запуска космонавтов от Байконура до Караганды существовали ППКП (передовые передвижные командные посты), в состав которых входили множество всяческих подразделений. В том числе и наши десантные ПДГ. До предыдущей, аварийной посадки восточнее Караганды поисковиков обычно не было. Учитывая печальный апрельский опыт, двух врачей-десантников решили перебросить (и перебросили) самолетом «АН-12» в Семипалатинск. Один врач остался в Семипалатинске, второй — на «МИ-4» перелетал дальше, восточнее, в Усть-Каменогорск. Меня назначили старшим (в Армии таков порядок: если двое, то один из них обязательно старший) группы.

Высаживают нас на аэродроме Семипалатинска через грузовой люк, не глуша двигателей. Мы стоим на бетонке, пересчитывая свои вещи: личный баул — на месте; парашютная сумка с основным и запасным парашютом — на месте; вещмешок с ключами и десантной формой — на месте, медицинская укладка (более 30 кг) — на месте. Все? Вроде, все!

Но какой-то неприятный осадок на душе остался. Все на месте, а чего-то не хватает.

«АН-12» в воздухе: обратным курсом на Караганду. За нами подошел автобус, чтобы отвезти на местное КП. Загружаем свой багаж. Все? Вроде бы все! Да, не все. Только сейчас мы осознаем, что оставили в самолете, в гермокабине кислородные аппараты «Горноспасатель» для искусственного дыхания. Которыми обеспечили всех врачей-десантников в Рязани (вся наша экипировка происходила на базе Рязанского парашютно-десантного полка Тульской дивизии).

Забыли! Т. е. — приплыли!!! Есть такая картина у Репина.

На КП находим старшего врача местного полка летчиков. И я прошу его помочь: стогнать быстренько в областную больницу (у них, наверняка, такие аппараты имеются в наличии) и попросить парочку всего на сутки. Он округлил глаза, уставившись на нас, как баран на новые ворота.

— Да, вы что, ребята? Если бы у нас были эти «Горноспасатели», вас бы сюда и не прислали.

Ситуация!!! Да, еще: мое время вылета в Усть-Каменогорск — через десять минут.

Ситуэйшен!!!

Слыша наш разговор о забытых каких-то «Горноспасателях» в самолете, к нам обращается солдат в теплом свитере, сидящий за столом, уставленный приборами, микрофонами разными.

— Забыли что?

— «Горноспасателей» в самолете забыли,— поясняет им местный военный эскулап.

— Проблем нет! Сейчас вернем самолет!

Мы на этого солдата уставились как Волька ибн Алеша на старика Хоттабыча, увидев его чудеса впервые. Солдат-диспетчер (потом выяснили), что-то переключил, шелкнул тумблер и по громкой связи пошел разговор.

— Машка! Верни-ка обратно «АН-12», который только что взлетел. Передай им что в самолете забыли горноспасателей.

Через несколько долгих, ох, каких долгих секунд, раздается голос этой неизвестной Машки:

— Они говорят, что всех горноспасателей только что высадили.

Солдат-диспетчер смотрит на нас в недоумении. Я ему разъясняю быстро, что «Горноспасатели» — это такая аппаратура в алюминиевых маленьких чемоданчиках. Которые стоят, вернее, которые мы забыли в гермокабине самолета.

Он тут же передает эти сведения невидимой Марине и через двадцать минут самолет возвращается обратно. Борттехник, буквально на ходу в грузовой люк выбрасывает наши забытые «Горноспасатели», сквозь шум работающих моторов, обещая разобраться с нами по всей строгости революционной беспощадности в Караганде. По нашему возвращению.

Быстро пересев на «МИ-4» улетаю в Усть-Каменогорск. Мой «подчиненный» остается в Семипалатинске. Старт 24 мая 1975 года «Кавказов» (Климук П. И. и Севастьянов В. И.) прошел штатно!..

На следующий день за нами прилетает вновь «АН-12», чтобы лететь в Караганду. Меня одолевают грустные, тягостные расчеты. Сколько же с меня «сдерут» (кроме, естественно, единственной шкуры) за тот расход горючки, что истратил самолет по моей вине (старший отвечает за все!), за его незапланированное возвращение с забытыми «Горноспасателями»? Во что это мне выльется?..

Вылилось это все для меня в ноль семьдесят пять «Трех семерок» для экипажа «АН-12». Недостающее чуть-чуть количество до дюжины экипаж выставил сам...

...О двух курьезных случаях в Караганде. В той, далекой, семьдесят пятого года Караганде, во время полета «Кавказов» и стыковки «Союз» — «Аполлон».

...Захожу в книжный магазин. Целый стеллаж заставлен страшным дефицитом. В зеленой, изумрудной обложке на шести полках стоял... Сименон (!!!) Никакой давки у этих полок не было. Вообще не было никого у этих полок (!!!). Десять, ровно десять, беру книг и подхожу к кассе, на ходу доставая деньги.

Кассирша (я в начале не понял почему) ехидно так улыбается и задает мне вопрос:

— А вы на казахском языке умеете читать?..

...Полет «Кавказов» растянулся более чем на два месяца и ко мне во время отпуска на несколько дней прилетела жена. Пошли с ней в центральный универмаг, в отдел «Ковры» (каких там только ковров не было — в России мы такого изобилия ковровых изделий никогда не видели!). Народу... — никого! Выбрали подходящий, под цвет обоев, три на четыре. Взвалив ковер на плечо, подхожу с женой к кассе. Опять та же ехидная улыбка.

— А у вас Карагандинская прописка имеется? Талончик на ковер имеется?..

...Хохму хотите?

Случилось это в Кустанае, жарким летом. Полет у космонавтов длительный — все на орбите идет нормально. Штатно. Никаких неожиданностей и неприятностей не ожидается. Тьфу-тьфу-тьфу. Готовность у нас — третья. Вторая — только на первые три суточных витка, приходящиеся на ночное время.

И мы активно отдыхаем. Доотдыхались так, что сидя в номере гостиницы и поднимая очередной тост за удачный полет, вдруг слышим:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Кроме одного из нас, все были предупреждены о том, что в шкафу поставлены часы с кукушкой. Поставил их туда доктор медицинских наук Г. И. Б. (сегодня он — настоящий Академик настоящей Академии медицинских наук, с которым я постоянно общаюсь до сих пор) из института Медико-биологических проблем, возглавляющий Московскую БНХП (бригада неотложной хирургической помощи).

Поднеся емкость со спиртным ко рту, этот несведущий наш коллега, замер. Посмотрел на нас затравленным взглядом и сказал:

— Мужики, а вы ничего не слышали? Постороннего?

Все стали его уверять, что, дескать все нормально, все о'кей. Не стоит волноваться и т. д. и т. п. Пятнадцать минут пролетели быстро.

Г. И. Б. произносит очередной предпоследний тост. Все готовы этот такой нужный тост поддержать...

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Все выпили, кроме одного...

— Не, мужики, вы и вправду ничего не слышали?

Проходит еще пятнадцать минут. Новый предпоследний тост. Все поддерживают, никак не реагируя на посторонние звуки, еле сдерживая смех:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

— Все! Допился! Галлюцинации слуховые пошли...

...На утро, за этим же столом собрался весь личный состав вчерашней субботней вечеринки, чтобы переложившись слегка пивком, решить проблему воскресного дня.

Только поднеся ко рту бутылку с «Жигулевским» пивом наш бедолага слышит, но слышит из уст Г.И.Б.:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Нет, в обморок он не упал, но долго сидел потрясенный тем, что все-таки у него не было галлюцинаций. Слуховых...

...Это — послеполетная история.

На сборах, на самых первых сборах, когда нас обучали всем премудростям поисково-спасательной службы, нас информировали, что в Рязани (в Рязанском парашютно-десантном полку собирались все врачи-десантники со всех дивизий, чтобы дальше разлетаться по своим точкам), наряду с другим имуществом нам будет выдаваться и медицинская укладка. Укладка, в которой обязательной сдаче после возвращения подлежат только аппаратура, инструментарий и сильнодействующие препараты (даже таблетки от кашля с кодеином не входили в этот список). А все расходное имущество списывается медицинской службой ВВС. И этим, расходным медицинским имуществом мы можем распоряжаться как хотим (!).

Однажды, после очередной командировки, этого самого расходного имущества, у меня по разным причинам не оказалось совсем. Сдавал в аптеку медпункта в Рязани чехол, тонометр, фонендоскоп, инструменты, сильнодействующие препараты, пустую флягу от спирта. Все, что положено сдавать, то и сдал.

Надо отметить, что медслужба полка на этих самых сданных расходных материалах, принадлежащих ВВС и списанных заранее, что-то естественно, имела. А здесь, здрасте, облом у них со мной вышел.

Начальник медицинской службы полка, старший лейтенант Володька Зубрицкий, на год раньше меня закончивший Томский факультет, начал на меня насаждать, угрожая устроить веселую жизнь.

Чуть ведь не устроил.

Через пару недель приходит депеша из Рязани начальнику медицинской службы дивизии полковнику (получил в связи с 30-тилетием Великой Победы) Крапивному, что старшим лейтенантом Макаровым Н. А. утеряны медикаменты и перевязочный материал. Подпись. Печать. Гербовая. Список утерянного прилагается.

Вызвав меня и вручив этот самый список, Крапивный напутствовал:

— Иди к снабженцам, они подсчитают ущерб.

Снабженцы подсчитали. Если по правилам, учитывая каждую таблетку, каждую ампулу, каждый бинт — сумма выходила в четыре моих месячных оклада, плюс звание, плюс надбавка. Если по «понятиям», т. е. учитывая только номенклатуру (название) и взяв все по одной единице учета, получилось всего сорок рублей. По тогдашним временам приличная для старшего лейтенанта сумма.

На такую сумму (сорок рублей) мне и выписали квитанцию, чтобы я у себя в полку в кассе финчасти оплатил надлежащим порядком.

Все равно удрученный, после обеденного перерыва, перед тем как идти на службы, захожу в аэропорт. В буфете у стойки вижу: начальника финансовой службы полка капитана Саратовского Николая Самсоновича и двух прапорщиков.

— Доктор, иди к нам! — протягивает мне стакан с одной четвертой частью ноль семьдесят пять «Трех семерок», — что грустный-то?

Объясняю. Он берет у меня квитанцию. Дает деньги. Говорит:

— Иди, возьми еще одну!

Иду. Приношу еще одну ноль семьдесят пять «Три семерки». Прапорщик разливает. А Самсоныч, начфин рвет мою квитанцию со штрафными санкциями и клочки выбрасывает в урну. Пораженный до глубины души, я еле мог выдать:

— А как же?..

— Ты пей-пей! Штраф, считай уже заплачен. И отправлен в Рязань! — под смех прапорщиков, поднимаем стаканы.

— Да, кстати, зайди в финчасть. Распишись. И получи. Пришел приказ из ВВС, как лучшего поисковика дивизии поощрить тебя пятьюдесятью рублями. С вычетом подоходного налога...

...В заключении пару небольших штришков.

...25 февраля 1977 года. Посадка «Тереков» (Горбатко В. В и Глазкова Ю. Н), проводших в космосе 18 суток на «Союзе-24» — «Салют-5». За окном буран, как у Пушкина в «Капитанской дочке». Первый виток — буран. Второй виток — полный штиль. Мягкое приземление в районе Целинограда. Штатная управляемая посадка. Третий виток — буран. Разъяснение: управляемая посадка космических спускаемых аппаратов проводится только в первый, второй и третий суточный виток; в остальные — пятнадцать витков — происходит неуправляемый баллистический спуск.

Космонавт Горбатко спрашивает:

— Доктор, где я тебя раньше видел?

— В семьдесят четвертом в Туле я у вас брал интервью...

— Помню!.. Помню!..

... 3 сентября 1978 года. Посадка «Ястребов» (Быковский В. Ф. — Йен 3. — ГДР), проводших в космосе 8 суток на «Союзе-31» — «Салюте-6» — «Союзе-29». Т. е. взлетевших на «Союзе-31», а посадку произведших на «Союзе-29», в районе Джезказгана. Жара — далеко за тридцать.

Сразу после приземления космонавт Быковский просит:

— Ребята, закурить найдется?

— Как же врачи, ваши, московские?

Жадно затягиваясь солдатским «термоядерным» «Памиром», все мокрые от пота, зайдя за спускаемый аппарат, они с наслаждением смакуют первые клубы дыма.

— Обойдутся! Их бы — туда!..

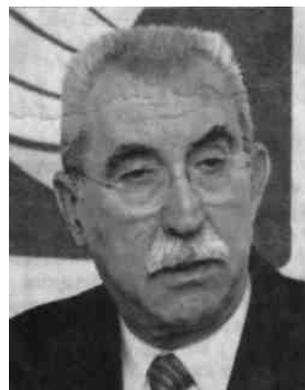

ПОЛИТЗАНЯТИЯ

От редакции: вводя новую рубрику с несколько ностальгическим наименованием, первоочередно обратимся к событию, вот уже более года занимающего умы, или просто огорченные головы, почти всего человечества. Речь, понятно, пойдет о глобальном событии, которого мир с тревогой ждал уже с конца 80-х годов прошлого века, и которое отечественные, впрочем, и зарубежные, СМИ скромно именуют «мировым экономическим кризисом». Только ли экономическим? — на этот счет приводим ниже различные мнения. Приглашаем авторов и читателей «Приокских зорь» к дискуссии и выражению собственного мнения.

Джульетто Кьеза
(г. Рим, Италия)

КУДА ДЕВАТЬ КВАДРИЛЛИОН ДЕРИВАТИВОВ?*

Депутат Европарламента и известный в Европе публицист Джульетто Кьеза считает, что сегодня уже можно говорить о фундаментальных изменениях мировой ситуации, произошедших в результате грандиозного экономического кризиса.

Первое. Совершенно очевидно, что кризис не просто не заканчивается, но только начинается. Реального рецепта выхода из сложившейся ситуации ни у кого нет. По той простой причине, что никто не знает реальных размеров деривативов, фантомных денег, распространившихся в течение последних 15—20 лет. Эта громадная масса виртуальных денег практически заблокировала функционирование финансовой мировой системы.

Второй пункт, политический. Уже ясно, что, несмотря на попытку президента США Барака Обамы возглавить мир, в нынешней ситуации Америка не в состоянии принимать решения, действовать, влиять на ситуацию самостоятельно, в одиночку. Она должна считаться с остальным миром и в первую очередь с Китаем. Это означает, что XXI век будет не американским, а, скорее всего, китайским.

Третий пункт, очень существенный. Для Европы сложившаяся ситуация означает

---

* Перепечатано из «Литературной газеты» ; 18(6222) от 29.04—05.05.2009 г., С. 1—2 с разрешения редакции газеты (эл. письмо от 15.06.2009 главного редактора Ю. М. Полякова).

окончательное крушение «лиссабонской стратегии», направленной на расширение и унификацию Евросоюза. Попытка Европы управлять ситуацией в мире по американскому примеру не удалась. Очевидно, что дальнейшее следование «лиссабонской стратегии» будет губительно для Европы. Из этого следует, что отныне стратегические интересы Европы и США не совпадают.

Четвертый момент. Учитывая, что не случилось никакого реального соглашения внутри между Европой и США, между США и Китаем, следует сделать вывод: сейчас мир вступает в новую фазу, когда президент Обама будет в прямом смысле защищать интересы Америки. Значит, доллар будет девальвирован. Не знаю точно, на сколько, думаю, порядка 15—20 процентов. Для Китая, например, это означает простую вещь: он потеряет 20—25 процентов своих сбережений, которые хранились в американской валюте. Поэтому можно ожидать, что в ближайшее время наметившийся, по мнению некоторых наблюдателей, союз интересов США и Китая будет подорван из-за несовпадения стратегических интересов.

Ныне вообще все предыдущие альянсы ставятся под сомнение. Альянс между США и Европой тоже.

Помимо того, что никакого рецепта выхода из положения не существует, есть и иной камень преткновения. Никто не хочет осознать, что целая система международных финансовых отношений рухнула. Чтобы ее возобновить, а не просто восстановить, нужны радикальные изменения структуры мирового управления. То есть нужна новая архитектура мира. Но все происходившее в последний год показывает: единственные меры, которые Запад оказался способен принимать, это продолжение финансирования уже обанкротившихся банков. Одни большие инвестиционные банки в течение года исчезли с арены, остальные превращены в обыкновенные банки. Одновременно обанкротились самые бедные страны мира. Произошло цунами такого масштаба, что думать, будто достаточно изыскать триллион долларов и все выправится, несерьезно. Этот самый триллион — капля в море, которая ничего не решит.

Лидеры развитых стран — это собрание людей, которые своими руками сотворили весь этот кошмар. И надеяться, что они способны спасти нас, наивно. Это все равно, что обратиться к поджигателям с просьбой тушить пожар. Нужно новое видение мира. Нужны люди, которые способны увидеть весь мир по-новому.

У меня нет готового рецепта выхода из кризиса. Чтобы его давать, нужно хотя бы знать, сколько тех же самых деривативов, не имеющих реального наполнения, накопилось в мире. По моим расчетам, по меньшей мере их порядка полтора квадриллиона долларов. Квадриллион — это тысяча триллионов.

Виртуальной денежной массой такого размера нельзя управлять без радикального их замораживания на определенный период времени. Скажем, на 7—10 лет. Эти виртуальные деньги, грязные и опасные, будут губить все попытки оздоровить ситуацию. А решение о замораживании для очень многих выглядит слишком радикально. Я думаю, те, от кого зависит принятие таких решений, на это не пойдут.

Но если всем миром, согласованно не будут приняты радикальные меры, наступят паралич всемирной экономики и всеобщая депрессия.

В сегодняшней ситуации, продолжая линию, которую вел до сих пор Барак Обама, повторю, мы идем к девальвации доллара и большой инфляции. Перефинансирование обанкротившихся банков, оплата созданных ими долгов, покупка бывших «ценных» бумаг, которые не имеют никакой ценности, вот что делается сегодня.

А чем это все оплачивать? Новыми деньгами. Как это можно сделать? Запустить печатный станок. Напечатают десятки триллионов новых долларов. Но в этом случае неизбежно будут защищаться и евро, и юань, и рубль, и иена. Грянут всеобщая рецессия гигантского масштаба и инфляция.

Опасность повторения трагической ситуации, которая предшествовала Второй мировой войне, очень велика. Чтобы измерить опасность, надо принять во внимание одно обстоятельство. Вспомним, что, когда началась Великая депрессия времен Рузвельта, Америка была самым большим кредитором в мире, имела очень высокий уровень производства и экспортировала свою продукцию по всему свету. А сейчас все наоборот. Самая большая держава мира, имеющая самые мощные военные структуры, является самым большим должником. Причем должна она всему миру. И долг этот такого размера, что Америка попросту не в состоянии никогда расплатиться.

По моему мнению, нынешний кризис намного серьезнее предыдущего, который — не надо забывать! — предшествовал Второй мировой войне. Тогда депрессия началась в 1929 году и продлилась более 10 лет. В 1939 году началась война.

Приведу грустные размышления американского профессора, лауреата Нобелевской премии 2008 года в области экономики Пола Кругмана, который сказал после того, как стали известны итоги лондонской встречи лидеров двадцати самых развитых стран мира: к сожалению, уже очевидно, что «нас ожидают долгие мучительные годы» депрессии.

Боюсь, данный прогноз как раз осуществится. К этому надо готовиться.

Алексей Третьяков
(г. Тула)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК НООСФЕРНЫЙ ПРОЦЕСС

Как говорится, удачнее времени, чем сейчас, в завершении «второй капиталистической пятилетки» нового столетия и тысячелетия, и выбрать было невозможно, имея в виду глобализацию в преломлении не то что великого, но гигантского кризиса всей мировой системы. Именно системы, даже не столько финансов — они стали лишь запусковым толчком процесса, той малой, относительно, конечно, бифуркацией, что привела в действие сугубо нелинейный процесс с явным исходом в форме коллапса.

Даже весьма прагматичные западные политики и экономисты, тот же депутат Европарламента Джульетто Кьеза (статья «Куда девать квадриллион деривативов?» в «Литературной газете» № 18, 2009), то есть люди, уже не только фено-, но и генотипически, учитывая почтенный возраст еврокапитализма, мыслящие только в терминах дензнаков и незыблемости буржуазно-ценностных ориентиров, и те через вуаль политкорректности не скрывают: это не просто мировой экономический кризис, а нечто более объемное и страшное в своей непредсказуемости.

Непредсказуемости? — Если бы это было так... Непредсказуемость полагает два равновероятных исхода (логическое «или»): совсем плохо или слишком хорошо, а между ними интервал дробящихся до бесконечности оттенков черного, серого и всех цветов радуги. Все дело в том, что будущее здесь предсказуемо. Более того, оно детерминировано законами перехода биосферы в ноосферу, или, говоря словами великого В. И. Вернадского, «крестного отца» этого процесса, сменой биогеохимической оболочки Земли.

Еще раз — памятуя, что даже в самых серьезных вещах повторение есть мать учения, отвлекаясь от сугубо научных понятий, определим биосферу как биологический этап эволюции и «созревания» *homo sapiens*, а ноосферу — как этап эволюции жизни на планете, в котором во всем и везде мажорирует *коллективный* разум человечества. Мы же сейчас де-факто прощаемся с биологическим этапом эволюции и очень даже решительно входим в ноосферу, сферу разума. Именно поэтому мы столь смело и относим глобализацию, нынешнюю притчу во языцех, к ноосферным процессам. А разразившийся *системный* кризис к «рабочему» моменту этой самой глобализации.

...И еще один предваряющий момент. Коль скоро речь ниже пойдет о глобальных, извиняемся за тавтологию, категориях, *абсолютно*, подчеркнем это, не зависящих от человека — даже президентов, сохранившихся королей, премьер-министров и удачливых миллиардеров в *USD*-валюте — лауреатов журнала «Форбс», великих ученых и экономистов (даже отечественных...) — и являющихся прерогативой мировой эволюции, то не следует читать «между строк». Ибо в эволюционных процессах нет политики и политических предпочтений, нет капитализмов, социализмов, фашизмов, разноцветья воинственных теологий. Есть только законы диалектики Гегеля, политэкономия Маркса и... неумолимая эволюция, которую в данном контексте привычно называют ходом истории. Да и Гегель с Марксом выявили лишь некоторые закономерности этой эволюции.

Кстати, о политэкономии...

Куда «зادвинули» науку политэкономии? Люди средне-старшего и собственно старшего поколений, то есть учившиеся в советских вузах, хорошо помнят, что политэкономия являлась обязательной дисциплиной для всех факультетов и специальностей; преподавалась, если не ошибаюсь, на третьем курсе: первый семестр — политэкономия Маркса, то есть капитализма, второй — политэкономия социализма.

В первые же годы «бури и натиска» нового класса-гегемона с модными небритостями щек *a la* «трехдневная щетина», политэкономия как-то в одночасье исчезла из программ опять же всех вузов, факультетов и специальностей. И след ее простыл, как и дисциплин «История КПСС» и «Научный коммунизм». Оставшиеся же бесхозные кафедры этих трех предметов объединили в одну. Не знаю как по всей стране, а в одном, хорошо мною знаемом вузе новодельную, комплексную дисциплину нарекли «Современная политическая история и движения XX века». Но когда в ведомостях на зарплату (а другую литературу умудренные жизненным опытом профессиональные вузовские преподаватели давно не читают) замелькала, как то принято в храмах науки, смешливая аббревиатура *СПИД XX в.*, то дисциплину и кафедру переименовали в «Историю и культурологию». То есть всякое, ностальгическое упоминание о политэкономии исчезло, кануло в античную речку Лету.

Что называется, привели к западному стандарту, символом которого ныне является пресловутый «Болонский процесс», явно не делающий чести одному из старейших университетов Европы и всего мира. «Процесс» этот — суть злокозненный ЕГЭ и вообще перевод обучения с понятийного на тестовый, ликвидация физкультуры, тем более военной подготовки студентов (и школьников), зато усиление внимания к валеологии, гендерности, толерантности и другим «общечеловеческим ценностям». Ну, это вы все сами воочию сейчас наблюдаете. А это мы к тому вспомнили, что по болонскому стандарту политэкономия также нежелательна. По всей видимости, она сейчас осталась только в самых престижных университетах типа Гарварда и Оксфорда; Массачусетского технологического института тож. — И то на элитарных факультетах, где готовят высших управленцев глобализуемого мира.

И резюме: по мнению — впрочем, очень даже обоснованному — грядущих властителей этого мира, политэкономия должна оставаться для медиа-масс фигурой умолчания. Почему так? — Для этого вспомним содержание дисциплины политэкономии. А это «Капитал» Карла Маркса, то есть политэкономия капиталистической общественно-экономической формации, в чем-то дополненный национальной экономией (принятое в Германии до 1945 года название политэкономии) Евгения Дюринга. Третьей стороной здесь выступил Фридрих Энгельс, посвятивший свою книгу «*Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный господином Евг. Дюрингом*» критическому разбору основной работы Дюринга «*Курс национальной и социальной экономики с включением наставления к изучению и критике теории народного хозяйства и социализма*» ...Это как Владимир Ильич написал свою основную работу «*Материализм и эмпириокритицизм*» по форме как критику воззрений своего многолетнего соратника, «эмпириокритика» А. А. Богданова (Малиновского), кстати, создателя науки — задолго до Норберта Винера — кибернетики, которую он назвал *тектологией*. Но — это к слову.

Опять же вернемся к студенческим (советским) годам. Если «капиталистический» семестр основная масса студентов, исключая комсомольских функционеров, слушала с интересом, ибо политэкономия «Капитала» — образец логики мышления и понятийного представления, то курс политэкономии социализма не то что студентами, но и самими преподавателями воспринимался как тяжкая повинность: одним слушать, другим произносить суконно-казенные слова.

Образованный читатель тотчас нас радостно — за свои знания реалий эпохи — перебьет: как же, как же! Все помним и ведаем. Объявленный И. В. Сталиным кон-

курс на написание базового учебника политэкономии социализма так и не состоялся до окончания самого социализма в СССР — России по причине отсутствия научных основ самой политэкономии социализма и невозможности дать определение понятия прибавочной стоимости, да и просто стоимости в социалистической, плановой, то есть искусственной, экономике. Словом — прав Евг. Дюринг (см. выше) и вовсе никакой экономики в СССР не было, тем более политэкономии, а только тоталитаризм, ГУЛАГ, ксенофобия, отрицательное отношение к толерантности и гендерности и, к сожалению, твердый курс рубля и отсутствие экономических кризисов. Впрочем, и любых иных, исключая кризис умов в престарелом политбюро «эпохи позднего Брежнева». Стандартный набор советского интеллигента средней руки, любящего мелко подиссидентствовать на кухне...

На самом же деле И. В. Сталин дал объективное, выверенное определение: *«...Стоимость, как и закон стоимости, есть историческая категория, связанная с существованием товарного производства. С исчезновением товарного производства исчезнут и стоимость с ее формами и закон стоимости.»*

На второй фазе коммунистического общества количество труда, затраченного на производство продуктов, будет измеряться не окольным путем, не через посредство стоимости и ее форм, как это бывает при товарном производстве, а прямо и непосредственно — количеством времени, количеством часов, израсходованным на производство продуктов. Что же касается распределения труда, то распределение труда между отраслями производства будет регулироваться не законом стоимости, который потеряет силу к этому времени, а ростом потребностей общества в продуктах. Это будет общество, где производство будет регулироваться потребностями общества, а учет потребностей общества приобретет первостепенное значение для планирующих органов».

Читатель! Хотя бы на короткое время выйди из состояния пятидесятилетнего антисталинского зомбирования — со времен печально знаменитого «хрущевского» съезда КПСС — советскими, а потом новодемократическими СМИ и еще раз перечти эту фразу из книги И. В. Сталина «*Экономические проблемы социализма в СССР*» — по итогам ноябрьской дискуссии 1951 года. А главное — сопоставь с реалиями экономики СССР периода развитого социализма. Даже можно отвлечься условно от имени генералиссимуса, раз на него уже сложился условный, негативный рефлекс.

И что получите? — А то именно, что это прямой, адекватный ответ на вопросы о стоимости и прибавочной стоимости при социализме, а в целом названная работа (имя рек) есть конспект политэкономии социалистической общественно-экономической формации, где все изложено кратко, предельно понятно, всеобъемлюще, а главное — научно объективно и реалистично. Другой и не может быть политэкономия социально ориентированного общества, государства. Забегая немного вперед, скажем: такой и будет наука политической, точнее — социальной, экономики всемирного, объединенного общества на Земле в период развитой ноосферной организации планеты. И не лучшей, и не худшей из мириады обитаемых планет макрокосма. Причем неважно, как человечество Земли придет, но придет неизбежно, к такой организации: через глобализм в его современной ипостаси, через гуманитарное всеединство, или еще каким, нам сейчас неведомым путем.

...А в период 1950—1980-х годов сама наука и базовый учебник политэкономии социализма не были созданы по причинам чисто объективным: уже к 50-м годам стало ясно, что реальный, апробированный временем и войной, индустриализацией, восстановлением разрушенной в 1941—45 гг. страны, созданием (коллективного) товарного сельхозпроизводства путь развития советской, вообще — социалистической, экономики, чем дальше, тем больше не укладывается в «прокрустово ложе» ортодоксального марксизма. И здесь не вина Маркса и сопутствующего ему Энгель-

са, и продолжателей — Ленина с Троцким, а действие эволюционного закона развития знания, в котором реальность — очевидна, а экстраполяция — вероятна. И этим все сказано.

Поэтому к 50-м годам XX века сложилась в СССР и в соцлагере в целом парадоксальная ситуация: практика построения социально ориентированного общества* немного опередила теорию. Последняя же так и «застряла» на самых общих, правда, все одно гениально провидческих наметках Маркса и начальных работах Ленина по социалистической государственности. Сталин прекрасно к этому времени осознавал сложившийся дисбаланс: «Без теории нам нельзя»,— говорил он во время дискуссии начала 50-х гг. по экономическим проблемам социализма в СССР. Главное, в вопросе создания такой теории, кардинально обновленного марксизма, научной политэкономии развитого социализма ему не на кого было опереться: ответственные «теоретики», увешанные академическими званиями, к тому времени окончательно погрязли во взаимных публичных доносах, более всего опасаясь за свои хлебные места и просто свои шкуры, обычно подставляя в качестве «вредителей» наиболее талантливых коллег. А на Западе? Генри Форд, как истинный американец, дал прекрасный пример практики, но был далек от теории, тем более, оставаясь приверженцем капитализма. А создавшие к тому времени, вернее, еще в 20—30-х гг., адекватную теорию современного марксизма Георг (Дьёрдь) Лукач и Антонио Грамши по разным причинам не могли быть востребованы в СССР: первого наши академики-ортодоксы «от Маркса в девственной чистоте его учения» мигом записали в отъявленные ревизионисты, а второго Муссолини упрятал надолго в тюрьму, присвоив его труды при создании Итальянской социальной республики (см. ниже).

Итак, не имея на кого опереться в вопросах творческого продолжения диалектики Гегеля и политэкономии Маркса — их продолжения, то есть создания новой теории движения *социальной* (так было бы правильнее, нежели «социалистической») *общественно-экономической формации*, Сталин, по соображениям политкорректности сам не имевший возможности озвучить эту новую теорию, а значит и отринуть публично (на весь мир!) ортодоксальный марксизм, совершенно не работающий в условиях уже де-факто развитого социализма, избрал единственно возможный путь: продолжение практики социального строительства с постепенным «отведением в сторону» партноменклатуры и вообще партийного всевластия (как позже с успехом сделали в Китае; правда, совсем неведомо — что за общественно-экономическая формация там сейчас?), что он и озвучил на XIX съезде КПСС. Увы, он явно не рассчитал все тонкости ситуации и не подготовил надежные тылы, за что и поплатился жизнью. — В этом сейчас мало кто сомневается...

Хрущев и «просто Ильич» были людьми не того масштаба, чтобы задумываться на перспективу, а окружавший их академический общественно-экономический истеблишмент и вовсе представлял диковинный паноптикум холуев и лизоблюдов, а к концу периода «позднего Брежнева» и вовсе агентов влияния. Впрочем, созидательный подрыв сталинской экономики СССР начался уже «волюнтаризмом» Хрущева и совершенно губительным для нее хозрасчетом, честь введения которого в начале 70-х гг. принято соотносить с именем харьковского профессора-экономиста Либермана. А от него до пародийно-знаменитого позднебрежневского «Экономика должна быть экономной» — шаг в никуда. Так политэкономия, настоящая, не для бедных студентов и домохозяек, не состоялась.

А сейчас она не то что в России, но и во всем мире упразднена, ибо заставила бы о многом нелицеприятно задуматься.

---

* В США в рамках своей «автомобильной империи» в 20—30-х гг. Генри Форд стал первопроходцем такого хозяйственно-социального эксперимента. За что его и дезавуировали соотечественники.

Глобализм и всеединство: выбор истории. Разобравшись с политэкономией и почему она сейчас стала фигурой умолчания, перейдем к нынешнему же феномену глобализма, так стремительно ворвавшемуся в жизнь человечества и огорошившему наперед тем явлением, что именуют эвфемизмом «мировой экономической кризис».

Исходим из следующего, учитывая *a priori* действенность законов диалектики о последовательной смене каждой предыдущей общественно-экономической формации последующей, более совершенной — так называемая экспоненциальная, это уже современное уточнение) диалектическая спираль развития. Величайший «парциальный» вклад в гегелевскую диалектику Карла Маркса заключается в создании науки политэкономии и в определении, тож научном, эволюционной цели закручивания этой спирали: создание единого, всемирного сообщества, причем социально ориентированного.

Полагаем, что такую эволюционную цель не отринут, по крайней мере декларативно, ни Обама, ни Уго Чавес, ни председатель КНР, равно как и все руководители разных международных «восьмерок» и «двадцаток». Разве что только отечественные телеполитологи, не имея ясных инструкций от того, кто им их дает, все это заболтают словесной пеной толерантности и общечеловеческих ценностей — доллара то есть.

Теперь, исходя из такой априорной посылки, рассмотрим возможные пути к реализации эволюционной цели, которую можно терминологически определить двойко: глобализм — в современной, то есть западной, трактовке, и всеединство — из традиции русской философии космизма конца XIX — начала XX вв. Наиболее полно концепция всеединства обоснована выдающимся русским мыслителем Н. Ф. Федоровым.

...Сейчас бы углубиться в увлекательную, детективную область реальной геополитики и конспирологии (последнее — о тайном пока мировом правительстве), о которой в мире написаны сотни, тысячи книг, а в последние двадцать лет много таких издано и у нас, но это увело бы нас в сторону от избранной темы. Но один важный момент отсюда мы возьмем, а именно: согласно утверждению науки геополитики, крестным отцом которой является немецкий генерал Карл Хаусхофер, политическая история цивилизованного мира, начиная с XVI века, суть противоборство «моря» и «суши», где «море» (или атлантисты, или талассократия — от греч. *ταλασσα* — море) — торгово-финансовая цивилизация, в первую очередь Англия и США, протестантская Европа, исключая Германию, а «суша» — континентальная Европа во главе с Германией, российская Евразия и вроде как окруженная морями Япония. «Сушу» объединяет исторически и геополитически некоторая эсхатологическая идея динамического консерватизма и самостности наций при взаимном их признании и уважении. То есть финансово-торговому натиску атлантистов (показательно, что это нынешнее *НАТО* с абсолютной атлантической символикой...) уже пять веков, но со все нарастающей напряженностью борьбы, противостоит консервативная «суша», континентальная Евразия, ценностные ориентиры которой адекватны неискаженным Христовым заповедям: коллективизм, социальная справедливость и отрицание золотого тельца.

...При всей условности и исторической переменчивости «моря» и «суши» и современной рацемичности* традиционного цивилизованного мира самый явный противник геополитических и конспирологических теорий не сможет не признать: на пути к грядущему, неизбежному объединению человечества в ноосфере соревнуются два механизма такого движения: атлантический глобализм и континентальное всеединство. Причем, эти механизмы работают не параллельно, но сменяя в беспощадной борьбе друг друга с определенной, все ускоряющейся периодичностью. В физике такой процесс называется аperiodическим с экспоненциально убывающей амплитудой.

---

* От понятия «рацемическая смесь», принятого в физико-химии: означает равномерное распределение в смеси различных, как правило, чем-то противоположных по свойствам ингредиентов.

дой. Наиболее иллюстративен здесь прошедший XX век и начало нынешнего. Многообещающее начало, между прочим.

В рассматриваемом аспекте XX век, как центральный исторический период начала перехода биосферы в ноосферу (по В. И. Вернадскому), был «назначен» историей для преимущественной проверки — методом проб, ошибок и отсечения тупиковых ходов — «сухопутного» пути к замене отживающей свое, данное ей тем же императивом истории, капиталистической формации социально ориентированной и — ориентированной на всеединство. То есть, весь геополитический, социально-экономический, эсхатологический и пр. сценарий только что прошедшего века есть жесточайшая схватка нарождающегося социализма с исчерпавшим себя в принципе капитализма-империализмом. Причем в роли носителя нового выступила «суша», а талассократический блок, он же мондиальный, не менее динамично отстаивал догматы торгово-финансового капитала.

Как и положено истории, то есть тому фундаментальному коду, что строит Вселенную (у теологов и научных креационистов это синтезируется в понятии Бога), «социальный прорыв» в только что минувшем веке опробывался в нескольких вариантах; на время отставив эмоциональную окраску, назовем их по определяющим признакам: интернациональный социализм СССР, национальный социализм (нацизм) Германии и этатический социализм (фашизм) Италии, особенно в период *Республики Сало*, когда в 1943—1945 году на севере Италии под руководством преданного королем Муссолини установился режим «левого фашизма», социальный и антикапиталистический по духу и содержанию.

В сложнейшем сценарии 20—40-х годов с финализмом Второй мировой войны варианты нацизма и фашизма были историей отвергнуты; об этом можно судить не только, как принято, эмоционально, но фактологически, исходя из строгих категорий геополитики, политэкономии, социальной философии и так далее. Единственно выстоял и проявился в категории мировой системы интерсоциализм советского образца, как оптимальное социальное государство и их сообщество. Опять же на время приглушим эмоции и зомбирование от СМИ...

Но история никогда не придерживается четко прямого, генерального курса-пути. По всей видимости, путь всеединства, олицетворенный советской социальной системой, оказался слишком прямым, идеализированным, проще говоря — обогнал историческое время на много десятилетий, если не на столетие-полтора. Это примерно так же, как и явление провозвестника христианства, теосоциализма по своей сути, то есть Иисуса Христа, опередило на три века его утверждение, как госрелигии, в Римской империи...

Резюме: приход к всеединству интернациональной социализацией мира по советскому образцу был «отложен в памяти» движущей силой истории, как прототип будущего социального мироустройства, а оптимальным путем к этому мироустройству был сочтен глобализм, как первый, очень жестокий, вовсе не социальный за пределами «золотого миллиарда», шаг. Именно — первый шаг, но, понятно, не весь долгий путь. Что же, история порой движется, используя девиз ордена Игнатия Лойолы: *«Цель оправдывает средства».*

Задачи глобализации в начальный период формирования ноосферы. Преждевременность всеединства социально ориентированного, советского образца стала очевидной уже к началу 80-х гг. XX века. Это дало возможность достаточно «мягко», с помощью только информационной войны и активизации агентов влияния завершить в 90-х гг. Третью, «холодную» мировую войну в пользу капсистемы. Несмотря на тот факт, что, по существу, это явилось обратным эволюционным ходом истории — от более передовой формации к уже отживающей свое, тем не менее это же не нарушает фундаментальных законов эволюции жизни на Земле, даже учитывая начавшийся переход от биосферы к ноосфере, а именно:

— по диалектике Гегеля не воспрещены временные обратные ходы социально-экономического развития; этот закон И. В. Сталин облек в формулу: «По мере продвижения к социализму классовая борьба нарастает»;

— эволюция для реализации принципа отбора, отсеечения тупиковых ходов не имеет запрета на распараллеливание, чередование и локальное зацикливание своего, нелинейного в основе, движения; это как в биоэволюции (пусть нас извинят креационисты) отдельные виды выходят из океана на сушу, дают новые виды, некоторые из которых вновь «ныряют» в океан;

— современный человек, переходный от биосферного к ноосферному, все еще в основе своей остается, по-преимуществу, имманентным своей биологической сути; поэтому временный возврат от более высокого развития разума — преобладания интеллекта над инстинктами накопительства, что есть инстинкт биологический, не социальный — к ниже развитому — возобладание биологизированного частнособственничества — вполне возможен и не противоречит закономерностям нелинейной эволюции; это-то мы сейчас и наблюдаем воочию при движении вспять: от социально ориентированного устройства к всепоглощающему (в том числе и разум поглощающему) накопительству.

Итак, первый натиск к формированию общепланетной цивилизации по пути всеединства не состоялся ввиду преждевременности и определенной «прямолинейности» советского социалинтернационализма. Но к этому времени капформация в *классической ее форме* империализма — высшего развития капитализма — вплотную подошла к тому самому «загниванию», о котором провидчески писал Маркс — и особенно В. И. Ленин (см. его *«Империализм как высшая стадия капитализма»*).^{*} При этом загниванию монополярному, воинственно агрессивному. И именно по этой причине тотчас за разрушением (не развалом, конечно!) социалистической мировой системы спешно, буквально на глазах возник феномен глобализма — мондиализма — атлантизма, ибо в истории, в эволюции свято место пусто не бывает, хотя как раз о святости здесь надо бы промолчать... Глобализм — второй вариант формирования всемирного единства, ноосферного облика планеты. И в этом состоит его историко-эволюционная задача. Она же и цель.

Как это ни прискорбно, ни тягостно и мучительно для всего человечества, даже для стран и народов «золотого миллиарда», но не в наших силах, Барака Обамы и всех правителей «семерок», «восьмерок» и «двадцаток» тож, здесь что-либо изменить. Даже (тайное) мировое правительство, столь излюбленное конспирологами и геополитиками, является в данной ситуации лишь координатором. «Закон суров, но это закон», — гласит формула римского права. И «Римского клуба» также.

Общую задачу — и цель — глобализации можно дифференцировать, а именно:

— *в части геополитической*: полный контроль над миром некоего (пока тайного для непосвященных) надгосударственного органа управления, причем явная, не тайная, функция управления разделена на две структуры; первая — координирует политическое руководство, а вторая — оперативно и конкретно управляет миром посредством экономического и военного рычагов; на данный момент таковыми «назначены» ООН и США, основная задача которых — не допустить неуправляемых (ими) мировых катаклизмов, той же мировой войны, новой серии антикапиталистических революций, автаркии (типа КНДР и Ирака) и пр.;

— *в части промышленно-экономической*: сохранение и распространение на весь мир сложившегося к «миллениуму» *status quo*: выделение «золотого миллиарда» и

---

^{*} Сейчас Маркс и Ленин, во всяком случае в России, полностью «изъязты из обращения». Потому всякий, кто ознакомится с их основными трудами (подзабыв с советских времен), придет в полный восторг: да там ведь все уже сказано, как припечатано, о нынешнем глобализме и даже сегодняшнем кризисе. Воистину при солнце со свечкой бродим...

всего остального мира, причем с тенденцией уравнивания имеющих место быть «второго», «третьего» и так далее миров; при этом производственно-экономические и научно-технические приоритеты «золотого миллиарда» и остального мира должны достичь полной обособленности в смысле: первый суть научно-исследовательская, опытно-технологическая база, то есть «патентообладатель» (в широком понятии) всего мира, а вторая — серийная промышленность, исключая военную — та остается в странах «золотого миллиарда», — «мастерская мира» типа нынешнего Китая, добыча и первичная обработка сырья, все вредные химические и другие производства;

— *в части военной*: возвращение к системе «доминион — колония» в классическом английском варианте, то есть до 80 % всего военного потенциала мира, включая стопроцентно создание и распоряжение техникой вооружения с качествами мобильности, географической вседоступности и отсутствия противопоставляемого сдерживания и защиты; полный и контролируемый, вплоть до применения военной силы, запрет на «расползание» ядерного оружия и, особенно, запрет на «атомное оружие бедняков», то есть химико-бактериологическое и радиопсихотропное; при этом армии стран остального мира суть римейк сипайской в британской Индии: преобладание внутренних войск над полевыми с функциями: а) массово-полицейскими внутри страны; б) тактическими и оперативно-тактическими для «плановых» вооруженных конфликтов между странами остального мира;

— *в части социальной*: принцип «ста семей», или «тысячи семей», то есть сверх-олигархическое устройство мира, основанное на *реальной* финансово-экономической и военно-политической власти избранного круга главнуправляющих миром, причем их структура может быть как легитимной, так и теневой; массовое население несколько суженного «золотого миллиарда», неважно — в реальной экономике занятое, или в преобладающей сфере управления и обслуживания, в том числе «самообслуживания», получает все медиа-блага социально ориентированного устройства жизни; остальной мир с некоторым разбросом, но не более $\pm 200...300$ %, находится на медиа же пайке, но достаточном, опять же с учетом традиций конкретного социума, чтобы удовлетворять биологические нормы выживания, обеспечивать соцминимум, то есть не давать побуждений к различным формам социального и иного протестного движения;

— *в части образовательно-культурной*: господство в части культуры принципа позднего Древнего Рима: вино, женщины и искусство принадлежат избранным, остальным — хлеба и зрелищ; с определенной вариацией ($\pm$) реализуется как в усеченном «золотом миллиарде», так и в остальном мире; в части образовательной — то же самое, но под несколько расширенным, примерно 8 % от общей численности населения*, кругом избранных здесь понимаются с детско-школьных лет отбираемый контингент будущих управленцев, научных изыскателей, инженерно-технических работников промышленности.

В принципе, все эти направления уже давно намечены, а после установления де-факто монополярного (терминологически правильнее: униполярного) мира, в последние двадцать лет реализуются поистине семимильными шагами; «время вперед», — на одноименную музыку Георгия Свиридова — только все наоборот... в плане социальном, гуманитарном и пр. И именно в эти два десятилетия выявилось и нечто новое, а именно: дериваторство в экономике и набирающее силу господство ста или тысячи «семей». Но — об этом подробнее ниже.

Средства глобализации в начальный период формирования ноосферы. Во всяком историческом процессе присутствует своя поэзия; неважно, оптимистическая она

---

* Здесь явно учитывается известный нообиологический феномен: только 8 % людей, независимо от каких-либо иных этно-социофакторов, обладают качеством самодостаточности мышления.

или замогильная. Это как у певца и романтика классического британского колониализма Редьярда Киплинга: «К востоку от Суэца... Запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не быть!» Вот такой поэзией, сочетающей в себе оптимизм избранных и веселую наглость единоличных устроителей *Neue Ordnung* всего мира (это примерно как в славные 90-е годы у нас, — поэзия бандитского, нуворишского натиска), одновременно просчитанные на мегакомпьютерах ходы на много лет вперед и безудержную страсть накопительства и всевластия золотого тельца; насыщены и современные средства глобализации. Тем не менее, несмотря на «поэтическую» составляющую, этими средствами задачи объединения мира в одно целое успешно решаются.

Мы здесь не будем обсуждать сам механизм руководства процессом глобализации: конспирология, мировое масонство (во всех его терминологических вариантах), тайное мировое правительство... — все это подразумевается, действенность его явно прослеживается, но доказательная, фактологическая база, скорее всего, будет доступна лишь историкам конца XXI — начала XXII вв., когда они будут описывать наши времена...

А настоящий момент — ибо не от хорошей жизни, отринув тактику всеединства, капитализм-империализм поспешно встал на тропу глобализации — как раз характеризуется емким словом *капитаклизм* (позволим себе изобрести этот термин, продолжая традицию *катастройки* А. А. Зиновьева).

Поскольку спасение капитализма-империализма в его классической форме уже по определению (см. выше) невозможно в настоящий, начинающийся ноосферный этап эволюции жизни на Земле, то, во-первых, стратегия глобализма обладает явными новациями, но, во-вторых, коль скоро действует фундаментальный закон природы (фундаментального кода Вселенной) гласящий, что она, природа, то есть, очень даже скупа на разнообразие своих системных ходов, то, в отличие от новой стратегии, тактические и оперативные тактические ходы глобализма являются, во многом, масштабным (правильнее — *скейлинговым*) отображением ранее апробированных в «классике» капиталистической формации.

Итак, эти средства глобализации назовем законами, а чтобы не задурманить, подобно *СМИ* и различным реформаторам от плохо переведенных с американского диалекта английского языка толстотомных «*Макроэкономикс*», головы читателям излишним мудрствованием, политкорректностью, толерантностью и прискучившими песнями о мировом терроризме, будем все называть своими, кондовыми именами. Впрочем, отдавая должное и поэзии глобализма.

Закон «Все средства хороши» (ВСХ) был сформулирован еще Марксом в «Капитале» и — особенно — В. И. Лениным в «Империализме...». То есть срастание промышленного, торгового, финансового капитала, а затем их единение с властью. То есть девиз, которым нас все 90-е годы и по сейчас убаюкивают отечественные официальные политологи, что-де власть — ночной сторож ни от кого из ее же (власть) предержавших не зависящего вольного рынка, устарел как минимум лет на двести. Но в эпоху глобализма *ВСХ* существенно дополнился и видоизменился и выглядит сейчас как

$$\begin{aligned} & \{[(\text{производство}) + (\text{торговля})] + (\text{финансы})\} \rightarrow \\ \rightarrow & \{[+ (\text{власть}) (+)(\text{военная мощь})] + (\text{мировое управление})\} \rightarrow \\ & \rightarrow (\text{глобализм}) \end{aligned}$$

Надеюсь, смысл этой политэкономической идиомы понятен; что называется — выгляньте в окно... Действие *ВСХ* является главенствующим в арсенале средств глобализации для достижения ее цели и задач, очерченных выше.

Закон «Большие авианосцы» (БА) также действует — и весьма активно и непрерывающе — со времен Маркса. Тогда он получил емкое название «дипломатии ка-

нонерок», с помощью которой европейские страны, а особенно САСШ*, открывали доступ ввозу своего капитала в страны, придерживавшиеся до того принципа политической и — особенно — экономической *автаркии*; это как сейчас КНДР и отчасти Иран, за что их мировые *СМИ* именуют странами-изгоями... Самая классика дипломатии канонерок, ставшая притчей по языцех на все времена — это «открытие» американцами Японии.

В современном варианте закон БА, во-первых, зиждется не на малосильных канонерских лодках, но на атомных авианосцах водоизмещением 100 тысяч тонн и выше (справьтесь по Интернету: что там сейчас заложено на верфях Филадельфии); во-вторых, действие БА с торговой экспансии вывоза капитала зарубеж многократно расширилось на финансовую и политическую сферу. Но главная цель БА — это создание и поддержание единой, ведущей валютной системы, то есть современных *долларов-деривативов*. Действие же закона БА настолько на виду, что и в окно выглядывать не надо...

Из очерченных выше ВСХ и БА вытекают и соподчиненные им законы; рассмотрим их суть.

Закон «Навязывание ненужного» (НН) обеспечивает современное воспроизводство капитала через постоянное увеличение объема медиа-ширпотреба. При этом к классической цепи: товар → деньги → (товар + добавочный товар) → (деньги + прибавочная стоимость) →... и так далее — добавляется, следуя закону НН: товар → (необходимый товар + ненужный товар) → деньги → (реальная стоимость + деривативы). Таким образом, действие НН и является в период *предглобализма* (последние 40...50 лет движения истории) и по сейчас источником деривативов: фантомных, виртуальных денег. Это же, в свою очередь, полностью соответствует одной из базовых характеристик ноосферного этапа эволюции жизни: переход преимущественно реального в преобладающее виртуальное.

Типичный пример «из жизни» — это искусственное поддержание и усиление массового спроса на постоянно усовершенствуемые — принцип «архитектурного излишества» — автомобили, мобильные телефоны, бытовую электронику, от видео-радио до кухонной, и так далее. В известной шутке, что-де через 5—6 лет появятся модели мобильных со встроенным биотуалетом, содержится 100 %-ная правда. И вовсе не виртуальная в данном отношении. Не менее хорошо известны и типовые средства реализации НН: реклама + кредит + «принцип тусовки»; последний расширенно понимается как искусственно создаваемая соревновательность в обществе потребления: от мальчишек у школьников Васьки с Петькой до автомобилей у «среднеклассцев» Василия Петровича и Петра Васильевича и загородных вилл-замков у обитателей Рублевки, Флориды и Куршавеля; речь идет, понятно, даже не только и не столько о наших мало-черноземных реалиях, но обо всем подлунном, нынешнем мире...

Из данного закона прямо следует —

«Принцип стекольщика» (ПС) — это чисто американское изобретение, как первопродумцев всех законов и принципов современного капитализма. ...И нынешнего *капитализма* тем более. Само наименование ПС происходит от содержания известного рассказа О'Генри из его книги «Огни большого города»; напомним: стекольщик, работающий «вразнос», движется по улице, а впереди бежит компаньон-мальчишка, швыряющий в окна бульжниками из мостовой. А тут и стекольщик со своими незатейливыми услугами. Новации сегодняшнего дня, по сравнению с молодостью тогдашнего капитализма-империализма, состоят в качественно более высоком, «технологичном» характере ПС. Типичный — естественно, не афишируемый, но

---

* Принятое до 30-х гг. XX в. самоназвание нынешних США: Северо-Американские Соединенные Штаты; наверное, чтобы не путать с Соединенными Штатами Мексики...

прозрачно угадываемый — пример: удивительно синхронная чересполосчатость вирусных атак в телекоммуникационных мировых сетях, в том же Интернете в первую очередь, и ответных, антивирусных программаторов. Понятно, королева выше подозрений, сами технические учреждения, естественно, не догадываются, в какую игру они включены. Здесь задействованы слишком большие деньги, чтобы исполнители были хоть на йоту посвящены...

Но самое грандиозное объединение (НН + ПС), уже в рамках двухполярного предглобализма, имело место быть в 50—80-е гг. XX века: глобальная гонка вооружений.

Закон «Навязывание долгов» (НД) — исторически старейший, регулирующий финансовый захват рынка сбыта, широко, конечно, понимаемого. Это вышло еще из обычной практики ростовщиков и менял Древнего мира. Ибо сделать кого-то должником, желательно постоянным, а лучше и вечным — это значит получить фактического раба-исполнителя. Именно в НД — источник основной характеристики империализма: сращивание госвласти и финансовой олигархии как средства решения локальных и глобальных геополитических задач. Классический пример: затягивание Царской России после (специально спровоцированной) Русско-японской войны в огромные долги перед Антантой, прежде всего посредством французских облигационных и государственных кредитов, после чего Россия была вынуждена вступить в Первую мировую войну против Германии и Австро-Венгрии, с которыми у нее не имелось *никаких* серьезных противоречий геополитического и иного планов.

...И самый страшный сон кредитора — частного лица, корпорации, государства... и мирового, пока тайного, правительства — это видение, что должник полностью расплатился. Именно поэтому современные мелочные банки, а других в России нет, или почти нет, ни в коем случае не разрешают досрочную выплату клиентом полученного кредита. И наказание за выход из числа должников, особенно на государственном уровне, не просто страшное, но и ритуально-показательное — для острастки других. Это, например, ритуальная казнь Николая Второго с семьей в Ипатьевском доме Екатеринбурга, в подвале, за оставление своего престола, де-факто повлекшего за собой выход России из мировой войны, что оставило Антанту-кредитора один на один с Германским союзом.

А из новейших времени — ритуальный же расстрел Николае Чаушеску (тоже с женой*, то есть семьей) без суда и следствия, и тож в подвале дома. Вряд ли кто серьезно поверил смехотворным утверждениям наших, уже тогда «демократических» СМИ, что-де это «эмоции и гнев румынских жертв тоталитаризма...» И так далее по накатанной. Все дело в том, что Чаушеску, явно в своей легкой презумпции самостоятельности, забыл про закон НД, точнее решил, что СССР его защитит, потому сделал неслыханное в Новой истории: посадил всю Румынию на пустую мамалыгу, но полностью расплатился по долгам кредитов с Западом. Тем самым подписал себе приговор, который и был образцово-показательно приведен в исполнение, как только представился случай. И румынская «сигуранца» защитить не смогла...

Резюмируем сказанное в настоящем разделе: действие основных законов современного капитализма-глобализма выражается логической формулой (но и не ведающие о логике ее хорошо поймут):

---

* Скорее всего, Елену Чаушеску расстреляли не «до кучи». Дело в том, что она была известным в мире ученым, профессором и возглавляла один из двух базовых исследовательских институтов в части тонкого органического синтеза (второй находился в Туле: ВНИПИМ — Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт мономеров), являющегося наряду с вычислительной электроникой и высокими военно-техническими технологиями, стратегическими направлениями современного научно-технического развития. ...И почти в то же время в одночасье был разрушен (правда, не «физически») и ВНИПИМ; тем самым страна лишилась научной базы органической химии и производства новых полимеров. Сейчас в целом квартале зданий бывшего ВНИПИМ разместились десятки мелочных лавчонок и пр.

[BCX] : [ПС + НН + НД] → [БА] → (Глобализм).

Но, в отличие от классического капитализма-империализма, эта цепочка завивается не просто в диалектическую спираль, каждый новый виток которой суть трансляция предыдущего, или мультикапцирование, что одно и то же, но на более высоком — в смысле развития капиталистической формации — уровне, но в спираль экспоненциально все сужающуюся по размаху амплитуды витков. Именно так сейчас трактуется знаменитая гегелевская спираль развития. И, наконец, потенциал развития данной общественно-экономической формации прекращается, спираль вырождается в зеро, нуль — наступает коллапс, после чего должно следовать всеединство или глобализм. На данном этапе история выбрала второе, обоснование см. выше. А нынешний кризис и есть отсчетная точка-коллапс.

Кризис 2008 — ? гг. как предтеча глобализма. В начале заключительного раздела настоящего очерка несколько подбодрим заунывавшего читателя: дескать, невеселое будущее пророчит нам автор. Особенно огорчатся люди старшего и среднего поколения: мало, мол, того, что на своей жизни нас «опустили» — это подделываясь под современный новояз — от социально ориентированного общества до дикого капитализма-римейка чуть ли не дарвиновской борьбы за существование той же Англии первой половины XIX века, периода первоначального накопления, так теперь обозримой цепи наших потомков быть-стать стандартно отштампованными винтиками левифиана-глобализма? Да пропади она пропадом, такая жизнь! Но не спешите, уважаемый соотечественник, по русскому своему «менталитету» в ближайшую винную лавку — забыться и уснуть, как певал один поэт (и *пивал* тоже серьезно...)

Если бы люди-человеки на протяжении всех 4—5 тысячелетий эпохи цивилизации и культуры впадали в отчаяние при смене своего социального *modus vivendi* и глушили его в галлонах и баррелях (вот не знаю что пивали строители пирамид...) древнегреческой тимьяновой болтушки-кикеона, неразбавленного сухого вина (это в античности считалось горьким пьянством), виски-рома, джина, шампанского, родной «очищенной», а сейчас новомодной текилы и «марафета», то давно бы человечества на Земле не стало... Но всегда его спасала и будет спасать невероятная адаптация к любым социальным и иным переменам и катастрофам. Здесь главное сохранять минимально достаточный базис биологического выживания, прежде всего еду и какую-никакую пищу для тренировки мышления. Опять же древнеримское «хлеба и зрелищ».

Вряд ли человек уже недалекого глобалистского будущего будет осознавать себя более несчастным, чем мы, ныне живущие. Главное — вряд ли он и завидовать нам будет, как мы, вообще-то и по правде говоря, не завидуем среднестатистическому современнику античности, средневековья, временам Бату-хана и Тамерлана, Европы периода начального накопления и все ближе, ближе к нашим славным временам... А память о тех редких исторических отрезках социально-оптимистических времен глобалистические СМН уже сейчас активно вытравляют. Как память о СССР.

Зачем за примерами далеко ходить, особенно в нашем отечестве с почти мгновенной — в масштабе исторического времени — сменой социально-общественного строя? Посмотрите на любую типичную трехпоколенную семью с распределением возрастов 60:35:(15...10) лет; и что увидите? — Даже с учетом того существенного момента, что здесь классическая поколенная связь искусственно разорвана, и канонические тургеневские «отцы и дети» явно не «срабатывают». А увидите, что в цепи 60 → 35 → (15...10) каждый в своем возрастном мирке, вообще говоря, чувствует себя если не вполне довольным, но только огорчается нехваткой — знамение времени — денег. А их, как известно, всегда не хватает.

Итак, уважаемый современник, за своих потомков особо не огорчайся, а сам, коль скоро выпало жить в своеобразные времена, утешься житейской мудростью:

бывали, дескать, времена и тяжелее... История же, она и диалектика, и эволюция жизни на Земле, — дама индифферентная к личностям, великим и малым сиречь. Чем-то сходна она со строгой, но справедливой школьной учительницей: руководствуется раз на всегда — это в стабильные времена, конечно — утвержденным в Минобрразе учебным планом и готовит к разумно-деятельной жизни разношерстную орду шумливых детей и подростков, особо не прислушиваясь к их индивидуальному видению этой жизни.

...А теперь вот и кризис; отечественные *СМИ*, слуги дьявола, уже год как не скрывают радости: наконец-то и мы удостоились! Семьдесят лет при тоталитаризме были отлучены от этой общечеловеческой ценности, теперь и мы как все цивилизованные люди и страны! Что поделаешь, вторая древнейшая профессия.

Сейчас принято проводить параллель между нынешним, *финансово-экономическим* по определению, кризисом и Великим кризисом *перепроизводства* 20—30-х гг. XX века. Как видим из самих, дополняющих слово «кризис», определений — разница здесь существенная, почти абсолютная. Кризис в промежутке между мировыми войнами хотя и являлся Великим, депрессивным, то есть растянутым на годы, но все же одним из имевших место быть до и после кризисов перепроизводства. А это не системное явление в совокупности всех сторон жизнедеятельности затронутых им стран. Общее между этими двумя катаклизмами скорее то, что у них обоих одно начало: САСШ ≡ США.

Закономерность же и диалектическую, историко-материалистическую подоплеку кризисов перепроизводства в капсистеме исчерпывающе объяснили Маркс и Ленин, Плеханов и Каутский, Энгельс тож. И Фейербах свою лепту внес. А Сталин уже констатировал, развивая политэкономию социализма; см. выше.

Так в чем закономерность кризисов перепроизводства? — Это предусмотренный самой капсистемой регулятор экономики: здесь полная аналогия с паровозом, который периодически — но не рассчитанно по минутам, а с некоторым стохастическим разбросом по времени — спускает лишний пар из своей машины, ибо сама конструкция от братьев Стефенсонов и братьев же Ползуновых не предполагает сверхточной регулировки давления пара в котле паровоза. А оно динамически зависит от множества постоянно изменяющихся факторов: от усердия забрасывающего в топку уголь кочегара («Не в силах я, братцы, вахту стоять...») до зависимости скорости движения состава от рельефа местности, то есть торможений-ускорений на поворотах и подъемах-спусках рельсового пути.

Таким образом, в более передовой плановой экономике изменение «давления пара» учитывается, выпускания его не требуется, а в капиталистической, рыночной системе оно обязательно, а с поправкой на стохастичность и предусматривается. Но даже в этом случае ничего поделать нельзя, ибо даже во многом регулируемый — это как во всем современном мире, исключая Россию — рынок есть все же стихия.

...И само собою понятно, что кризис перепроизводства неумолимо протягивает свои щупальца в финансовую, социальную и геополитическую сферы. Особенно если он мировой. Выйти же из него невозможно без достаточно серьезных мероприятий. Так из Великого кризиса перепроизводства 20—30-х гг. США, как его главный виновник и задатчик, вышли через: а) введение в рынок достаточно серьезных элементов планирования; б) введение Рузвельтом определенного социального уравнивания для населения; в) создание Федеральной резервной системы (ФРС); г) открытие «зеленого света» для подготовки и проведения Второй мировой войны.

Из названного поистине гениальным было создание ФРС, которая во многом способствовала затуханию того кризиса, но подготовила случившийся через восемьдесят лет *наш* кризис! Напомним: создав ФРС, как де-факто частную, акционерную структуру крупнейших, частных же банков, правительство США передало им *от*

государства право регулирования, то есть печатания денежной массы, уже не обеспечиваемой золотом и другими недевальвируемыми активами. Это архигениально! Правда, до начала 70-х годов отказ от золотообеспечения *USD* не декларировался, но когда де Голль собрал со всей Франции доллары, набил ими транспортный самолет и отправил его в США для обмена на золото форта Нокс, то правительство за океаном уже де-юре отреклось от ответственности за свою же валюту. Таким образом, путь к *квадриллиону деривативов* был расчищен, и Америка, все нагуливая и нагуливая аппетит жиреющего общества потребления, начала жить-шиковать в невозвращаемый долг у всего мира, на полную мощь используя даже для проформы и политкорректности не маскируемые законы ВСХ, ПС, НН, НД — и особенно под контролем-остережением «больших авианосцев». Европа же худо-бедно что-то и сама делала-мастерила и продолжала, на зарываясь, как «старший брат», традиционный вывоз промышленности и капитала в свои бывшие колонии и сферы влияния. Заработанного и ей хватало для статуса «золотого миллиарда».

Вот так, не вдаваясь в различные уточнения и описания интриг, для чего требуется написать не одну сотню полноформатных томов, и был подготовлен нынешний, *системный* кризис — но не финансов и экономики, а всего традиционного капитализма как общественно-экономической формации. А далее следует глобализм, о цели, задачах и средствах которого мы все уже сказали выше. Итак, фабула этого очерка замкнулась. Остались два вопроса: если не отвергаемой диалектикой эволюции-истории приход глобализма на смену капформации уже заранее предрешен, то зачем понадобился этой эволюции-истории столь эффектный, грандиозный акт драмы *мирового системного кризиса*? И второй из них: следует ли рассматривать этот кризис как неотвратимую предтечу глобализма? Ответ может быть подан в следующей *аранжировке* или *ангажировке*; суть здесь не меняется.

Сразу и утвердительно ответим на второй вопрос: да, нынешний системный кризис всей мировой капформации есть предтеча глобализма, то есть, со ссылкой на законы нетленной диалектики, качественный скачок, своего рода виртуальная революция, а революция — промышленная, социальная, вооруженная... теперь вот и виртуальная — суть обязательный стоп-момент при смене общественно-экономической формации. Задумайтесь, господа-товарищи! — Мы сейчас присутствуем при смене формаций! А это не фунт орешков ребенку, цветы — даме и бутылка мужику в табельный день. Это уже живая история переходит к следующему акту грандиозной пьесы под названием «*Эволюция жизни и разума*».

Зачем же понадобился столь эффектный акт? — А затем, чтобы всех объединить под знаменем глобализма, заставив весь мир скинуться из последних (что и делают сейчас все почти страны) и заплатить все долги США, как избранного, опять же историей, на данный акт-период исполнителя-глобализатора, обнулить отпечатанный ФРС квадриллион деривативов. А заплатить такие долги — это распределить их между собой.

После такого акта уже никто не сможет сказать, что-де глобализация есть процесс временной или временно-постоянный, это как с отечественными экономическими и любыми другими трудностями реформирования и пр., что все войдет в колею, уже видны проблески среди густо обивших Землю деривативных туч...

И неважно, кого сделают следующим глобализатором, а так будет, ибо роль США здесь уже примелькалась; даже сугубая глобализация требует внешнего приличия и определенной геополитической гибкости. Может, как в Евросоюзе, эту роль поочередно будут занимать страны «восьмерки», «двадцатки», или как там они договорятся. Все это неважно, главное — процесс пошел, как сказал с хлебобобовым южно-русским акцентом один современный Юлиан-отступник. Правда, памятуя этого

римского императора, не забудем, что возрожденное им было после уже устоявшегося христианства отжившее свое язычество недолго просуществовало.

Но, как сказал его воспреемник на посту первого президента нашего Отечества (не Юлиан, конечно) в новейшей отечественной истории, время сейчас энергичное, динамичное, время смелых реформ... Как в воду глядел, хотя акцент имел уже мало-черноземный. Напророчили оба, но не их в том вина; всем движет История-эволюция, супротив которой не попрешь. Но знать ее устремления человеку мыслящему надо, чтобы не впасть в эйфорию, идиотизм восторженности, безудержное накопительство, черную меланхолию и так далее. И перечитывать время от времени *«Колу Брюньона»* уже французского литературного классика с лейтмотивом этой замечательной книги: *«Жив курилка!»*.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Уважаемые читатели и авторы!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Тульского артиллерийского инженерного института, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Кульпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», всех музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет «Тула» и «Ярило», в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛЮ» (г. Новомосковск) и «Прикосновение» (Тула), в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Металлургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Металлургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на

сайте www.medsu.tula.ru интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал и в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-учредителей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился от 100 до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов порядка 1000 экз.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичный, в частности, администрация области планирует включение журнала, начиная с 2011-го года в культурную программу области. С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы.

Редколлегия журнала

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия журнала поздравляет заместителя главного редактора Николая Николаевича Минакова с 80-летием, наших постоянных авторов: Александра Евгеньевича Новгородского с 75-летием и Валерия Николаевича Савостьянова с 60-летием. Творческих вам успехов, дорогие коллеги по литературному цеху, оптимизма и дальнейшего преданного служения делу великой русской литературы!

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, вводится регулярная рубрика библиографии вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не поленитесь занести экземпляр в редакцию журнала.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху листа) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу.

В Библиотеке журнала «Приокские зори» вышли книги:

Дубинский М. С. Наследники «Бога войны»: Роман-хроника в 3-х частях. Часть I «Становление», раздел второй «Рывок». — Тула: Гриф и К. 2008. — 832 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Яшин А. А. Любовь новоюрского периода: Философский роман / Предисл. акад. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2009. — 712 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

По состоянию на начало июня 2009-го года в редакцию поступили книги (исключая ранее опубликованную библиографию книг):

Логунов А. ...Агроном всяя Руси: К 270-летию А. Т. Болотова. — Новомосковск, 2008. — 61 с. (Серия «Сказания земли Тульской». Вып. 1).

Муниципальное образование Плавский район Тульской области: Альбом-буклет. — Тула: ОАО ИПО «Лев Толстой», 2008. — 20 с.

Польинкин С. Листья книги золотой. Первый круг ветра / Предисл. Н. В. Переслова. — Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009. — 164 с.

Рязанцева Н. В. Есть в этом мире что-то для меня: Поэтический сборник. — Тула: Папирус, 2009. — 176 с.

Глазырин М. Ю. Достижения царской России. — М.: Б/у изд-ва, 2009. — 40 с.

Ханбеков Л. В. Сочинения в 4-х тт. Т. 4. Литературные портреты и очерки творчества (Ю. Бердников, Ордем Гали, А. Яшин, Т. Булевич). — М.: «Московский Парнас», 2009. — 254 с. (Библиотека «Московского Парнаса»).

Созвучие слов живых: Антология современной поэзии. Т. 1: Академия российской литературы, альманах «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2009. — 464 с.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются во втором номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2009-го года будут объявлены в № 2, 2010 «Приокских зорь». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2009-ой год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НАМ ПИШУТ: ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Вводя новую субрубрику «Нам пишут: обратная связь», редколлегия имеет в виду восстановление замечательной традиции русской, особенно — советской литературной журналистики: публикации отзывов читателей на опубликованные в журнале произведения. Действительно, знать мнение читателя — это полезно для автора (и редколлегии журнала, конечно). Во всяком случае, он будет хотя бы уверен, что пишет *востребованно*, а не в пустоту читательского равнодушия.

Ирина Кедрова. Чеченский удар // Приокские зори. — 2009. — № 1. — С. 222—234 (рубрика «Кавказские войны XXI века»).

Рассказ Ирины Кедровой заставляет задуматься о таких вещах как порядочность в отношениях, межнациональный конфликт, закон кармы. Хотя мне лично непонятно, почему за грехи родителей должны отвечать дети?! Почему молодая жизнь, у которой так много возможностей и потенциала, должна положить все это к ногам своих родителей и ценой своей жизни просветлить их разум? Слишком дорога такая цена!

Очень хочется, чтобы люди задумались, прочитав рассказ, о смысле жизни, о тех радостях, которые дает нам жизнь, и понимали, что мы пришли на эту землю доставлять радость себе, своим близким, набираться опыта и передавать все это своим детям и внукам. И не допускать того, чтобы нас ввязывали в войну, нами манипулировали и использовали в своих личных целях люди, не поделившие власть. Очень ценно, когда в отношениях между людьми есть любовь и уважение к друг другу, это касается и отношений между мужчиной и женщиной, и отношений между людьми, и конечно, межнациональных отношений. Надо уметь уважать другую нацию, чтобы в

ответ уважати и вас. И все это должна давать семья. Мы обязаны этому учить наших детей, если хотим, чтобы они жили в мире и согласии. Спасибо за рассказ и творческих успехов Вам! С уважением, Лариса Бабаева (г. Москва).

E-mail-impuls109@rambler.ru

Наум Ципис. Из книги «Приближение» // Приокские зори.— 2009.— № 1.— С. 33 (рубрика «К 200-летию со дня рождения великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя»).

Хочу поблагодарить Вас за публикацию странички «моего» Гоголя с доброй подачи Ирины Николаевны Кедровой, которая и передала мне Ваше предложение по-пробовать стать автором «Приокских зорь». Она прислала «гоголевскую» книжку 1-го номера «ПЗ» этого года. Приятно было даже только держать ее в руках: знаю сегодняшние проблемы «толстых» журналов по белорусскому «Неману», где 45 лет тому назад начинал.

В один присест осилить 17 листов серьезного издания, конечно, сложно. Пишу Вам после первопрочтения Вашей гоголевской колонки и рассказа Ирины Николаевны. Колонка мне понравилась. Она, хотя и приближена к читателю, но нигде не позволила себе быть «под него». Серьезный, требующий уровня образования, материал. Как по мне, хорошо, что в нем есть и чувства автора, а не только его рассуждения и наука история.

По душе мне Ваши строчки: «историческое время не есть эквивалент времени физического; оно не равномерно, близкое лучше видится на расстоянии». Это и есть, на мой взгляд, ключ к Вашей колонке-эссе. Эти строчки — еще одна основополагающая «мысль» в мою работу-сумасшествие, о которую бьюсь уже который год. А ведь после одного опыта зарекался писать романы...

Видите, уже появилась исповедальная нотка, а всего-то «одна» колонка главного редактора. Если же серьезно, то Гоголь и все «навесные агрегаты», которые он терпит уже 150 лет, способны и сегодня увзворашить, как говорят белорусы, душу.

Что касается «чеченского» рассказа Ирины Николаевны, то сюжет и его главное столкновение оказались сильнее людей в рассказе. На мой взгляд, слегка нарушена пропорция рассказа и показа. Но отец, убивший сына — это ли не сверхпротест против всех войн? И это, в конечном счете, побеждает.

Прошу простить невольное отступление от делового тона письма: наверное, это результат острого дефицита общения с «братьями по перу». Прошу не считать мои слова оценками, а только лишь мнением читателя о прочитанном.

А теперь о деле. Здесь, в Бремене, стал я писать «всякие» заметки, вспоминать, что вспоминалось,— тосковал тоской тяжелой и постоянной, впервые потерял сон...— эскизы, этюды, «затесы и камушки на ладони»... Получилась — и получается,— поскольку дело это, как говаривал Карлсон, житейское,— такая бесконечная дневниково-вспоминательная (язык сломаешь) книга. Объем, оказывается, большой, точно не подсчитывал. Там и «моя» уже 12-летняя Германия, и мои Винница, Курск, Минск; мысли, чувства и, пардон, размышления. Если такое устроит Ваш журнал, готов начать подготовку рукописи. Для этого потребуется некоторое время.

Желаю Вам здоровья и всего самого светлого, а журналу и редакции — щедрых благодетелей и большого тиража.

Я из того поколения, которое уже последнее помнит войну не по рассказам. Поэтому с особым чувством поздравляю Вас с Днем Победы.

*С уважением, Наум Ципис
Бремен, Германия*

**ГОРОД ПЛАВСК И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ:
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ**
(фото А. Д. Семенова и В. В. Панина)

Над Плавой-рекой

Современный Плавск: малая родина

Малая родина: виды Плавска

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Диплом лауреата литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, учрежденной журналом «Приокские зори», нашему автору, профессору и поэту, заведующему кафедрой философии и политологии Александру Игнатьевичу Ореховскому вручает ректор Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, профессор С. Г. Ситников на юбилейном собрании, посвященном 55-летию СибГУТИ (г. Новосибирск)

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Компьютерный набор: К. В. Струков, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 30.08.2009
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, ул. Болдина, 151